

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 – 2812
2712 – 9098

5/2024

Подходы КНР к «перезагрузке» системы
глобального экономического управления
в контексте теории структурной власти

Цифровизация контрольной и надзорной
деятельности участников финансового
рынка в Китае

Проблемы и перспективы развития
атомной энергетики Японии

Производительность труда в регионах
Востока России и Северо-Востока КНР

История вакцинации в Китае:
современный этап

FAR EASTERN STUDIES

НАУКА
— 1727 —

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2024

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках. Издается с марта 1972 года.

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор: А.В. Виноградов, д.полит.н.

Редакционная коллегия:

Островский Андрей Владимирович (д.э.н., проф., заместитель гл. редактора);
Дацышен Владимир Григорьевич (д.и.н., проф.);
Ломанов Александр Владимирович (д.и.н., проф. РАН);
Лукин Александр Владимирович (д.и.н., проф.);
Портяков Владимир Яковлевич (д.э.н., проф.);
Стрельцов Дмитрий Викторович (д.и.н., проф.);
Самойлов Николай Анатольевич (д.и.н., проф.).

Иностранные члены редколлегии:

Одд Арне Вестаф, профессор, Йельский университет, США;
Ивасита Акихиро, профессор, Университет Хоккайдо, Япония;
Ким Сок Хван, профессор, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея;
Сунь Чжуанчжи, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, КНР;
Янь Годун, профессор, директор института иностранных языков Нанькайского университета, КНР.

Редакционный совет
Председатель В.В. Михеев, академик РАН.

К.М. Барский, к.и.н.;
О.Н. Борох, к.э.н.;
А.В. Воронцов, к.и.н.;
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф.;
Б.Н. Горбачев, д.и.н., проф.;
С.Н. Гончаров, к.и.н.;
Т.Л. Гурулева, д.пед.н., проф.;
А.З. Жебин, к.полит.н.;
О.И. Завьялова, д.филол.н.;
А.Н. Карнеев, к.и.н.;
В.О. Кистанов, д.и.н.;
А.И. Кобзев, д.ф.н., проф.;
В.Н. Колотов, д.и.н., проф.;
А.Н. Королев, Ph.D.;
В.Л. Ларин, академик РАН.;
Я.В. Лексютин, д.полит.н., проф. РАН;
В.В. Малявин, д.и.н., проф.;
М.С. Михалев, д.и.н.;
И.Ф. Попова, чл.-корр. РАН;
М.А. Потапов, д.э.н.;
О.А. Тимофеев к.и.н., заместитель главного редактора.

Иностранные члены редакционного совета:

Алка Ачария, проф., Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия);
Гуань Гуйхай, проф. Пекинский университет (КНР);
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР);
Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР);
Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция:

С.Н. Алексахина, к.э.н., *зав. отделом экономики*;
К.В. Асмолов, к.и.н., *зав. отделом Кореи*;
Е.В. Власова, *редактор*;
О.И. Казаков, *зав. редакцией*;
А.Н. Карнеев, к.и.н., *зав. отделом истории и внутренней политики*;
В.О. Кистанов, д.и.н., *зав. отделом Японии*;
И.С. Колнин, *редактор*;
А.Н. Коробова, к.филол.н., *зав. отделом культуры*;
Р.Ф. Кудакеев, и. о. *отв. секретаря*;
А.Л. Поленова, *редактор*;
Д.Б. Славинский, *верстальщик*;
А.Б. Старостина, к.филос.н., *зав. отделом идеологии и философии*.

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. +7(499)124-09-02; E-mail: pdvjjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies RAS

FAR EASTERN STUDIES

5/2024

September — October

The academic, social and political journal,
published six times per year in Russian
and quarterly in English.
The first issue was published in March 1972.

Published under the supervision
of the Department of Global
Problems and International
Relations of the Russian
Academy of Sciences

Founders: Russian Academy of Sciences and the Institute of Far Eastern Studies RAS

Editor-in-Chief: A.V. Vinogradov, Dr.Sc. (Political Science)

Russian Editorial Board Members:

Datsyshen V., Dr.Sc. (History);
Lomanov A., Dr.Sc. (History), Prof. of RAS;
Lukin A., Dr.Sc. (History);
Ostrovskiy A., Dr.Sc. (Economics), Deputy Editor-in-Chief;
Portyakov V., Dr.Sc. (Economics);
Streltsov D., Dr.Sc. (History);
Samoilov N., Dr.Sc. (History).

Foreign Editorial Board Members:

Akihiro Iwashita (Hokkaido University, Japan);
Kim Seok Hwan (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea);
Sun Zhuangzhi (Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies,
CASS, PRC);
Odd Arne Westad (Yale University, USA);
Yan Guodong (Nankai University, PRC).

Editorial Council
Chairman Mikheev V., Academician of RAS

Barsky K., Ph.D. (History);
Borokh O., Ph.D. (Economics);
Goncharov S., Ph.D. (History);
Gorbachev B., Dr.Sc. (History), Prof.;
Guruleva T., Dr.Sc. (Pedagogy), Prof.;
Karneev A., Ph.D. (History);
Kistanov V., Dr.Sc. (History);
Kobzev A. Dr.Sc. (Philosophy), Prof.;
Kolotov V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Korolev A., Ph.D.;
Larin V., Academician of RAS;
Leksyutina Ya., Dr.Sc. (Political Science), Prof. of RAS;
Maliavin V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Mikhalev M., Dr.Sc. (History);
Popova I., Corresponding Member of RAS;
Potapov M., Dr.Sc. (Economics);
Timofeev O., Ph.D. (History), Deputy Editor-in-Chief;
Vorontsov A., Ph.D. (History);
Voskresenskiy A., Dr.Sc. (Political Science), Prof.;
Zavyalova O., Dr.Sc. (Linguistics);
Zhebin A., Ph.D. (Political Science).

Foreign Members of the Editorial Council:

Acharia Alka, Prof., Director of the Institute of Chinese Studies (New Delhi, India);
Guan Guihai, Prof. Peking University (Beijing, China);
Hu Angang, Prof., Qinghua University (Beijing, China);
Wu Enyuan, Prof., Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China);
Zhu Xianping, Prof., Jilin University (Changchun, China).

Editors Office

S.N. Aleksakhina, Ph.D. (Economics), *Head of the Economics Dept.*;
K.V. Asmolov, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of Korea*;
O.I. Kazakov, *Head of the Editors Office*;
A.N. Karneev, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of History and Internal Policies*;
V.O. Kistanov, Dr.Sc. (History), *Head of the Dept. of Japan*;
A.N. Korobova, Ph.D. (Philology), *Head of the Dept. of Culture*;
I.S. Kolnin, *Editor*;
R.F. Kudakaev, *Acting Executive Secretary*;
A.L. Polenova, *Editor*;
D.B. Slavinsky, *Layout Designer*;
A.B. Starostina, Ph.D. (Philosophy), *Head of the Dept. of Ideology and History*;
H.V. Vlasova, *Editor*.

Address: 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation
Tel. +7(499)124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Рамич М.С.</i> Подходы КНР к «перезагрузке» системы глобального экономического управления в контексте теории структурной власти	7
<i>Янькова А.Д., Тренин Д.В.</i> Идеологический фактор управления интернетом в Китае: особенности и инструменты в условиях противостояния с США	25
<i>Долганова О.И., Козырев Д.А.</i> Цифровизация контрольной и надзорной деятельности участников финансового рынка в Китае	39

ЭКОНОМИКА

<i>Емельянова О.Н., Щербаков Д.А.</i> Проблемы и перспективы развития атомной энергетики Японии	53
<i>Паксютов Г.Д.</i> Стратегические приоритеты, тенденции и перспективы участия Японии в экономической интеграции в АТР	70
<i>Макаров А.В., Макарова Е.В.</i> Внешняя торговля Монголии в условиях глобальных шоков	84
<i>Намжилова В.О.</i> Внутренняя Монголия: стратегическое позиционирование северной периферии Китая	97

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Глазырина И.П., Забелина И.А., Фалейчик Л.М.</i> Производительность труда в регионах Востока России и Северо-Востока КНР	109
---	-----

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Герасимова Т.Г.</i> История вакцинации в Китае: современный этап	127
<i>Бухаров Д.В.</i> Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при председателе КНР Си Цзиньпине (2012–2024 гг.)	142

ИСТОРИЯ

<i>Сунь Ичжи.</i> Коммерческое агентство Уссурийской железной дороги в Шанхае и создание прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией (1923–1926 гг.)	156
<i>Старшинов А.С.</i> Молодежная политика и патриотическое воспитание в период Юсин (1972–1979 гг.)	171

РЕЦЕНЗИИ

<i>Чебунин А.В.</i> Рецензия на монографию: <i>Янгутов Л.Е.</i> Философия и сотериология китайского буддизма / <i>Л.Е. Янгутов</i> ; отв. ред. <i>С.П. Нестеркин, И.С. Урбанаева.</i> Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. 344 с.	187
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тимофеев О.А.</i> Международная научная конференция «Строительство экономического коридора Китай — Монголия — Россия»	191
--	-----

Contents

POLITICS

<i>Ramich M.S.</i> China's Approach to "Reset" System of Global Economic Governance in the Context of Structural Power Theory	7
<i>Yankova A.D., Trenin D.V.</i> The Ideological Factor of Internet Governance in China: Features and Tools in the Context of Confrontation with the United States.....	25
<i>Dolganova O.I., Kozyrev D.A.</i> Digitalization of Control and Supervisory Activities of Financial Market Participants in China.....	39

ECONOMICS

<i>Emelyanova O.N., Shcherbakov D.A.</i> Problems and Prospects of Development of Nuclear Energy in Japan	53
<i>Paksiutov G.D.</i> Strategic Priorities, Trends and Prospects of Japan's Participation in Economic Integration in the APAC	70
<i>Makarov A.V., Makarova E.V.</i> Foreign Trade of Mongolia under Global Shocks.....	84
<i>Namzhilova V.O.</i> Inner Mongolia: Strategic Positioning of China's Northern Periphery.....	97

RUSSIAN FAR EAST

<i>Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Faleychik L.M.</i> Labor Productivity in the Regions of Eastern Russia and Northeastern China.....	109
--	-----

STATE AND SOCIETY

<i>Gerasimova T.G.</i> History of Vaccination in China: Modern Stage	127
<i>Buyarov D.V.</i> Implementation of National Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region under President of China Xi Jinping (2012–2024).....	142

HISTORY

<i>Sun Yizhi.</i> The Shanghai Agency of Ussuri Railway and Establishment of Direct Mixed Railway-Water Communication between Shanghai and Manchuria (1923–1926).....	156
<i>Starshinov A.S.</i> Youth Policy and Patriotic Education during the Yusin Period (1972–1979)	171

BOOK REVIEWS

<i>Chebunin A.V.</i> Book Review: <i>Yangutov L.E.</i> Philosophy and Soteriology of Chinese Buddhism / Ed. <i>S.P. Nesterkin, I.S. Urbanaeva.</i> Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2023. 344 p.	187
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Timofeev O.A.</i> International Conference on China — Mongolia — Russia Economic Corridor Construction	191
---	-----

ПОЛИТИКА / POLITICS

Подходы КНР к «перезагрузке» системы глобального экономического управления в контексте теории структурной власти

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050012

Рамич Мирзет Сафетович

Ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6).
ORCID: 0000-0003-1479-2785. E-mail: ramich_ms@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2024.

Аннотация:

Процесс глобализации, который способствовал поддержанию неолиберального мирового порядка, замедлился после Азиатского финансового кризиса в 1998 г. и мирового финансового кризиса 2008 г., когда существующая система глобального экономического управления оказалась не способна оказать поддержку развивающимся странам, что усилило тренд на регионализацию и локализацию. Китай, выступая в качестве «возвышающейся державы» в процессе «транзита власти», сфокусировал усилия на трансформации системы глобального управления, которая до настоящего времени обеспечивала лидерство США. Изначально успешно используя глобализацию для интеграции в мировую экономику, Китай изменил свое место в системе глобального управления и получил возможность создавать и поддерживать новые структуры глобального управления. Для продвижения своего видения миропорядка была выбрана стратегия расширения деятельности в традиционных международных институтах (ООН, ВБ, МВФ) и создания параллельных международных институтов (ОПОП, АБИИ). США в условиях экономического «возвышения» КНР выбрали стратегию «размежевания», чтобы ограничить китайские возможности в своей сфере влияния. С одной стороны, это привело к формированию торговых и техноэкономических блоков, но с другой — позиция Китая сохранила возможность участия в своих организациях для стран, являющихся ядром существующего экономического порядка (G7, G20, ОЭСР). Автор делает вывод, что в текущих реалиях Китай придерживается неконфликтного ассиметричного подхода к реформированию системы глобального управления в экономической сфере, который подразумевает глобальное распространение норм через ООН, G20 и БРИКС, и реглобализацию мировой торговли посредством интенсификации регионального сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки в рамках ОПОП, форумов сотрудничества региональных организаций и КНР и интеграции развивающихся стран в параллельные финансовые институты.

Ключевые слова:

КНР, США, «транзит власти», глобализация, глобальное управление.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00443, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00443/>, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Для цитирования:

Рамич М.С. Подходы КНР к «перезагрузке» системы глобального экономического управления в контексте теории структурной власти // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 7–24. DOI: 10.31857/S0131281224050012.

Глобальная конкуренция США и КНР, обострившаяся со стартом «властного транзита» в начале 2010-х гг., усилила процесс трансформации системы международных отношений¹. Учитывая, что основной ареной американско-китайской конкуренции выступает торгово-экономическая сфера, экономическое и технологическое «размежевание» (decoupling) американоцентричной и китаеццентричной систем усилило тенденции к фрагментации и формированию новых блоков и коалиций. Сложным методологическим вопросом явилось понимание масштаба «размежевания». На уровне двухсторонних отношений ни торговая война, ни технологические санкции в полной мере не привели к разъединению экономик — ограничению подверглось лишь сотрудничество стран по ряду стратегически важных направлений. На глобальном уровне «размежевание» относится к системе международных экономических отношений и к вопросу контроля над процессом глобализации в условиях великодержавной конкуренции². В такой трактовке оно становится системным элементом в процессе «транзита власти» и фокусирует внимание на китайском подходе к реформированию системы глобального управления в экономической сфере и реглобализации мировой торговли.

Китай выстраивает собственную стратегию с учетом необходимости продвижения своих интересов во всех международных форматах — традиционных, модифицированных и инновационных³. Развивая сотрудничество в международных институтах, КНР начинает формировать международные нормы (norm maker) и предлагает альтернативу форматам, которые продвигают США и их союзники⁴. Подобный подход в условиях конкуренции с США соответствует логике теории структурной власти⁵. С. Стрэндж предполагала, что структурная власть — это возможность создавать и поддерживать международные структуры, в рамках которых действуют другие государства и акторы. Основой структурной власти первого уровня выступает контроль над структурами безопасности, производства, финансовой сферой и системой распространения знаний. Их дополняют институты второго уровня: транспортные, торговые, энергетические структуры и системы поддержания общего благосостояния⁶. Исходя из логики данной теории, можно предположить, что стратегия КНР по реформированию системы глобального экономического управления и перестройке международных производственных цепочек направлена на достижение контроля над структурами первого уровня, а практические инициативы, такие как ОПОП, позволяют установить контроль над структурами второго уровня.

При выборе стратегии Китай руководствуется не только задачей расширения своей роли в системе глобального управления, но и стремится обеспечить максимально

¹ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313–0660–2021–21–2–210–231

² Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

³ Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–01–01; Лексюткина Я. В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 26–41. DOI 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41; Ларионова М.В., Шелепов А.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 4. С. 48–71. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–04–03

⁴ Paradise J.F. The Role of “Parallel Institutions” in China’s Growing Participation in Global Economic Governance // *Journal of Chinese Political Science*. April 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 149–175. DOI: 10.1007/s11366–016–9401–7

⁵ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

⁶ Strange S. *State and Markets*. 2nd ed. L.: Continuum, 1994.

благоприятные условия для продолжения внутреннего развития. Существует два ключевых подхода к решению вопроса о выборе оптимальной стратегии. Один предполагает улучшение положения государства в существующей системе, другой — реформирование действующих международных институтов для отражения интересов Китая⁷. В то же время значительные изменения в системе глобального характера могут послужить катализатором для более радикального ответа со стороны США, стремящихся сохранить положение гегемона в условиях экономического «возвышения» КНР⁸.

Азиатский экономический кризис 1998 г. и мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. подорвали авторитет «Вашингтонского консенсуса» и неоллиберальной модели развития⁹. Это спровоцировало изменения в китайской модели экономического развития и запустило процесс деглобализации¹⁰. В 2010-х гг. для Китая это открыло возможности по реформированию глобальной системы управления и реглобализации мировой торговли. Новый импульс этот процесс получил после пандемии COVID-19, ставшей одним из элементов американо-китайской конкуренции¹¹.

Глобализация, деглобализация и реглобализация

С точки зрения теории «властного транзита» сменяемость доминирующего государства обеспечивается за счет накопления материальных ресурсов и проходит через несколько этапов, обусловленных разницей в потенциалах¹². Тогда как процесс глобализации можно увязать с пиком мощи существующей сверхдержавы, а процесс «размежевания» — с «возвышением» новой сверхдержавы¹³.

Подобное можно было наблюдать во время первой волны глобализации в XIX в., в период доминирования Великобритании, и во время Первой мировой войны, когда в качестве «возвышающейся» нации выступила Германия. После быстрого восстановления Германии процесс «размежевания» начался снова во время Второй мировой войны, когда США также выступили в роли новой «возвышающейся» державы. Период холодной войны можно рассматривать как «размежевание» двух групп государств с частичной глобализацией в каждой из них. В то время как вторая волна глобализации началась в 1991 г., когда США остались единственной сверхдержавой, сейчас

⁷ Sampson M., Wang J. Status-quo enhancing versus status-quo challenging change in global economic governance: the case of China in finance and trade // *International Relations*. 2023. Vol. 37. No. 4. Pp. 613–633.

⁸ Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086; Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010

⁹ Бердсолл Н., Фукуяма Ф. Консенсус после вашингтонского // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 2. С. 194–203.

¹⁰ Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005

¹¹ Nye J. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order // *Foreign Policy*. April 16, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹² Дестерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231

¹³ Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

США уже были должны реагировать на экономическую угрозу со стороны КНР началом нового этапа «размежевания»¹⁴.

Глобализация, ставшая ключевым трендом мировой политики на завершающем этапе холодной войны, способствовала расширению транснациональных экономических связей и во многом обеспечила рост благосостояния таких стран, как Китай¹⁵. В период «принятия и адаптации» Китай не только отказался от идеи революции в западноцентричной системе международных отношений, но и принял западные идеи и институты, значительно выиграв от интеграции. На протяжении всего этого периода роль Китая в глобальном управлении менялась от «системного ревизиониста» (“system revisionist”) к «защитнику системы» (“system vindicator”)¹⁶. Наличие направлений для развития и экономических выгод в существующей системе сдерживали Китай от более активных действий.

После Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. неолиберальная модель глобализации и «Вашингтонский консенсус» дискредитировали себя. Способствовав изменениям в системе глобального управления в экономической сфере и увеличив роль развивающихся стран в ней, они фактически сделали систему более многополярной¹⁷. Системные изменения привели к тому, что доля торговли в мировой экономике, которая планомерно увеличивалась с 1970-х гг. (24,98 %) до 2008 г. (61,08 %), снизилась до 52,5 % в 2009 г. (-8,58 %). Докризисных показателей мировая экономика достигла только к 2022 г., пережив еще один период падения в период пандемии COVID-19 в 2020 г.¹⁸ В Китае к 2006 г. доля экспорта товаров и услуг к ВВП достигла исторического максимума — 36 %, снизившись до 24,75 % к 2009 г.¹⁹ Таким образом, китайская экономика, будучи ориентированной на экспорт, также пережила серьезный удар, но показала большую устойчивость и осталась главной движущей силой роста мировой экономики²⁰.

Указанные выше события ускорили разработку и имплементацию в Китае новой стратегии, подразумевавшей снижение роли экспорта как основного драйвера экономического развития в сторону ориентации на внутренний спрос. Определяющей новой модель стала после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г. и сопровождалась более осторожной денежно-кредитной политикой²¹. Это отчасти стало причиной начала процесса деглобализации мировой экономики²².

¹⁴ Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

¹⁵ Paul T.V. The Specter of Deglobalization // *Current History*. January 2023. Vol. 122. No. 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3

¹⁶ Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order // *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v6i1.2363

¹⁷ Бердсолл Н., Фукуяма Ф. Консенсус после вашингтонского // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 2. С. 194–203.

¹⁸ Trade (% of GDP) // *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁹ Exports of goods and services (% of GDP) — China // *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?locations=CN> (дата обращения: 18.08.2024).

²⁰ Лексютин А.В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 26–41. DOI 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41

²¹ Салицкий А.И., Семенова Н.К. Два контура: новое осмысление места Китая в мировой экономике и политике // *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН*. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 161–172.

²² Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005

Нормативная база подхода КНР к реформированию системы глобального управления была представлена в ряде выступлений Си Цзиньпина. В марте 2013 г. Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью, в которой вышел за рамки двухсторонних отношений России и Китая и предложил китайское видение миропорядка²³. В сентябре 2015 г. на 70-й сессии ГА ООН Си Цзиньпин официально представил новую концепцию межгосударственных отношений на глобальном уровне. Он заявил, что перед лицом глобальных вызовов ни одна страна не может стоять в стороне и добиваться успеха в одиночку, всем странам мира необходимо взаимодействовать и координировать свои действия²⁴.

Китайский подход к глобализации был закреплен в докладе XX съезда КПК, где была обозначена приверженность «правильному подходу к экономической глобализации» для содействия построению открытой экономики и повышения глобальной взаимосвязанности²⁵. Китай начал стремиться к реформированию мирового порядка, опираясь на верховенство национальных интересов и инклюзивный характер многосторонних форматов взаимодействия.

КНР стала вторым по величине рынком в мире и с 2016 г. является первой экономикой по ВВП по ППС, крупнейшим поставщиком продукции обрабатывающей промышленности, ведущим конкурентом США в сфере бизнеса и технологий, а также их основным геополитическим соперником²⁶. Для Америки, стремящейся сохранить доминирующее положение в условиях «властного транзита», технологическое и экономическое «размежевание» стало инструментом сдерживания Китая. Торговая война, экспортные и импортные ограничения, технологические и финансовые санкции побудили Китай к активизации стратегии реформирования системы глобального управления, которая подразумевает реглобализацию мировой экономики.

Трансформация подходов к глобализации

С теоретической точки зрения подход КНР к глобализации отличается от западного. Во-первых, изначально глобализация воспринималась Китаем как капиталистический проект, который противопоставлялся социалистической модели экономического управления. Во-вторых, реглобализация стала возможна благодаря развитию социализма с китайской спецификой и экономическим успехам КНР, которые сделали ее связующим звеном между развитыми странами, странами с развивающимися рынками и периферией. В-третьих, деглобализация может быть использована западными странами в качестве «оборонительной» стратегии в условиях снижения влияния²⁷.

²³ Си Цзиньпин в выступлении в МГИМО подчеркнул необходимость построить международные отношения нового типа на основе взаимовыгодного сотрудничества // *Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге*. 23.03.2013.

URL: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus/zgxw/201304/t20130401_3828626.htm (дата обращения: 27.07.2024).

²⁴ 人类命运共同体 [Сообщество единой судьбы человечества] // *теория-人民网*. 06.09.2017.

URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0906/c413700-29519646.html> (дата обращения: 25.07.2023).

²⁵ 周嘉昕: “全球化” “反全球化” “逆全球化”概念再考察 [Чжоу Цзясинь. Пересмотр концепций «глобализации», «антиглобализации» и «деглобализации»] // *南京社会科学*. 2024年. 第4期. 第20–27页. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001-8263.2024.04.003

²⁶ Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399

²⁷ 袁堂卫, 张志泉: 逆全球化, 再全球化的马克思主义分析 [Юань Танвэй, Чжан Чжицюань. Марксистский анализ антиглобализации и реглобализации] // *马克思主义研究*. 2019年. 第9期. 第141–150页.

Системные изменения в совокупности с расширением возможностей Китая в системе глобального управления способствовали изменению восприятия в КНР вопросов глобализации и реформирования международной системы.

В 1987 г. на XIII съезде КПК было отмечено, что Китаю необходимо более смело выходить на мировую экономическую арену, укрепляя торгово-экономическое сотрудничество с развитыми и развивающимися странами²⁸. Уже в 1992 г. в докладе Цзян Цзэминя на XIV съезде были представлены основные положения китайского подхода к реформированию миропорядка. В нем было обозначено, что Китай выступает за более справедливый международный экономический порядок, построенный на принципах равенства и взаимной выгоды. Отмечая центральную роль ООН и ее Устава в новом международном порядке, Цзян Цзэминь сделал акцент также на сотрудничестве с развивающимися странами, в том числе в рамках Движения неприсоединения и Группы 77²⁹.

Важным изменением в этот период стала ориентация на поддержку многополярности, которая, как предполагалось, могла стать основой для противодействия гегемонии США. Глобализация была признана объективной тенденцией развития мировой экономики, но в то же время воспринималась как «обоюдоострый меч», создавая не только возможности для экономического развития всех стран в условиях, когда развитые страны обладали большими преимуществами, но и в то же время угрозы для экономического суверенитета развивающихся стран из-за продвигаемой развитыми странами модели развития, политической системы и ценностей³⁰.

На XVI съезде КПК во внешнеполитической доктрине КНР впервые была выстроена система приоритетов в отношениях с великими державами, сопредельными государствами и развивающимися странами, а также сделан акцент на многосторонней дипломатии³¹. Также было отмечено, что в контексте экономической глобализации и новых реалий, возникших после вступления в ВТО, стоит на более высоком уровне и в более крупных масштабах участвовать в международном экономическом и техническом сотрудничестве и конкуренции³². Вступление в ВТО было важным шагом на пути интеграции КНР в существующую систему глобального экономического управления, поэтому в данный период прослеживался тренд на эффективное использование новых международных возможностей для продолжения развития.

После XVIII съезда КПК в 2012 г. Китай в условиях роста протекционизма и новых глобальных угроз безопасности сфокусировался на углублении и координации взаимовыгодного сотрудничества для обеспечения условий международного развития. В это же время многосторонние форматы ООН дополнили G20, ШОС и БРИКС³³. Китай начал

²⁸ 赵紫阳在中国共产党第十三次全国代表大会上的报告 [Доклад Чжао Цзяня на XIII съезде КПК] // 中国共产党历次全国代表大会数据库. 1987年. URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65447/4526368.html> (дата обращения: 15.10.2024).

²⁹ 江泽民在中国共产党第十四次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XIV съезде КПК] // URL: <https://fuwu.12371.cn/2012/09/26/ART11348641194361954.shtml> (дата обращения: 15.10.2024).

³⁰ 孙建社: 全球化, 全球化, 多样化和国际关系民主化——略论江泽民国际战略思想 [Сунь Цзяньшэ. Многополярность, глобализация, диверсификация и демократизация международных отношений – краткая дискуссия о международной стратегической мысли Цзян Цзэминя] // 南京师大学报(社会科学版). 2003年. 第3期. 第40–45 页.

³¹ 维诺градов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5 С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8

³² 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 [Доклад Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК] // 中央政府门户网站. URL: https://www.gov.cn/test/2008-08/01/content_1061490_5.htm (дата обращения: 16.10.2024).

³³ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК] // 共产党员网. URL: https://www.12371.cn/2012/11/17/ART11353154601465336_11.shtml (дата обращения: 16.10.2024).

рассматривать вопросы своего развития в глобальной перспективе, содействуя созданию для него более благоприятных внешних условий³⁴. Международная турбулентность, возникшая после мирового финансового кризиса, открыла окно возможностей для Китая и позволила начать процесс трансформации системы глобального экономического управления. В этот период произошло переосмысление роли КНР в глобальном экономическом управлении, были предприняты попытки развития новых структур в финансовой и производственной сферах, одновременно ОПОП способствовала перестройке мировой торговой системы и инфраструктуры.

В следующее десятилетие Китай активизировал свои усилия по интенсификации сотрудничества с развивающимися странами для создания новых форматов в условиях обостряющейся конкуренции с США. Инициатива «Один пояс, один путь» стала одним из основных инструментов трансформации глобальной экономической структуры. В условиях, когда существующие механизмы экономического управления оказались недостаточно эффективными или превратились в инструмент влияния отдельных стран, ОПОП предложила новую модель торгово-экономического сотрудничества, способствуя региональной и глобальной интеграции и выступая драйвером мирового развития³⁵.

Усиливающаяся конкуренция США и КНР в начале 2020-х гг. стала важным внешним фактором китайской внешнеполитической стратегии. Она способствовала фрагментации международной системы и формированию конкурирующих объединений. Важным отличием такой структуры от существовавшей во время холодной войны является возможность балансировать между различными объединениями или даже участвовать в конкурирующих форматах, но в различных областях³⁶.

В свете новых вызовов и угроз, связанных с глобальными трансформациями, Китай занял более активную и конкурентную позицию в вопросах восприятия международной системы и глобализации что нашло отражение в докладе Си Цзиньпина на XX съезде. Во-первых, подход стал более всеобъемлющим за счет выдвижения Глобальной инициативы развития, Инициативы глобальной безопасности и Глобальной гражданской инициативы. Во-вторых, было отмечено, что Китай будет способствовать экономической глобализации, выступая против попыток создания барьеров, «разъединения», «разрыва цепочек» и односторонних санкций. В-третьих, Китай выступил с более активной позицией в вопросах реформирования системы глобального управления³⁷. Такие изменения, с одной стороны, стали реакцией на внешние вызовы и угрозы, с другой — официально закрепили базу для реформирования системы глобального управления и глобализации с китайской спецификой. Более активный подход означал дальнейшее углубление работы в сфере установления контроля над основными элементами системы глобального экономического управления в условиях конкуренции с США.

³⁴ 谢浩: 世界发展与中国发展: 中国经济全球化的特征与战略选择 [Се Хао. Глобальное развитие и развитие Китая: характерные черты и стратегический выбор китайской экономической глобализации] // 郑州轻工业学院学报(社会科学版). 2018年. 第2期. 第42–49 页.

³⁵ 徐秀军: 全球经贸格局重构与高质量共建“一带一路” [Сюй Сюйцзюнь. Реконфигурация глобальных экономических и торговых моделей и высококачественное строительство «Одного пояса, одного пути»] // 当代世界. 2023年. 第9期. 第17–22 页. DOI: 10.3969/j.issn.1006–4206.2023.09.004

³⁶ 阎学通: 中国新外交政策: 成为强者 [Янь Сюэту. Новая внешняя политика Китая: становясь сильным] // 复旦大学一带一路及全球治理研究院. 15.07.2021. URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_3707.html (дата обращения: 16.10.2024).

³⁷ Полный текст доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // *Посольство КНР в РФ*. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202210/t20221026_10792071.htm (дата обращения: 16.10.2024).

Важно учитывать, что китайская модель глобализации не подразумевает исключение США из глобальных процессов, в такой системе они будут выступать одним из важных акторов, а не гегемоном³⁸.

Гибридный подход или новый мировой порядок

Китайский подход к реформированию системы глобального управления предполагает многоуровневую структуру, нацеленную на формирование новых торгово-экономических связей, строительство новых транспортных маршрутов через развитие физической инфраструктуры и обеспечение лидерства в сфере передовых технологий, а также расширение участия в международных институтах, создание новых параллельных форматов многостороннего сотрудничества и формирование новых международных норм на системном уровне. Основное отличие китайского подхода заключается в построении справедливого многостороннего управления, что противопоставляется миропорядку, основанному на правилах в неолиберальной модели мироустройства.

Е.Н. Грачиков и Сюй Хайянь выделяют три вида институциональных форматов сотрудничества КНР: традиционные международные институты (ООН, ВБ, МВФ, ГАТТ и др.), модифицированные (улучшенные) международные институты (G20, АСЕАН+3, ВТО и др.) и инновационные международные институты (ШОС, НБР БРИКС, АБИИ и др.)³⁹. На практическом уровне речь идет о развитии новой системы международного разделения труда с опорой на ОПОП. Подобный комплексный подход вызывает столкновение интересов КНР и США практически во всех сферах международного взаимодействия и ставит перед Китаем задачу минимизировать вероятность прямого военно-политического конфликта.

Идея создания «нового мирового порядка» в таких условиях звучит более радикально и не в полной мере соответствует китайским намерениям, в то время как идея реформирования системы глобального управления может выглядеть слишком консервативной и не позволяет в полной мере оценить возможности КНР в сфере формирования новых правил игры⁴⁰.

Более логичной видится идея гибридизации системы международного управления, в рамках которой продолжится сосуществование неолиберальной модели и новой модели политико-экономического взаимодействия⁴¹. В пользу такого выбора говорит опыт «транзита власти» от Великобритании к США, который не сопровождался силовым столкновением между гегемоном и «возвышающейся» державой, т.к. предыдущий гегемон сохранил доступ к существующим рынкам⁴². Фактически подобная модель «транзита власти», несмотря на передачу ответственности за поддержание миропорядка, сохра-

³⁸ 钱乘旦: 全球化的历史演变与新走向 [Цянь Чэндань. Историческая трансформация и новое направление глобализации] // 北京大学国家发展研究院. 03.12.2020.

URL: <https://www.nsd.pku.edu.cn/pub/chnsd/sylm/gd/510075.htm> (дата обращения: 16.10.2024).

³⁹ Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-01

⁴⁰ Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order // *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcjr.v6i1.2363

⁴¹ Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086

⁴² Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010

няет доступ ко всем благам существующей системы. Однако в случае с Великобританией и США страны являлись носителями общих идеологических ценностей.

В этих условиях Китай сфокусировался на сотрудничестве с развивающимися странами, которые не были вовлечены в неолиберальную систему глобального управления и по большей части были недовольны своим положением в существующем миропорядке. Сотрудничество со странами Глобального Юга стало продолжением теории «трех миров». Поэтому в новых политических реалиях Китай создал различные форматы многостороннего взаимодействия со странами Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Китай предпринимал попытку выстроить сотрудничество с существующими региональными организациями, как в случае с ЮВА (АСЕАН), Латинской Америкой (Андское сообщество, Группа Рио, МЕРКОСУР) и Ближним Востоком (Лига арабских государств), параллельно создавая механизмы работы со странами Африки (Форум сотрудничества Китай — Африка), Карибского бассейна (Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Карибского бассейна) и Тихого океана (Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и островных государств Тихого океана)⁴³.

В традиционных международных институтах Китай аналогичным образом делает упор на сотрудничество с развивающимися государствами. Показательным примером является работа Китая с Группой 77 в международных форматах, в задачи которых входит преодоление экономического неравенства, деколонизация и трансформация существующего миропорядка⁴⁴. Формат работы с Группой 77 не является полноценным политическим полюсом силы, а направлен на координацию действий развивающихся стран⁴⁵. Для Китая в большей степени это является одним из инструментов расширения влияния и координации действий в структуре ООН.

Важное место в китайской стратегии реформирования системы глобального управления занимает задача продвижения новых международных норм в рамках «Группы двадцати». Китай активизировал работу в данном формате после саммита в Ханчжоу в 2016 г. Роль принимающей стороны позволила КНР включить в повестку дня новые положения: использование сообщества единой судьбы человечества в качестве новой ценностной базы глобального управления в экономической сфере; углубление инициативы «Один пояс, один путь» для обеспечения общественных благ; укрепление сотрудничества по линии Юг — Юг для создания справедливой и рациональной системы глобального управления; совершенствование механизмов G20 с целью создания долгосрочной платформы для глобального управления⁴⁶. Таким образом, деятельность внутри «двадцатки» призвана способствовать реформированию существующих институтов глобального управления в экономической сфере⁴⁷.

⁴³ Duggan N. China—The Champion of the Developing World: A Study of China's new Development Model and its Role in Changing Global Economic Governance // *Politics & Policy*. October 2020. Vol. 48. No. 5. Pp. 836–858. DOI: 10.1111/polp.12377

⁴⁴ Olorunto S. G77+China and Global Governance of Trade and Development // *Latin American Report*. August 5, 2016. Vol. 31. No. 1. DOI: 10.25159/0256–6060/427

⁴⁵ Mbaidjol N.K. African countries and the global scramble for China: a contribution to Africa's preparedness and rehearsal: International comparative social studies. Leiden: Boston: Brill, 2019. Vol. 41. 190 p.

⁴⁶ 易小丽, 黄茂兴: 中国积极参与G20建设并推动全球经济治理改革的实践变化 [И Сяоли, Хуан Маосин. Активное участие Китая в строительстве G20 и продвижение практических изменений в реформе глобального экономического управления] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第27–36页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.005

⁴⁷ 黄新焕, 鲍艳珍: G20机制下中国参与全球经济治理的政策路径 [Хуан Синьхуань, Бао Яньчжэнь. Политический путь Китая по участию в глобальном экономическом управлении в рамках механизма G20] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第37–44页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.006

Для функционирования новой системы требуются более эффективные, чем существующие, институты для взаимодействия в продовольственной, цифровой, энергетической и транспортной областях, а также единая расчетная единица и система расчетов⁴⁸.

БРИКС выступает в качестве более значимого формата, который призван стать ядром новой системы глобального управления. Новый банк развития БРИКС и Пул условных валютных резервов БРИКС способствуют снижению зависимости от доллара и западной экономической системы, что необходимо для успешной реализации китайского проекта реформирования системы глобального управления и реглобализации. Особую значимость альянсу придает участие в нем стран, обладающих возможностью влиять на глобальные политические и экономические процессы, таких как Россия и Индия, а также Бразилия, ЮАР, Иран, ОАЭ, Египет и Эфиопия, которые имеют значительный вес в региональных процессах.

БРИКС может выполнять функцию связующего звена между глобальным Югом и глобальным Севером, укрепляя сотрудничество с ООН, G20, ВТО и МВФ и усиливая роль НБР и Резервного фонда в целях противодействия непредвиденным обстоятельствам. После расширения состава участников необходимо развивать экономические и финансовые институты, в том числе работать над созданием единой платежной системы BRICS-Pay⁴⁹. Практические результаты саммита БРИКС в Казани подтверждают ориентацию на подобные изменения. Итоговая декларация одновременно призывает к изменениям в существующих многосторонних институтах (МВФ и МБРР) и продвижению незападных институциональных альтернатив (НБР, Пул условных валютных резервов), ставя целью снижение зависимости от «старых» международных институтов в условиях возможного давления со стороны Запада⁵⁰.

Подобные действия указывают на выбор Китаем менее конфликтного подхода, который подразумевает системное реформирование существующих международных институтов, координируя свою позицию с развивающимися странами в глобальных дискуссионных форматах, таких как БРИКС и G20, в то время как практическое сотрудничество в большей степени сконцентрировано в региональных форматах сотрудничества со странами Африки, Азии и Латинской Америки. Еще одним подтверждением гипотезы о формировании гибридной системы является участие большого числа западных стран из числа «ядра мировой экономики» (5 из 7 членов G7, 16 из 19 членов G20, 26 из 37 членов ОЭСР и 42 из 61 членов МБР) в АБИИ⁵¹. Это же обстоятельство свидетельствует о более гибком подходе по сравнению с моделью периода холодной войны.

В сфере реформирования глобальной торгово-экономической системы наблюдается асимметричный подход, где больший упор делается на формировании практических связей, а не на глобальной координации действий. В этом процессе важную роль играют новые институты, созданные КНР, прежде всего АБИИ и ОПОП. Китай поддерживает

⁴⁸ Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5. С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8

⁴⁹ Петровский В.Е. Перспективы расширения и развития БРИКС: академические дискуссии в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 48–60. DOI: 10.31857/S0131281224020047

⁵⁰ Кортунув А.В. «Манифест нового мирового порядка»: разбираем Казанскую декларацию БРИКС // *РСМД*. 25.10.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/manifest-novogo-mirovogo-poryadka-razbiraem-kazanskuyu-deklaratsiyu-briks/?sphrase_id=163471114 (дата обращения: 04.11.2024).

⁵¹ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

страны, в которые обычно не инвестируют западные государства, а международные организации (ВБ, МВФ и региональные банки развития) выдвигают жесткие требования⁵².

Для развивающихся стран, которые оказались в зависимом положении в системе взаимодействия центра и периферии, возможность изменить свое положение возникнет в случае более активного участия в глобальной цепочке добавленной стоимости, защиты собственного производства и совместного развития. Китай, руководствуясь этой логикой, предложил инициативу «Один пояс, один путь» и создал АБИИ, что явилось первым шагом на пути к новой модели экономической глобализации во главе с КНР. Основным отличием этой модели является отсутствие принуждения со стороны центра в отношении стран периферии, поскольку акцент сделан на равном участии в международном разделении труда, экономической интеграции и общем развитии⁵³.

Трансформация системы глобального управления через реглобализацию

Новым импульсом в процессе трансформации миропорядка, возглавляемого США, стала пандемия COVID-19, которая, помимо социально-экономического измерения, выступила в качестве одного из аспектов, оказавших влияние на американо-китайскую конкуренцию⁵⁴. С одной стороны, пандемия углубила процесс деглобализации. И в то же самое время коронавирусный кризис способствовал развитию идей реглобализации, явившихся ответом на трансформации в сфере глобальных цепочек поставок, регулирования вопросов интеллектуальных прав собственности, международных институтов и глобального управления. Китай в этот период времени продолжил укреплять и расширять партнерские отношения на различных уровнях, включая сопредельные страны, двухсторонние и многосторонние форматы, реформирование системы глобального экономического управления в условиях противодействия со стороны США в многосторонних и минилатеральных форматах⁵⁵.

Китай, сумевший в более короткие сроки чем США преодолеть новый вызов, использовал пандемию как возможность углубить сотрудничество с развивающимися странами, неспособными справиться с социально-экономическими проблемами, такими как обеспечение медицинским оборудованием, вакцинами, продуктами питания, и пострадавшими от нарушения глобальных логистических цепочек. Международная ситуация отчасти повторяла тенденции, актуальные во время мирового финансового кризиса 2008 г.

Американо-китайская конкуренция в таких условиях способствовала развитию деглобализационных трендов — регионализации и локализации⁵⁶. Примером успешного управления актуальными трендами со стороны КНР стала активизация работы над согла-

⁵² Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order // *International Affairs*. September 2021. Vol. 97. No. 5. Pp. 1599–1620. DOI: 10.1093/ia/iiaab072

⁵³ 苏立君, 葛浩阳: 从经济全球化到“再全球化”——基于“一带一路”的战略思考 [Су Лицзюнь, Гэ Хаоян. От экономической глобализации к «реглобализации» – стратегическое мышление на основе «Одного пояса, одного пути»] // *财经科学*. 2017年. 第10期. 第52–62页.

⁵⁴ Nye J. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order // *Foreign Policy*. April 16, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁵⁵ 易继明: 后疫情时代“再全球化”进程中的知识产权博弈 [И Цзимин. Борьба в сфере интеллектуальной собственности в процессе «реглобализации» в постпандемическую эпоху] // *环球法律评论*. 2020年. 第5期. 第163–177页.

⁵⁶ Wang Z., Sun Z. From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order // *Journal of Chinese Political Science*. March 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366–020–09706–3

шением по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП), которое было заключено осенью 2020 г. После распада ТТП КНР осталась единственным лидером масштабной экономической интеграции в регионе, главной опорой которой стало ВРЭП⁵⁷. В 2022 г. США предложили проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС), а страны региона продолжили развитие ТТП в новом формате (ВПТТП). Данные объединения в настоящее время не способны конкурировать с ВРЭП. При этом КНР не отрицает возможности присоединения к ВПТТП в случае отсутствия противодействия со стороны стран-участниц⁵⁸.

На практическом уровне страны АСЕАН в совокупности стали крупнейшим торговым партнером КНР в 2020 г., к 2023 г. увеличив товарооборот до 468,8 млрд долларов⁵⁹. Для Китая имплементация подобной стратегии в АТР стала возможна благодаря сформировавшейся в регионе модели регионализации, основанной на взаимодействии с АСЕАН.

В Латинской Америке региональная интеграция не способствовала единой позиции относительно сотрудничества с КНР и участия в китайских инициативах и международных институтах. Страны Тихоокеанского Альянса, ориентированные на торговлю, поддерживали идею углубления торгово-экономического сотрудничества с КНР, в то время как участники МЕРКОСУР, руководствуясь политическими факторами, не проявили подобного единства мнений. Поэтому основной площадкой для продвижения китайских интересов в регионе стал Форум Китай — СЕЛАК⁶⁰. Однако в условиях существенного влияния США и слабых внутрирегиональных интеграционных связей включение ОПОП и АБИИ в региональные процессы происходит медленно. Показательной является технологическая сфера, где конкуренция США и КНР способствовала формированию технoэкономических блоков в регионе на основе выбора оптимального поставщика 5G-инфраструктуры⁶¹.

В это же время Африка стала одним из основных пространств американо-китайской конкуренции. Ограниченная конкуренция, в условиях которой Китай продвигает инвестиционное и инфраструктурное сотрудничество в рамках ОПОП и АБИИ, и США, которые сохраняют свое влияние в сфере добычи ресурсов и обеспечения безопасности, создают сложности для прогнозирования будущих контуров регионального мироустройства⁶².

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о высоком приоритете сотрудничества в региональном формате для современной стратегии КНР по реформированию системы глобального управления. Тесные торгово-экономические и тех-

⁵⁷ Park S.C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // *International Organisations Research Journal*. July 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 122–150. DOI: 10.17323/1996–7845–2023–02–07

⁵⁸ Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2

⁵⁹ Huld A. China-ASEAN Trade and Investment Relations // *China Briefing*. August 9, 2024. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-asean-trade-and-investment-relations/> (дата обращения: 25.07.2024).

⁶⁰ Almeida F.A.R. Belt and Road Initiative and its Impacts on Latin America's Regional Integration // *The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. Amsterdam University Press, June 2022. Pp. 9–17.

⁶¹ Дестерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 20–37. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03

⁶² Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дестерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

нологические связи способствуют формированию не только новых экономических блоков и реглобализации, но и взаимозависимых связей в условиях американо-китайского «размежевания». Выстраивание устойчивых торгово-экономических связей на региональном уровне через сотрудничество с международными организациями и через включение развивающихся стран в работу инициативы «Один пояс, один путь», Фонда Шелкового пути и АБИИ способствует реглобализации, в основе которой лежит нормативная и институциональная база, предложенная КНР.

* * *

Проведенный анализ позволяет сопоставить процесс «транзита власти» реформированию системы глобального управления в экономическом пространстве и практической перестройке (реглобализации) глобальной торгово-экономической системы.

Процесс «размежевания», запущенный США, стал ожидаемой реакцией на начало периода «транзита власти» и определил контуры дальнейшей конкурентной борьбы за роль государства, формирующего международные нормы. Китай, более успешно показавший себя в условиях финансовых кризисов конца 1990-х гг. и начала 2000-х гг., смог предложить альтернативу «Вашингтонскому консенсусу» и создать систему параллельных международных институтов, позволяющих развивать независимое сотрудничество с развивающимися странами, неудовлетворенными существующей системой глобального управления.

Принимая во внимание, что прямое столкновение с США повлечет за собой большую дестабилизацию системы и повысит конфликтную напряженность, Китай выбрал гибридный подход, формируя систему, которая не является антагонистичной к неолиберальному мировому порядку, созданному США. Важно учитывать опыт мирного «транзита власти» от Великобритании к США, который стал возможен благодаря тому, что у Великобритании сохранился доступ к рынкам, созданным в рамках предыдущей системы.

Отношение к глобализации и реформированию системы глобального экономического управления в КНР трансформировалось с ходом интеграции Китая в глобальную экономику и параллельно тому, как менялось его восприятие своего места в системе: от принятия глобализации в качестве одного из важных факторов китайского развития до выдвижения нового, более справедливого подхода, который в конечном итоге был противопоставлен возглавляемой США неолиберальной модели мироустройства.

После пандемии COVID-19, ускорившей процессы регионализации и локализации, целью китайской стратегии стало формирование региональных торгово-экономических и техно-экономических блоков, которые способствуют продвижению китайских ценностей в глобальных международных институтах, таких как ООН и G20. Блоковый характер международной системы, в свою очередь, имеет более гибкий формат по сравнению с периодом холодной войны, позволяя балансировать между конкурирующими форматами.

Институциональная стратегия КНР направлена на трансформацию системы глобального управления с опорой на структуры, которые отвечают современным внешнеполитическим приоритетам страны и направлены на усиление контроля над международными структурами управления первого и второго уровней. Подобные китаецентричные форматы находят поддержку со стороны развивающихся стран, заинтересованных в рассмотрении положений существующей системы глобального управления.

Литература

- Бердсолл Н., Фукуяма Ф. Консенсус после вашингтонского // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 2. С. 194–203.
- Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5. С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8
- Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–01–01
- Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 20–37. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313–0660–2021–21–2–210–231
- Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.
- Ларионова М.В., Шелепов А.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 4. С. 48–71. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–04–03
- Лексюткина Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 26–41. DOI: 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41
- Петровский В.Е. Перспективы расширения и развития БРИКС: академические дискуссии в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 48–60. DOI: 10.31857/S0131281224020047
- Салицкий А.И., Семенова Н.К. Два контура: новое осмысление места Китая в мировой экономике и политике // *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН*. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 161–172.
- Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2
- Almeida F.A.R. Belt and Road Initiative and its Impacts on Latin America's Regional Integration // *The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. Amsterdam University Press, June 2022. Pp. 9–17.
- Duggan N. China—The Champion of the Developing World: A Study of China's new Development Model and its Role in Changing Global Economic Governance // *Politics & Policy*. October 2020. Vol. 48. No. 5. Pp. 836–858. DOI: 10.1111/polp.12377
- Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010
- Mbaidjol N.K. African countries and the global scramble for China: a contribution to Africa's preparedness and rehearsal: International comparative social studies. Leiden: Boston: Brill, 2019. Vol. 41. 190 p.
- Oloruntimehin S. G77+China and Global Governance of Trade and Development // *Latin American Report*. August 5, 2016. Vol. 31. No. 1. DOI: 10.25159/0256–6060/427
- Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086
- Paradise J.F. The Role of “Parallel Institutions” in China's Growing Participation in Global Economic Governance // *Journal of Chinese Political Science*. April 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 149–175. DOI: 10.1007/s11366–016–9401–7
- Park S.C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // *International Organisations Research Journal*. July 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 122–150. DOI: 10.17323/1996–7845–2023–02–07
- Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order // *International Affairs*. September 2021. Vol. 97. No. 5. Pp. 1599–1620. DOI: 10.1093/ia/iiaib072

- Paul T.V. The Specter of Deglobalization // *Current History*. January 2023. Vol. 122. No. 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3
- Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order // *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v6i1.2363
- Sampson M., Wang J. Status-quo enhancing versus status-quo challenging change in global economic governance: the case of China in finance and trade // *International Relations*. 2023. Vol. 37. No. 4. Pp. 613–633.
- Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005
- Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy // *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005
- Strange S. *State and Markets*. 2nd ed. L.: Continuum, 1994.
- Wang Z., Sun Z. From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order // *Journal of Chinese Political Science*. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366–020–09706–3
- Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling // *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399
- 周嘉昕: “全球化” “反全球化” “逆全球化” 概念再考察 [Чжоу Цзясинь Пересмотр концепций «глобализации», «антиглобализации» и «деглобализации»] // *南京社会科学*. 2024年. 第4期. 第20–27 页. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001–8263.2024.04.003
- 孙建社: 多极化, 全球化, 多样化和国际关系民主化——略论江泽民国际战略思想 [Сунь Цзяньшэ. Многополярность, глобализация, диверсификация и демократизация международных отношений — краткая дискуссия о международной стратегической мысли Цзянь Цзэминя] // *南京师大学报(社会科学版)*. 2003年. 第3期. 第40–45 页.
- 徐秀军: 全球经贸格局重构与高质量共建“一带一路” [Сюй Сюйцзюнь. Реконфигурация глобальных экономических и торговых моделей и высококачественное строительство «Одного пояса, одного пути»] // *当代世界*. 2023年. 第9期. 第17–22 页. DOI: 10.3969/j.issn.1006–4206.2023.09.004
- 易小丽, 黄茂兴: 中国积极参与G20建设并推动全球经济治理改革的实践变化 [И Сюэли, Хуан Маосин. Активное участие Китая в строительстве G20 и продвижение практических изменений в реформе глобального экономического управления] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第27–36 页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.005
- 易继明: 后疫情时代“再全球化”进程中的知识产权博弈 [И Цзимин. Борьба в сфере интеллектуальной собственности в процессе «реглобализации» в постпандемическую эпоху] // *环球法律评论*. 2020年. 第5期. 第163–177 页.
- 苏立君, 葛浩阳: 从经济全球化到“再全球化”——基于“一带一路”的战略思考 [Су Лицзюнь, Гэ Хаоян. От экономической глобализации к «реглобализации» — стратегическое мышление на основе «Одного пояса, одного пути»] // *财经科学*. 2017年. 第10期. 第52–62 页.
- 袁堂卫, 张志泉: 逆全球化、再全球化的马克思主义分析 [Юань Танвэй, Чжан Чжицюань. Марксистский анализ антиглобализации и реглобализации] // *马克思主义研究*. 2019年. 第9期. 第141–150 页.
- 谢浩: 世界发展与中国发展: 中国经济全球化的特征与战略选择 [Се Хао. Глобальное развитие и развитие Китая: Характерные черты и стратегический выбор китайской экономической глобализации] // *郑州轻工业学院学报(社会科学版)*. 2018年. 第2期. 第42–49 页.
- 黄新焕, 鲍艳珍: G20机制下中国参与全球经济治理的政策路径 [Хуан Синьхуань, Бао Яньчжэнь. Политический путь Китая по участию в глобальном экономическом управлении в рамках механизма G20] // *经济研究参考*. 2019年. 第24期. 第37–44 页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.006

China's Approach to “Reset” System of Global Economic Governance in the Context of Structural Power Theory

Mirzet S. Ramich

Assistant Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (address: 6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia). ORCID: 0000-0003-1479-2785. E-mail: ramich_ms@mail.ru

Received 30.09.2024.

Abstract:

Globalization, which contributed to the maintenance of the neoliberal world order, slowed down after the Asian Financial Crisis in 1998 and the World Financial Crisis of 2008, when the existing system of global economic governance was unable to support developing countries, strengthening the trend towards regionalization and localization. China, acting as a rising power in the process of “power transition,” has focused its efforts on transforming the system of global governance that has so far provided US hegemony. While initially successfully using globalization for integration into the world economy, China has changed its role in the system of global governance and has become empowered to establish and maintain new global governance structures. China adopted a strategy of expanding its activities in traditional international institutions (UN, WB, IMF) and establishing parallel international institutions (BRI, AIIB) to push forward its perspective of the world order. The US adopted a strategy of decoupling to limit Chinese capabilities in its sphere of influence in response to China's economic rise. On the one hand, this led to the emergence of trade and techno-economic blocs, but on the other hand, China's approach preserved the possibility of participation in its institutions for countries which are considered to be the “core” of the existing economic order (G7, G20, OECD). The author concludes that in the present context China adheres to a non-conflict asymmetric approach to reforming the system of global governance in the economic sphere, which implies global distribution of norms through the UN, G20 and BRICS and re-globalization of global trade through intensification of regional cooperation with Asian, African and Latin American countries within the framework of the BRI, forums for cooperation between regional organizations and China, and integration of developing countries into parallel financial institutions.

Key words:

China, US, power transition, globalization, global governance.

Funding sources:

The research was supported by the Russian Science Foundation Research Project No. 24-18-00443, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00443/>, FSEI HPE “Financial University under the Government of the Russian Federation”.

For citation:

Ramich M.S. China's Approach to “Reset” System of Global Economic Governance in the Context of Structural Power Theory // Far Eastern Studies. 2024. No. 5. Pp. 7–24.
DOI: 10.31857/S0131281224050012.

References

- Almeida F.A.R. Belt and Road Initiative and its Impacts on Latin America's Regional Integration. The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12). Amsterdam University Press, June 2022. Pp. 9–17.
- Berdsoll N., Fukuyama F. Konsensus posle vashingtonskogo [Post-Washington Consensus]. *Rossiya v global'noj politike*. 2011. T. 9. No. 2. S. 194–203. (In Russ.)
- Degterev D.A., Piskunov D.A., Eremin A.A. 5G-konkurenciya SSHA i KNR v stranah Latinskoj Ameriki: u istokov tekhnologicheskogo dekaplinga [US and PRC 5G competition in Latin America: at the origins of technological decoupling]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023. No. 3. S. 20–37. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03. (In Russ.)
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cyk A.V. SSHA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipolar'nosti» [U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 21. No. 2. S. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231. (In Russ.)

- Duggan N. China—The Champion of the Developing World: A Study of China's new Development Model and its Role in Changing Global Economic Governance. *Politics & Policy*. October 2020. Vol. 48. No. 5. Pp. 836–858. DOI: 10.1111/polp.12377
- Grachikov E.N., Syuj H. KNR i mezhdunarodnaya sistema: formirovanie sobstvennoj modeli mirovostroystva [China and the International System: The Formation of a Chinese Model of World Order]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 2022. T. 17. No. 1. S. 7–24. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–01–01. (In Russ.)
- Konkurenciya mezhdru SSHA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii: Monografiya [Competition between the U.S. and PRC: Opportunities for Russia: A Monograph] / Pod red. D.A. Degtereva. M.: Aspekt Press, 2024. 300 s. (In Russ.)
- Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States. *The Chinese Journal of International Politics*. September 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 237–270. DOI: 10.1093/CJIP/POY010
- Larionova M.V., Shelepov A.V. «Gruppa dvadcati», BRIKS i «Gruppa semi» v global'nom ekonomicheskom upravlenii [The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. T. 14. No. 4. S. 48–71. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–04–03. (In Russ.)
- Leksytina Ya.V. Kitaj i reformirovanie mezhdunarodnoj ekonomicheskoy sistemy [China and the reform of the International Economic System]. *Sravnitel'naya politika*. 2018. T. 9. No. 3. S. 26–41. DOI: 10.18611/2221–3279–2018–9–3–26–41. (In Russ.)
- Mbaidjol N.K. African countries and the global scramble for China: a contribution to Africa's preparedness and rehearsal: International comparative social studies. Leiden: Boston: Brill, 2019. Vol. 41. 190 p.
- Oloruntoba S. G77+China and Global Governance of Trade and Development. *Latin American Report*. August 5, 2016. Vol. 31. No. 1. DOI: 10.25159/0256–6060/427 (accessed: 15.08.2024).
- Oniş Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order. *Alternatives: Global, Local, Political*. May 2020. Vol. 45. No. 3. Pp. 123–142. DOI: 10.1177/0304375420921086
- Paradise J.F. China's Quest for Global Economic Governance Reform. *Journal of Chinese Political Science*. February 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 471–493. DOI: 10.1007/s11366–019–09610–5
- Paradise J.F. The Role of "Parallel Institutions" in China's Growing Participation in Global Economic Governance. *Journal of Chinese Political Science*. April 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 149–175. DOI: 10.1007/s11366–016–9401–7
- Park S.C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? *International Organisations Research Journal*. July 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 122–150. DOI: 10.17323/1996–7845–2023–02–07
- Paul T.V. Globalization, deglobalization and reglobalization: adapting liberal international order. *International Affairs*. September 2021. Vol. 97. No. 5. Pp. 1599–1620. DOI: 10.1093/ia/iia072
- Paul T.V. The Specter of Deglobalization. *Current History*. January 2023. Vol. 122. No. 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3
- Peng B. China, Global Governance, and Hegemony: Neo-Gramscian Perspective in the World Order. *Journal of China and International Relations*. June 15, 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–72. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v6i1.2363
- Petrovskij V.E. Perspektivy' rasshireniya i razvitiya BRIKS: akademicheskie diskussii v Kitae [Prospects for BRICS Expansion and Development: Academic Discussions in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 2. S. 48–60. DOI: 10.31857/S0131281224020047. (In Russ.)
- Salickij A.I., Semenova N.K. Dva kontura: novoe osmyslenie mesta Kitaya v mirovoj ekonomike i politike [Two contours: rethinking China's place in the global economy and politics]. *Kommunisticheskij Kitaj. Celi i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK: Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii Centra politicheskikh issledovanij i prognozov IDV RAN*. M.: IDV RAN, 2021. S. 161–172. (In Russ.)
- Sampson M., Wang J. Status-quo enhancing versus status-quo challenging change in global economic governance: the case of China in finance and trade. *International Relations*. December 2023. Vol. 37. No. 4. Pp. 613–633. DOI: 10.1177/00471178221139997
- Stanojević N., Zakić K. China and deglobalization of the world economy. *National Accounting Review*. March 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 67–85. DOI: 10.3934/NAR.2023005
- Strange S. State and Markets. 2nd ed. L.: Continuum, 1994.
- Timofeev O.A., Sharipov F.F. Obostrenie kitajsko-amerikanskoj konkurencii po probleme miroporyadka: e'voljuciya vzglyadov kitajskix ucheny'x [Aggravation of China-US Competition on the Problem of

- the World Order: Chinese Scientists Views Evolution]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 2. S. 26–40. DOI: 10.31857/S013128120025383–2. (In Russ.)
- Vinogradov A.V. Vneshnij mir v strategii Kitaya posle XX s"ezda KPK [The Outside World in China's Strategy after the 20th CPC Congress]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 5. S. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043–8. (In Russ.)
- Wang Z., Sun Z. From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order. *Journal of Chinese Political Science*. March 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 69–87. DOI: 10.1007/s11366–020–09706–3
- Zhang K.H. U.S.-China Economic Links and Technological Decoupling. *The Chinese Economy*. February 2023. Vol. 56. No. 5. Pp. 353–365. DOI: 10.1080/10971475.2023.2173399
- 黄新焕, 鲍艳珍: G20机制下中国参与全球经济治理的政策路径 [Huang Xinhuan, Bao Yanzhen. The policy path of China's participation in global economic governance under the G20 mechanism]. 经济研究参考. 2019年. 第24期. 第37–44 页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.006. (In Chin.)
- 苏立君, 葛浩阳: 从经济全球化到“再全球化”——基于“一带一路”的战略思考 [Su Lijun, Ge Haoyang. From economic globalization to “re-globalization” — Strategic thinking based on “Belt and Road”]. 财经科学. 2017年. 第10期. 第52–62页. (In Chin.)
- 孙建社: 多极化、全球化、多样化和国际关系民主化——略论江泽民国际战略思想 [Sun Jianshe. Multi-polarization, Globalization, Diversification and Democratization of International Relations—A Brief Discussion on Jiang Zemin's International Strategic Thought]. 南京师大学报(社会科学版). 2003年. 第3期. 第40–45 页. (In Chin.)
- 谢浩: 世界发展与中国发展: 中国经济全球化的特征与战略选择 [Xie Hao. Global Development and China's Development: Characteristics and Strategic Choices of China's Economic Globalization]. 郑州轻工业学院学报(社会科学版). 2018年. 第2期. 第42–49 页. (In Chin.)
- 徐秀军: 全球经贸格局重构与高质量共建“一带一路” [Xu Xiujun. Reconfiguration of Global Economic and Trade Patterns and High-Quality Construction of “One Belt, One Road”]. 当代世界. 2023年. 第9期. 第17–22 页. DOI: 10.3969/j.issn.1006–4206.2023.09.004. (In Chin.)
- 易继明: 后疫情时代“再全球化”进程中的知识产权博弈 [Yi Jiming. The Intellectual Property Game in the Process of “Re-Globalization” in the Post-Pandemic Era]. 环球法律评论. 2020年. 第5期. 第163–177 页. (In Chin.)
- 易小丽, 黄茂兴: 中国积极参与G20建设并推动全球经济治理改革的实践变化 [Yi Xiaoli, Huang Maoxing. China's active participation in the construction of G20 and promotion of practical changes in the reform of global economic governance]. 经济研究参考. 2019年. 第24期. 第27–36 页. DOI: 10.16110/j.cnki.issn2095–3151.2019.24.005. (In Chin.)
- 袁堂卫, 张志泉: 逆全球化、再全球化的马克思主义分析 [Yuan Tangwei, Zhang Zhiquan. A Marxist analysis of anti-globalization and re-globalization]. 马克思主义研究. 2019年. 第9期. 第141–150 页. (In Chin.)
- 周嘉昕: “全球化”“反全球化”“逆全球化”概念再考察 [Zhou Jiaxin. Re-examination of the concepts of “globalization”, “anti-globalization” and “deglobalization”]. 南京社会科学. 2024年. 第4期. 第20–27 页. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001–8263.2024.04.003. (In Chin.)

Идеологический фактор управления интернетом в Китае: особенности и инструменты в условиях противостояния с США

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050026

Янькова Александра Дмитриевна

Младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (адрес: 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17).
ORCID: 0000-0002-7209-9818. E-mail: ayankova@hse.ru

Тренин Дмитрий Витальевич

Профессор-исследователь Факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ «Высшая школа экономики»; научный руководитель Института мировой военной экономики и стратегии, НИУ «Высшая школа экономики» (адрес: 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17). ORCID: 0000-0002-9343-956X. E-mail: dtrenin@hse.ru

Статья поступила в редакцию 18.07.2024.

Аннотация:

Интернет превратился в арену идеологической борьбы. Преимущества в ней получает тот, кто контролирует потоки данных и рынок мнений. В информационном пространстве непреодолимые раньше барьеры сравнительно легко обходятся, а число генераторов различных нарративов увеличивается в геометрической прогрессии. Стратегический успех, достигнутый на информационном поле, может иметь значение, сопоставимое с успехом политическим или военным. Примером служит противостояние между ключевыми игроками киберпространства — США и КНР. В основе их государственности лежит идеология: левый либерализм, трансгуманизм и «технократический оптимизм» начала XXI в. не оправдались. Интернет не смог изменить Китай — Китай изменил интернет «под себя». Политико-идеологические условия КНР и усилия КПК сформировали уникальные параметры развития Сети. Партия сумела создать систему распределенного контроля над интернетом, пользователями и контентом, позволяющую руководству управлять ситуацией на «поле битвы». США и их союзники по борьбе с «автократами и авторитариями», в свою очередь, все больше скатываются к борьбе с инакомыслием в собственных странах, и в ходе этой борьбы Запад сам становится все более нетерпимым и авторитарным.

Победители в идеологической борьбе пока не ясны. Но определенную динамику можно зафиксировать. США вынуждены признать, что их вера в повсеместное распространение либеральной демократии и «технократический оптимизм» начала XXI в. не оправдались. Интернет не смог изменить Китай — Китай изменил интернет «под себя». Политико-идеологические условия КНР и усилия КПК сформировали уникальные параметры развития Сети. Партия сумела создать систему распределенного контроля над интернетом, пользователями и контентом, позволяющую руководству управлять ситуацией на «поле битвы». США и их союзники по борьбе с «автократами и авторитариями», в свою очередь, все больше скатываются к борьбе с инакомыслием в собственных странах, и в ходе этой борьбы Запад сам становится все более нетерпимым и авторитарным.

Ключевые слова:

государственная идеология, идеологическая борьба, социализм с китайской спецификой, либеральная демократия, управление интернетом, Китай, США.

Благодарности:

В данной научной работе использованы результаты проекта «Роль идеологии в стратегическом развитии великих держав в условиях глобального системного кризиса: Россия, Китай, США», выполненного в рамках программы исследований Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024 г.

Для цитирования:

Янькова А.Д., Тренин Д.В. Идеологический фактор управления интернетом в Китае: особенности и инструменты в условиях противостояния с США // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 25–38. DOI: 10.31857/S0131281224050026.

Смей арестовать, смей контролировать, смей обнажить меч.

Си Цзиньпин

(из речи на Национальной конференции по пропаганде и идеологии, 2013 г.¹)

Интернет, как и предшествовавшие ему средства массового распространения информации, превратился в главную арену идеологической борьбы. В этой борьбе конкурентные преимущества получает тот, кто обладает наибольшим влиянием на рынке мнений, использует всеобъемлющую систему сетевого управления и обеспечивает суверенное развитие интернет-индустрии. Взаимодействие государственной власти с интернет-сообществом может принимать различные формы. Мы видим это на примерах США и Китая. Несмотря на различия в ценностях, политических системах и принципах управления, правительства стран активно используют инструменты интернета для расширения возможностей управления, поиска политической поддержки, пропаганды — как внутренней, так и внешней.

Сегодня США вынуждены признать, что их вера в повсеместное распространение либеральной демократии после окончания холодной войны и оптимизм, с которым они в начале XXI в. встретили развитие цифровых технологий, не оправдались². Американцы были убеждены, что транснациональный характер интернета сделает всемирную информационно-коммуникативную сеть неподконтрольной правительствам. Точнее, всем правительствам, кроме американского, поскольку США изначально обладали цифровой гегемонией благодаря контролю над глобальными данными и Интернет-корпорацией по присвоению имен и адресов (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN).

Правительства государств, стремящихся к укреплению своего суверенитета, разработали соответствующие этой цели стратегии и предприняли ряд практических шагов. Наиболее активно и результативно в этом направлении работал Китай. К 2003 г. Пекин создал Великий китайский брандмауэр — «золотой щит», фильтрующий интернет-контент и не пропускающий на виртуальную территорию КНР информацию, которую власти страны считают нежелательной или вредной³. Это стало олицетворением твердого намерения Пекина выиграть идеологическую борьбу в интернете.

Правительство США и американские СМИ постоянно противопоставляют свою свободу и демократию китайскому авторитаризму. Наряду с дежурными обвинениями по вопросам прав человека, религиозных свобод, подавления этнических меньшинств и т.п. Вашингтон выставляет Китай «злостным угнетателем свободы» в интернет-пространстве. Власти КНР обвиняются в злоупотреблении возможностями государственного контроля над онлайн-контентом и пользователями сети, вмешательством в личную жизнь граждан, навязывании ценностей, преследовании оппонентов режима.

В то же время фактом является и то, что американские технологические гиганты — Apple, Google, Amazon, Uber — собирают личную информацию пользователей и при этом тесно взаимодействуют с налоговыми органами США⁴. Под предлогом «борь-

¹ 网传习近平8•19讲话全文 [Онлайн-версия полного текста выступления Си Цзиньпина 19 августа] // *China Digital Times*. 2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/321001.html> (дата обращения: 28.08.2024).

² Sokolshchik L.M. Year One of the Biden Administration: U.S. Foreign Policy Towards Russia // *Journal of Eurasian Studies*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 78. DOI: 10.1177/18793665231170639

³ Афонина Л.А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254-0

⁴ The Problems of Internet Privacy and Big Tech Companies // *The Science Survey*. February 28, 2023. URL: <https://thesciencesurvey.com/news/2023/02/28/the-problems-of-internet-privacy-and-big-tech-companies/> (дата обращения: 30.05.2024).

бы с дезинформацией» в США, как и в других странах Запада, блокируются зарубежные интернет-сайты и телеграм-каналы, в частности российские и китайские, несущие информацию, игнорируемую мейнстримовскими СМИ, и предлагающие альтернативные оценки и мнения. Китай, по словам председателя КНР Си Цзиньпина, сталкиваясь с массированным информационным воздействием США, не собирается «сидеть сложа руки»⁵.

КНР: коммунистическая идеология с китайскими особенностями

Китайская Народная Республика была основана в 1949 г. как социалистическое государство, руководимое Коммунистической партией Китая (КПК). Идеологией КПК с самого начала был марксизм-ленинизм, к которому затем добавились идеи Мао Цзэдуна, а позднее — теории Дэн Сяопина, идеи третьего и четвертого поколения руководителей КПК и нынешнего руководителя партии и государства Си Цзиньпина. Как в любом государстве, руководимом коммунистической партией, идеология играет в Китае важнейшую, фактически легитимирующую роль: она обосновывает и оправдывает право партии на практически безраздельную власть в стране.

Являясь средоточием реальной власти, КПК неустанно стремится ее укрепить. Для этого партия использует различные платформы для легитимации, включая интернет. ЦК КПК является важнейшим органом не только партийного, но и государственного управления. За общественные коммуникации отвечает Отдел пропаганды ЦК КПК (中国共产党中央委员会宣传部), курирующий все важные средства массовой информации, которым поручено распространять партийные идеи среди полутора миллиардного населения страны и за рубежом. Учитывая уроки китайской истории и непрерывные попытки из-за рубежа воздействовать на китайское общество, КПК уделяет пристальное внимание изучению общественного мнения и осуществлению контроля над ним.

Использование интернета в Китае резко возросло с начала 2000-х гг. В то время партийные чиновники еще рассматривали интернет исключительно как новую платформу для традиционных методов своей агитационно-пропагандистской деятельности. Однако взрывной рост передачи пользовательского контента через социальные сети («мы—медиа» 自媒体) изменил ситуацию. Руководство КПК настороженно отнеслось к организационному потенциалу социальных сетей. Причины настороженности — скорость, с которой информация распространялась, и неприменимость к соцсетям стандартных цензурных ограничений⁶. Озабоченность чиновников вызывала также перспектива утраты партией лидерства в дискуссиях по культурным и социальным вопросам. Тревожный звонок прозвучал еще в 1999 г., когда тысячи приверженцев антикоммунистической религиозной секты «Фалуныгун»⁷, провели демонстрацию перед вхо-

⁵ 坚决打赢网络意识形态斗争——学习习近平总书记相关重要论述 [Решительно побеждайте в идеологической борьбе в интернете — Важные дискуссии Генерального секретаря Си Цзиньпина] // 平顶山市发展和改革委员会. 10.06.2022. URL: <http://fgw.pds.gov.cn/contents/22290/497167.html> (дата обращения: 30.05.2024).

⁶ 杨峰: 中国共产党领导的互联网治理: 历程, 成就与经验 [Ян Фэн. Управление интернетом под руководством Коммунистической партии Китая: история, достижения и опыт] // 治理期刊. 2022 г. 第1期. 第1–3页.

⁷ Деятельность семи НКО, связанных с «Фалуныгун», была признана нежелательной в РФ. — Прим. ред. Фалуныгун — современное религиозное учение, возникшее в 1992 г. в КНР. Представляет собой смешение гимнастики Цигун, элементов философии даосизма, западной суггестивной психологии для обработки адептов и христианских идей о конце света и финальной борьбе добра со злом. В КНР с 1999 г. деятельность секты «Фалуныгун» запрещена и уголовно наказуема. См.: Горбунова С.А. Новые религиозные движения. Фалуныгун // *История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009)*. Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 530–531.

дом в Чжуннаньхай, резиденцию высшего партийно-государственного руководства Китая в самом центре Пекина. Митинг был организован с помощью электронной почты и получил широкую огласку.

История КНР свидетельствует, что ни интеллектуальный подъем, ни развитие новых информационных технологий еще никогда не приводили к длительной либерализации политического режима. Надежды западных «оптимистов» на то, что авторитарные режимы не смогут осуществлять контроль над киберпространством, были опровергнуты. В Китае не возникало споров о том, должен ли интернет находиться под контролем правительства⁸. Вопросы возникали только о том, как именно должен выглядеть такой контроль.

Отрицание ценностного плюрализма, принцип подчинения нижестоящих инстанций вышестоящим и строгая партийная дисциплина, характерные для марксистско-ленинской организации, нашли свое отражение в китайском подходе к управлению киберпространством. На XVIII съезде КПК в 2012 г. Си Цзиньпин от имени ЦК партии впервые предложил усилить централизованное руководство партий в сфере кибербезопасности и информатизации. Для победы в начавшейся «идеологической борьбе в интернете» было принято решение совершенствовать систему управления сетью⁹. В докладе XX съезду КПК в 2022 г. Си Цзиньпин отметил необходимость «сформировать новую модель общественного мнения», поскольку влияние на общественное мнение в интернете и его консолидация в поддержку КПК — непреложное условие сохранения власти в информационную эпоху¹⁰. В заявлениях нынешнего генсека КПК чувствуются отголоски маоистских лозунгов о том, что великие достижения возможны посредством торжества воли.

Влияние идеологии на управление интернетом в Китае

За последнее десятилетие Пекину удалось преодолеть раздробленность управления киберпространством и создать по всей стране высокоорганизованную иерархическую систему из трех уровней. Во главе пирамиды находится Центральная комиссия по кибербезопасности и информатизации КПК (Central Commission for Cybersecurity and Informatization; 中国共产党中央网络安全和信息化委员会) — партийная инстанция, подчиненная Центральному комитету КПК. В 2018 г., согласно Плану углубления реформы партийных и государственных учреждений, он заменил собой Руководящую группу по кибербезопасности и информатизации (中央网络安全和信息化领导小组). Возглавляемая самим Си Цзиньпином, комиссия управляет всей киберполитикой — как на внутреннем, так и на внешнем контуре.

Центральной комиссии по кибербезопасности и информатизации при ЦК КПК непосредственно подчинена Государственная канцелярия интернет-информации КНР (Cyberspace Administration of China (CAC); 中央网络安全和信息化委员会办公室). Этот межведомственный регулирующий орган отвечает за цензуру и управление интернет-контентом. Под непосредственным руководством САС работает Государственное информационное бюро Интернета (SIPO) (国家互联网信息办公室). Канцелярия выросла из

⁸ Minzner C., Wang Y. Rise of the Chinese security state // *China Quarterly*. 2015. Vol. 222. No. 1. Pp. 339–340.

⁹ 习近平在十八届中共中央政治局第一次集体学习时讲话 [Си Цзиньпин выступил на первом коллективном учебном заседании Политбюро ЦК КПК 18-го созыва] // 中国政府网. 19.11.2012. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/19/content_2269332.htm (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁰ 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗 [Держите высоко великое знамя социализма с китайской спецификой и работайте вместе, чтобы всесторонне построить современную социалистическую страну] // 新华网. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (дата обращения: 05.06.2024).

бывшего партийного управления внешней пропаганды. Руководитель САС (в настоящее время — Чжуан Жунвэнь (庄荣文)) по совместительству является заместителем заведующего Отдела пропаганды ЦК КПК, заведующим Государственным информационным бюро Интернета и членом ЦК КПК 20-го созыва. В 2022–2023 гг. он также занимал должность врио заведующего Пресс-канцелярией Госсовета КНР. Таким образом, контроль над онлайн-контентом поручено осуществлять пропагандистам.

Отношение КПК к новым технологиям сложнее, чем может показаться. С практической точки зрения ЦК партии и правительство КНР получают доступ к техническому контролю над национальным сегментом интернета через экосистему IT-гигантов — телекоммуникационных компаний Alibaba, Tencent, Ant Financial, Baidu, Huawei, ZTE, China Mobile, Hikvision, Dahua Technology и др. Они подотчетны партийно-государственному руководству КНР и полностью обеспечивают работу внутренней интернет-сети Китая: поисковой системы, социальных сетей, электронной коммерции, мобильной связи, производства оборудования, кибербезопасности.

Чем крупнее конгломерат, тем больше внимания партия уделяет его политической лояльности¹¹. КПК стремится обеспечить безусловную преданность топ-менеджеров делу партии и тесную согласованность действий менеджмента компаний с ЦК КПК. Многие основатели компаний являются членами компартии Китая, депутатами ВСНП или членами НПКСК. Так, основатель крупнейшей компании в области электронной коммерции JD.com Лю Цзяньдун и основатель интернет-гиганта Tencent Ма Хуатэн (Пони Ма) являются активными членами КПК, публично высказывающимися в поддержку партийной линии¹². По сообщениям официальных китайских СМИ, основатель Alibaba Group Джек Ма тоже стал членом партии¹³. Все руководители крупнейших компаний совершают ритуальные визиты в город Яньань — «Родину революции». Даже формальное членство в партии накладывает на предпринимателей ряд обязательств по следованию общей политической дисциплине и вводит их в поле зрения органов партийного контроля.

Партийные комитеты в таких компаниях тесно связаны с кадровыми подразделениями, а партийная работа рассматривается как неперемный элемент корпоративной культуры. Например, Alibaba была основана в 1999 г.; в 2000 г. в ней появилась партийная организация, в 2008 г. был создан партком (инстанция более высокого уровня), а к 2017 г. более 6 тыс. чел. из 50 тыс. сотрудников компании, т.е. почти 12 %, были членами КПК¹⁴.

Все центральные, провинциальные и муниципальные парткомы имеют комитеты по вопросам интернета¹⁵. КПК внимательно следит не только за потоками информации,

¹¹ *Chen Bing-Ming*. Digital Leninism: The Complex, Dangerous Relationship Between Tech Giants and the Chinese Communist Party // *CIPE*. January 15, 2021. URL: <https://www.cipe.org/resources/digital-leninism-the-complex-dangerous-relationship-between-tech-giants-and-the-chinese-communist-party/> (дата обращения: 05.06.2024).

¹² *Кашиш В.Б.* Красный капитализм: зачем самый богатый китаец вступил в компартию // *Forbes*. 28.11.2018. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/369701-krasnyy-kapitalizm-zachem-samyu-bogatyy-kitaec-vstupil-v-kompartiyyu> (дата обращения: 05.06.2024).

¹³ *Huang Jingjing*. Beijing to honor founders of three internet giants // *People's Daily*. November 26, 2018. URL: <http://en.people.cn/n3/2018/1126/c90000-9522161.html> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁴ 中共黨建伸向網企 6千黨員隨阿里巴巴分散各地 [Партийное строительство Коммунистической партии Китая распространяется и на онлайн-компании. 6000 членов партии в составе Alibaba разбросаны по всему миру] // 中央社. 08.04.2018. URL: <https://www.cna.com.tw/news/asn/201804080079.aspx> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁵ 互联网时代如何巩固党在意识形态领域主导权 [Как закрепить доминирование партии на идеологическом поле в эпоху интернета] // 人民日报. 29.06.2016. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2016/0629/430634.shtml> (дата обращения: 05.06.2024).

но и за ее получателями. По состоянию на 1 января 2023 г. общее число членов партии достигло 98 млн чел., т.е. почти 7 % населения КНР, составлявшего свыше 1,4 млрд чел.¹⁶ Это значит, что 1 из 14 китайцев состоит в КПК. Отдел пропаганды ЦК КПК периодически выпускает «Правила поведения членов партии в интернете». Последняя версия этого документа вышла в 2024 г.¹⁷ Согласно регламенту члены КПК должны использовать интернет для широкой пропаганды идей Си Цзиньпина и принципов партии, поддерживать тесный контакт с массами и направлять их.

Членам партии запрещено делать неуместные высказывания в интернете, включая поддержку буржуазной либерализации, противодействие политике реформ и открытости, необоснованную критику деятельности партии, клевету на национальных героев, партийных и государственных лидеров. Им также запрещено участвовать в онлайн-форумах, группах, а также пользоваться интернет-ресурсами, содержащими подобную информацию. Членам КПК рекомендуется противостоять «плохим интернет-культам», таким как «поклонение иностранцам, выставление напоказ своего богатства, раздувание скандалов, пристрастие к онлайн-играм» и т.д. Партийные организации всех уровней (включая парткомы на предприятиях) регулярно проводят курсы обучения для членов партии по использованию интернета в соответствии с задачами КПК. Члены партии, внесшие значительный вклад в руководство общественным мнением в интернете, получают похвалу, награды и рекомендации для продвижения по службе.

Философия и стратегия идеологической борьбы в китайском интернете

Все эти действия имеют четкое идеологическое обоснование. Согласно идеям Мао Цзэдуна, разработанным им еще на заре политической карьеры в конце 1930-х гг., каждая историческая эпоха характеризуется одним большим противоречием, которое является причиной всех бед, а социальный прогресс достигается путем разрешения этого противоречия¹⁸. Суть ленинской партийной системы также заключалась в направленности на достижение определенной цели, борьбу с кризисами или опасностью¹⁹. Эти идеи породили настоящую потребность в высшей миссии, которой необходимо следовать, и враге, против которого нужно бороться.

Недостаток системы заключается в том, что эффективнее всего она работает в периоды политической мобилизации, например в первые годы после провозглашения КНР. Растущий уровень жизни в Китае снижает привлекательность партийной пропаганды. Для поддержания мобилизационного духа партии приходится создавать и поддерживать у граждан ощущение перманентной угрозы, с которой можно справиться, используя устойчивые идеологические и управленческие приемы. Например, в событиях на площади Тяньаньмэнь китайские консерваторы видели заговор капиталистиче-

¹⁶ 中国共产党党内统计公报 [Внутрипартийный статистический бюллетень КПК] // 新华网. 30.06.2023. URL: http://www.news.cn/2023-06/30/c_1129725145.htm (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁷ 中国共产党党员网络行为规定 [Правила поведения членов Коммунистической партии Китая в интернете] // 政府信息公开. 20.02.2024. URL: https://www.baiyinqu.gov.cn/XZJDBMDW/bmdw/byqyglj/fdzdkgknr/lzyj/zcfg/art/2024/art_53c837cfa7ac4e439d7d92847670bcc0.html (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁸ 董盛林, 贺亚维, 袁海霞: 毛泽东的调查研究思想及其当代价值论析 [Дун Шэнлинь, Хэ Яэвэй, Юань Хайся. Исследовательская мысль Мао Цзэдуна и анализ современных ценностей] // 中共石家庄市委党校学报. 2024 年. 第1期. 第17–18页.

¹⁹ Creemers R. Cyber-Leninism: The Political Culture of the Chinese Internet. In: Price M, Stremlau N, eds. Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective. Cambridge University Press, 2017. Pp. 269–271.

ского мира, направленный на то, чтобы демократизировать и дестабилизировать страну. Дэн Сяопин называл «корнем конфликта» западную пропагандистскую машину, поддерживавшую оппозицию.

Для современного Китая одним из таких «вопросов жизни и смерти» стала идеологическая борьба в интернете. Как предупреждал внутривластный документ КПК «Коммюнике о текущем состоянии идеологической сферы» 2013 г., главной угрозой для Китая являются не американские военные, а западные идеи²⁰. В информационном пространстве КНР распространено утверждение, что враждебные Китаю силы на Западе, руководствующиеся конфронтационным мышлением, рассматривают развитие социалистической цивилизации с китайской спецификой как угрозу своей системе ценностей и гегемонии. Эти силы используют интернет для демонизации Китая и экспорта в КНР своей идеологии — неолиберализма, демократического социализма, исторического нигилизма, гедонизма и т.д. Проникновение идеологических конструктов в КНР ведет к «хаотизации» ценностей, «размыванию» взгляда на жизнь. Типичный образчик таких идеологических диверсий — ставшая популярной в китайском обществе поговорка о том, что «политика воображаема, идеалы далеки, власть тяжела, только деньги реальны» (政治是虚的, 理想是远的, 权力是硬的, 票子是实的). Для противодействия вредоносному идеологическому влиянию Запада в сети КПК делает упор на марксистско-ленинские тезисы о формировании личности как высшей социальной ценности, о полном и всестороннем развитии каждого и всех членов общества и т.п.

Когда западные страны планируют «цветные революции» в государствах мира, они прежде всего учитывают характер их политических систем, особенности партийных, клановых и иных структур, манипулируют общественным мнением стран-мишеней и подстрекают людей к участию в уличной политике. По словам Си Цзиньпина, то, сможет ли КНР «выстоять и победить на поле битвы в интернете, напрямую связано с идеологической безопасностью государства и политического строя»²¹.

В понимании китайского руководства, только через борьбу с враждебными силами, поддержание дисциплины в интернете и неуклонное исполнение воли партии поможет КНР сохранить национальный суверенитет и продолжить развиваться. Наличие угрозы оправдывает потребность властей опираться на организационно-мобилизационные методы и средства — элементы китайского информационного порядка, вдохновленные марксистско-ленинской идеей «исторической борьбы». Следуя такой линии и опираясь на технические возможности контроля за прозрачной внутренней сетью, китайское руководство способно предотвращать разногласия внутри партии, отслеживать деятельность оппонентов режима и в случае необходимости ограничивать свободу их действий.

США: идеология и политика

Идея о том, что соперничество Китая и США обусловлено исключительно геополитикой и геоэкономикой, представляется не до конца верной. В США такие понятия, как идеология и пропаганда, обычно считаются присущими «авторитарным режимам». На самом деле Соединенные Штаты возникли как государство идеологическое. Именно идеология, а не история или этничность, лежала и продолжает находиться в основе всех сфер американской государственности и идентичности. На протяжении

²⁰ 关于当前意识形态领域情况的通报 [Коммюнике о текущем состоянии идеологической сферы] // *China Digital Times*. 2013. URL: <https://hackmd.io/@billy3321/HyaKhNwrO> (дата обращения: 01.09.2024).

²¹ 加强党对网信工作的全面领导 [Укрепить общее руководство партии в сфере кибербезопасности и информатизации] // 党建网. 15.01.2024. URL: http://www.dangjian.com/shouye/sixianglilun/dangjianpinglun/202401/t20240115_6726828.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

почти двух с половиной веков американская идеология эволюционировала — через концепцию американской исключительности — от религиозного «города на холме», очага и светоча личной свободы и политической демократии, к единственной в своем роде версии мировой империи.

В середине и второй половине XX в. идеологическая составляющая в противоборстве двух ведущих держав — США и СССР — была доминирующей. Именно в период холодной войны против коммунизма как идеи и советского государства как ее носителя сформировалось современное американское государство с сильной президентской властью, разветвленным аппаратом национальной безопасности, огромным и всесильным ВПК. Американской идеологией этого периода был антикоммунизм.

Окончание холодной войны, отказ России от коммунистической идеологии и распад Советского Союза были восприняты в США как триумф либерально-демократической идеологии. Внезапный уход со сцены главного противника создал у американцев впечатление о «конце истории», открывавшем возможность становления мира идеологически единообразного, экономически открытого для экспансии американского капитала и политически однополярного. Торжество рыночных отношений, распространение потребительских настроений в КНР, Вьетнаме и Индии, попытки копирования западных демократических институтов в странах Восточной Европы, в России и других бывших республиках СССР казалось свидетельством того, что мир стал «глобальным». Возникла ситуация не только базового идеологического консенсуса в мировой политике и экономике, но и фактического всемирного признания глобального лидерства США. Наступил «однополярный момент», пик которого пришелся на самое начало XXI столетия (условно 2000–2003 гг.).

Противоречивость глобальной войны против терроризма, развязанной «неоконсерваторами» из администрации Дж. Буша-мл., глобальный финансовый кризис, положивший конец господству так называемого Вашингтонского консенсуса, украинский кризис, внутриполитический кризис в самих США (в т.ч. ценностный), приведший к избранию Д. Трампа президентом в 2016 г., переход Вашингтона к политике давления на Пекин — все это привело во второй половине 2010-х гг. к завершению однополярной эпохи.

Переход в 2022 г. украинского кризиса в фазу опосредованной войны коллективного Запада против России существенно усилил значение идеологического фактора в международных отношениях. Признавая это, администрация Дж. Байдена официально считает основным противоречием нынешних международных отношений борьбу демократии с авторитаризмом. Такая характеристика позволяет Белому дому вписать нынешнюю внешнюю политику США в ряд исторических кампаний («крестовых походов») — против германского нацизма, японского милитаризма и итальянского фашизма во Вторую мировую войну, против советского коммунизма в период холодной войны и против исламистского терроризма в начале XXI в.

Современный период острой идеологической борьбы заметно отличается от периода холодной войны. Вместо двух соперничающих версий западной идеологии — либеральной демократии и коммунизма — на авансцене борются идеологические концепты, уходящие корнями в цивилизационные, культурные, исторические особенности отдельных государств-цивилизаций. Фактически Россия, Китай, Индия, как и сами США, представляют собой именно такие образования. С одной стороны, это делает противоборство асимметричным, с другой — не требует безусловной победы одной версии «универсальной» истины над другой.

Нынешняя идеологическая борьба проходит в глобальном информационном пространстве, в котором непреодолимые раньше барьеры сравнительно легко обходятся, а число источников информации и генераторов различных нарративов увеличивается в геометрической прогрессии. Контроль за интернетом, цензура социальных сетей и другие способы противодействия дезинформации стали делом сложным, успех в котором

может быть только частичным и временным. Но стратегический успех, достигнутый на информационном поле, может иметь значение, сопоставимое с успехом политическим или военным. Конфликт на Украине дает много примеров в поддержку этого тезиса. Современные технологии и технические средства — искусственный интеллект, дипфейки — позволяют погружать многомиллионную аудиторию в параллельную реальность, писать альтернативную историю, т.е. делать именно то, в чем во времена холодной войны Запад обвинял своих противников.

США и их союзники в борьбе с «автократами и авторитариями» в лице Китая и не только скатываются к борьбе с инакомыслием в собственных странах. В ходе этой борьбы Запад становится все более нетерпимым и авторитарным, а в перспективе — тоталитарным. Широко практикуются цензура, третирование критиков, навешивание ярлыков, культура отмены, ограничение или запрет доступа к большому числу нежелательных информационных ресурсов. Доминирующая идеология Запада быстро эволюционирует и деградирует: от консерватизма, защищавшего традиционные ценности от революционного коммунизма, к левому либерализму, агрессивно продвигающему трансгуманизм, повестку ЛГБТ-сообщества, woke-культуру и американоцентричный глобализм.

Идеологическое измерение борьбы Китая и США в интернете

Китай, представляющий серьезную угрозу для идеи американоцентричного глобализма, стал одним из главных объектов давления со стороны Вашингтона. Помимо регулярных обвинений в кибератаках и кибершпионаже США практикуют в отношении Пекина политику технологического сдерживания, применяя санкции против китайских технологических гигантов, ограничивая китайский капитал, входящий в технологический сектор, накладывая ограничения на экспорт в КНР американских полупроводников, усиливая контроль над китайскими коммуникациями 5G, отказывая в визах ученым, связанным с китайским ВПК, отступаясь от собственной политики свободной торговли на рынках ИКТ, и т.д.

США ведут когнитивную борьбу против КНР. Американские компании в сфере кибербезопасности, такие как Recorded Future и Mandiant, раскручивают нарративы о «китайских хакерах, поддерживаемых коммунистическим правительством» и «цифровом авторитаризме»²². Правительственные учреждения, в частности Разведывательное сообщество США, регулярно публично подчеркивает, что Китай является «мировым лидером в области цифрового подавления» и экспортирует «технологии подавления» за границу²³.

Опасаясь «импорта коммунизма», Соединенные Штаты подвергают проверкам и запрещают китайские мобильные приложения. Например, в марте 2024 г. Палата представителей приняла законопроект, который грозит блокировкой TikTok на территории США, а в 2023 г. губернатор Огайо Майк Девайн подписал запрет для сотрудников государственных учреждений на установку и использование китайских приложений TikTok, WeChat, QQ, Weibo, Alipay, Zhihu, Meituan, Toutiao, Little Red Book и др.²⁴ Тактика США — создание идеологемы об опасности китайских приложений, крадущих персо-

²² 2023年大国博弈背景下网络空间态势观察 [Наблюдение за ситуацией в интернете в контексте игры великих держав в 2023 г.] // 中国信息安全. 07.03.2024. URL: <https://www.secrss.com/articles/64235> (дата обращения: 30.08.2024).

²³ 2023年大国博弈背景下网络空间态势观察 [Наблюдение за ситуацией в интернете в контексте игры великих держав в 2023 г.] // 中国信息安全. 07.03.2024. URL: <https://www.secrss.com/articles/64235> (дата обращения: 30.08.2024).

²⁴ Запрет TikTok и других китайских приложений в США // *Mobile Review*. 10.01.2023. URL: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/zapret-tiktok-i-drugih-kitajskih-prilozhenij-v-ssha-prodolzhenie-istorii/> (дата обращения: 30.08.2024).

нальные данные, и контента, манипулирующего общественным сознанием. Последние опросы Reuters и Ipsos от 2024 г. показывают, что большинство американцев считают TikTok инструментом пропаганды КНР²⁵. Страх США перед гегемонистским переходом заставляет страну заикливаться на китайской кибер-угрозе, тем самым только подогревая намерения Китая, которых так боится Вашингтон.

Китай, в свою очередь, обвиняет США в стремлении к кибер-гегемонии и получению превентивных преимуществ в кибер-войне, провоцировании гонки вооружений в киберпространстве, подрывной деятельности, распространении дезинформации, сборе разведывательных данных, в том числе через партнерство с частным сектором и странами-союзниками. Отвечая на американскую политику последовательного ограничения экспорта в КНР «основных технологий», Китай делает приоритетом их самостоятельное производство и изменение глобальных технологических цепочек поставок в свою пользу. Борясь с распространением либеральной идеологии, Пекин запрещает сервисы западных технологических ТКН, таких как Google или Meta, блокирует западные социальные сети, сайты и СМИ, строго фильтрует интернет-контент усилиями кибер-цензоров и кибер-полиции. Власти также пристально следят за лидерами мнений на своих крупных онлайн-площадках, таких как Weibo, опасаясь того, что они могут оказаться под влиянием западной идеологии, и поддерживают патриотически настроенных пользователей²⁶.

ИКТ и цифровая экономика — заложники, а не причины конфликта США и Китая. Все доказательства того, что стороны действительно угрожают друг другу, являются косвенными и представляют собой тщательно спланированные проекции, создаваемые для оправдания выбранного политического и идеологического курса. В будущем это может привести к ситуации, в которой мир будет вынужден выбирать между двумя техническими экосистемами.

* * *

Многих проблем в отношениях можно было бы избежать, если бы США имели дело с демократическим Китаем. Но они взаимодействуют с государством, в котором у власти находятся сторонники жесткой линии во главе с Си Цзиньпином. Их главный интерес не что иное, как защита политической системы, возглавляемой КПК. Вопреки ожиданиям стран Запада, не интернет изменил Китай, а Китай изменил интернет «под себя». Система распределенного контроля, созданная КПК, позволяет руководству страны управлять ситуацией на «поле битвы» в интернете и оперативно реагировать на риски. Успех, который до сих пор сопутствует КПК, свидетельствует о высоком уровне стратегического целеполагания и тактической приспособляемости партии перед лицом новых угроз ее легитимности.

Усилия Китая по созданию «цивилизованного интернета», на первый взгляд, направлены на распространение партийной идеологии при помощи киберсистем. Однако Пекин, придерживающийся мировоззренческой системы, выраженной в идее сообщества единой судьбы человечества, не стремится к идеологической конфронтации — в отличие от либеральных универсалистов в США. Идеология в Китае служит своего рода куполом, который оправдывает и объясняет потребность контроля над интернет-пространством стремлением обезопасить страну от угроз извне и получить статус кибер-сверхдер-

²⁵ Большинство американцев назвало TikTok инструментом влияния Китая на США // *Газета.ru*. 01.05.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/05/01/22911397.shtml> (дата обращения: 30.08.2024).

²⁶ 我国应高度重视新媒体时代的意识形态安全 [Наша страна должна придавать большое значение идеологической безопасности в эпоху новых медиа] // *中国青年报*. 15.12.2011. URL: https://zqb.cyol.com/html/2011-12/15/nw.D110000zgqnb_20111215_1-07.htm (дата обращения: 30.08.2024).

жавы, неуязвимой к санкционному давлению и не зависящей от американских технологий и инструментов контроля над глобальной сетью (например, доменной системы именования адресов).

Пекин видит себя пионером управленческой системы будущего, основанной на верховенстве закона, централизованном мониторинге и эффективном контроле. На уровне индивидуального гражданина такая политика призвана сохранить «правильный взгляд» человека на свою этническую принадлежность, историю и культуру Китая. На национальном уровне она способствует достижению технологического суверенитета, обеспечению дисциплины и решению проблем, с которыми система долго не могла справиться, например снижение коррупции. На внешнем контуре КПК поставила цель превращения интернета в эффективное средство продвижения международной повестки Пекина. Избыточная сосредоточенность на контролируемости могла бы ухудшить имидж КПК внутри страны и КНР — за рубежом. Но китайское руководство действует осторожно, постепенно превращая свою систему кибер-управления в образец для других членов международного сообщества и распространяя дискурс о системной конкуренции с Западом, которую КНР выигрывает благодаря тому, что «на Западе — хаос, а в Китае — порядок» (西方之乱，中国之治).

Литература

- Афонина Л.А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254–0
- Кашин В.Б. Красный капитализм: зачем самый богатый китаец вступил в компартию // *Forbes*. 28.11.2018. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/369701-krasnyy-kapitalizm-zachem-samyu-bogatyu-kitaec-vstupil-v-kompartiyu> (дата обращения: 05.06.2024).
- Горбунова С.А. Новые религиозные движения. Фалуньгун // *История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009)*. Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 528–533.
- Chen Bing-Ming. Digital Leninism: The Complex, Dangerous Relationship Between Tech Giants and the Chinese Communist Party // *CIPE*. January 15, 2021. URL: <https://www.cipe.org/resources/digital-leninism-the-complex-dangerous-relationship-between-tech-giants-and-the-chinese-communist-party/> (дата обращения: 05.06.2024).
- Creemers R. Cyber-Leninism: The Political Culture of the Chinese Internet. In: Price M, Stremlau N, eds. *Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective*. Cambridge University Press, 2017. Pp. 255–273.
- Minzner C., Wang Y. Rise of the Chinese security state // *China Quarterly*. 2015. Vol. 222. No. 1. Pp. 339–359. DOI: 10.1017/S0305741015000430
- Sokolshchik L.M. Year One of the Biden Administration: U.S. Foreign Policy Towards Russia // *Journal of Eurasian Studies*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 70–80. DOI: 10.1177/18793665231170639
- The Problems of Internet Privacy and Big Tech Companies // *The Science Survey*. February 28, 2023. URL: <https://thesciencesurvey.com/news/2023/02/28/the-problems-of-internet-privacy-and-big-tech-companies/> (дата обращения: 30.05.2024).
- 2023年大国博弈背景下网络空间态势观察 [Наблюдение за ситуацией в интернете в контексте игры великих держав в 2023 г.] // *中国信息安全*. 07.03.2024. URL: <https://www.secrss.com/articles/64235> (дата обращения: 30.08.2024).
- 中国共产党党内统计公报 [Внутрипартийный статистический бюллетень КПК] // *新华网*. 30.06.2023. URL: http://www.news.cn/2023-06/30/c_1129725145.htm (дата обращения: 11.06.2024).
- 中国共产党党员网络行为规定 [Правила поведения членов Коммунистической партии Китая в интернете] // *政府信息公开*. 20.02.2024. URL: https://www.baiyinqu.gov.cn/XZJDBMDW/bmdw/byqyglj/fdzdgknr/lzyj/zcfg/art/2024/art_53c837cfa7ac4e439d7d92847670bcc0.html (дата обращения: 11.06.2024).
- 网传习近平8·19讲话全文 [Онлайн-версия полного текста выступления Си Цзиньпина 19 августа] // *China Digital Times*. 2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/321001.html> (дата обращения: 28.08.2024).

- 习近平在十八届中共中央政治局第一次集体学习时讲话 [Си Цзиньпин выступил на первом коллективном учебном заседании Политбюро ЦК КПК 18-го созыва] // 中国政府网. 19.11.2012. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/19/content_2269332.htm (дата обращения: 05.06.2024).
- 关于当前意识形态领域情况的通报 [Коммюнике о текущем состоянии идеологической сферы] // *China Digital Times*. 2013. URL: <https://hackmd.io/@billy3321/HyaKhNwrO> (дата обращения: 01.09.2024).
- 加强党对网信工作的全面领导 [Укрепить общее руководство партии в сфере кибербезопасности и информатизации] // 党建网. 15.01.2024. URL: http://www.dangjian.com/shouye/sixianglilun/dangjianpinglun/202401/t20240115_6726828.shtml (дата обращения: 05.06.2024).
- 坚决打赢网络意识形态斗争——学习习近平总书记相关重要论述 [Решительно побеждайте в идеологической борьбе в интернете — Важные дискуссии Генерального секретаря Си Цзиньпина] // 平顶山市发展和改革委员会. 10.06.2022. URL: <http://fgw.pds.gov.cn/contents/22290/497167.html> (дата обращения: 30.05.2024).
- 杨峰: 中国共产党领导的互联网治理: 历程, 成就与经验 [Ян Фэн. Управление интернетом под руководством Коммунистической партии Китая: история, достижения и опыт] // 治理期刊. 2022年. 第1期. 第1–9页.
- 胡翼鹏: 论毛泽东的社会学思想与社会学自主知识体系建构 [Ху Инэн. О социологической мысли Мао Цзэдуна и построении независимой социологической системы знаний] // 江海学术期刊. 2024年. 第1期. 第8–9页.
- 董盛林, 贺亚维, 袁海霞: 毛泽东的调查研究思想及其当代价值论析 [Дун Шэнлинь, Хэ Явэй, Юань Хайся. Исследовательская мысль Мао Цзэдуна и анализ современных ценностей] // 中共石家庄市委党校学报. 2024年. 第1期. 第1–23页.
- 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗 [Держите высоко великое знамя социализма с китайской спецификой и работайте вместе, чтобы всесторонне построить современную социалистическую страну] // 新华网. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (дата обращения: 05.06.2024).

The Ideological Factor of Internet Governance in China: Features and Tools in the Context of Confrontation with the United States

Alexandra D. Yankova

Junior Researcher, Centre for Comprehensive European and International Studies, HSE University (address: 17/1, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7209-9818. E-mail: ayankova@hse.ru

Dmitri V. Trenin

Research Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Scientific Supervisor, Institute of World Military Economics and Strategy, HSE University (address: 17/1, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9343-956X. E-mail: dtrenin@hse.ru

Received 18.07.2024.

Abstract:

The Internet turned into an arena of ideological struggle. It benefits those who have control over data flows and opinion market. In the information space, previously insurmountable barriers are easily bypassed, the number of generators of “narratives” is increasing exponentially. Strategic success achieved in the information field can have a significance comparable to political or military success. An example is the confrontation between key players in cyberspace — the US and China. Their statehood is based on ideology — left-wing liberalism, transhumanism and americano-centric globalism on the one hand, innovative Marxism and socialism with Chinese characteristics on the other. Despite differences in fundamental values, political and social systems, Washington and Beijing actively use Internet tools to seek support, expand governance and propaganda.

The winners in the ideological struggle are not yet clear. But certain dynamics can be fixed. The US has to admit that its belief in the ubiquity of liberal democracy and the “technological optimism” of

the early 21st century have not been justified. The Internet has failed to change China – China has changed the Internet for itself. The political and ideological conditions of the PRC and the efforts of the CPC have formed unique parameters for the development of network. The party managed to create a system of distributed control over the Internet, users and content, allowing leadership to manage the situation on the “battlefield”. The US and its allies in the fight against “autocrats and authoritarians” are increasingly slipping into the fight against dissent in their own countries. During this struggle the West is becoming more intolerant and authoritarian.

Key words:

State ideology, ideological struggle, socialism with Chinese characteristics, liberal democracy, Internet governance, China, USA.

Acknowledgements:

This research paper uses the results of the project “The Role of ideology in the strategic development of great powers in the context of the global systemic crisis: Russia, China, the US”, carried out within the framework of the research program of the Faculty of World Economy and International Affairs of the Higher School of Economics in 2024.

For citation:

Yankova A.D., Trenin D.V. The Ideological Factor of Internet Governance in China: Features and Tools in the Context of Confrontation with the United States // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 25–38. DOI: 10.31857/S0131281224050026.

References

- Afonina L.A., Vinogradov A.V. Sistema obshchestvennogo doveriya v KNR [Social credit system in China]. *Far Eastern Studies*. 2023. No. 3. S. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254–0. (In Russ.)
- Chen Bing-Ming. Digital Leninism: The Complex, Dangerous Relationship Between Tech Giants and the Chinese Communist Party. *CIFE*. January 15, 2021. URL: <https://www.cipe.org/resources/digital-leninism-the-complex-dangerous-relationship-between-tech-giants-and-the-chinese-communist-party/> (accessed: 05.06.2024).
- Creemers R. Cyber-Leninism: The Political Culture of the Chinese Internet. In: Price M, Stremlau N, eds. *Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective*. Cambridge University Press, 2017. Pp. 255–273.
- Gorbunova S.A. Novyye religioznye dvizheniya. Falungun [New religious movements. Falun Gong]. *The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. Vol. 9: Reforms and Modernization (1976–2009)*. Ed. by A.V. Vinogradov. M.: Nauka, 2016. S. 528–533. (In Russ.)
- Kashin V. B. Krasnyj kapitalizm: zachem samyj bogatyj kitaec vstupil v kompartiyu [Red Capitalism: why did the richest Chinese join the Communist Party]. *Forbes*. 28.11.2018. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/369701-krasnyy-kapitalizm-zachem-samy-bogaty-kitaec-vstupil-v-kompartiyu> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.)
- Minzner C., Wang Y. Rise of the Chinese security state. *China Quarterly*. 2015. Vol. 222. No. 1. Pp. 339–359. DOI: 10.1017/S0305741015000430
- Sokolshchik L.M. Year One of the Biden Administration: U.S. Foreign Policy Towards Russia. *Journal of Eurasian Studies*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 70–80. DOI: 10.1177/18793665231170639
- The Problems of Internet Privacy and Big Tech Companies. *The Science Survey*. February 28, 2023. URL: <https://thesciencesurvey.com/news/2023/02/28/the-problems-of-internet-privacy-and-big-tech-companies/> (accessed: 30.05.2024).
- 2023年大国博弈背景下网络空间态势观察 [Monitoring the situation on the Internet in the context of the game of the great Powers in 2023]. *中国信息安全*. 07.03.2024. URL: <https://www.secrss.com/articles/64235> (accessed: 30.08.2024). (In Chin.)
- 中国共产党党内统计公报 [Internal Party Statistical Bulletin of the CPC]. 新华网. 30.06.2023. URL: http://www.news.cn/2023-06/30/c_1129725145.htm (accessed: 11.06.2024). (In Chin.)
- 中国共产党党员网络行为规定 [Regulations on Online Behavior of Members of the Communist Party of China]. 政府信息公开. 20.02.2024. URL: https://www.baiyinqu.gov.cn/XZJDBMDW/bmdw/byqyglj/fdzdgnr/lzyj/zcfg/art/2024/art_53c837cfa7ac4e439d7d92847670bcc0.html (accessed: 11.06.2024). (In Chin.)
- 网传习近平8•19讲话全文 [Online-version of Xi Jinping’s speech on 19th of August]. *China Digital Times*. 2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/321001.html> (accessed: 28.08.2024).

- 习近平在十八届中共中央政治局第一次集体学习时讲话 [Xi Jinping spoke during the first group study of the 18th Politburo of the Communist Party of China]. 中国政府网. 19.11.2012.
URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/19/content_2269332.htm (accessed: 05.06.2024). (In Chin.)
- 互联网时代如何巩固党在意识形态领域主导权 [How to consolidate the Party's dominance in the ideological field in the Internet era]. 人民日报. 29.06.2016.
URL: <http://www.rmlt.com.cn/2016/0629/430634.shtml> (accessed: 05.06.2024). (In Chin.)
- 关于当前意识形态领域情况的通报 [Communique on the current state of the ideological sphere]. *China Digital Times*. 2013. URL: <https://hackmd.io/@billy3321/HyaKhNwrO> (accessed: 01.09.2024). (In Chin.)
- 加强党对网信工作的全面领导 [Strengthen the Party's overall leadership of net letter work]. 党建网. 15.01.2024.
URL: http://www.dangjian.com/shouye/sixianglilun/dangjianpinglun/202401/t20240115_6726828.shtml (accessed: 05.06.2024). (In Chin.)
- 坚决打赢网络意识形态斗争——学习习近平总书记相关重要论述 [Resolutely win the ideological Struggle on the Internet — Learning Important Discourses related to General Secretary Xi Jinping]. 平顶山市发展和改革委员会. 10.06.2022. URL: <http://fgw.pds.gov.cn/contents/22290/497167.html> (accessed: 30.05.2024). (In Chin.)
- 杨峰: 中国共产党领导的互联网治理: 历程, 成就与经验 [Yang Feng. Internet Governance under the Leadership of the Communist Party of China: History, Achievements and Experience]. 治理期刊. 2022年. 第1期. 第1–9页. (In Chin.)
- 胡翼鹏: 论毛泽东的社会学思想与社会学自主知识体系建构 [Hu Yipeng. On Mao Zedong's Sociological Thought and the Construction of Sociological Independent Knowledge System]. 江海学术期刊. 2024年. 第1期. 第8–9页. (In Chin.)
- 董盛林, 贺亚维, 袁海霞: 毛泽东的调查研究思想及其当代价值论析 [Dong Shenglin, He Yawei, Yuan Haixia. Mao Zedong's Research Thought and Analysis of Contemporary Values]. 中共石家庄市委党校学报. 2024年. 第1期. 第1–23页. (In Chin.)
- 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗 [Holding high the great banner of socialism with Chinese characteristics and striving for unity in building a modern socialist country in an all-round way]. 新华网. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 05.06.2024). (In Chin.)

Цифровизация контрольной и надзорной деятельности участников финансового рынка в Китае

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050033

Долганова Ольга Игоревна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансовые технологии», ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (адрес: 125167, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2). ORCID: 0000-0001-6060-5421. E-mail: oidolganova@fa.ru

Козырев Дмитрий Алексеевич

Стажер-исследователь Института финансовых исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (адрес: 125167, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2). ORCID: 0009-0002-8803-4581. E-mail: 211289@edu.fa.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2024.

Аннотация:

В последнее время Китайская Народная Республика занимает лидирующие позиции в мире в области развития цифровой экономики. Активное внедрение информационных технологий осуществляется как в бизнесе, так и в государственных структурах. Это позволяет создавать и развивать масштабные национальные системы сбора и обработки большого объема разноплановой информации о деятельности участников финансового рынка. Целью данной статьи является изучение специфики применения цифровых технологий китайскими властями для улучшения своей контрольной деятельности в финансово-бюджетной сфере. С помощью методов анализа, синтеза, интерпретации и обобщения информации и данных из научных статей, официальных интернет-ресурсов государственных органов власти, аналитических отчетов и публикаций в СМИ определены особенности цифровизации финансового мониторинга, аудита и надзора в Китае. Показаны основные участники внутреннего государственного финансового контроля и зоны их ответственности. Приведены ключевые концепции и проекты цифровизации аудиторских и надзорных функций: концепция «Интернет Плюс», проект «Золотой аудит», проект внедрения системы мониторинга финансовых рисков, раннего информирования и предупреждения об их возникновении, как органов контроля, так и подконтрольных объектов. Отмечены последние тенденции и области применения технологий на базе искусственного интеллекта и обработки больших данных, в том числе активное использование чат-ботов, методов машинного обучения и инструментов обработки естественного языка. Указаны действия, которые предпринимает Китай для снижения рисков и повышения эффективности деятельности участников финансового рынка, как организационного характера, так и в части нормативно-правового обеспечения.

Ключевые слова:

Китай, КНР, финансовый контроль, цифровой аудит, Золотой аудит, мониторинг финансовых рисков, превентивный цифровой контроль, Интернет-плюс.

Источники финансирования:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Для цитирования:

Долганова О.И., Козырев Д.А. Цифровизация контрольной и надзорной деятельности участников финансового рынка в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 39–52. DOI: 10.31857/S0131281224050033.

Развитие цифровой экономики в Китае задает новые стандарты деятельности государственных структур и бизнеса, а также формирует основу для достижения технологиче-

ского лидерства в мире¹. В последнее время КНР по объему цифровой экономики, который составляет почти 38,9 % ВВП страны, занимает второе место в мире². При этом финансовая система играет одну из ключевых ролей в экономическом развитии страны, а в научной среде активно обсуждаются вопросы финансирования различных отраслей народного хозяйства, от реализации инфраструктурных проектов³ до развития сельского хозяйства⁴.

Регуляторная и надзорная деятельность в этой области является одной из важнейших функций государства. На национальный аудит в Китае возлагаются задачи поддержки финансового и экономического порядка для обеспечения здорового функционирования экономики и общества, а также для содействия внедрению надлежащего национального управления⁵. Сильная политика надзора повышает целостность рынка, снижает риск финансового кризиса и оказывает положительное влияние на инвестиционную атмосферу в стране⁶.

Цифровые технологии помогают надзорным органам повышать свою пропускную способность, упрощать за счет ИТ и частично автоматизировать процессы сбора, интерпретации и анализа информации, собираемой о деятельности подконтрольных организаций. Так для совершенствования государственного финансового контроля и аудита в Китае реализуется проект «Золотой аудит»; для поддержки превентивных мер управления внедряются элементы концепции «Интернет Плюс» и создается система мониторинга финансовых рисков и обеспечения раннего предупреждения об их возникновении. Эти направления цифровизации, а также последние действия по регулированию в области управления и использования собираемых данных об объектах контроля далее будут рассмотрены подробнее.

Формирование базиса цифрового финансового надзора и регулирования в Китае

Китай сегодня относится к ведущим странам глобального управления информационным пространством и в ряде вопросов, например, разработка и применение технологий искусственного интеллекта, практически определяет технологическое развитие мира⁷. КНР можно назвать одним из лидеров в сфере технологических инноваций в государственной сфере. Это одна из самых передовых стран в области развития не только электронного правительства, но цифровизации надзорной и регуляторной деятельности, которая началась еще в 1990-х гг.

¹ Kai Y. China's digital economy: level and development factors // *Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2024. No. 2 (78). Art. 7804. DOI: 10.24412/1999–2645–2024–278–4

² Digital economy to receive top priority // *China Daily*. April 4, 2023.
URL: https://english.www.gov.cn/news/202304/04/content_WS642b78a4c6d03ffcca6ec072.html (дата обращения: 13.08.2024).

³ Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z. Examining the Impact of Infrastructure Financialization on Uneven Regional Development: Evidence from China // *Land*. 2023. No. 12. P. 641. DOI: 10.3390/land12030641

⁴ Manogna R. L., Kulkarni N., Krishna D. Nexus between financialization of agricultural products and food security amid financial crisis: empirical insights from BRICS // *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*. 2024. DOI: 10.1108/JADEE-06–2023–0147

⁵ An G., Si W. Research on Policy Implementation Audit. *Frontiers in Business // Economics and Management*. 2022. No. 4. Pp. 122–128. DOI: 10.54097/fbem.v4i2.873

⁶ Zeranski S., Sancak I.E. Digitalisation of Financial Supervision with Supervisory Technology (SupTech) // *Journal of International Banking Law & Regulation*. 2020. Iss. 8. Pp. 309–329. DOI: 10.2139/ssrn.3632053

⁷ Юдина Т.Н., Яо Линдун Становление Китая как кибернетической сверхдержавы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 117–132. DOI: 10.31857/S0131281224020094

При этом правительство Китая четко осознает потенциальные риски, связанные с развитием цифровых технологий в области финансовых услуг, и необходимость регулирования последних. В 2013 г. было принято Положение Госсовета, направленное на систематизацию сбора, обработки, хранения и предоставления сведений об организациях и физических лицах. Также было введено очень важно понятие «поставщик информации»⁸, которое регламентирует правила и ответственность при передаче тех или иных данных в органы государственной власти.

Так, уже в отчете Народного банка Китая за 2014 г. были зафиксированы некоторые риски, связанные с финансовой стабильностью, защитой прав потребителей, конкуренцией и эффективностью финансового сектора, а также незаконной деятельностью в данной сфере.

Необходимость сбалансированного регулирования и надзора за цифровыми финансами была отмечена Государственным советом КНР еще в 2015 г. Тогда же определены пять основных принципов применения цифровых технологий в финансовой сфере: 1) стремление к повышению эффективности и развитию возможностей в области финансовых услуг; 2) цифровые финансы должны способствовать эффективному распределению ресурсов и становлению финансовой стабильности, а также не должны вызывать резких колебаний цен или очевидного увеличения финансовых затрат; 3) поставщики цифровых финансовых услуг должны гарантировать, что законные права и интересы потребителей должным образом защищены; 4) поставщики цифровых финансовых услуг должны участвовать в честной конкуренции и соблюдать соответствующие установленные законом требования; 5) обеспечение сбалансированного государственного надзора и формирование отраслевой самодисциплины⁹.

Постепенно на вышеописанных принципах была сформирована система органов контроля и регулирования деятельности в финансовой сфере.

Министерство финансов отвечает за политику финансового надзора. Национальное аудиторское управление КНР (中华人民共和国审计署, National Audit Office of the People's Republic of China, CNAO), являясь структурным подразделением Счетной палаты, отвечает за национальный аудит, в том числе проверку и надзор эффективности бюджетных доходов и расходов¹⁰. Народный банк Китая осуществляет регулируемую деятельность в целом, но в первую очередь отвечает за надзор в сфере оказания платежных услуг и противодействие отмыванию денег (AML)¹¹. Кроме того, он отвечает за создание и совершенствование системы статистики и мониторинга финансовых данных в Интернет¹². Комитет по регулированию и надзору (CBRC) контролирует деятельность платформ P2P-кредитования¹³ и краудфандинговых систем. Также в его зоне ответственности вопросы защиты прав потребителей в финансовой сфере. Национальная ассоциация ин-

⁸ Афонина Л.А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254–0

⁹ Ross B., Weihuan Z., Douglas A. Regulation of Digital Financial Services in China: Last Mover Advantage // *Tsinghua China Law Review*. 2015. No. 8. Pp. 25–62.

¹⁰ 审计署简介 [Знакомство с Ревизионной комиссией] // 中华人民共和国审计署. URL: <https://www.audit.gov.cn/n10/n14/index.html> (дата обращения: 01.11.2024).

¹¹ Ross B., Weihuan Z., Douglas A. Regulation of Digital Financial Services in China: Last Mover Advantage // *Tsinghua China Law Review*. 2015. No. 8. Pp. 25–62.

¹² 人民银行等十部门发布《关于促进互联网金融健康发展的指导意见》 [Десять департаментов, включая Народный банк Китая, опубликовали «Руководящие заключения по содействию здоровому развитию интернет-финансов»] // 中央政府门户网站. 18.07.2015. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/18/content_2899360.htm (дата обращения: 16.07.2024).

¹³ Кредитование физических лиц другими физическими лицами, осуществляемое через сервисы специализированной онлайн платформы.

тернет-финансирования (National Internet Finance Association of China, NIFA) с помощью саморегулируемого управления занимается стандартизацией рыночного поведения практиков и защитой прав всех участников финансового рынка¹⁴. Кроме того, при Госсовете КНР действует специальная межведомственная комиссия¹⁵. Однако важно отметить, что органы государственного аудита, осуществляющие надзор за финансовыми расходами государственных министерств, ведомств и подведомственных учреждений, входят в систему исполнительной власти КНР, что не позволяет им быть полностью независимыми¹⁶.

История развития цифрового надзора и регулирования в Китае началась во второй половине 2010-х гг. Информационные технологии стали инструментом снижения себестоимости финансовых услуг для участников финансового рынка и расходов государственных надзорных органов. В основном речь шла об уменьшении ручной обработки исходных данных, например, при подготовке текущей отчетности и идентификации клиентов.

Затем надзорные органы начали использовать технологии, предназначенные для автоматизации и оптимизации административных и операционных процедур, оцифровывания данных, а также для улучшения анализа слабо структурированной информации (например, договоров, отчетов). В это же время внедряются первые решения, позволяющие обрабатывать большие данные (Big Data), в т.ч. с применением облачных технологий и искусственного интеллекта.

Сегодня Китай в области цифровизации аудиторской и регуляторной деятельности в финансовой сфере применяет научно-технический подход¹⁷. Он заключается не только во внедрении инновационных технологий и методов реализации мониторинга, контроля и регулирования, но и в комплексном реформировании системы управления финансовыми рисками, раннего оповещения контролеров и подконтрольных организаций о возможном наступлении неблагоприятных ситуаций.

В рамках данного подхода на государственном уровне используются и непрерывно развиваются сразу несколько решений, среди которых в качестве основных можно выделить: комплекс технологий «Интернет Плюс», система «Золотой аудит» и система мониторинга финансовых рисков и раннего предупреждения.

Концепция «Интернет Плюс» для поддержки превентивных государственных мер в области финансового контроля

«Интернет Плюс» (互联网+) — это план развития экономики Китая, представленный 4 июля 2015 г., а также комплекс цифровых сквозных технологий, используемых в различных отраслях народного хозяйства Китая. Концепция реализации данного плана предполагает интеграцию технологий мобильного интернета, облачных вычислений, больших данных и Интернет вещей для стимулирования развития электронной коммерции, промышленных сетей и интернет-банкинга.

В финансовой отрасли «Интернет Плюс» используется для предоставления финансовых услуг и продажи продуктов. Клиенты могут оплачивать счета и переводить деньги с помощью различных интернет-сервисов. В сфере финансового контроля и над-

¹⁴ 中国互联网金融协会 [Китайская ассоциация интернет-финансов] // 中国人民银行金融研究所. 14.06.2023. URL: <https://pbocri.org.cn/24940.html> (дата обращения: 14.08.2024).

¹⁵ Шаило Н.В. Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая // *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024. № 2 (2). С. 22–30. DOI: 10.23947/2949–1843–2024–2–2–22–30

¹⁶ Лю Я. Аудиторский рынок в России и Китае // *Учет. Анализ. Аудит*. 2022. № 9 (2). С. 87–94. DOI: 10.26794/2408–9303–2022–9–2–87–94

¹⁷ An G., Si W. Research on Policy Implementation Audit. *Frontiers in Business // Economics and Management*. 2022. No. 4. Pp. 122–128. DOI: 10.54097/fbem.v4i2.873

зора данные цифровые технологии позволяют сократить затраты времени и средств на сбор и анализ информации об объектах контроля, а также частично автоматизировать процедуры принятия решений в типовых случаях.

В 2023 г. ЦК КПК был опубликован «Общий план строительства цифрового Китая»¹⁸, где отмечается необходимость создания национальной системы и механизмов управления данными на всех уровнях (национальном, региональном, муниципальном), а также обеспечения их агрегирования и использования всеми заинтересованными лицами.

В КНР данная концепция является базисом для системы «Золотой аудит», позволяя собирать необходимую информацию в режиме реального времени на разных уровнях власти, обрабатывая информацию и предоставляя ее широкому кругу заинтересованных лиц.

Проект «Золотой аудит» Китая

Особый интерес сегодня представляет проект по разработке и внедрению системы «Золотой аудит» (国家审计信息化建设项目, Government Financial Management Information System, GFMIS, Golden Audit), реализация которого началась в 2002 г. Национальным контрольно-ревизионным управлением¹⁹. Его 1-я фаза была завершена в ноябре 2004 г., когда система обеспечивала работу с вычислительными мощностями центров обработки данных и преобразованию информации в электронный формат. В 2014 г. Национальное аудиторское управление КНР (CNAO) выпустило стратегию, направленную на усиление аудиторской работы, в которой указывалось, что компетентные органы, финансовые организации, государственные предприятия и общественные учреждения должны предоставлять аудиторским учреждениям всю информацию в электронном виде и сопровождать ее необходимой технической документацией, обеспечивающей ее корректную идентификацию и обработку.

С 2015 г. и по настоящее время реализуется 3-я фаза проекта построения системы «Золотой аудит». Уже создана технологическая поддержка цифрового аудита, т.е. обеспечены общий анализ, систематическое исследование, устранение неполадок, децентрализованная проверка и точное позиционирование данных о подконтрольных организациях²⁰. Его дальнейшая реализация осуществляется совместно с проектом «Большие данные», который стал ядром строящейся комплексной национальной системы финансового контроля и аудита.

Параллельно Национальное аудиторское управление КНР (CNAO) создает систему анализа и аудита больших данных в целях повышения качества и эффективности аудиторской работы, а также увеличения масштаба и глубины контрольной работы.

В настоящее время CNAO построила глобальную сеть (WAN) с более чем 40 агентствами и 37 провинциальными аудиторскими учреждениями. Данная структура обслуживает цифровую систему финансового надзора на всех уровнях власти (национальный, региональный, местный) и по всей стране.

¹⁸ 中共中央 国务院印发《数字中国建设整体布局规划》[Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Госсовет КНР опубликовали «Общий план строительства цифрового Китая»] // 新华社. 27.02.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (дата обращения: 15.08.2024).

¹⁹ Qiu J., Xu J. Research on Informatization Construction of Government Audit Under the Background of Big Data Era // 2020 3rd International Conference on Advanced Electronic Materials, Computers and Software Engineering (AEMCSE). Shenzhen, China. 2020. Pp. 354–359. DOI: 10.1109/AEMCSE50948.2020.00083

²⁰ Otia J., Bracci E. Digital transformation and the public sector auditing: The SAI's perspective // *Financial Accountability & Management*. 2022. Vol. 38. No. 2. Pp. 252–280. DOI: 10.1111/faam.12317

Применяемые методы анализа данных в аудите включают следующие три уровня: первый основан на использовании опыта экспертов по аудиту и рутинной технологии анализа. Второй основан на цифровых моделях аудита и технологии многомерного анализа данных. Пользователи выдвигают собственные предположения, затем информационная система проверяет гипотезу и формирует правило для автономной системы на базе искусственного интеллекта. Третий уровень основан на технологии интеллектуального анализа информации — специалисты находят определенную закономерность из «больших данных» для прогнозирования тенденций и поведения объекта анализа²¹. Подобные системы позволяют выявить нетривиальную информацию, которая упускается из вида при ручной обработке данных. Таким образом, подобные технологии помогают аудиторам принимать решения, основанные на детально и всесторонне проанализированной текущей и ретроспективной информации.

Анализ больших финансовых данных в Китае имеет две особенности: первая — это комплексное использование диверсифицированных данных из сложных источников, а другая — это инновационное использование интеллектуальных технологий и методов анализа данных. Национальное аудиторское управление (CNAO) в полной мере использует многоотраслевые данные из фискального администрирования, налоговой, промышленной и коммерческих баз, выполняют межотраслевой, межуровневый и межсистемный комплексный анализ данных. Например, при реализации национального финансового аудита государственной политики Китая по борьбе с бедностью подобные технологии применяются для отслеживания истинных направлений и последствий усилий государственных фондов борьбы с бедностью²².

Мониторинг финансовых рисков и раннее предупреждение на основе анализа больших данных

Децентрализация экономического регулирования по принципу «соблюдения баланса государственного надзора и формирования отраслевой самодисциплины» способствует быстрому росту частного финансирования в Китае²³. Но это приводит к появлению новых проблем и рисков, которые требуют постоянного мониторинга и раннего предупреждения, как со стороны бизнеса, частных инвесторов, так и со стороны государства.

Развитие превентивных мер оценки финансового риска в Китае началось еще в 1980-х гг. Однако большее внимание данному вопросу начали уделять с 2008 г., после масштабного кризиса финансовой системы в разных странах мира. В 2016 г. был опубликован 13-й пятилетний план развития национальной экономики и социального развития Китая, в котором предлагалось рассматривать большие данные как основные стратегические ресурсы. С этого момента повышенный интерес стал проявляться к методам и технологиям анализа больших данных, которые позволяют выявлять угрозы в режиме реального времени, повышать качество оценки рисков благодаря глубокому изучению данных и выявлению скрытых закономерностей, прогнозировать и проводить сценарный анализ в рамках управления рисками, а также повышают эффективность соблюдения нормативных требований.

²¹ China's Audit in the Era of Big Data // *China National Audit Office (CNAO). INTOSAI*.

URL: <https://wgvybs.intosaicommunity.net/wp-content/uploads/2019/08/02-Report-Big-Data.pdf> (дата обращения: 16.09.2024).

²² China's Audit in the Era of Big Data // *China National Audit Office (CNAO). INTOSAI*.

URL: <https://wgvybs.intosaicommunity.net/wp-content/uploads/2019/08/02-Report-Big-Data.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

²³ Ross B., Weihuan Z., Douglas A. Regulation of Digital Financial Services in China: Last Mover Advantage // *Tsinghua China Law Review*. 2015. No. 8. Pp. 25–62.

Однако Китай столкнулся с проблемой, характерной и для нашей страны. Большинство экспертов и аналитиков предлагают использовать зарубежные модели идентификации и управления рисками. Т.е. заменять ими наработанные годами китайские корпоративные финансовые модели, при этом не учитывая национальную специфику и различия между китайскими и международными стандартами финансового учета²⁴.

Таким образом сегодня наблюдается активная деятельность в области теоретического исследования и практических проработок моделей предупреждения финансовых рисков. Создаются собственные (национальные) многофакторные модели, учитывающие активности компании, ее характер, отраслевую специфику, а также функциональные возможности имеющихся государственных информационных систем и содержание их баз данных.

В КНР система, которая упрощает работу частных аудиторов и контрольных органов в области финансовых рисков, имеет два уровня обработки информации: 1) диспетчерский центр раннего предупреждения и 2) информационный центр раннего предупреждения (рис. 1). На первом уровне собирается и обрабатывается внутренняя и внешняя информация об объекте (организации), а на втором — выдается результат анализа, предупреждения о возможном наступлении рисков ситуации, а также осуществляется сбор и обмен опытом в данной области²⁵.

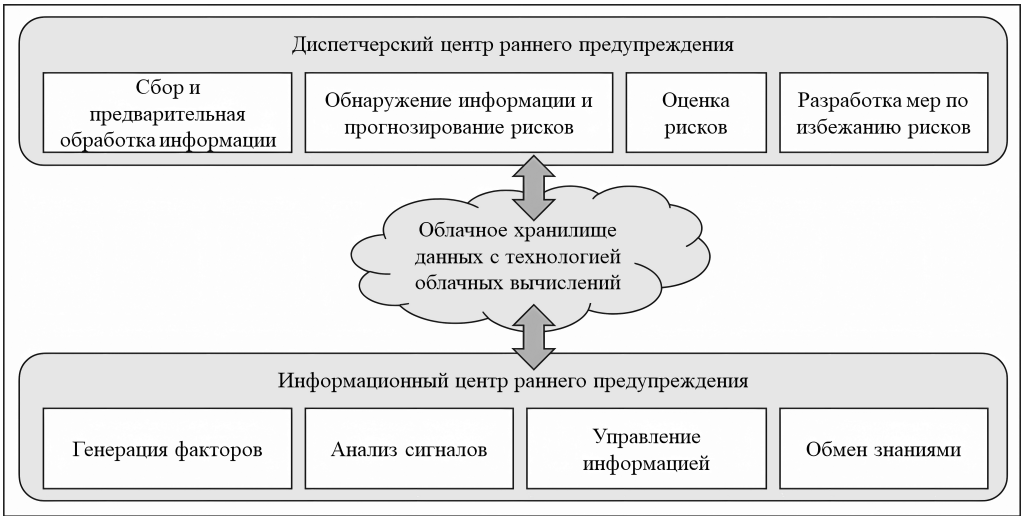

Рис. 1. Система управления ранним предупреждением о рисках в Китае
Figure 1. The Risk Early Warning Management System in China

Источник: разработано авторами по материалам: Wang Y. Research on Financial Risk Monitoring and Early Warning in China Based on Big Data Analysis // *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 17. P. 273. DOI: 10.54097/hbem.v17i.11347

Непрерывный аудит (СА) стал важным направлением развития информатизации аудита в Китае. Для получения аудиторских доказательств нетрудно обнаружить, что по сравнению с аудитом электронных данных на месте (на территории компании) принцип сетевого аудита можно рассматривать как процесс сбора электронных данных из прове-

²⁴ Haitong W., Xinghai W. Financial Risk Management Early-Warning Model for Chinese Enterprises // *Journal of Risk and Financial Management*. 2024. No. 17. P. 255. DOI: 10.3390/jrfm17070255

²⁵ Wang Y. Research on Financial Risk Monitoring and Early Warning in China Based on Big Data Analysis // *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 17. P. 273. DOI: 10.54097/hbem.v17i.11347

ряемой компании путем удаленного сетевого взаимодействия и анализа. Применение технологии сетевого аудита позволило накопить большой объем электронных данных о различных компаниях и использовать их в работе аудитора²⁶.

Особенности сбора и использования данных об объекте контроля

Следующий этап цифровизации в области финансового надзора и регулирования заключается в переходе на поведенческое и всестороннее регулирование. В данном случае китайские власти для мониторинга и анализа деятельности участников финансового рынка планируют собирать и консолидировать информацию об объектах контроля из всех законных источников, а также расширять практику применения поведенческого надзора.

В 2021 г. в закон об аудите КНР (中华人民共和国审计法) внесены существенные корректировки. Например, в нем отмечается, что поведение аудиторов и совершаемые ими процедуры должны быть строго регламентированы. При этом аудитор может затребовать дополнительную информацию у проверяемого объекта, однако он не имеет права повторно запрашивать данные, которые есть в национальных информационных системах²⁷. Тем самым снижается нагрузка на проверяемые компании в части предоставления информации.

Другим нововведением является принятие меры по усилению проверки аудиторских отчетов, которые предоставляют компании в государственные контрольные службы. Так, Министерством финансов в 2023 г. было выпущено уведомление (№ 15 от 15.05.2023), где отмечается, что все аудиторские отчеты должны загружаться в Единую китайскую платформу надзора CPA²⁸. Там они проверяются на оригинальность, достоверность и правомерность, а затем кодифицируются. Таким образом осуществляется проверка законности проведенного аудита (аудиторская фирма имеет соответствующую лицензию), выявляется подделка отчета или подлог данных²⁹.

На государственном уровне разработан план создания Национальной интегрированной системы больших данных по государственным делам, которая к 2025 г. обеспечит доступ контролерам и аудиторам к миллионам наборов правительственных данных по принципу «одного окна». Важно отметить, что государственные и муниципальные органы власти на всех уровнях управления по всему Китаю уже внесли свой вклад в этот каталог данных. На начало 2024 г. уже описано более 3 млн библиотек правительственных данных и более 20 млн единиц информации. Этот каталог включает наборы данных о населении Китая, юридических лицах, природных ресурсах и национальной экономике.

Для обеспечения защиты собираемой и используемой информации китайские регуляторы активно работают над созданием серии стандартов по идентификации, классификации и защите данных. Например, технические стандарты «Технология безопасно-

²⁶ Kuhn Jr, J. R., Sutton, S. G. Continuous Auditing in ERP System Environments: The Current State and Future Directions // *Journal of Information Systems*. 2010. No. 24. Pp. 91–112. DOI: 10.2308/jis.2010.24.1.91

²⁷ [专家谈审计法] 黄薇: 完善审计监督制度 规范和保障审计机关依法履行职责 [[Эксперты говорят о законе об аудите] Хуан Вэй: Улучшите систему аудиторского надзора и обеспечьте, чтобы аудиторские агентства выполняли свои обязанности в соответствии с законом] // 新华社. 03.11.2021. URL: <https://www.audit.gov.cn/n10017770/n10157446/c10146593/content.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁸ 注册会计师行业统一监管平台 [Единая китайская платформа надзора CPA]. URL: <http://acc.mof.gov.cn> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁹ 财政部, 国务院国资委, 金融监管总局关于加强审计报告查验工作的通知 [Уведомление Министерства финансов, Комиссии по надзору и управлению государственными активами Государственного совета и Государственного управления по финансовому регулированию об усилении проверки аудиторских отчетов] // *China's Leader in Online Legal Research*. 15.05.2023. URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=42028&lib=law> (дата обращения: 01.11.2024).

сти данных — Правила классификации и оценки данных» (GB/T 43697–2024), которые вступили в силу в октябре 2024 г. В них приводится классификация по типу, уровню риска и чувствительности соответствующей информации для бизнеса и государства; выделяются такие категории данных, как важные, основные, общие, персональная и конфиденциальная личная информация, публичные данные, данные организации, полученные данные³⁰. Интересным и нетривиальным приемом видится выделение в отдельную категорию данных, полученных в результате применения какого-либо метода обработки: обезличивания, агрегации, корреляции и т.д.

Следующим шагом является создание и внедрение к 2026 г. национальной системы стандартов данных, которая будет базироваться на пересмотренных и переосмысленных 30 общенациональных стандартов в этой сфере³¹.

Понимая, что государственные учреждения и бизнес в своей деятельности активно используют искусственный интеллект, Национальный технический комитет по стандартизации информационной безопасности (NISSTC) в мае 2024 г. опубликовал проект правил обеспечения кибербезопасности при создании и применении сервисов генеративного искусственного интеллекта. В этом документе особое внимание уделяется требованиям к использованию данных, построению моделей обучения и функционирования подобного искусственного интеллекта.

Технологии на базе искусственного интеллекта довольно активно внедряются в деятельность китайских аудиторских и надзорных органов. Такие решения, в отличие от традиционных систем, могут выявлять более сложные модели рисков в течение более длительных циклов; и они могут использовать трансферное обучение для адаптации к различным вертикалям бизнеса, тем самым повышая точность выявления рискованных ситуаций.

Однако применение подобных систем может привести к предвзятости и искажению результатов анализа в следствии некорректно составленной модели обучения искусственного интеллекта. Важно учитывать, что ни один государственный орган не может иметь доступа к достаточным данным с точки зрения широты и глубины. Таким образом, решение принимается на основе ограниченного набора данных, но с учетом их подлинности, целостности, актуальности и полноты. Поэтому разработка подобных стандартов, видится верным шагом, повышая, с одной стороны, прозрачность используемых моделей сбора и анализа информации, а с другой стороны, строго регламентируя границы и область применения искусственного интеллекта. Китайские ученые, а также политическое руководство страны считают вопрос законодательного закрепления правил разработки и применения искусственного интеллекта одним из приобретенных, что подкрепляется интенсивностью принятия нормативно-правовых актов в данной сфере. Так, например, в 2023 г. были приняты «Временные меры по управлению генеративным искусственным интеллектом» (生成式人工智能服务管理暂行办法), в 2024 г. уже планируется принять полноценный закон об искусственном интеллекте³².

Развитие не может быть без рисков, сопутствующих любым нововведениями. Прежде всего речь идет о нарушениях и преступлениях в ИТ-сфере. Поэтому на повестке зако-

³⁰ Huld A. China Releases Technical Standards Guiding the Classification of «Important» Data // *China Briefing*. April 3, 2024. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-data-classification-standards-important-data/> (дата обращения: 01.09.2024).

³¹ 国家发展改革委等部门关于印发《国家数据标准体系建设指南》的通知 [Уведомление Национальной комиссии по развитию и реформам и других ведомств о выпуске «Руководства по построению национальной системы стандартов данных»] // 中央网络安全和信息化委员会办公室. 11.10.2024. URL: https://www.cac.gov.cn/2024-10/11/c_1730337907916423.htm (дата обращения: 02.11.2024).

³² Пиковер А.В. Политика КНР в области искусственного интеллекта // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 4. С. 87–98. DOI: 10.31857/S0131281224040076

нотворческой деятельности 2024 г. в Китае стоит задача пересмотра закона о кибербезопасности³³. Китайский подход к цифровизации контрольных и надзорных функций сопровождается также рядом рисков. Например, риск утечки персональных данных из государственных систем, нарушение конфиденциальности, раскрытие коммерческой тайны и т.п. Регуляторные инициативы, направленные на сбор данных с коммерческих компаний, ограничивают доступ к данным китайских компаний и граждан, а также лиц, работающих с ними на территории КНР. Как и в России, в Китае действует закон о защите персональной информации (PIPL), обязывающий данных лиц хранить всю персональную информацию о сотрудниках компании и ее клиентах только на территории Китая. Также определены и постоянно подвергаются уточнению правила трансграничной передачи информации.

В области правового регулирования применения информационных технологий, сбора и обработки данных в ходе финансового мониторинга и контроля, китайские власти пытаются найти баланс между всеобъемлющим глубоким анализом и обеспечением защиты персональной и коммерческой тайны. Так, например, в течение 2024 г. активно обсуждался вопрос усиления мониторинга и анализа по отмыванию денег. Это связано с активным применением цифровых финансовых технологий и новых видов бизнеса. Как отметил Ван Сян, представитель высшего законодательного органа КНР, в проекте закона о борьбе с отмыванием денег указывается, что новые меры борьбы должны быть сопоставимы с соответствующими рисками, а также соблюдать законные права и интересы проверяемых лиц в части безопасности данных и защиты конфиденциальности³⁴. В другой поправке к этому закону указывается, что масштаб комплексной проверки должен быть сопоставим со статусом риска анализируемых финансовых операций, а также характеристикой конкретного объекта контроля. Это позволит обеспечить персонализированный подход и упростить контрольные процедуры, где риск невелик.

* * *

Традиционные формы контроля, которые сегодня подвергаются цифровизации, позволяют оценить соблюдение норм и требований, выполнение финансовых обязательств, в некоторых случаях дать объяснение отклонениям. Но они не позволяют использовать полученные информацию и знания для выявления возможностей по совершенствованию финансовой системы, ее механизмов, правил и норм³⁵.

Активно внедряемые Китаем цифровые технологии на основе больших данных и искусственного интеллекта позволяют выявлять узкие места в административных процессах, нормативно-правовом обеспечении и действиях подконтрольных объектов, и в превентивном режиме давать рекомендации по их устранению. Например, для формирования более гибкого подхода в финансовой поддержке развития инфраструктуры с учетом особенностей каждого конкретного региона³⁶.

Строящаяся масштабная система, где будут консолидироваться корпоративные, общедоступные и государственные данные об участниках финансового рынка — очень

³³ Posters: Legislative priorities in 2024 unveiled // *The National People's Congress of the People's Republic of China*. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2024-03/11/c_970159_6.htm (дата обращения: 02.11.2024).

³⁴ Anti-money laundering law enhanced // *The National People's Congress of the People's Republic of China*. 09.10.2024. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2024-09/10/c_1020166.htm (дата обращения: 30.10.2024).

³⁵ An G., Si W. Research on Policy Implementation Audit. *Frontiers in Business // Economics and Management*. 2022. No. 4. Pp. 122–128. DOI: 10.54097/fbem.v4i2.873

³⁶ Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z. Examining the Impact of Infrastructure Financialization on Uneven Regional Development: Evidence from China // *Land*. 2023. No. 12. P. 641. DOI: 10.3390/land12030641

амбициозная задача для Китая. Ее реализация даже на текущем промежуточном этапе показывает свою эффективность, позволяя оперативно, в режиме реального времени собирать и анализировать информацию о деятельности каждой компании на разном уровне государственного управления. Полученные результаты могут быть использованы как для предупреждения о возникновении рискованных ситуаций, выдачи рекомендаций по устранению недостатков, так и в режиме контрольно-надзорной деятельности. Однако важно помнить, что сегодня генерируемые машиной советы нельзя реализовывать без анализа и доработки человеком, но они могут использоваться в качестве отправной точки для улучшения текущего государственного управления в финансовой сфере страны.

На наш взгляд, интересным видится дальнейшее более детальное изучение того, как китайскими властями и отраслевым саморегулированием решаются задачи превентивного финансового мониторинга и контроля реализации крупных инфраструктурных проектов, участниками которых кроме китайских компаний, являются еще и зарубежные организации.

Литература

- Афонина Л.А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254–0
- Лю Я. Аудиторский рынок в России и Китае // *Учет. Анализ. Аудит*. 2022. № 9 (2). С. 87–94. DOI: 10.26794/2408–9303–2022–9–2–87–94
- Пиковер А.В. Политика КНР в области искусственного интеллекта // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 4. С. 87–98. DOI: 10.31857/S0131281224040076
- Шашло Н.В. Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая // *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024. № 2 (2). С. 22–30. DOI: 10.23947/2949–1843–2024–2–2–22–30
- Юдина Т.Н., Яо Линдун. Становление Китая как кибернетической сверхдержавы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 117–132. DOI: 10.31857/S0131281224020094
- An G., Si W. Research on Policy Implementation Audit. *Frontiers in Business // Economics and Management*. 2022. No. 4. Pp. 122–128. DOI: 10.54097/fbem.v4i2.873
- Anti-money laundering law enhanced // *The National People's Congress of the People's Republic of China*. 09.10.2024. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2024–09/10/c_1020166.htm (дата обращения: 30.10.2024).
- China's Audit in the Era of Big Data // *China National Audit Office (CNAO), INTOSAI*. URL: <https://wgvs.intosaicommunity.net/wp-content/uploads/2019/08/02-Report-Big-Data.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).
- Haitong W., Xinghai W. Financial Risk Management Early-Warning Model for Chinese Enterprises // *Journal of Risk and Financial Management*. 2024. No. 17. DOI: 10.3390/jrfm17070255
- Huld A. China Releases Technical Standards Guiding the Classification of «Important» Data // *China Briefing*. April 3, 2024. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-data-classification-standards-important-data/> (дата обращения: 01.09.2024).
- Kai Y. China's digital economy: level and development factors // *Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2024. No. 2 (78). Art. 7804. DOI: 10.24412/1999–2645–2024–278–4
- Kuhn Jr, J. R., Sutton, S. G. Continuous Auditing in ERP System Environments: The Current State and Future Directions // *Journal of Information Systems*. 2010. No. 24. Pp. 91–112. DOI: 10.2308/jis.2010.24.1.91
- Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z. Examining the Impact of Infrastructure Financialization on Uneven Regional Development: Evidence from China // *Land*. 2023. No. 12. DOI: 10.3390/land12030641
- Manogna R. L., Kulkarni N., Krishna D. Nexus between financialization of agricultural products and food security amid financial crisis: empirical insights from BRICS // *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*. 2024. DOI: 10.1108/JADEE-06–2023–0147
- Otia J. Bracci E. Digital transformation and the public sector auditing: The SAI's perspective // *Financial Accountability & Management*. 2022. Vol. 38. No. 2. Pp. 252–280. DOI: 10.1111/faam.12317
- Qiu J., Xu J. Research on Informatization Construction of Government Audit Under the Background of Big Data Era // *2020 3rd International Conference on Advanced Electronic Materials, Computers and*

- Software Engineering (AEMCSE)*. Shenzhen, China. 2020. Pp. 354–359. DOI: 10.1109/AEMCSE50948.2020.00083
- Ross B., Weihuan Z., Douglas A. Regulation of Digital Financial Services in China: Last Mover Advantage // *Tsinghua China Law Review*. 2015. No. 8. Pp. 25–62.
- Wang Y. Research on Financial Risk Monitoring and Early Warning in China Based on Big Data Analysis // *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 17. DOI: 10.54097/hbem.v17i.11347
- Zeranski S., Sancak I.E. Digitalisation of Financial Supervision with Supervisory Technology (SupTech) // *Journal of International Banking Law & Regulation*. 2020. Iss. 8. Pp. 309–329. DOI: 10.2139/ssrn.3632053
- [专家谈审计法]黄薇：完善审计监督制度 规范和保障审计机关依法履行职责 [[Эксперты говорят о законе об аудите] Хуан Вэй: Улучшите систему аудиторского надзора и обеспечьте, чтобы аудиторские агентства выполняли свои обязанности в соответствии с законом] // 新华社. 03.11.2021. URL: <https://www.audit.gov.cn/n10017770/n10157446/c10146593/content.html> (дата обращения: 01.11.2024).
- 中共中央 国务院印发《数字中国建设整体布局规划》 [Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Госсовет КНР опубликовали «Общий план строительства цифрового Китая»] // 新华社. 27.02.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (дата обращения: 15.08.2024).
- 中国互联网金融协会 [Китайская ассоциация интернет-финансов] // 中国人民银行金融研究所. 14.06.2023. URL: <https://pbocri.org.cn/24940.html> (дата обращения: 14.08.2024).
- 人民银行等十部门发布《关于促进互联网金融健康发展的指导意见》 [Десять департаментов, включая Народный банк Китая, опубликовали «Руководящие заключения по содействию здоровому развитию интернет-финансов»] // 中央政府门户网站. 18.07.2015. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/18/content_2899360.htm (дата обращения: 16.07.2024).
- 国家发展改革委等部门关于印发《国家数据标准体系建设指南》的通知 [Уведомление Национальной комиссии по развитию и реформам и других ведомств о выпуске «Руководства по построению национальной системы стандартов данных»] // 中央网络安全和信息化委员会办公室. 11.10.2024. URL: https://www.cac.gov.cn/2024-10/11/c_1730337907916423.htm (дата обращения: 02.11.2024).
- 审计署简介 [Знакомство с Ревизионной комиссией] // 中华人民共和国审计署. URL: <https://www.audit.gov.cn/n10/n14/index.html> (дата обращения: 01.11.2024).
- 财政部, 国务院国资委, 金融监管总局关于加强审计报告查验工作的通知 [Уведомление Министерства финансов, Комиссии по надзору и управлению государственными активами Государственного совета и Государственного управления по финансовому регулированию об усилении проверки аудиторских отчетов] // *China's Leader in Online Legal Research*. 15.05.2023. URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=42028&lib=law> (дата обращения: 01.11.2024).

Digitalization of Control and Supervisory Activities of Financial Market Participants in China

Olga I. Dolganova

Ph.D. (Economics), Associate Professor of Department of Financial Technologies, Leading Research Fellow of Institute for Financial Studies, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: 49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6060-5421. E-mail: oidolganova@fa.ru

Dmitry A. Kozыrev

Research intern of Institute for Financial Studies, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: 49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation). ORCID: 0009-0002-8803-4581. E-mail: 211289@edu.fa.ru

Received 13.10.2024.

Abstract:

Recently, the People's Republic of China has become the world leader in development of digital economy. The information technologies are being widely implemented both in business and government agencies. This makes it possible to create and develop large-scale national systems for collecting and processing a large volume of diverse information on the activities of financial mar-

ket participants. The purpose of this paper is to study the specifics of the application of digital technologies by the Chinese authorities to improve their control activities in the financial and budgetary sphere. Using the methods of analysis, synthesis, interpretation and generalization of information and data from scientific articles, official Internet resources of state authorities, analytical reports and media publications, the features of digitalization of financial monitoring, audit and supervision in China are identified. The main participants of the internal state financial control and their areas of responsibility are shown. The key concepts and projects for digitalization of audit and supervision functions are provided, such as: the Internet Plus concept, the Golden Audit project, project of implementation of the system of monitoring of financial risks, early notification and warning of their occurrence, both of control bodies and controlled entities. The latest trends and areas of application of technologies based on artificial intelligence and big data, including the active use of chatbots, machine learning methods and natural language processing tools are noted. The actions that China is taking to reduce risks, and improve the efficiency of financial market participants, both organizational and in terms of regulatory and legal support.

Key words:

China, PRC, financial control, digital audit, Golden Audit, financial risk monitoring, preventive digital control, Internet-Plus.

Funding sources:

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment for the Financial University.

For citation:

Dolganova O.I., Kozyrev D.A. Digitalization of Control and Supervisory Activities of Financial Market Participants in China // Far Eastern Studies. 2024. No. 5. Pp. 39–52.
DOI: 10.31857/S0131281224050033.

References

- Afonina L.A., Vinogradov A.V. Sistema obshchestvennogo doveriya v KNR [The system of public trust in the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 3. S. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254-0. (In Russ.).
- An G., Si W. Research on Policy Implementation Audit. *Frontiers in Business. Economics and Management*. 2022. No. 4. Pp. 122–128. DOI: 10.54097/fbem.v4i2.873
- Anti-money laundering law enhanced. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. 09.10.2024. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2024-09/10/c_1020166.htm (accessed: 30.10.2024).
- China's Audit in the Era of Big Data. *China National Audit Office (CNAO), INTOSAI*. URL: <https://wgvsb.intosaicommunity.net/wp-content/uploads/2019/08/02-Report-Big-Data.pdf> (accessed: 20.09.2024).
- Haitong W., Xinghai W. Financial Risk Management Early-Warning Model for Chinese Enterprises. *Journal of Risk and Financial Management*. 2024. No. 17. 255 p. DOI: 10.3390/jrfm17070255
- Huld A. China Releases Technical Standards Guiding the Classification of «Important» Data. *China Briefing*. April 3, 2024. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-data-classification-standards-important-data/> (accessed: 01.09.2024).
- Kai Y. China's digital economy: level and development factors. *Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2024. No. 2 (78). Art. 7804. DOI: 10.24412/1999-2645-2024-278-4
- Kuhn Jr, J. R., Sutton, S. G. Continuous Auditing in ERP System Environments: The Current State and Future Directions. *Journal of Information Systems*. 2010. No. 24. Pp. 91–112. DOI: 10.2308/jis.2010.24.1.91
- Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z. Examining the Impact of Infrastructure Financialization on Uneven Regional Development: Evidence from China. *Land*. 2023. No. 12. 641 p. DOI: 10.3390/land12030641
- Liu Ya. Auditorskiy rynek v Rossii i Kitaye [Audit Markets in Russia and China]. *Accounting. Analysis. Auditing*. 2022. No. 9(2). S. 87–94. DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-2-87-94. (In Russ.)
- Manogna R.L., Kulkarni N., Krishna D. Nexus between financialization of agricultural products and food security amid financial crisis: empirical insights from BRICS. *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*. 2024. DOI: 10.1108/JADEE-06-2023-0147
- Otia J. Bracci E. Digital transformation and the public sector auditing: The SAI's perspective. *Financial Accountability & Management*. 2022. Vol. 38. No. 2. Pp. 252–280. DOI: 10.1111/faam.12317

- Pikower A.V. Politika KNR v oblasti iskusstvennogo intellekta [China's Policy in the Field of Artificial Intelligence]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 4. S. 87–98. DOI: 10.31857/S0131281224040076 (In Russ.)
- Qiu J., Xu J. Research on Informatization Construction of Government Audit Under the Background of Big Data Era. *2020 3rd International Conference on Advanced Electronic Materials, Computers and Software Engineering (AEMCSE)*. Shenzhen, China. 2020. Pp. 354–359. DOI: 10.1109/AEMCSE50948.2020.00083
- Ross B., Weihuan Z., Douglas A. Regulation of Digital Financial Services in China: Last Mover Advantage. *Tsinghua China Law Review*. 2015. No. 8. Pp. 25–62.
- Shashlo N.V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya na preferentsial'nykh territoriyakh: opyt Kitaya [The mechanism of legal regulation of state financial control in preferential territories: the experience of China]. *Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti*. 2024. No. 2 (2). S. 22–30. DOI: 10.23947/2949–1843–2024–2–22–30. (In Russ.)
- Wang Y. Research on Financial Risk Monitoring and Early Warning in China Based on Big Data Analysis. *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 17. 273 p. DOI: 10.54097/hbem.v17i.11347
- Yudina T.N., Yao Lindun Stanovleniye Kitaya kak kiberneticheskoy sverkhderzhavy [The emergence of China as a cybernetic superpower]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 2. S. 117–132. DOI: 10.31857/S0131281224020094. (In Russ.)
- Zeranski S., Sancak I.E. Digitalisation of Financial Supervision with Supervisory Technology (SupTech). *Journal of International Banking Law & Regulation*. 2020. Iss. 8. Pp. 309–329. DOI: 10.2139/ssrn.3632053
- [专家谈审计法]黄薇: 完善审计监督制度 规范和保障审计机关依法履行职责 [The CPC Central Committee and the State Council issued the "Overall Layout Plan for the Construction of Digital China"]. 新华社. 03.11.2021.
URL: <https://www.audit.gov.cn/n10017770/n10157446/c10146593/content.html> (accessed: 01.11.2024). (In Chin.)
- 中共中央 国务院印发《数字中国建设整体布局规划》 [The CPC Central Committee and the State Council issued the "Overall Layout Plan for the Construction of Digital China"]. 新华社. 27.02.2023.
URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (accessed: 15.08.2024). (In Chin.)
- 中国互联网金融协会 [China Internet Finance Association]. 中国人民银行金融研究所. 14.06.2023.
URL: <https://pbocri.org.cn/24940.html> (accessed: 14.08.2024). (In Chin.)
- 人民银行等十部门发布《关于促进互联网金融健康发展的指导意见》 [The People's Bank of China and ten other departments issued the "Guiding Opinions on Promoting the Healthy Development of Internet Finance"]. 中央政府门户网站. 18.07.2015. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-07/18/content_2899360.htm (accessed: 16.07.2024). (In Chin.)
- 国家发展改革委等部门关于印发《国家数据标准体系建设指南》的通知 [Notice of the National Development and Reform Commission and other departments on the issuance of the "Guidelines for the Construction of the National Data Standards System"]. 中央网络安全和信息化委员会办公室. 11.10.2024. URL: https://www.cac.gov.cn/2024-10/11/c_1730337907916423.htm (accessed: 02.11.2024). (In Chin.)
- 审计署简介 [Introduction to the National Audit Office]. 中华人民共和国审计署.
URL: <https://www.audit.gov.cn/n10/n14/index.html> (accessed: 01.11.2024). (In Chin.)
- 财政部、国务院国资委、金融监管总局关于加强审计报告查验工作的通知 [Notice from the Ministry of Finance, the State-owned Assets Supervision and Administration Commission of the State Council and the Financial Regulatory Administration on strengthening the verification of audit reports]. China's Leader in Online Legal Research. 15.05.2023. URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=42028&lib=law> (accessed: 01.11.2024). (In Chin.)

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Проблемы и перспективы развития атомной энергетики Японии

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050041

Емельянова Олеся Николаевна

Кандидат экономических наук, младший научный сотрудник экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1/46). ORCID: 0000-0002-6137-9734. E-mail: emelianovalesia@hotmail.com

Щербаков Денис Аркадьевич

Кандидат экономических наук, доцент факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ «Высшая школа экономики» (адрес: 119017, Москва, Малая Ордынка ул., 29). ORCID: 0000-0001-8607-6265. E-mail: dshcherbakov@hse.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2024.

Аннотация:

Катастрофа, случившаяся на АЭС Фукусима в 2011 г., временно изменила приоритеты Японии и усилила критику атомной энергетики. Однако поскольку отказ от нее в долгосрочной перспективе привел к серьезным вызовам для энергетической безопасности страны, становится очевидным, что, несмотря на страх японского общества перед возможными катастрофами на АЭС, правительство Японии медленно и аккуратно возвращает атомную энергетику в повестку развития энергетического потенциала Японии. Это стало особенно заметно как в действиях кабинета Ф. Кисиды, так и текущего состава правительства Японии, которое продолжило курс на поэтапное «возрождение» атомной энергетики.

Даже по самому пессимистичному сценарию Всемирной ядерной ассоциации к 2040 г. планируется рост мировых мощностей атомных станций до 486 ГВт, что на 24 % больше по сравнению с 2023 г. По базовому и оптимистичному сценариям рост предполагается на 75 % и 138 % соответственно. Такие перспективы говорят о том, что эпоха атомной энергетики далеко не закончилась. 10 стран ЕС, включая Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию, Словению, Словакию, Финляндию, Францию, Хорватию и Чехию, выступили с предложением официально включить ядерную энергетику в перечень направлений для зеленых инвестиций, что, по их мнению, позволит отказаться от импортных поставок энергии. В феврале 2024 г. Совет государств-членов ЕС и Европейский парламент после длительных переговоров в Брюсселе о Законе по промышленности с нулевым уровнем выбросов (NZIA) договорились объявить ядерную энергетику стратегической технологией для декарбонизации ЕС.

Как в этот тренд планируют встраиваться Япония? Чем вновь обусловлен ожидаемый сдвиг энергобаланса страны в пользу атомной энергетики? Как это соответствует задачам обеспечения их энергобезопасности? Как изменилась роль атомной энергетики в условиях энергетического перехода Японии? В данной статье авторы предприняли попытку ответить на эти вопросы.

Ключевые слова:

атомная энергетика, Япония, АЭС, энергетический переход, энергетическая безопасность, Фукусима.

Для цитирования:

Емельянова О.Н., Щербаков Д.А. Проблемы и перспективы развития атомной энергетики Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 53–69.

DOI: 10.31857/S0131281224050041.

По поводу атомной энергетики до сих пор не утихают споры, относить ли ее к «зеленым» источникам или нет. Хотя официально она и не попадает полностью под определение «зеленой», одновременно с этим по факту соответствует требованиям, предъ-

являемым к энергоносителям, способствующим декарбонизации. Более того, даже при росте цен на топливо для АЭС стоимость этого вида энергии сохраняет конкурентоспособность. А рост мирового населения и производства все только увеличивает потребность в большем количестве энергии, что возвращает нас к энергоисточнику, казалось бы, предыдущего поколения.

Катастрофа, случившаяся на АЭС Фукусима в 2011 г., временно изменила приоритеты Японии и усилила критику атомной энергетики. Несмотря на это, сегодня правительство Японии вновь берет курс на развитие мирного атома, что уже стало заметно как в действиях кабинета Ф. Кисиды, так и текущего состава правительства Японии, которое продолжило курс на поэтапное «возрождение» атомной энергетики.

Актуальной становится повестка, принятая еще в 1990-х гг., когда атомная энергетика была объявлена в Японии наиболее перспективным источником энергии. Тогда, в 1993 г., Комиссия по атомной энергетике писала: «Атомная энергетика, на которую уже приходится почти 30 % общего производства электроэнергии в Японии, имеет важное значение для обеспечения стабильного энергоснабжения, и наша политика заключается в том, чтобы продолжать неуклонно продвигать ее развитие и использование с учетом обеспечения безопасности»¹. В Белой книге по атомной энергетике от 2022 г. зафиксировано, что «для Японии... атомная энергетика является важным средством обеспечения энергетической безопасности»².

Развитые страны уже несколько десятилетий активно проводят политику, направленную на осуществление перехода своих стран к новому технологическому укладу. Планы по реализации такого прорыва стали появляться в 2000-х гг., первая официальная стратегия по цифровизации общества была заявлена Германией в 2006 г. Предложенные стратегии охватывают широкий диапазон изменений социальной и хозяйственной жизни обществ, в том числе обозначая, как одну из базовых целей, переход к так называемой «зеленой энергетике».

Однако такие виды ВИЭ, как солнечная или ветряная, явно не в состоянии обеспечить стабильный и экономически оправданный доступ к необходимому в условиях шестого технологического уклада объему энергии. Многие исследователи признают, что развитие новых производственных сил могут обеспечиваться водородной энергетикой. Но даже при ее развитии теория технологических укладов не умаляет значения уже развитой атомной энергетики. Говорить о водородной энергетике, которая действительно многими специалистами признается как перспективная, пока рано. Для перехода на нее нужно создавать новую инфраструктуру, что сопряжено с высокими затратами и технологическими вызовами и пока является непреодолимым препятствием для широкого распространения водорода как энергоносителя. Кроме того, использование водорода для энергетических нужд (производство электроэнергии) не имеет особого смысла в масштабах энергосистемы страны, поскольку на его получение электролизом затрачивается больше энергии, чем высвобождается при электрохимической реакции в топливном элементе. По этой причине водородную энергетику следует рассматривать как часть низкоуглеродной экономики будущего, когда «экологически чистый» водород станут получать, например, с использованием отходящего тепла или неиспользованных излишков атомных реакторов.

¹ 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 1993] // 原子力委員会. 1993.
URL: <https://www.aec.go.jp/jicst/NC/about/hakusho/wp1993/index.htm> (дата обращения: 10.09.2024).

² 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 2022] // 原子力委員会. Р. 115.

В связи с этим атомная энергетика остается привлекательной как с точки зрения себестоимости (табл. 1), весьма конкурентной на фоне других видов энергоносителей, так и в связи с отсутствием выбросов CO₂, что соответствует задачам по декарбонизации.

Таблица 1 / Table 1

Расходы на производство электроэнергии в зависимости от источника энергии на основе оценок типовых установок на 2020 год³
Generation Costs by Power Source Based on Model Plant Estimates as of 2020

Источник энергии	Атомная энергетика	Тепловая энергетика			Возобновляемые источники энергии			
		Уголь	СПГ	Нефть	Ветроэнергетика	Солнечная энергетика	Малая гидроэнергетика	Геотермальная энергетика
Мощность оборудования (кВт)	1,2 млн	700 тыс.	850 тыс.	400 тыс.	30 тыс.	250	200	30 тыс.
Коэффициент использования оборудования (%)	70	70	70	30	25,4	17,2	60	83
Время эксплуатации (год)	40	40	40	40	25	25	40	40
Стоимость производства электроэнергии (иен за кВт*ч)	прибл. 11,5	12,5	10,7	26,7	19,8	12,9	25,3	16,7

Источник: 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 2022]. [White Book of Nuclear Energy, 2022]. 原子力委員会, 2023. 第118 ページ.

В 2022 г. только 9,2 % мировой электрогенерации было произведено АЭС. За 40-летний период это стало самым низким показателем. Пиковое значение доли выработки электроэнергии за счет АЭС пришлось на 1996 г., когда она составила 17,5 %⁴. По объему производимой атомной энергии лидером являются США (771,5 ТВт*ч), за ними следуют Китай (395,4 ТВт*ч), Франция (395,4 ТВт*ч) и Россия (209,5 ТВт*ч) (рис. 1). Помимо этих четырех стран АЭС есть еще у 28 других стран мира. В Азии перспективными с точки зрения использования мирного атома, помимо Китая, являются Япония и Южная Корея. Если говорить о доле атомной энергетики в общем объеме электрогенерации каждой страны, то Китай занимает только 23 место, но его планы по строительству АЭС весьма амбициозны. Южная Корея давно сделала ставку на этот вид энергии и не отказывалась от него. Сегодня более 30 % электроэнергии в этой стране производится атомными электростанциями (рис. 2). Япония после десятилетнего пересмотра энергетической политики вновь запускает старые АЭС, а также строит новые атомные объекты.

³ Более свежих данных пока не опубликовано.

⁴ Доля атомной энергетики в мировой генерации достигла 40-летнего минимума // *Эксперт*. 07.12.2023. URL: <https://expert.ru/v-mire/dolya-atomnoy-energetiki-v-mirovoy-generatsii-dostigla-40-letnego-minimума/#:~:text=На%20долю%20АЭС%20приходится%209,электростанциях%20по%20итогам%202022%20г> (дата обращения: 11.09.2024).

Развитие атомной энергетики в Японии

Япония развивает атомную энергетику с 1950-х гг., позиционируя ее как экономически эффективную и экологически чистую с точки зрения выбросов углекислого газа. Регулярно появлялись новые планы по увеличению ее доли в общем энергобалансе страны до 2011 г., когда авария на АЭС Фукусима вынудила Японию пересмотреть свою энергетическую стратегию.

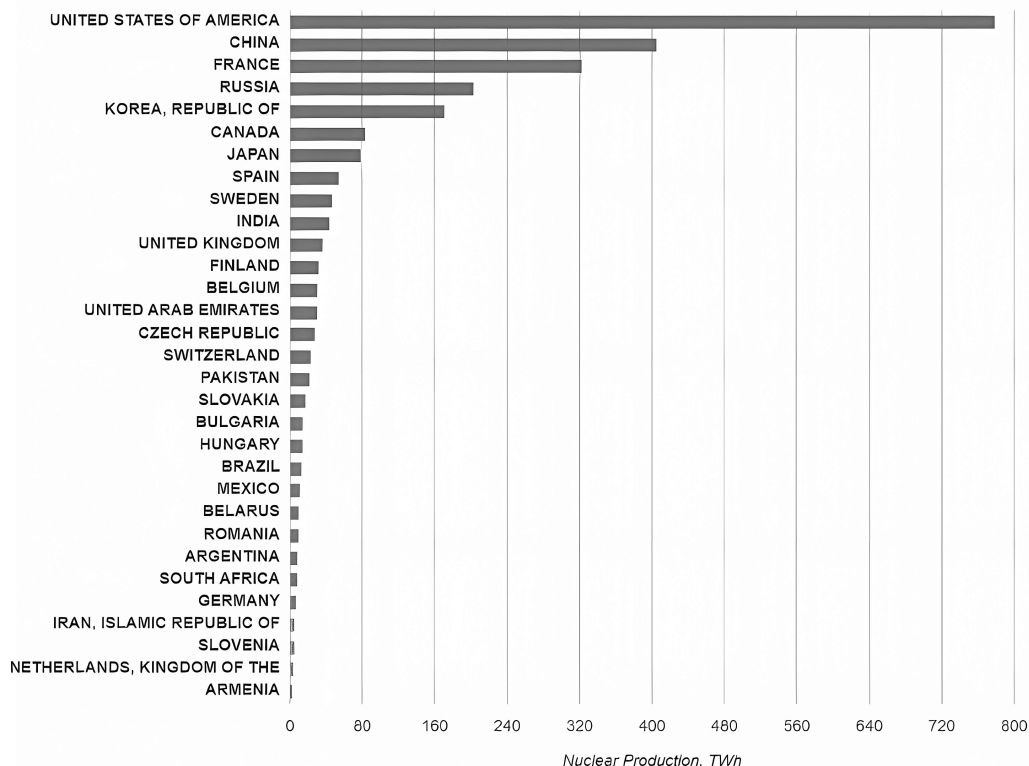

Рис. 1. Выработка электроэнергии через АЭС в 2023 г.

Figure 1. Nuclear Electricity Generation in 2023

Источник: *Nuclear Share of Electricity Generation in 2023* [Доля атомной энергетики в производстве электроэнергии в 2023 г.] // IAEA.

URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx> (дата обращения: 11.09.2024).

Следует отметить, что Япония включилась в ядерные исследования одновременно с другими лидерами в этой области. Уже в 1936 г. в институте RIKEN был построен первый в Японии циклотрон. Во время Второй мировой войны плеяда известных японских ученых работала над разработкой урановой бомбы — проект «Ни», который был возглавлен физиком-ядерщиком Ёсио Нисина. Успев поработать под руководством Нильса Бора в Копенгагене, Ё. Нисина в 1929 г. вернулся в Японию, где поднял японскую физику элементарных частиц до мирового уровня, чем заслужил звание «отца японской ядерной физики». В команде с ним работали такие молодые ученые, как Хидэки Юкава и Синъитиро Томонага, которые не только добились мировой известности, но в 1949 г. и в 1965 г. соответственно получили Нобелевские премии за развитие квантовой физики. Такие серьезные результаты в фундаментальных исследованиях полностью разрушают ши-

роко распространенное мнение о том, что Япония не способна развивать свою собственную научную базу и только копирует чужие достижения. Сегодня особенно важно трезво взглянуть на сильные и слабые стороны наших соседей и расстаться с устаревшими стереотипами неверного восприятия их потенциальных возможностей.

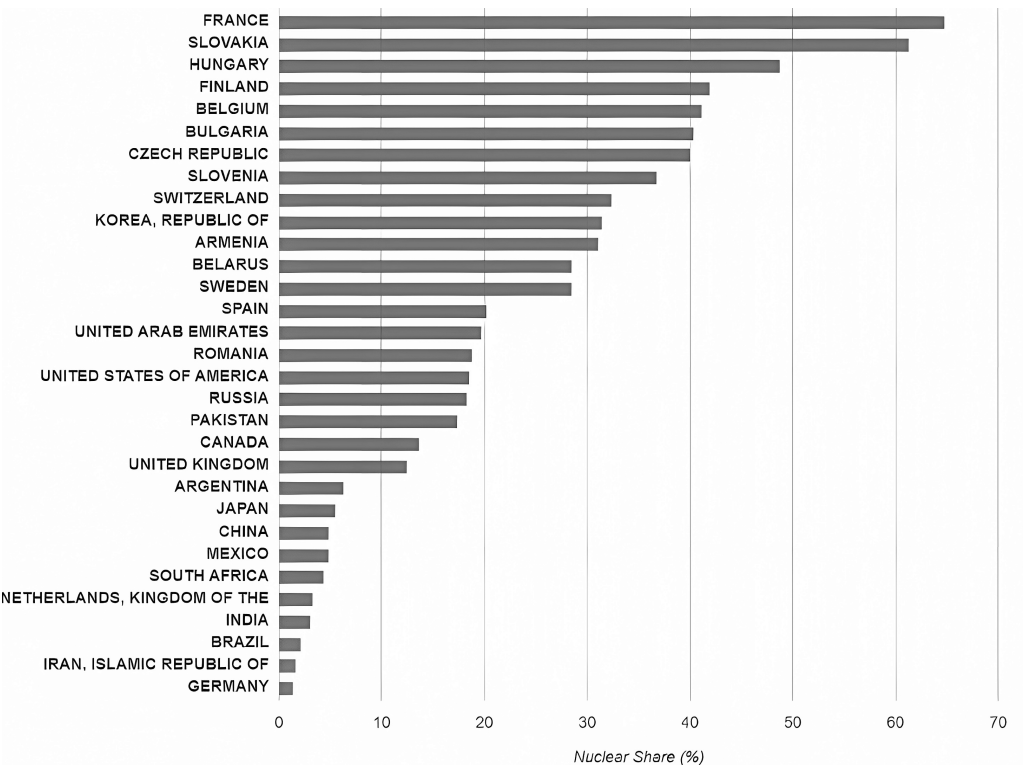

Рис. 2. Доля атомной энергетики в производстве электроэнергии в 2023 г.
Figure 2. Nuclear Share of Electricity Generation in 2023

Источник: Nuclear Share of Electricity Generation in 2023 [Доля атомной энергетики в производстве электроэнергии в 2023 году] // IAEA.
URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx> (дата обращения: 11.09.2024).

После окончания Второй мировой войны началось строительство атомных электростанций (АЭС), которые к 2011 г. обеспечивали примерно треть энергогенерации Японии и активно продвигались правительством⁵. Несмотря на то, что страна успешно проводила ядерные исследования со Второй мировой войны, развитие мирной атомной энергетики началось только в 1954 г.⁶, когда правительство инвестировало в эту сферу около 230 млн иен. В декабре 1955 г. был принят «Основной закон об атомной энергии»⁷,

⁵ 枝廣淳子: 東日本大震災後の日本のエネルギーをめぐる状況 [Эдахино Дзюнко. Ситуация с энергетикой в Японии после Великого восточно-японского землетрясения] // JFS. 01.03.2013. URL: https://www.japanfs.org/sp/ja/news/archives/news_id032630.html (дата обращения: 11.09.2024).
⁶ Первая в мире электростанция была запущена США в 1951 г.
⁷ 原子力基本法 (昭和三十年十二月十九日法律第百八十六号) [Основной закон об атомной энергии (Закон № 186 от 19 декабря 1971 г.)].

призванный поощрять независимые и открытые ядерные исследования. Наряду с развитием законодательства было сформировано несколько новых правительственных организаций, в том числе Японский научно-исследовательский институт атомной энергии (JAERI) и Корпорация по атомному топливу (AFC), которая в 1967 г. была переименована в Корпорацию по разработке энергетических реакторов и ядерного топлива (PNC)⁸.

На этапе внедрения атомной энергетики Япония не имела собственных технологий строительства АЭС. Именно поэтому она активно сотрудничала с США и Великобританией. Для концентрации усилий была создана Японская атомная энергетическая компания (JAPCO)⁹. При поддержке правительства государственная компания JAPCO построила Токайскую атомную электростанцию (АЭС) в 1966 г. Расположенная в деревне Токай района Нака префектуры Ибараки, эта станция стала первой коммерческой АЭС в Японии. Ядерные реакторы станции имели графитовый замедлитель и газовое охлаждение. Этот метод, использующий графит для снижения скорости нейтронов, выделяющихся при ядерном делении, был заимствован из Великобритании. Строительство Токайской АЭС было завершено в 1965 г., и она проработала до 1998 г.¹⁰

Запуск реакторов Токайской АЭС заложил основу для передачи технологий атомной энергетики в Японию. В последующие годы Япония, сотрудничая с такими странами, как Франция, Великобритания, Германия и прежде всего США, интенсивно создавала новые установки и реакторы, преимущественно легководные. Постепенно, опираясь на зарубежные технологии, Япония смогла запустить собственное производство реакторов. С 1980-х гг. на основе американских технологий компании Mitsubishi Heavy Industries, Toshiba и Hitachi начали производство собственных легководных реакторов типа PWR и BWR¹¹. С середины 1970-х гг. был запущен частно-государственный проект по стандартизации и усовершенствованию легководных реакторов. Значимым результатом стало строительство и начало эксплуатации Касивадзаки-Карива № 6 (ноябрь 1996 г.) и № 7 (июль 1997 г.), которые стали первыми реакторами типа ABWR в мире¹². Большое внимание в исследованиях и разработках ядерной энергетики уделяется ядерной инженерии, реакторостроению, инженерии материалов, инженерной безопасности, технологиям переработки ядерного топлива¹³.

Таким образом, к 1980-м гг. Японии удалось сформировать собственную национальную научно-технологическую базу атомной энергетики, которая расширялась и со-

⁸ Yamashita Kiyonobu. History of Nuclear Technology Development in Japan // *AIP Conference Proceedings*. April 29, 2015. DOI: 10.1063/1.4916842

⁹ 日本における原子力の平和利用のこれまでとこれから [Прошлое и будущее мирного использования ядерной энергии в Японии] // 経済産業省 資源エネルギー庁. 22.02.2018. URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/special/tokushu/nuclear/nihonnonuclear.html> (дата обращения: 11.09.2024).

¹⁰ 日本のエネルギー選択の歴史と原子力 | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [История энергетического выбора Японии и ядерной энергетики | Энергетическая ситуация в Японии и политика в области ядерной энергетики] // *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023. URL: <https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-01.html>. (дата обращения: 12.09.2024).

¹¹ 日本における原子力技術の導入と開発—経済性と安全性の関係 [Внедрение и развитие ядерных технологий в Японии — Связь между экономической эффективностью и безопасностью] // *日本の科学者* Vol. 53. No. 6. June 2018. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jjsc/53/6/53_22/pdf-char/en (дата обращения: 01.11.2024).

¹² 日本の原子力発電開発の歴史 [История развития атомной энергетики Японии] // *ATOMICA*. 2006. URL: https://atomica.jaea.go.jp/data/detail/dat_detail_16-03-04-01.html (дата обращения: 01.11.2024).

¹³ 第2章 原子力研究開発の推進 [Глава 2. Содействие ядерным исследованиям и разработкам] // *MEXT*. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/shingi/gijyutu/gijyutu2/suishin/attach/1333029.htm (дата обращения: 01.11.2024).

вершенствовалась на протяжении 1990-х и 2000-х гг., пока авария на Фукусиме не заставила Японию пересмотреть свои планы¹⁴.

По данным Министерства международной торговли и промышленности (MITI), к июню 1990 г. было построено 53 атомные электростанции. Их общая мощность составила около 46 ГВт. С 1973 до 1987 г. доля атомной энергетики в Японии выросла с 2 % до 29 %. После этого наращивание атомных реакторов прекратилось, что было связано с замедлением роста энергопотребления в Японии в последнее десятилетие XX в. и его сокращением с началом нового столетия. По состоянию на март 2010 г. насчитывалось 54 энергоблока мощностью 48,8 ГВт, которые вырабатывали 29,3 % годового объема электроэнергии¹⁵. Пик производства атомной электроэнергии пришелся на 2000 г., когда он достиг 34 %.

Базовые энергетические планы Японии 2003, 2007 и 2010 гг.¹⁶ указывают на ядерную энергетику как ключевую составляющую энергетической стратегии Японии. Правительство подчеркивало такие преимущества отрасли, как высокая устойчивость к изменениям международной ситуации, отличная стабильность поставок топлива и отсутствие выбросов углекислого газа.

Энергетический план 2010 г.¹⁷ предполагал увеличение доли производства энергии с нулевым уровнем выбросов CO₂ с 34 % до 50 % к 2020 г. и 70 % к 2030 г. Достижение этой цели означало бы существенное изменение энергобаланса в сторону увеличения долей атомной энергетики и ВИЭ. В документе отмечается, что японское правительство было намерено «...активно продвигать производство атомной энергии путем развития технологий и увеличения эффективности использования мощностей» за счет увеличения их загрузки. Большие надежды возлагались на развитие технологий повторного обогащения отработанного ядерного топлива. При этом основная роль в развитии атомной энергетики заведомо отводилась государству. Необходимых объемов выработки атомной энергии планировалось достичь за счет строительства 9 новых АЭС к 2020 г. и более 14 станций — к 2030 г. Кроме того, Япония собиралась повысить общую эксплуатационную мощность АЭС с 60 % до 85 % к 2020 г. и до 90 % к 2030 г.

Однако авария на АЭС Фукусима-1 в марте 2011 г. временно изменила энергетическую политику Японии и стимулировала процесс, который многие ученые называют «энергетическим переходом», акцентировав внимание правительства на развитии ВИЭ. Уже в 2012 г. доля атомной энергетики в энергобалансе страны снизилась до 2 %, а в 2014 г. были закрыты последние атомные электростанции¹⁸.

Оперативной заменой атомной энергетики стало ископаемое топливо. Такое решение оказалось возможным благодаря наличию большого (свыше 20 %) «холодного» резерва мощностей на японских ТЭС, которые были «расконсервированы» и введены в эксплуатацию¹⁹. Без задействования резервов и наращивания импорта ископаемого топ-

¹⁴ 原子力機構の研究開発成果 [Результаты исследований и разработок Японского агентства по атомной энергии] // *JAEA R&D Review*. URL: https://rdreview.jaea.go.jp/review_jp/2023/j2023_index.html (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁵ 日本の原子力発電所の現状 (2010年) [Текущее состояние атомных электростанций в Японии (2010)] // *ATOMICA*. 2011. URL: https://atomica.jaea.go.jp/data/detail/dat_detail_02-05-01-10.html. (дата обращения: 12.09.2024).

¹⁶ エネルギー基本計画 [Базовый энергетический план] // 経済産業省 資源エネルギー庁. 2014. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/140411.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

¹⁷ エネルギー基本計画 [Базовый энергетический план] // 経済産業省 資源エネルギー. 2010. 第27ページ. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/100618honbun.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

¹⁸ 一般財団法人 日本原子力文化財団 [Японская организация по атомной энергетике] // *JAERO*. URL: <https://www.jaero.or.jp/sogo/> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁹ 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике] // 原子力委員会. 2023. 第104ページ.

лива японская электроэнергетика столкнулась бы с многолетним хроническим дефицитом мощностей, сопровождаемым постоянными блэкаутами.

Однако такое решение привело к серьезным потерям в вопросе энергетической безопасности. Уровень самообеспеченности первичной энергией значительно снизился с 19,9 % в 2010 г. до 6,0 % в 2012 г. Зависимость страны от ископаемого топлива выросла до 88 % в 2014 г. Перераспределение источников энергии привело к росту затрат на электроэнергию (примерно на 25 % для домохозяйств и на 40 % для промышленности). Это в свою очередь не могло не сказаться на конкурентоспособности японского производителя, что отчасти повлияло на торговый дефицит, который составил 11,5 трлн иен в 2013 г. Несмотря на громкие заявления о стремлении к декарбонизации, выбросы парниковых газов в энергетическом секторе в 2013 г. увеличились на 112 млн по сравнению с 2010 г.²⁰ В мае 2012 г. количество действующих ядерных реакторов в Японии упало до нуля впервые за 42 года²¹.

Из-за остановки работы атомных станций Японии пришлось увеличить импорт энергоресурсов, что привело к росту цен на электроэнергию. Для повышения уровня энергетической самообеспеченности в 2012 г. вышел закон, обязавший электрокомпании закупать весь объем электроэнергии, произведенный с использованием ВИЭ, по «фиксированному тарифу» (Feed in Tariff — FIT, т.е. по заранее установленной цене). Это привело к увеличению производства электроэнергии из возобновляемых источников на 70 % в период с 2012 по 2019 гг., при этом значительная доля солнечной энергии в общем объеме производства электроэнергии выросла с 10 % в 2012 г. до 18,6. % в 2019 г.²²

Одновременно это решение повлияло и на рост цен на электроэнергию. Добиться некоторого снижения стоимости электроэнергии удалось только в 2015–2016 гг. Это стало возможным, с одной стороны, за счет снижения мировых цен на ископаемое топливо. Кроме того, определенное влияние на снижение цен оказали ожидания восстановления атомной энергетики в Японии: к 2016 г. с нуля было введено обратно в работу уже 5,3 % мощностей японских АЭС²³. Однако стоимость электроэнергии в Японии так и не снизилась до уровня 2010 г. (рис. 3).

С 2016 г. цены на электроэнергию вновь стали расти. После введения схемы «зеленого тарифа» (FIT) в 2012 г., мощности дорогостоящих ВИЭ к 2016 г. вышли на устойчивый рост. При этом компенсация разницы затрат на производство осуществлялась не только за счет бюджетных средств, но и ложилась на плечи потребителей²⁴.

Новый всплеск цен произошел в 2022 г. В документе «Основной план по реализации зеленой трансформации» эта ситуация сравнивается «с первым энергетическим кризисом после нефтяного шока 1973 г.»²⁵. В качестве основной причины обозначается начало СВО РФ на Украине. При этом факт вывода из строя «Северных потоков» даже не

²⁰ 2013年度の温室効果ガス排出量について [О выбросах парниковых газов, 2013] // *National Institute for Environmental Studies*. URL: <https://www.nies.go.jp/whatsnew/2014/20141204/20141204.html> (дата обращения: 01.10.2024).

²¹ 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 2022] // 原子力委員会, 2023. 第111ページ.

²² Japan 2021. Energy Policy Review // *IEA*. 2021. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/3470b395-cfdd-44a9-9184-0537cf069c3d/Japan2021_EnergyPolicyReview.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

²³ 原子力発電所の設備利用率 [Коэффициент использования производственных мощностей атомных электростанций] // *エネ百科*. URL: <https://www.ene100.jp/zumen/> 5–3–3 (дата обращения: 01.10.2024).

²⁴ Корнеев К.А. Энергетическая политика Японии: актуальные вызовы и проблемы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 77. DOI: 10.31857/S013128120026885-4

²⁵ GX 実現に向けた基本方針 ～今後10年を見据えたロードマップ～ [Основной план по реализации зеленой трансформации Дорожная карта на следующие 10 лет] // *経済産業省*. 2023. 第3ページ. URL: https://www.meti.go.jp/press/2022/02/20230210002/20230210002_1.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

упомянут в документе. Одновременно с внешними причинами рассматриваются также внутренние, которые министерство видит в отсутствии запланированного прогресса в формировании новой среды в условиях либерализации электроэнергетики, развитии систем внедрения ВИЭ и перезапуска атомных электростанций.

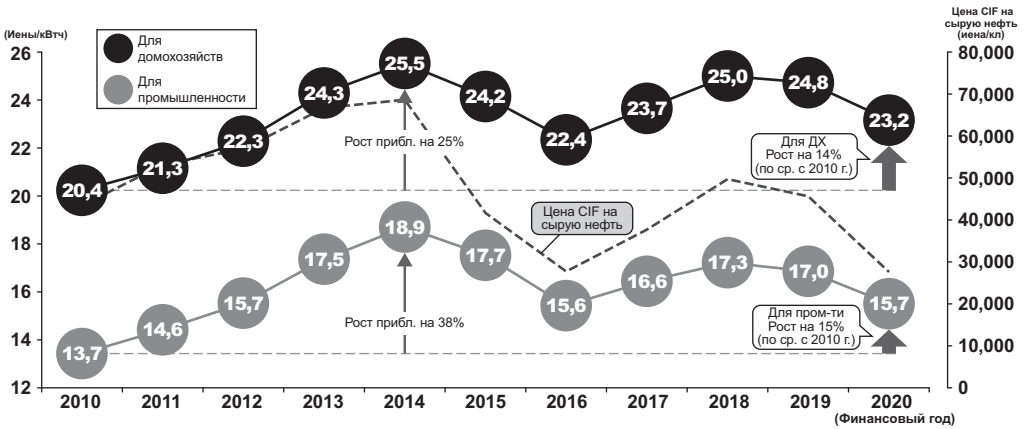

Рис. 3. Изменение цен на электроэнергию в Японии

Figure 3. Changes in Electricity Prices in Japan

Источник: 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 2022] // 原子力委員会. 2022. 第118ページ.

Перспективы развития атомной энергетики в Японии

В настоящее время становится очевидным, что, несмотря на страх японского общества перед возможными катастрофами на АЭС, который проявился после аварии на АЭС Фукусима-1, правительство Японии вынуждено восстанавливать атомную энергетику. Хотя процесс повторного ввода АЭС в работу протекает нелегко в силу увеличившихся норм по безопасности, сложно представить, чтобы Япония смогла найти другой способ решения вопроса энергетического обеспечения²⁶. Поэтому правительство медленно и аккуратно возвращает атомную энергетику в повестку развития энергетического потенциала Японии (табл. 2).

Из таблицы видно, что объемы выработки атомной энергии в Японии постепенно восстанавливаются. В 2022 г. они составили примерно четверть уровня 2010 г.

В декабре 2015 г. во Франции прошла 21-я Рамочная конференция ООН по изменению климата. На конференции 196 сторон согласовали Парижское соглашение, которое в том числе предполагало сокращение выбросов парниковых газов практически до нуля. Для достижения этих долгосрочных целей каждая страна начиная с 2020 г. взяла на себя обязательство установить добровольные цели по сокращению выбросов, пересматривая их каждые пять лет. Китай, Южная Корея и Япония вместе с другими 125 странами также заявили о своем намерении стать к 2050 г. углеродно-нейтральными²⁷. Следуя целям Парижско-

²⁶ Espen Moe. Energy, Industry and Politics: Energy, Vested Interests, and Long-term Economic Growth and Development // *Energy* 35. No. 4. April 1, 2010. 1730–40 p. DOI: 10.1016/j.energy.2009.12.026; Espen Moe. Vested Interests, Energy Efficiency and Renewables in Japan // *Energy Policy*. October 1, 2011. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.070

²⁷ 環境への適合 | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [Экологическая совместимость | Энергетическая ситуация в Японии и политика в области ядерной энергетики] // *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023. URL: https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-07.html?id=cont_02 (дата обращения: 13.09.2024).

го соглашения в июле 2018 г., правительство Японии опубликовало 5-й Стратегический энергетический план²⁸, в котором ставилась цель добиться сокращения выбросов парниковых газов на 26 % к 2030 г. и на 80 % к 2050 г. В октябре 2020 года премьер-министр Суга заявил, что Япония стремится стать углеродно-нейтральной к 2050 г., а в декабре 2020 г. была принята «Стратегия зеленого роста для углеродно-нейтрального 2050 года», в которой изложены планы по достижению уровня 50–60 % для ВИЭ²⁹.

Таблица 2 / Table 2

Структура источников электроэнергии (млрд, кВт*ч; %)
Structure of Electric Power Sources (billion, kWh; %)

Финансовый год	2010	2011	2012	2014	2015	2017	2019	2021	2022	2022 в % к 2013
Всего										
кВт*ч (млрд)	1 149	1 090	1 078	1 058	1 040	1 060	1 021	1 034	1 011	-6,8%
В % к пред. году		-5,2%	-1,1%	-2,4%	-1,7%	0,8%	-2,7%	3,3%	-2,2%	
Уголь										
кВт*ч (млрд)	320	306	334	354	356	347	326	320	311	-12,9%
В % к пред. году		-4,4%	9,2%	-0,8%	0,4%	0,7%	-1,8%	3,3%	-2,9%	
Доля	27,8%	28,0%	31,0%	33,5%	34,2%	32,8%	32,0%	31,0%	30,8%	
Нефть										
кВт*ч (млрд)	98	158	189	116	101	89	64	77	83	-46,8%
В % к пред. году		61,0%	19,1%	-25,9%	-13,4%	-11,0%	-11,9%	20,9%	8,6%	
Доля	8,6%	14,5%	17,5%	11,0%	9,7%	8,4%	6,3%	7,4%	8,2%	
Природный газ										
кВт*ч (млрд)	334	411	432	455	426	421	381	356	341	-23,0%
В % к пред. году		23,2%	5,0%	2,7%	-6,5%	-3,2%	-5,3%	-8,7%	-4,1%	
Доля	29,0%	37,7%	40,1%	43,0%	40,9%	39,7%	37,3%	34,4%	33,8%	
Атомная энергия										
кВт*ч (млрд)	288	102	16	0	9	33	64	71	56	503%
В % к пред. году		-64,7%	-84,3%	-100%		82,2%	-1,8%	82,7%	-20,8%	
Доля	25,1%	9,3%	1,5%	0,0%	0,9%	3,1%	6,2%	6,8%	5,5%	
Гидроэнергия										
кВт*ч (млрд)	84	85	77	84	87	84	80	79	77	-3,2%
В % к пред. году		1,3%	-9,9%	5,2%	4,3%	5,4%	-1,7%	0,1%	-2,1%	
Доля	7,3%	7,8%	7,1%	7,9%	8,4%	7,9%	7,8%	7,6%	7,6%	
Солнечная энергия										
кВт*ч (млрд)	4	5	7	23	35	55	69	86	93	619%
В % к пред. году		36,6%	36,7%	78,2%	51,6%	20,3%	10,7%	8,8%	7,6%	
Доля	0,3%	0,4%	0,6%	2,2%	3,3%	5,2%	6,8%	8,3%	9,2%	
Ветряная энергия										
кВт*ч (млрд)	4	5	5	5	6	7	8	9	9	79,2%
В % к пред. году		16,4%	3,5%	0,6%	7,0%	5,3%	1,8%	4,9%	-1,3%	
Доля	0,3%	0,4%	0,4%	0,5%	0,5%	0,6%	0,7%	0,9%	0,9%	

²⁸ Strategic Energy Plan 5, 2018 // METI. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/past.html (дата обращения: 02.10.2024).

²⁹ 日本のエネルギー政策 ～2030年、2050年に向けた方針～ | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [Энергетическая политика Японии — Политика на 2030 и 2050 гг. | Энергетическая ситуация и ядерная политика Японии] // Japan Atomic Energy Relations Organization. 2023. https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-04.html?id=cont_01 (дата обращения: 13.09.2024).

Таблица 2 (окончание) / Table 2 (the end)

Геотермальная энергия										
кВт*ч (млрд)	3	3	3	3	3	3	3	3	3	14,5%
В % к пред. году		1,7%	-2,5%	0,7%	-1,0%	-1,8%	12,8%	0,5%	-0,9%	
Доля	0,2%	0,2%	0,2%	0,2%	0,2%	0,2%	0,3%	0,3%	0,3%	
Биомасса										
кВт*ч (млрд)	15	16	17	18	19	22	26	33	37	109%
В % к пред. году		5,2%	5,5%	2,3%	1,6%	11,1%	10,5%	15,3%	12,0%	
Доля	1,3%	1,5%	1,6%	1,7%	1,8%	2,1%	2,6%	3,2%	3,7%	

Примечания:

1. Поскольку часть данных таблицы приводится из источников статистических данных, отличных от Общей статистики по энергетике, расчетные показатели таблицы могут отличаться от аналогичных в Общей статистике по энергетике.

2. Гидроэлектроэнергия не включает в себя гидроаккумулирующие электростанции (ГАЭС).

Источник: 令和4年度(2022年度)におけるエネルギー需給実績(確報) [Показатели спроса и предложения на энергоносители за 4 год эпохи Рэйва (2022 финансовый год) (подтвержденные данные)]. [Energy supply and demand performance for fiscal year 2022 (final report)] // 資源エネルギー庁 総務課戦略企画室. 04.2024. 第28ページ. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/statistics/total_energy/pdf/honbun2022fykaku.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

В Шестом базовом энергетическом плане, одобренном Кабинетом министров в октябре 2021 г., было зафиксировано, что выбросы парниковых газов будут сокращены к 2030 г. на 46 %. Более того, документ зафиксировал, что атомная энергетика выполняет задачи декарбонизации³⁰. Другими словами, документ признает атомную энергетику как пригодную для задач декарбонизации, а значит в дальнейшем следует ожидать возвращения этого вида энергии в энергетическую структуру страны.

Одновременно с этим ВИЭ несмотря на свой динамичный рост имеют ряд серьезных ограничений в перспективе. Для успешного использования ВИЭ необходимо решить вопрос с широкодоступными возможностями накопления этой энергии, для чего нужны аккумуляторные батареи высокой емкости. Однако даже вывода за скобки финансовый аспект их дороговизны, Японии, при таком развитии событий, придется столкнуться с проблемой нехватки импорта редкоземельных металлов, например, лития, кобальта и никеля. Япония полностью зависит от их импорта, а их дефицит, в особенности лития, только увеличивается. Такой сценарий также способствует более внимательному отношению к перспективам возврата энергетической политике Японии к развитию АЭС.³¹

К настоящему времени 17 АЭС получили разрешение на замену реакторных установок (с момента введения новых нормативов регулирования в 2013 г.). На конец марта 2023 г., 10 из них введены в эксплуатацию. Кроме того, 10 реакторов в настоящее время проходят проверку на соответствие новым стандартам, включая строящиеся атомные электростанции и 9 реакторов, которые еще не подали заявку на проверку соответствия³². В 2023 г. доля атомной энергетики в Японии в общем объеме потребляемой составила 7,7 %³³.

20 февраля 2023 г. Комиссия по атомной энергии опубликовала «Основную политику использования атомной энергии», в которой было зафиксировано, что атомная

³⁰ 第6次エネルギー基本計画 [Шестой базовый энергетический план]. 第26ページ.

³¹ Корнеев К.А. Энергетическая политика Японии: актуальные вызовы и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 77. DOI: 10.31857/S013128120026885-4

³² 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 2022] // 原子力委員会, 2023. 第113ページ.

³³ Institute for Sustainable Energy Policies (ISEP). URL: <https://www.isep.or.jp/archives/library/14750> (дата обращения: 15.09.2024).

энергетика играет важную роль для достижения углеродной нейтральности к 2050 г. и обеспечивает энергетическую безопасность Японии, что особенно важно в ситуации военного конфликта на Украине³⁴.

В этот же период в феврале 2023 г. правительство утвердило на заседании Кабинета министров «Основную политику реализации GX» (зеленой трансформации)³⁵. Документ также акцентирует внимание на необходимости «максимально использовать» ВИЭ и атомную энергию в качестве источников энергии, способствующих декарбонизации. Обозначено, что правительство будет серьезно работать «над разработкой и строительством инновационных реакторов следующего поколения, которые будут включать в себя новые механизмы безопасности»³⁶.

Уже примерно 40 лет Япония активно разрабатывает технологии повторного обогащения ОЯТ. Важным шагом стало строительство в 1985 г. реактора-размножителя (бридера) Мондзю в городе Цуруга (преф. Фукуи). Реализация этого проекта могла бы позволить повысить энергетическую самодостаточность страны, что актуально для Японии, испытывающей нехватку внутренних ресурсов и мест для захоронения ОЯТ. Излишки обогащенного таким образом топлива могут в том числе иметь военное применение³⁷.

Однако после запуска станции в 1995 г. начали происходить аварии. Было предпринято несколько попыток повторного ввода реактора в эксплуатацию, однако после трагедии на АЭС Фукусима проект в 2016 г. был свернут³⁸. Для японской атомной промышленности это, возможно, был самый амбициозный и важный стратегический проект. Сейчас на территории нереализованной атомной станции Мондзю правительство организует новый испытательно-исследовательский центр, который будет проводить фундаментальные и прикладные исследования в области инновационных ядерных технологий и ядерной медицины. Проект возглавлен Национальным агентством ядерных исследований и разработок Японии (JAEA) при тесном сотрудничестве с Киотским университетом и Университетом Фукуи. На реализацию проекта запланировано финансирование в размере 150 млрд иен³⁹.

Одновременно Япония предприняла попытки создания технологии переработки ядерного топлива. В 1993 г. началось строительство завода по производству топлива

³⁴ 原子力利用に関する基本的考え方 [Основная политика использования атомной энергии] // 原子力委員会. 2023.

³⁵ 原発建て替え、敷地内で GX基本方針を閣議決定 [Решение Кабинета министров о реконструкции атомной электростанции и базовой политике GX на объекте] // 日本経済新聞. 10.02.2023. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA091ZF0Z00C23A2000000/> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁶ GX 実現に向けた基本方針 ～今後 10 年を見据えたロードマップ～ [Основной план по реализации зеленой трансформации. Дорожная карта на следующие 10 лет] // 内閣官房. 2023. 第7ページ. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/gx_jikkou_kaigi/pdf/kihon.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

³⁷ *Lempriere M. Scrapping Monju: The Curtain Falls on Japan's Experimental Fast Breeder Reactor // Power Technology. January 3, 2017. URL: https://www.power-technology.com/features/featurescrapping-monju-the-curtain-falls-on-japans-experimental-fast-breeder-reactor-5708445/* (дата обращения: 15.09.2024).

³⁸ 報告「高速炉で『核のゴミ』を減らす? まやかしの高速炉開発と六ヶ所再処理工場との関係 [Сокращаются ли ядерные отходы с помощью быстрых реакторов? Связь между мошеннической разработкой быстрого реактора и перерабатывающим заводом «Роккасё»] // *New Diplomacy Initiative. 2022. URL: https://www.nd-initiative.org/research/11432/* (дата обращения: 03.11.2024).

³⁹ 「もんじゅ」サイトにおける新たな試験研究炉の動向 [Тенденции развития новых испытательных и исследовательских реакторов на площадке Мондзю] // *Ministry of Economy, Trade and Industry. 2024. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/energy_environment/fukui_kyosokaigi/pdf/006_06_00.pdf* (дата обращения: 15.09.2024).

МОХ в деревне Роккасё в префектуре Аомори (северо-восток Хонсю)⁴⁰. Но и на этом направлении Япония пока столкнулась с трудностями. Хотя правительство уверенно настроено на открытие завода, проект пока сталкивается с задержками сроков по строительству и многочисленными общественными протестами⁴¹. Уже в 27 раз в сентябре 2024 г. открытие было отложено⁴². Теперь речь идет о переносе запуска проекта до 2026–2027 гг.⁴³

Несмотря на мощное развитие ВИЭ в Японии и в мире, и на ряд неудач в реализации важных проектов, ведущий энергоресурс «пятого технологического уклада» пока рано списывать со счетов. Потребность в атомной энергетике в мировом масштабе скорее всего пока будет только расти. Япония, несмотря на пережитую в 2011 г. природно-техногенную катастрофу, вовсе не является исключением и возвращает свой потенциал мирного атома обратно в строй. Выполнить планы по декарбонизации без возвращения в структуру энергодбаланса атомной энергетике для Японии не представляется возможным. Несмотря на повышенные усилия развития ВИЭ, в том числе водородной энергетике, очевидно, что в ближайшее время только этими источниками энергии не получится закрыть японский спрос на энергоносители. Из этого можно сделать вывод о том, что и государство, и бизнес заинтересованы в развитии атомной энергетике. По объективным показателям, атомная энергетика соответствует требованиям, необходимым для достижения декарбонизации. Призыв некоторых европейских стран, включая Францию, официально признать ядерную энергетiku одним из возобновляемых источников энергии, скорее всего, будет услышан и велика вероятность того, что Япония также последует этому решению. В любом случае, можно наблюдать быстрое восстановление отрасли, которое активно поддерживается ядерным лобби страны, нацеленным в том числе на дальнейшее проведение фундаментальных исследований и на развитие новых проектов.

Литература

Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Книжный мир, 2019. 768 с.

Корнеев К.А. Энергетическая политика Японии: актуальные вызовы и проблемы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 73–84. DOI: 10.31857/S013128120026885-4

Dauvergne P. Nuclear Power Development in Japan: "Outside Forces" and the Politics of Reciprocal Consent // *Asia Survey*. Volume 33. Iss. 6. June 1, 1993. URL: <https://online.ucpress.edu/as/article-abstract/33/6/576/3539/Nuclear-Power-Development-in-Japan-Outside-Forces?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 15.09.2024).

Espen M. Energy, Industry and Politics: Energy, Vested Interests, and Long-term Economic Growth and Development // *Energy* 35. No. 4. April 1, 2010. Pp. 1730–1740. DOI: 10.1016/j.energy.2009.12.026

⁴⁰ Dauvergne P. Nuclear Power Development in Japan: "Outside Forces" and the Politics of Reciprocal Consent // *Asia Survey*. Vol. 33. Iss. 6. June 1, 1993. URL: <https://online.ucpress.edu/as/article-abstract/33/6/576/3539/Nuclear-Power-Development-in-Japan-Outside-Forces?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴¹ 原子力規制委員会 六ヶ所再処理工場など現地調査 [Комиссия по ядерному регулированию | Расследование на месте работы завода ядерной переработки Роккасё] // 0 テレNEWS. 29.06.2024. URL: <https://news.ntv.co.jp/category/society/3c69134836074adeba426d17a4efcbf2> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴² 「日本原燃」再処理工場など 完成目標を延期 県に報告 [JNFL откладывает сроки завершения строительства перерабатывающего завода] // NHK NEWS. 23.08.2024. URL: <https://www3.nhk.or.jp/lnews/aomori/20240823/6080023425.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴³ 原子力規制委員会 六ヶ所再処理工場など現地調査 [Комиссия по ядерному регулированию | Расследование на месте работы завода ядерной переработки Роккасё] // 0 テレNEWS. 29.06.2024. URL: <https://news.ntv.co.jp/category/society/3c69134836074adeba426d17a4efcbf2> (дата обращения: 15.09.2024).

- Espen M.* Vested Interests, Energy Efficiency and Renewables in Japan // *Energy Policy*. October 1, 2011. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.070
- Japan 2021. Energy Policy Review // *IEA*. 2021.
URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/3470b395-cfdd-44a9-9184-0537cf069c3d/Japan2021_EnergyPolicyReview.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
- Lempriere M.* Scrapping Monju: The Curtain Falls on Japan's Experimental Fast Breeder Reactor. *Power Technology*. January 3, 2017. URL: <https://www.power-technology.com/features/featurescrapping-monju-the-curtain-falls-on-japans-experimental-fast-breeder-reactor-5708445/> (дата обращения: 15.09.2024).
- The Nuclear Fuel Report. Global Scenarios for Demand and Supply Availability 2023–2040 // *World Nuclear Association*. URL: <https://world-nuclear.org/our-association/publications/global-trends-reports/nuclear-fuel-report> (дата обращения: 11.09.2024).
- Yamashita Kiyonobu.* History of Nuclear Technology Development in Japan // *AIP Conference Proceedings*. January 1, 2015. DOI: 10.1063/1.4916842
- 原子力基本法 (昭和三十年十二月十九日法律第百八十六号) [Основной закон об атомной энергии (Закон № 186 от 19 декабря 1971 г.)].
- 第6 次エネルギー基本計画 [Шестой базовый энергетический план] // 経済産業省 資源エネルギー庁. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/ (дата обращения: 11.09.2024).
- 枝廣淳子: 「東日本大震災後の日本のエネルギーをめぐる状況」 [Эдахино Дзюнко. Ситуация с энергетикой в Японии после Великого восточно-японского землетрясения] // *JFS*. 01.03.2013.
URL: https://www.japanfs.org/sp/ja/news/archives/news_id032630.html (дата обращения: 11.09.2024).
- エネルギー基本計画 [Базовый энергетический план] // 経済産業省 資源エネルギー庁. 2014.
URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/140411.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
- エネルギー基本計画 [Базовый энергетический план] // 経済産業省 資源エネルギー. 2010. 第27ページ. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/100618honbun.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
- 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике, 1993] // 原子力委員会. 1993.
URL: <https://www.aec.go.jp/jicst/NC/about/hakusho/wp1993/index.htm> (дата обращения: 10.09.2024).
- 原子力白書 [Белая книга по атомной энергетике] // 原子力委員会. 2023. 第115ページ.
- 原子力規制委員会 六ヶ所再処理工場など現地調査 [Комиссия по ядерному регулированию | Расследование на месте работы Роккасе и других заводов ядерной переработки] // 0 TELENEWS. 29.06.2024. URL: <https://news.ntv.co.jp/category/society/3c69134836074adeba426d17a4efcbf2> (дата обращения: 15.09.2024).
- 原子力利用に関する基本的考え方 [Основная политика использования атомной энергии] // 原子力委員会. 2023.
- 原発建て替え、敷地内で GX基本方針を閣議決定 [Решение Кабинета министров о реконструкции атомной электростанции и базовой политике GX на объекте] // 日本経済新聞. 10.02.2023.
URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA091ZF0Z00C23A2000000/> (дата обращения: 15.09.2024).
- GX 実現に向けた基本方針 ～今後 10 年を見据えたロードマップ～ [Основной план по реализации зеленой трансформации. Дорожная карта на следующие 10 лет] // 経済産業省. 2023. 第 3 ページ. URL: https://www.meti.go.jp/press/2022/02/20230210002/20230210002_1.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
- GX 実現に向けた基本方針 ～今後 10 年を見据えたロードマップ～ [Основной план по реализации зеленой трансформации. Дорожная карта на следующие 10 лет] // 内閣官房. 2023. 第7ページ.
URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/gx_jikkou_kaigi/pdf/kihon.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
- 環境への適合 | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [Экологическая совместимость | Энергетическая ситуация в Японии и политика в области ядерной энергетики] // *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023. URL: https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-07.html?id=cont_02. (дата обращения: 13.09.2024)
- 「日本原燃」再処理工場など 完成目標を延期 県に報告 [JNFL откладывает сроки завершения строительства перерабатывающего завода] // *NHK NEWS*. 23.08.2024. URL: <https://www3.nhk.or.jp/lnews/aomori/20240823/6080023425.html> (дата обращения: 15.09.2024).
- 日本のエネルギー政策 ～2030年, 2050年に向けた方針～ | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [Энергетическая политика Японии — Политика на 2030 и 2050 годы | Энергетическая ситуация

- и ядерная политика Японии] // *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023. URL: https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-04.html?id=cont_01 (дата обращения: 13.09.2024).
- 日本のエネルギー選択の歴史と原子力 | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [История энергетического выбора Японии и ядерной энергетики | Энергетическая ситуация в Японии и политика в области ядерной энергетики] // *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023. URL: <https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-01.html>. (дата обращения: 12.09.2024).
- 日本の原子力発電所の現状 (2010年) [Текущее состояние атомных электростанций в Японии (2010). (2010)] // *ATOMICA*. 2011. URL: https://atomica.jaea.go.jp/data/detail/dat_detail_02-05-01-10.html. (дата обращения: 12.09.2024).
- 日本における原子力の平和利用のこれまでとこれから [Прошлое и будущее мирного использования ядерной энергии в Японии] // 経済産業省 資源エネルギー庁. 22.02.2018. URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/special/tokushu/nuclear/nihonnonuclear.html> (дата обращения: 11.09.2024).
- 2013年度の温室効果ガス排出量について [О выбросах парниковых газов, 2013] // *National Institute for Environmental Studies*. URL: <https://www.nies.go.jp/whatsnew/2014/20141204/20141204.html> (дата обращения: 01.10.2024).
- 報告「高速炉で『核のゴミ』を減らす? まやかしの高速炉開発と六ヶ所再処理工場との関係 [Сокращаются ли ядерные отходы с помощью быстрых реакторов? Связь между мошеннической разработкой быстрого реактора и перерабатывающим заводом «Роккасё»] // *New Diplomacy Initiative*. 2022. URL: <https://www.nd-initiative.org/research/11432/> (дата обращения: 03.11.2024).

Problems and Prospects of Development of Nuclear Energy in Japan

Olesya N. Emelyanova

Ph.D. (Economics), Junior Researcher, Lomonosov Moscow State University (address: 46/1, Leninskie Gory Str., Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6137-9734. E-mail: emelianovalesia@hotmail.com

Denis A. Shcherbakov

Ph.D. (Economics) Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University (address: 29, Malaya Ordynka Str., 119017, Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8607-6265. E-mail: dshcherbakov@hse.ru

Received 01.10.2024.

Abstract:

The Fukushima disaster in 2011 temporarily changed Japan's priorities and increased criticism of nuclear power. However, since its long-term abandonment has caused serious losses in the country's energy security, and it is clear that despite the Japanese public's fear of nuclear disasters, the Japanese government is slowly and carefully putting nuclear power back on Japan's energy development agenda. This became especially noticeable in the actions of the Cabinet of Fumio Kishida, as well as the current Japanese government, which continued the course towards "revival" of nuclear energy.

Even according to the most pessimistic scenario of the World Nuclear Association, by 2040 it is planned to increase the global capacity of nuclear power plants to 486 GW, which is 24 % more than in 2023. According to the basic and optimistic scenarios, growth is expected to be 75 % and 138 %, respectively. Such prospects suggest that the era of nuclear energy is far from over. 10 EU countries, including Bulgaria, Hungary, Poland, Romania, Slovenia, Slovakia, Finland, France, Croatia and the Czech Republic, have proposed officially including nuclear energy in the list of areas for green investments, which, in their opinion, will allow to abandon imported energy supplies.

In February 2024, the Council of EU Member States and the European Parliament, after lengthy negotiations in Brussels on the Zero Emissions Industry Act (NZIA), agreed to declare nuclear energy a strategic technology for the decarbonization of the EU.

How is Japan planning to integrate into this trend? What is the reason for the expected shift in the country's energy balance in favor of nuclear energy? How does this correspond to the tasks of ensuring its energy security? How has the role of nuclear power changed in the context of Japan's energy transition? In this article, the authors have attempted to answer these questions.

Key words:

nuclear energy, Japan, nuclear power plants, energy transition, energy security, Fukushima.

For citation:

Emelyanova O.N., Shcherbakov D.A. Problems and Prospects of Development of Nuclear Energy in Japan // Far Eastern Studies. 2024. No. 5. Pp. 53–69. DOI: 10.31857/S0131281224050041.

References

- Dauvergne P.* Nuclear Power Development in Japan: "Outside Forces" and the Politics of Reciprocal Consent. *Asia Survey*. Vol. 33. Iss. 6. June 1, 1993. URL: <https://online.ucpress.edu/as/article-abstract/33/6/576/3539/Nuclear-Power-Development-in-Japan-Outside-Forces?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 15.09.2024).
- Espen M.* Energy, Industry and Politics: Energy, Vested Interests, and Long-term Economic Growth and Development. *Energy* 35. No. 4. April 1, 2010. Pp. 1730–1740. DOI: 10.1016/j.energy.2009.12.026
- Espen M.* Vested Interests, Energy Efficiency and Renewables in Japan. *Energy Policy*. October 1, 2011. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.070
- Glazyev S.* Ryvok v budushee [Leap into the Future]. Knizniy mir. 2019. 768 s. (In Russ.)
- Japan 2021. Energy Policy Review. *IEA*. 2021. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/3470b395-cfdd-44a9-9184-0537cf069c3d/Japan2021_EnergyPolicyReview.pdf (accessed: 13.09.2024).
- Korneev K.A.* Japan's Energy Policy: Current Challenges and Problems. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 4. Pp. 73–84. DOI: 10.31857/S013128120026885-4. (In Russ.)
- Lempriere M.* Scrapping Monju: The Curtain Falls on Japan's Experimental Fast Breeder Reactor. *Power Technology*. January 3, 2017. URL: <https://www.power-technology.com/features/featurescrapping-monju-the-curtain-falls-on-japans-experimental-fast-breeder-reactor-5708445/> (accessed: 15.09.2024).
- The Nuclear Fuel Report. Global Scenarios for Demand and Supply Availability 2023–2040. *World Nuclear Association*. URL: <https://world-nuclear.org/our-association/publications/global-trends-reports/nuclear-fuel-report> (accessed: 11.09.2024).
- Yamashita Kiyonobu.* History of Nuclear Technology Development in Japan. *AIP Conference Proceedings*. April 29, 2015. DOI: 10.1063/1.4916842
- 「日本原燃」再処理工場など 完成目標を延期 県に報告 [JNFL Postpones Completion Targets for Reprocessing Plant]. *NHK NEWS*. 23.08.2024. URL: <https://www3.nhk.or.jp/lnews/aomori/20240823/6080023425.html> (accessed: 15.09.2024). (In Japan.)
- 2013年度の温室効果ガス排出量について [Greenhouse Gas Emissions, 2013]. *National Institute for Environmental Studies*. URL: <https://www.nies.go.jp/whatsnew/2014/20141204/20141204.html> (accessed: 01.10.2024) (In Japan.)
- GX 実現に向けた基本方針 ～今後 10 年を見据えたロードマップ～ [Basic Policy for the Realisation of GX. Roadmap for the Next 10 Years]. 経済産業省. 02.2023. 第 3 ページ. URL: https://www.meti.go.jp/press/2022/02/20230210002/20230210002_1.pdf (accessed: 13.09.2024). (In Japan.)
- GX 実現に向けた基本方針 ～今後 10 年を見据えたロードマップ～ [Basic Policy for the Realisation of GX. Roadmap for the Next 10 Years]. 内閣官房. 02.2023. 第7ページ. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/gx_jikkou_kaigi/pdf/kihon.pdf (accessed: 15.09.2024). (In Japan.)
- エネルギー基本計画 [Basic Energy Plan]. 経済産業省 資源エネルギー. 2010. 第27ページ. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/100618honbun.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Japan.)
- エネルギー基本計画 [Basic Energy Plan]. 経済産業省 資源エネルギー庁. 2014. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/140411.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Japan.)
- 原子力利用に関する基本的考え方 [Basic Policy on the Use of Atomic Energy]. 原子力委員会. 2023. (In Japan.)
- 原子力基本法 (昭和三十年十二月十九日法律第百八十六号) [Atomic Energy Basic Law (Law No. 186 of December 19, 1945)]. (In Japan.)
- 原子力白書 [White Book of Nuclear Energy, 1993]. 原子力委員会. 11.1993. URL: <https://www.aec.go.jp/jicst/NC/about/hakusho/wp1993/index.htm> (accessed: 10.09.2024). (In Japan.)
- 原子力白書 [White Book of Nuclear Energy, 2022]. 原子力委員会. 第115ページ. (In Japan.)
- 原子力規制委員会 六ヶ所再処理工場など現地調査 [Nuclear Regulation Authority | Field Survey of Rokkasho Reprocessing Plant and Other Sites]. 0 テレNEWS. 29.06.2024.

- URL: <https://news.ntv.co.jp/category/society/3c69134836074adeba426d17a4efcbf2> (accessed: 15.09.2024). (In Japan.)
- 原発建て替え、敷地内で GX基本方針を閣議決定 [Cabinet Decision on Reconstruction of Nuclear Plant and On-Site GX Basic Policy]. 日本経済新聞. 10.02.2023.
URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA091ZF0Z00C23A2000000/> (accessed: 15.09.2024). (In Japan.)
- 日本における原子力の平和利用のこれまでとこれから [The Past and Future of the Peaceful Use of Nuclear Energy in Japan]. 経済産業省 資源エネルギー庁. 22.02.2018.
URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/special/tokushu/nuclear/nihonnonnuclear.html> (accessed: 11.09.2024). (In Japan.)
- 日本のエネルギー政策 ～2030年, 2050年に向けた方針～ | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [Japan's Energy Policy — Policies Towards 2030 and 2050 — | Japan's Energy Situation and Nuclear Power Policy]. *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023.
https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-04.html?id=cont_01 (accessed: 13.09.2024). (In Japan.)
- 日本のエネルギー選択の歴史と原子力 | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [History of Japan's Energy Choices and Nuclear Power | Japan's Energy Situation and Nuclear Power Policy]. *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023. URL: <https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-01.html>. (accessed: 12.09.2024). (In Japan.)
- 日本の原子力発電所の現状 (2010年) [Current Status of Nuclear Power Plants in Japan (2010)]. *ATOMICA*. 2011. URL: https://atomica.jaea.go.jp/data/detail/dat_detail_02-05-01-10.html. (accessed: 12.09.2024). (In Japan.)
- 枝廣淳子: 「東日本大震災後の日本のエネルギーをめぐる状況」 [Edahiro Junko. Japan's Energy Situation after the Great East Japan Earthquake]. *JFS*. 01.03.2013. URL: https://www.japanfs.org/sp/ja/news/archives/news_id032630.html (accessed: 11.09.2024). (In Japan.)
- 環境への適合 | 日本のエネルギー事情と原子力政策 [Environmental Compatibility | Japan's Energy Situation and Nuclear Power Policy]. *Japan Atomic Energy Relations Organization*. 2023.
URL: https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-07.html?id=cont_02. (accessed: 13.09.2024). (In Japan.)
- 第6次エネルギー基本計画 [The Sixth Basic Energy Plan]. 経済産業省 資源エネルギー庁.
URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/ (accessed: 11.09.2024). (In Japan.)

Стратегические приоритеты, тенденции и перспективы участия Японии в экономической интеграции в АТР

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050059

Паксютов Георгий Давидович

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0001-7153-4315. E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2024.

Аннотация:

В статье рассмотрены актуальные вызовы, стоящие перед Японией с точки зрения участия в проектах региональной интеграции. Ввиду экономических и демографических вызовов, для Японии все более важным становится взаимодействие с динамично развивающимися азиатскими экономиками, способное отчасти компенсировать нехватку трудовых ресурсов и негативную динамику спроса на внутренних рынках. Япония участвует в обоих крупнейших интеграционных проектах региона — ВРЭП и ВПТТП, но цели ее участия в каждом из проектов несколько разнятся. Так, участие в ВРЭП, лидером которого является Китай, имеет сугубо экономическую мотивацию, в то время как ВПТТП (в целом характеризующееся заметно меньшим, чем у ВРЭП, удельным весом в мировой экономике и потенциалом экономического роста) предоставляет Токио еще и площадку для продвижения своего политического видения в сотрудничестве с дружественными странами. Проблема выбора между экономическими и политическими мотивациями в японской национальной стратегии находит свое концептуальное отражение в необходимости балансировать между азиатскими и «универсальными» ценностями, при этом в эпоху правления премьер-министра Кисиды в стратегических документах заметен явный крен в сторону позиционирования Японии как страны, придерживающейся «универсальных» ценностей. В то же время новая стратегия экономической безопасности предоставляет японскому правительству экстраординарные полномочия для противостояния странам, «не разделяющим универсальные ценности». Данная тенденция обуславливается комплексом факторов, включая внутривнутриполитические: японские элиты мотивированы удерживать и наращивать свое влияние в ситуации, когда правящая Либерально-демократическая партия сталкивается с кризисом доверия среди избирателей.

Ключевые слова:

ВРЭП, ВПТТП, внешнеэкономическая стратегия Японии, японская внешняя политика, интеграционные процессы в АТР.

Для цитирования:

Паксютов Г.Д. Стратегические приоритеты, тенденции и перспективы участия Японии в экономической интеграции в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 70–83.
DOI: 10.31857/S0131281224050059.

По итогам 2023 г. Япония опустилась на четвертое место в мире по номинальному ВВП, пропустив вперед Германию¹. Разумеется, этому способствовало ослабление

¹ Japan avoids recession as the quarterly economic growth data is revised up // CNN. March 10, 2024. URL: <https://edition.cnn.com/2024/03/10/economy/japan-gdp-revised-hnk-intl/index.html> (дата обращения: 13.04.2024). По данным Международного валютного фонда за 2023 г., номинальный ВВП Японии составил 4,21 трлн долл. США (4 место в мире; для сравнения, показатель вышедшей на 3 место Германии — 4,46 трлн долл., а Россия с 2 трлн долл. находится на 11 месте) [GDP — current prices // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/WEO_WORLD (дата обращения: 10.05.2024)]. Что касается ВВП по паритету покупательной способности, то Япония находится на 4 месте, уступая Китаю, США и Индии, в то время как Германия и Россия за-

курса иены (т.к. международная статистика фиксирует номинальный ВВП в долл. США, а иена в 2023 г. продемонстрировала самое существенное ослабление относительно американского доллара среди десяти основных глобальных валют²), однако имеются и другие существенные факторы, в частности снижение уровня реальной заработной платы³.

Сравнительное ослабление японской экономики происходит на фоне сохраняющихся негативных демографических тенденций. В 2023 г. в Японии был зафиксирован очередной антирекорд рождаемости⁴, также она является страной с самым возрастным населением на планете. Страна восходящего солнца ведет достаточно осторожную миграционную политику, в том числе в отношении иностранных специалистов, делая ставку на технологии искусственного интеллекта для решения проблемы дефицита рабочей силы⁵. Однако даже если оставить в стороне сложные этические и политические проблемы масштабного замещения человеческого труда искусственным интеллектом, старение и сокращение населения представляют вызов для национальной экономики еще и с точки зрения снижения потребительской активности и спроса на внутренних рынках — проблема, которая напрямую не решается путем использования замещающих технологий.

Тем временем Азия остается ключевым драйвером глобального экономического роста. По оценкам МВФ, рост мирового ВВП в 2023 г. составил 3,1 %, при этом экономики Китая (5,2 %), Индии (6,7 %), крупнейшей экономики АСЕАН — Индонезии (5 %) растут темпами, заметно опережающими среднемировые⁶. В текущей ситуации более активное взаимодействие с динамично растущими экономиками региона является для Японии императивом, т.к. может позволить компенсировать малоудовлетворительную динамику внутреннего потребления и деловой активности. В целом, высокая интенсивность экономических взаимосвязей, характерная для азиатских экспортно-ориентированных экономик, и их значительная потребность в развитии современной инфраструктуры предоставляют Токио хорошие возможности для экономической экспансии на их рынки.

Исторически позиционирование Японии в региональной экономической архитектуре соответствовало так называемой модели «летающих гусей», при которой Страна восходящего солнца занимала лидирующее положение в региональном технологическом

нимают 5 и 6 места соответственно (GDP based on PPP, share of world // IMF.

URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO/WORLD> (дата обращения: 10.05.2024)). Номинальный ВВП Японии в иенах (по данным, приводимым Администрацией кабинета министров Японии за 2023 г.) составляет 591,9 трлн (国民経済計算 (GDP統計) [Национальные счета (статистика ВВП)] // Cabinet Office.

URL: <https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/menu.html> (дата обращения: 10.05.2024)).

² Farraj Y.A. Japanese yen records worst performance among top currencies in 2023 // *Economy Middle East*. December 26, 2023. URL: <https://economymiddleeast.com/news/japanese-yen-performance/> (дата обращения: 13.04.2024).

³ Why Japan slips into recession and loses crown as world's third-largest economy? // *Xinhua*. February 16, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240216/2c78086fd84e4b6993d5696badfcafa8/c.html#:~:text=as%20sluggish%20consumption.-,Analysts%20pointed%20out%20that%20subdued%20domestic%20demand%20prevented%20Japan%20from,in%20suppressed%20household%20purchasing%20power> (дата обращения: 13.04.2024).

⁴ Takenaka K., Sugiyama S. Japan's new births fall to record low in 2023 as demographic woes deepen // *Reuters*. February 27, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/number-births-japan-hits-record-low-2023-2024-02-27/> (дата обращения: 13.04.2024).

⁵ Sinha S. The Japanese Economy is Turning Around: Top Forces That Could Change Its Future // *Observer*. April 12, 2024. URL: <https://observer.com/2024/04/japan-economy-interest-rate-us-impact/> (дата обращения: 13.04.2024).

⁶ World Economic Outlook Update // *World Monetary Fund*. January 2024. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2024/Update/January/English/text.aspx> (дата обращения: 13.04.2024).

и более общем институциональном и экономическом развитии⁷. Сегодня, однако, центральным узлом региональных экономических связей является КНР, и обостряющееся экономическое и политическое соревнование между Китаем и США становится наиболее существенным вызовом, определяющим стратегию Японии.

Во второй срок правления премьер-министра С. Абэ (с декабря 2012 г.) Азиатско-Тихоокеанский регион приобрел ключевое значение в японской экономической стратегии⁸. В этот период Япония сыграла заметную роль в создании обоих крупнейших интеграционных проектов региона — Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП), в которых занимает и важное место по удельному весу экономики. Активному позиционированию Японии в регионе способствуют накопленные в течение десятилетий деловые связи, а также позитивная репутация и «мягкая сила». Так, в Юго-Восточной Азии, которая имеет колоссальное значение с точки зрения потенциала экономического роста, Япония является «крупной державой, вызывающей наибольшее доверие»⁹.

Региональная интеграция — это сложный, комплексный процесс, для понимания которого важно рассматривать не только текущие показатели экономического взаимодействия и его институциональное оформление, но и концептуальные основы. В данной статье мы намерены оценить текущие позиции и перспективы Японии в региональной экономической интеграции, принимая во внимание и более общие тренды в глобальном позиционировании страны, такие как принятие в 2022 г. Стратегии экономической безопасности.

Региональные интеграционные форматы: ВПТТП и ВРЭП

Основой для интеграционного объединения, получившего название Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership), стал предложенный администрацией американского президента Б. Обамы проект Транстихоокеанского партнерства (ТПП, Trans-Pacific Partnership). Япония присоединилась к переговорам по ТПП в 2013 г. В феврале 2016 г. было достигнуто соглашение 12 стран о создании ТПП, но в январе 2017 г. президент Д. Трамп вывел США из соглашения. Выход из соглашения крупнейшей экономики и инициатора интеграционного формата поставил его реализацию под вопрос. Тем не менее 11 оставшихся стран (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония) сохранили формат (в чем, как принято считать, решающую роль сыграли дипломатические усилия Японии¹⁰), вступивший в силу в декабре 2018 г. как ВПТТП. Япония является крупнейшей экономикой в составе ВПТТП. По данным за 2023 г., доля стран — участниц ВПТТП в мировом ВВП составляет 10,3 %, причем растут они темпами ниже сред-

⁷ Актуальный обзор меняющихся тенденций позиционирования Японии в глобальной и региональной экономике см.: Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: реалии и прогнозы XXI века // *Мировое и национальное хозяйство*. 2023. № 1 (61). С. 43–70.

⁸ Паксютов Г.Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2023. № 2. С. 9. DOI: 10.24412/2686–7702–2023–2–6–16

⁹ Seah S. et al. The State of Southeast Asia: 2023 Survey Report. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2023. P. 50.

¹⁰ Katada S.N. Gatekeeper's Dilemma: Japan Facing CPTPP Applications from China and Taiwan // *China, Taiwan, the UK and the CPTPP: Global Partnership or Regional Stand-off?* Chun-yi Lee, Reilly Michael (eds.). Singapore: Springer Nature, 2023. P. 142.

немировых (их вклад в рост мирового ВВП за период 2013–2023 гг. составляет сравнительно невысокие 6,9 %) ¹¹.

Существуют различные оценки и прогнозы влияния ВПТТП на национальный доход и торговые потоки стран-участниц. Согласно прогнозной модели экспертов Азиатского банка развития, ВПТТП к 2030 г. увеличит доход Японии примерно на 1,2 %, причем Япония получит наибольший (в абсолютных величинах) прирост дохода среди всех стран, участвующих в соглашении ¹². Существуют оценки, согласно которым уже к 2025 г. приращение ВВП Японии благодаря участию в ВПТТП должно составить 2 % ¹³. По более скептической оценке Я.В. Мищенко, ВПТТП может остаться «просто формальностью, существующим лишь на бумаге интеграционным объединением», не имеющим для стран-участниц реального экономического значения ¹⁴. В любом случае необходимо учитывать, что ВПТТП имеет для Японии не только экономическое, но и политическое значение. Так, в «Синей книге по дипломатии», опубликованной МИД Японии в 2023 г., «поддержание высоких стандартов» ВПТТП приводится как пример глобального лидерства Японии в продвижении свободной торговли ¹⁵. По формулировкам японских экспертов, ВПТТП предоставляет Японии канал для «поддержания и продвижения основанного на правилах экономического порядка» ¹⁶, отмечается также, что соглашение имеет «социальную функцию», состоящую в защите трудовых прав и окружающей среды ¹⁷.

В июле 2023 г. был подписан протокол о вступлении в ВПТТП Великобритании. В декабре 2023 г. Япония стала первой страной — участницей ВПТТП, ратифицировавшей протокол, что вполне соответствует оценкам В.О. Кистанова, который, комментируя «лояльность Японии к... курсу Британии на АТР», сделал вывод о формировании «торгово-экономической и военно-политической оси Токио — Лондон, причем с антикитайской подоплекой» ¹⁸. Примечательно, что в связи со вступлением Великобритании в ВПТТП японский Институт международных отношений ¹⁹ опубликовал материал, в котором констатируется, что принятие Великобританией в интеграционный проект «не имеет практически никаких экономических последствий для Японии», и одновременно подчер-

¹¹ Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP) // *World Economics*. April 2024. URL: <https://www.world-economics.com/Regions/CPTPP/> (дата обращения: 16.04.2024).

¹² Park C.-Y. et al. Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. Pp. 9, 11.

¹³ Kwon J.Y. Cost-benefit analysis of Japan's decision to join CPTPP // *Asia Times*. October 21, 2018. URL: <https://asiatimes.com/2018/10/cost-benefit-analysis-of-japans-decision-to-join-cptpp/> (дата обращения: 16.04.2024).

¹⁴ Мищенко Я.В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // *Ежегодник Японии*. 2020. № 49. С. 167. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006

¹⁵ Diplomatic Bluebook 2023 // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. September 29, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2023/pdf/pdfs/2023_all.pdf. P. 7. (дата обращения: 16.04.2024).

¹⁶ Katada S.N. Gatekeeper's Dilemma: Japan Facing CPTPP Applications from China and Taiwan // *China, Taiwan, the UK and the CPTPP: Global Partnership or Regional Stand-off?* Chun-yi Lee, Reilly Michael (eds.). Singapore: Springer Nature, 2023. P. 152.

¹⁷ Ito S. Japan's Critical Leadership Role on Free and Fair Trade // *CSIS*. May 15, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-critical-leadership-role-free-and-fair-trade> (дата обращения: 16.04.2024).

¹⁸ Кистанов В.О. «Глобальная Британия»: курс на АТР с антикитайским уклоном // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2021. № 3. С. 15. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-6-18

¹⁹ JIA (The Japan Institute of International Affairs) — организация, в прошлом официально аффилированная с МИД Японии и предоставляющая аналитические материалы для правительства страны.

кивается, что ВПТТП имеет значение не только экономическое, но и «стратегическое», которое проявляется в «формировании правил»²⁰.

В сентябре 2021 г. заявку на вступление в ВПТТП подал Китай. По оценке С. Катада, японское руководство скорее предпочло бы видеть в составе ВПТТП Тайвань, нежели КНР²¹. По выражению С. Катада, Япония, выступая за реализацию интеграционного формата ТТП без США, тем не менее «с нетерпением ожидала» возвращения Вашингтона в данный проект; вступление же Китая в ВПТТП сделает потенциальное возвращение США значительно менее вероятным²². Можно ожидать, что вступление в интеграционное объединение Великобритании означает снижение вероятности присоединения к нему КНР в обозримой перспективе.

Переговоры о создании другого крупнейшего интеграционного проекта в регионе — Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership) стартовали в 2012 г. по инициативе АСЕАН. Предполагалось, что соглашение объединит государства АСЕАН и еще 6 стран (Австралия, Индия, КНР, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония). Соглашение было в итоге подписано в ноябре 2020 г. без участия Индии и вступило в силу 1 января 2022 г. Стандарты ВРЭП мягче, чем ВПТТП: по существующим оценкам, ВРЭП сокращает тарифы в торговле между странами-участницами на 90–91 %, тогда как ВПТТП — на 96 % или даже до 100 %²³. В отличие от ВПТТП, ВРЭП не предусматривает введения экологических стандартов, мер по регулированию деятельности компаний, находящихся в государственной собственности и др.²⁴ Обозреватели отмечают, что ВРЭП по сравнению с ВПТТП уделяет меньше

²⁰ Yanagida K. The Significance of the UK's Accession to the CPTTP // *The Japan Institute of International Affairs*. April 26, 2023. URL: https://www.jiia.or.jp/en/strategic_comment/2023/04/2023-04.html#sdfnote11sym (дата обращения: 15.04.2024).

²¹ Katada S.N. Gatekeeper's Dilemma: Japan Facing CPTPP Applications from China and Taiwan // *China, Taiwan, the UK and the CPTTP: Global Partnership or Regional Stand-off?* Chun-yi Lee, Reilly Michael (eds.). Singapore: Springer Nature, 2023. P. 151.

²² Katada S.N. Gatekeeper's Dilemma: Japan Facing CPTPP Applications from China and Taiwan // *China, Taiwan, the UK and the CPTTP: Global Partnership or Regional Stand-off?* Chun-yi Lee, Reilly Michael (eds.). Singapore: Springer Nature, 2023. P. 153.

²³ Park C.-Y. et al. Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. P. 5; Park I. Comparison of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and Other Free Trade Agreements (FTAs) // *ERIA Discussion Papers*. August 2022. P. 28. URL: [https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/Comparison-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-\(RCEP\)-and-Other-Free-Trade-Agreements-\(FTAs\).pdf](https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/Comparison-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-(RCEP)-and-Other-Free-Trade-Agreements-(FTAs).pdf) (дата обращения: 16.04.2024). Снижение Японией тарифов на импорт из других стран-участниц ВРЭП в рамках соглашения оценивается в 88 % (Park I. Comparison of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and Other Free Trade Agreements (FTAs) // *ERIA Discussion Papers*. August 2022. P. 29. URL: [https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/Comparison-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-\(RCEP\)-and-Other-Free-Trade-Agreements-\(FTAs\).pdf](https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/Comparison-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-(RCEP)-and-Other-Free-Trade-Agreements-(FTAs).pdf) (дата обращения: 16.04.2024)). В целом, сравнительно более защищенными остаются такие стратегически важные отрасли, как автомобилестроение и сельское хозяйство (Nicita A. et al. The Regional Comprehensive Economic Partnership and its trade effects. Geneva: UNCTAD, 2021. P. 10).

²⁴ Park I. Comparison of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and Other Free Trade Agreements (FTAs) // *ERIA Discussion Papers*. August 2022. Pp. 27–28. URL: [https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/Comparison-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-\(RCEP\)-and-Other-Free-Trade-Agreements-\(FTAs\).pdf](https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/Comparison-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-(RCEP)-and-Other-Free-Trade-Agreements-(FTAs).pdf) (дата обращения: 16.04.2024).

внимания проблемам, имеющим принципиальное значение для развитых экономик, таким как защита интеллектуальной собственности²⁵.

По данным за 2023 г., на страны ВРЭП приходится 32 % мирового ВВП, причем растут их экономики темпами выше среднемировых (вклад в рост мирового ВВП за 2013–2023 гг. составил 42,9 %) ²⁶. По прогнозам, опубликованным Азиатским банком развития, Япония станет одним из главных бенефициаров ВРЭП: к 2030 г. участие в соглашении увеличит ее национальный доход более чем на 1,2 %, а объем экспорта — более чем на 11 % ²⁷. В целом ожидаемый экономический эффект от создания ВРЭП выше, чем от ВПТТП ²⁸ (что неудивительно, учитывая значительно больший удельный вес входящих в него стран в мировой экономике).

Отметим также, что вместо участия в ВПТТП Соединенные Штаты, бывшие некогда инициаторами данного интеграционного формата, для реализации своей Индо-Тихоокеанской стратегии и продвижения собственных интересов в регионе предложили проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС, Indo-Pacific Economic Framework). Проект был анонсирован в мае 2022 г. в Токио во время визита Дж. Байдена. В первоначальном варианте он включает 13 стран, среди которых США, Япония, Индия, Южная Корея и крупнейшие экономики АСЕАН (Индонезия, Таиланд, Сингапур и др.) ²⁹. Основные направления сотрудничества, заявленные в проекте: развитие экономических связей (в т.ч. электронной коммерции), формирование устойчивых цепочек добавленной стоимости, «зеленая экономика» и борьба с коррупцией. Индо-Тихоокеанская структура по составу значительно пересекается с ВРЭП, она не включает Китай, но включает Индию. По оценкам экспертов, Япония поддерживает ИТЭС, рассматривая проект как дополняющий ее собственную концепцию «Открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона» ³⁰.

Вкратце резюмируя, можно утверждать, что Япония, участвуя во ВРЭП и ВПТТП, преследует стратегические задачи различного рода. Если ее участие во ВРЭП мотивировано в узком смысле экономически (стремлением извлечь выгоды из международной торговли) ³¹, то ВПТТП Токио может использовать как площадку для политиче-

²⁵ Park C.-Y. et al. Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. P. 6.

²⁶ Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTTP) // *World Economics*. April 2024. URL: <https://www.worldeconomics.com/Regions/CPTTP/> (дата обращения: 16.04.2024).

²⁷ Park C.-Y. et al. Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. Pp. 9–11.

²⁸ Park C.-Y. et al. Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. P. 11.

²⁹ In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // *The White House*. May 23, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения: 15.04.2024).

³⁰ Nagy S. The IPEF: Japan's Economic Realism and Approach to Indo-Pacific Engagement, Resilience, and Rule-Setting // *The Making of the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF)*. Palit A., Iyer R. (eds.). Tokyo: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2023. P. 38.

³¹ По мнению А.В. Акимова, в том, что между странами — участницами ВРЭП «существенно различаются... политические отношения» и есть «нерешенные внешнеполитические вопросы», кроются серьезные риски для эффективной экономической интеграции в рамках партнерства (Акимов А.В. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство — крупнейшее интеграционное объединение в Азии и мире // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 1. С. 70–83. DOI: 10.31857/S0131281224010069).

ской кооперации с дружественными странами³² — в том числе в противовес влиянию в регионе Китая, являющегося однозначным экономическим лидером ВРЭП³³.

Треугольник Вашингтон — Сеул — Токио: экономический аспект

В контексте обсуждения региональных интеграционных инициатив, в которых участвует Япония, уместно упомянуть и трехстороннее сотрудничество Японии, Южной Кореи и США, закрепленное по результатам саммита в американском Кэмп-Дэвиде в августе 2023 г. Напомним, что потеплению в отношениях Токио и Сеула, наметившемуся после визита южнокорейского президента Юн Сок Ёля в Японию в марте 2023 г., предшествовала «торговая война», которую обозреватели сравнивали с противостоянием между Пекином и Вашингтоном³⁴. В апреле того же года Южная Корея вернула Японию в так называемый белый список преференциальных торговых партнеров, в июле аналогичной мерой ответила Япония.

Помимо кооперации в сфере безопасности, важным приоритетом Кэмп-Дэвидского саммита стала интенсификация сотрудничества в области высоких технологий, которые являются в наши дни ключевым драйвером экономического роста. Согласно тексту опубликованного после саммита коммюнике, Япония, Южная Корея и США поставили такие задачи, как «кооперация в сфере экономической безопасности и технологической сфере», а также «продвижение устойчивого экономического роста и финансовой стабильности»³⁵. Что касается технологической сферы, конкретные области кооперации, отмеченные в коммюнике, включают полупроводники, биотехнологии, искусственный интеллект, квантовые вычисления и др.

В декабре 2023 г. представители правительств США, Японии и Южной Кореи подписали совместную Программу по сотрудничеству в науке и инновациях, основными приоритетами которой являются компьютерные науки, искусственный интеллект, науки о материалах и науки об окружающей среде. Партнерство в данных областях должно принести странам-участницам «преимущества в экономике и безопасности»³⁶. В январе 2024 г. было опубликовано коммюнике, анонсирующее партнерство между США, Японией и Южной Кореей в области квантовых технологий (которое, согласно

³² Д.А. Милеев в публикации 2022 г. высказался о том, что выход США из ВПТТП и тот факт, что Япония участвует одновременно в двух интеграционных проектах, открывают для нее возможность играть роль «благожелательного посредника» в региональной и глобальной геополитической и экономической системе. См.: Милеев Д.А. Роль Японии в Восточно-азиатском центре мировой экономики // *Восточная аналитика*. 2022. № 3. С. 15. DOI: 10.31696/2227-5568-2022-03-008-016. Согласно более актуальной оценке А.Н. Панова, Япония, однако, не противодействует «фасколу Азиатско-Тихоокеанского региона на противостоящие друг другу военно-политические блоки». См.: Панов А.Н. Внешнеполитическое наследство премьер-министра Японии Абэ Синдзо // *Японские исследования*. 2024. № 2. С. 39. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-21-40

³³ Согласно экспертным оценкам, Япония заинтересована в вовлечении Индии в формат ВРЭП в перспективе, чтобы сбалансировать экономическое доминирование в нем КНР (Милеев Д.А. Проблема лидерства в Восточной Азии // *Азия и Африка. Взаимодействие региональных и глобальных тенденций* / Хазанов А.М. (отв. ред.). М.: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 122–141).

³⁴ Shin S. The Korea-Japan trade dispute: non-tariff barriers. Ames: Iowa State University, 2020. P. 1.

³⁵ The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States // *The White House*. August 18, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (дата обращения: 07.05.2024).

³⁶ United States, Japan and Republic of Korea sign Trilateral Framework encouraging scientific cooperation in critical and emerging technology // *The U.S. Department of Energy*. December 8, 2023. URL: <https://www.energy.gov/nnsa/articles/united-states-japan-and-republic-korea-sign-trilateral-framework-encouraging> (дата обращения: 07.05.2024).

тексту коммюнике, «повысит конкурентоспособность... в современной глобальной экономике» этих трех стран)³⁷.

Наконец, отметим, что в заявлении, опубликованном после переговоров Кисида Фумио и Дж. Байдена (состоявшихся в рамках визита японского премьер-министра в США в апреле 2024 г.), утверждается, что США, Япония и Южная Корея, основываясь на результатах Кэмп-Дэвидского саммита, продолжают развивать сотрудничество в сферах экономики, «экологически чистой» энергетики и технологий³⁸.

К.В. Асмолов и К.В. Бабаев пишут об альянсе США, Японии и Южной Кореи как о «блоковом треугольнике» (который, наряду с треугольником Россия — КНДР — КНР, будет определять «региональную военно-политическую ситуацию в краткосрочной и среднесрочной перспективе»), замечая при этом, что делению стран на военно-политические блоки сопутствует и экономическая «кластеризация»³⁹. Данная оценка тем более актуальна, что подкрепляется широко признанным значением для сферы безопасности таких высокотехнологичных отраслей, как информационные технологии, искусственный интеллект и др. К примеру, искусственный интеллект, обучаемый на данных, полученных в ходе «гражданской» коммерческой деятельности, может иметь военное применение. Этот факт является важнейшей предпосылкой, обусловившей новый подход к экономической безопасности в японских стратегических документах⁴⁰. Впрочем, необходимо также иметь в виду, что распространение логики безопасности и военно-политического противостояния на экономическую сферу способствует расширению влияния японских бюрократических элит, присвоению ими дополнительных полномочий в ситуации, когда правящая Либерально-демократическая партия претерпевает кризис доверия со стороны избирателей⁴¹.

Взаимодействие в рамках блока США — Япония — Южная Корея может способствовать и более координированной позиции в отношениях с не входящими в него странами, например Индией, которую США сумели привлечь к сотрудничеству в рамках ИТЭС. Так, в марте 2024 г. после визита главы МИД Индии С. Джайшанкара в Южную Корею и Японию некоторые обозреватели высказались о наметившемся трехстороннем векторе сотрудничества Дели — Токио — Сеул⁴², драйвером которого может стать кооперация в таких высокотехнологичных отраслях, как полупроводники и «зеленая» энергетика.

³⁷ U.S., Japan, and Republic of Korea Launch Cutting-edge Quantum Collaboration // *The White House*. January 18, 2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/01/18/u-s-japan-and-republic-of-korea-launch-cutting-edge-quantum-collaboration/> (дата обращения: 07.05.2024).

³⁸ United States-Japan Joint Leaders' Statement // *The White House*. April 10, 2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/04/10/united-states-japan-joint-leaders-statement/> (дата обращения: 07.05.2024).

³⁹ Асмолов К.В., Бабаев К.В. Трёхполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 3. С. 165–181. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181

⁴⁰ Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // *Японские исследования*. 2023. № 4. С. 12–13. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

⁴¹ В начале 2024 г. на фоне коррупционного скандала рейтинг ЛДП опустился до рекордно низких показателей — ниже 15 %, по некоторым оценкам (Record-low public support sends shockwaves through LDP // *Japan Times*. January 20, 2024. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/01/20/japan/politics/shockwaves-ldp/> (дата обращения: 07.05.2024)).

⁴² См., напр.: Sharma A., Walia S. India-Japan-South Korea trilateral: Time to chart new paths in the Indo-Pacific // *Firstpost*. March 6, 2024. URL: <https://www.firstpost.com/opinion/india-japan-south-korea-trilateral-time-to-chart-new-paths-in-the-indo-pacific-13745814.html> (дата обращения: 06.05.2024); Pant H.V., Basu P.A. Delhi-Tokyo-Seoul trilateral in the making // *Hindustan Times*.

Региональная стратегия Японии: экономические и политические императивы

Проблема выбора между императивами экономическими (получение выгод от более интенсивного взаимодействия с динамично растущими экономиками региона) и политическими (преимущественно определяемыми взаимодействием с главным политическим и военным союзником — США, которые позиционируют себя как глобального лидера в установке и поддержании «универсальных» либеральных ценностей), на наш взгляд, является основополагающей для понимания региональной стратегии Токио. В сущности, на эту же самую дилемму обратил внимание Д.В. Стрельцов в своем анализе региональной стратегии правительства С. Абэ: «...основная проблема заключается в плохой совместимости различных лозунгов, идей и идеологических конструктов, выдвигаемых Абэ и идеологами его администрации в отношении восточноазиатского регионализма. В одной корзине уживаются “универсальные” и “азиатские” ценности, открытый и закрытый регионализм»⁴³. Смена правящего кабинета, разумеется, не означает исчезновения системных вызовов, определяемых региональной и глобальной повесткой.

Актуальные стратегические документы показывают явный крен Японии в сторону «универсальных» ценностей. Так, в тексте Стратегии национальной безопасности Япония названа одной из «развитых демократических стран... посвятивших себя поддержанию универсальных ценностей, таких как свобода, демократия, уважение к фундаментальным правам человека и верховенство закона»; поддержка и защита «универсальных» ценностей постулируется как один из главных национальных интересов страны⁴⁴. В отношении региональной идентичности документ содержит формулировку, согласно которой «Япония, расположенная в... Индо-Тихоокеанском регионе... имеет хорошие позиции, чтобы извлечь выгоды» из динамичного развития соседних экономик, при этом страна должна сыграть «ключевую роль в реализации открытого и свободного международного порядка» в регионе⁴⁵. Здесь четко видна ориентация на «универсальную» идентичность, которую Япония намерена представлять в регионе⁴⁶. В этой связи весьма примечательным является тот факт, что официальными языками ВПТТП — интеграционного формата, активность в котором может служить примером попыток «глобального лидерства» Японии, — являются английский, французский и испанский (и ни одного восточного языка).

Но насколько эффективна такая позиция как основа взаимодействия с государствами региона, чьи экономики растут значительно более высокими темпами, чем экономики развитых стран? Представляется сомнительным, что азиатская интеграция будет развиваться на основе простого копирования либеральных «универсальных» ценностей. Широко признанным является утверждение, что эти «универсальные» ценности являют-

March 18, 2024. URL: <https://www.hindustantimes.com/opinion/a-delhi-tokyo-seoul-trilateral-in-the-making-101710701091890.html> (дата обращения: 06.05.2024).

⁴³ Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 47. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49

⁴⁴ National Security Strategy of Japan // *Cabinet Secretariat*. December 2022. Pp. 1, 4. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).

⁴⁵ National Security Strategy of Japan // *Cabinet Secretariat*. December 2022. Pp. 7–8. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).

⁴⁶ См. также статью: Паксютов Г.Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2023. № 2. С. 9. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16. В ней делается вывод, что Япония позиционирует себя как «образец успешной модернизации для стран Азии».

ся продуктом развития западных обществ, требующим для своего появления и поддержания «до-либеральных» цивилизационных культурных основ⁴⁷.

На соотношение между локальной, региональной и «универсальной» идентичностью в японской стратегии проливает свет и концепция экономической безопасности, получившая новое наполнение и высокое значение в эпоху правления премьер-министра Ф. Кисида⁴⁸. Концепция имеет ярко выраженную идеологическую окраску и предоставляет правительству экстраординарные возможности по регулированию национальной экономики⁴⁹. Риторика конфронтации позволяет правящим кругам поддерживать и увеличивать собственное влияние, несмотря на рекордно низкое общественное одобрение правящей Либерально-демократической партии⁵⁰. Вместе с тем концепция экономической безопасности предполагает укрепление позиций на мировой арене за счет достижения «незаменимости» японских технологий⁵¹.

Текущий курс Токио на сочетание «универсализма» и продвижения национальных интересов отражает еще один документ, непосредственно посвященный формированию национального «бренда» — рекомендации по популяризации японской культуры, опубликованные секретариатом японского кабинета министров⁵² — в котором делается попытка переосмыслить традиционные концепты японской культуры привлекательным для современной глобальной аудитории образом. К примеру, авторы текста пытаются показать, что японские традиции религиозного синкретизма связаны с особым вниманием, которое японцы уделяют иностранцам⁵³, при этом слово «Азия» не упоминается ни разу, синтоистские идеи и реалии упоминаются значительно чаще, чем буддистские (буддизм упомянут в контексте того, что японцы адаптировали его к местным традициям⁵⁴), а о конфуцианском влиянии на культуру Японии не упомянуто ни разу. Японская традицион-

⁴⁷ К примеру, Ф. Фукуяма в своей знаменитой книге, в целом стоящей на стороне либерального универсализма, признавал, что «либеральные демократии... не самодостаточны — общественная жизнь, от которой они зависят, в конечном счете должна поддерживаться источником, отличным от самого либерализма» (*Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Macmillan, Inc., 1992. P. 326*).

⁴⁸ Подробный анализ концепции, официально закрепленной в Законе об экономической безопасности (май 2022 г.) и новой Стратегии национальной безопасности (декабрь 2022 г.) см.: *Паксиутов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17*.

⁴⁹ National Security Strategy of Japan // *Cabinet Secretariat*. December 2022. Pp. 1, 5, 7. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).

⁵⁰ ЛДП обновила антирекорд популярности в начале 2024 г. на фоне коррупционных скандалов. См.: Record-low public support sends shockwaves through LDP // *The Japan Times*. January 20, 2024. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/01/20/japan/politics/shockwaves-ldp/> (дата обращения: 19.04.2024).

⁵¹ National Security Strategy of Japan // *Cabinet Secretariat*. December 2022. P. 11. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).

⁵² 日本の物語編集のためのガイド [Рекомендации по редактированию японских историй] // *Cabinet Office*. URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/report/pdf/vision_2.pdf (дата обращения: 19.04.2024).

⁵³ 日本の物語編集のためのガイド [Рекомендации по редактированию японских историй] // *Cabinet Office*. P. 11. URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/report/pdf/vision_2.pdf (дата обращения: 19.04.2024).

⁵⁴ 日本の物語編集のためのガイド [Рекомендации по редактированию японских историй] // *Cabinet Office*. P. 13, 30. URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/report/pdf/vision_2.pdf (дата обращения: 19.04.2024).

ная культура, таким образом, помещается в глобальный контекст, но ее связь с азиатским регионом приуменьшается.

В то же время Япония располагает интеллектуальными ресурсами, позволяющими формировать видение региональной идентичности, которое не противоречит ни установке на «универсализм», ни локальным культурным традициям, а определенным образом комбинирует и примиряет их. К таким ресурсам можно отнести, в частности, философское наследие Киотской школы (Нисида Китаро, Танабэ Хадзимэ и др.). Так, К.С. Джонс в своей статье сравнивает подходы к определению понятия «цивилизация» К. Нисиды и политолога С. Хантингтона, автора знаменитой книги «Столкновение цивилизаций». Джонс утверждает, что в понимании Хантингтона цивилизация по существу является огромным государством, преследующим собственные интересы. Для Нисиды же есть принципиальное отличие между государством и цивилизацией: цивилизация определяется культурой, понятой как постоянно производимый «поток» ценностей, и в отличие от государства не обязательно привязана ко времени, месту и политическим формам⁵⁵. Автор статьи приходит к выводу, что в понимании Нисиды «цивилизации не являются самодостаточными, статичными агентами» и «планета не обречена на... столкновения между ними»⁵⁶. В свою очередь, Т. Морисато в своем исследовании демонстрирует, как понятие «Евразия» можно осмысливать через призму идей Х. Танабэ, а именно: «Евразия» — это такая смысловая общность понятий «Европа» и «Азия», в которой данные понятия рассматриваются не как изолированные сущности, а как нечто одновременно индивидуальное и входящее в более широкую общность (именно в такую общность, в которой наиболее полно реализуется их индивидуальность)⁵⁷. С этой точки зрения, локальные культурные традиции не противоречат выработке более широкой (в конечном счете, общечеловеческой) идентичности.

Нет нужды дополнительно подчеркивать значение подобных идей в нашу эпоху, когда идентичность становится одним из центральных факторов мировой политики. Опираясь на такие концептуальные ресурсы, японское руководство могло бы не только более детально подойти к дилемме «универсальной» и «азиатской» идентичности, но и способствовать стабилизации напряженной геополитической ситуации в регионе и мире, что, впрочем, требует политической воли. Более конфронтационный подход, провозглашающий антагонизм со «странами, не разделяющими универсальные ценности», удобен для японских бюрократических и политических элит в условиях кризиса доверия.

* * *

В свете негативных тенденций в национальной экономике для Японии важно наращивать взаимодействие с динамично развивающимися экономиками региона. Однако японские элиты вынуждены искать баланс между экономическими (участие в региональной интеграции) и политическими (как внешними — союз с США, так и внутринациональными) интересами. Интеграционный формат ВПТТП предоставляет Токио возможности для продвижения своего политического видения, в то время как участие в ВРЭП, лидером которого является Китай, определяется преимущественно экономическими мотивами.

⁵⁵ Jones C.S. If not a clash, then what? Huntington, Nishida Kitaro and the politics of civilizations // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. Vol. 2. No. 2. Pp. 226, 230, 241.

⁵⁶ Jones C.S. If not a clash, then what? Huntington, Nishida Kitaro and the politics of civilizations // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. Vol. 2. No. 2. P. 241.

⁵⁷ Morisato T. Japanese Philosophy and the Idea of Eurasia: A Transversal Theory of Knowledge // *Eurasia: Avances de investigación*. Rodríguez Cruz J. (ed.). Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2021. Pp. 63–72.

Дилемма региональной, «азиатской» и «универсальной» идентичности, проявившаяся, по наблюдению Д.В. Стрельцова, в политике и риторике С. Абэ, не утрачивает актуальности и остроты и в текущей ситуации. В японских стратегических документах заметна ориентация на универсальные ценности. При этом Япония обладает интеллектуальными ресурсами, позволяющими конструировать такие внешнеполитические нарративы, в которых между азиатской и «универсальной» идентичностью нет выраженного антагонизма.

Литература

- Акимов А.В. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство — крупнейшее интеграционное объединение в Азии и мире // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 1. С. 70–83. DOI: 10.31857/S0131281224010069
- Асмолов К.В., Бабаев К.В. Трёхполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 3. С. 165–181. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181.
- Кистанов В.О. «Глобальная Британия»: курс на АТР с антикитайским уклоном // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2021. № 3. С. 6–18. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-6-18
- Милеев Д.А. Проблема лидерства в Восточной Азии // *Азия и Африка. Взаимодействие региональных и глобальных тенденций* / Хазанов А.М. (отв. ред.). М.: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 122–141.
- Милеев Д.А. Роль Японии в Восточно-азиатском центре мировой экономики // *Восточная аналитика*. 2022. № 3. С. 15. DOI: 10.31696/2227-5568-2022-03-008-016
- Мищенко Я.В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // *Ежегодник Япония*. 2020. № 49. С. 157–174. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006
- Паксиутов Г.Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2023. № 2. С. 6–16. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16
- Паксиутов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // *Японские исследования*. 2023. № 4. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17
- Панов А.Н. Внешнеполитическое наследство премьер-министра Японии Абэ Синдзо // *Японские исследования*. 2024. № 2. С. 21–40. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-21-40
- Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 38–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49
- Тимошина И.Л. Япония в глобальной экономике: реалии и прогнозы XXI века // *Мировое и национальное хозяйство*. 2023. № 1 (61). С. 43–70.
- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Macmillan, Inc., 1992. 464 p.
- Jones C.S. If not a clash, then what? Huntington, Nishida Kitano and the politics of civilizations // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. Vol. 2. No. 2. Pp. 223–243.
- Katada S.N. Gatekeeper's Dilemma: Japan Facing CPTPP Applications from China and Taiwan // *China, Taiwan, the UK and the CPTPP: Global Partnership or Regional Stand-off?* Chun-yi Lee, Reilly Michael (eds.). Singapore: Springer Nature, 2023. Pp. 141–164.
- Morisato T. Japanese Philosophy and the Idea of Eurasia: A Transversal Theory of Knowledge // *Eurasia: Avances de investigación*. Rodríguez Cruz J. (ed.). Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2021. Pp. 63–72.
- Nagy S. The IPEF: Japan's Economic Realism and Approach to Indo-Pacific Engagement, Resilience, and Rule-Setting // *The Making of the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF)*. Palit A., Iyer R. (eds.). Tokyo: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2023. Pp. 27–40.
- Nicita A. et al. The Regional Comprehensive Economic Partnership and its trade effects. Geneva: UNCTAD, 2021. 16 p.
- Park C.-Y. et al. Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. 34 p.
- Seah S. et al. The State of Southeast Asia: 2023 Survey Report. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2023. 60 p.
- Shin S. The Korea-Japan trade dispute: non-tariff barriers. Ames: Iowa State University, 2020. 24 p.

Strategic Priorities, Trends and Prospects of Japan's Participation in Economic Integration in the APAC

Georgii D. Paksiutov

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Centre for Japanese studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117977, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315. E-mail: gpaksiutov@mail.ru

Received 20.04.2024.

Abstract:

The article is dedicated to studying the topical trends, challenges and priorities characterizing Japan's involvement in the regional economic integration projects. Economic cooperation with the rapidly developing Asian economies is imperative for Japan, which faces economic and demographic problems. Japan participates in the region's two largest integration projects (RCEP and CPTPP) with different objectives: while participation in RCEP, which is larger and promises more potential for economic growth, is motivated principally by economic reasons, through CPTPP Japan is able to coordinate its foreign policy with the like-minded countries. Japan's foreign strategy thus faces the need to strike proper balance between the economic and the political goals, which on the conceptual level amounts to choosing between (or combining) the 'Asian' and the 'universal' values and identity. However, since Prime Minister Kishida assumed office, there has been an evident predominance of the 'universal' values in the strategic documents, and the country's new economic security strategy gives the government exceptional authority to interfere in the national economy to counter the states that do not 'share universal values'. We argue, however, that dilemma between the 'Asian' and the 'universal' values is not unsolvable on the conceptual level.

Key words:

RCEP, CPTPP, Japan's strategy for foreign economic activity, Japan's foreign policy, economic integration in the APAC.

For citation:

Paksiutov G.D. Strategic Priorities, Trends and Prospects of Japan's Participation in Economic Integration in the APAC // Far Eastern Studies. 2024. No. 5. Pp. 70–83.
DOI: 10.31857/S0131281224050059.

References

- Akimov A.V. Vseob`emlyushhee regional'noe e'konomicheskoe partnerstvo — krupnejshee integracionnoe ob`edinenie v Azii i mire [The Regional Comprehensive Economic Partnership is the Largest Integration Association in Asia and the World]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 1. S. 70–83. DOI: 10.31857/S0131281224010069. (In Russ.)
- Asmolov K.V., Babaev K.V. Tryokhopolnyj mir i blokovy'e treugol'niki v Vostochnoj Azii [Tripolar world and the triangular alliances in East Asia]. *Rossiya v global'noj politike*. 2024. Vol. 22. No. 3. S. 165–181. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181. (In Russ.)
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Macmillan, Inc., 1992. 464 p.
- Jones C.S. If not a clash, then what? Huntington, Nishida Kitaro and the politics of civilizations. *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. Vol. 2. No. 2. Pp. 223–243.
- Katada S.N. Gatekeeper's Dilemma: Japan Facing CPTPP Applications from China and Taiwan. *China, Taiwan, the UK and the CPTPP: Global Partnership or Regional Stand-off?* Chun-yi Lee, Reilly Michael (eds.). Singapore: Springer Nature, 2023. Pp. 141–164.
- Kistanov V.O. «Global'naya Britaniya»: kurs na ATR s antikitajskim ukonom [«Global Britain»: a course for the Asia-Pacific Region with an anti-Chinese bias]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 2021. No. 3. S. 6–18. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-6-18. (In Russ.)
- Mileev D.A. Rol Iaponii v Vostochno-aziatskom tsentre mirovoi ekonomiki [The Role of Japan in the East Asian Center of the World Economy]. *Vostochnaya analitika*. 2022. No. 3. S. 8–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2022-03-008-016. (In Russ.)
- Mileev D.A. Problema liderstva v Vostochnoj Azii [Problem of Leadership in Eastern Asia]. *Aziya i Afrika. Vzaimodejstvie regional'ny'x i global'ny'x tendencij*. Khazanov A.M. (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2020. S. 122–141. (In Russ.)

- Mishchenko Ya. V.* Yaponiya v regional'noj integracii: vyzovy, zadachi i perspektivy [Japan in Regional Integration: Problems, Challenges, and Prospects]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 2020. No. 49. S. 157–174. DOI: 10.24411/2687–1432–2020–10006. (In Russ.)
- Morisato T.* Japanese Philosophy and the Idea of Eurasia: A Transversal Theory of Knowledge. *Eurasia: Avances de investigación*. Rodríguez Cruz J. (ed.). Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2021. Pp. 63–72.
- Nagy S.* The IPEF: Japan's Economic Realism and Approach to Indo-Pacific Engagement, Resilience, and Rule-Setting. *The Making of the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF)*. Palit A., Iyer R. (eds.). Tokyo: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2023. Pp. 27–40.
- Nicita A. et al.* The Regional Comprehensive Economic Partnership and its trade effects. Geneva: UNCTAD, 2021. 16 p.
- Paksiutov G.D.* Ekonomicheskaya aktivnost' Yaponii v ATR: evolyuciya strategii v menyayushchihsya usloviyah [Japan's economic activity in Asia-Pacific: evolving strategy for the changing circumstances]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 2023. No. 2. S. 6–16. DOI: 10.24412/2686–7702–2023–2–6–16. (In Russ.)
- Paksiutov G.D.* Yaponskaya strategiya ekonomicheskoy bezopasnosti: sek'yuritizaciya ekonomicheskogo vozvysheniya Kitaya? [Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?]. *Yaponskie issledovaniya*. 2023. No. 4. S. 6–17. DOI: 10.55105/2500–2872–2023–4–6–17. (In Russ.)
- Panov A.N.* Vneshnepoliticheskoe nasledstvo premer-ministra Iaponii Abe Sindzo [Foreign policy legacy of Prime Minister of Japan Abe Shinzo]. *Yaponskie issledovaniya*. 2024. No. 2. S. 21–40. DOI: 10.55105/2500–2872–2024–2–21–40. (In Russ.)
- Park C.-Y. et al.* Economic Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asia and the Pacific. Manila: Asian Development Bank, 2021. 34 p.
- Seah S. et al.* The State of Southeast Asia: 2023 Survey Report. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2023. 60 p.
- Shin S.* The Korea-Japan trade dispute: non-tariff barriers. Ames: Iowa State University, 2020. 24 p.
- Streltsov D.V.* Yaponskij regionalizm epohi Sindzo Abe cherez prizmu cennostnogo podhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzo Abe through the Prism of Value Approach]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 63. No. 9. S. 38–49. DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–9–38–49. (In Russ.)
- Timonina I.L.* Yaponiya v global'noj ekonomike: realii i prognozy XXI veka [Japan in global economy: Realities and Forecasts of the XXI Century]. *Mirovye i nacional'noye hozyajstvo*. 2023. No. 1 (61). S. 43–70. (In Russ.)

Внешняя торговля Монголии в условиях глобальных шоков

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050066

Макаров Александр Валерьевич

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН (адрес: 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8).

ORCID: 0000-0003-2982-8170. E-mail: bulagat@mail.ru

Макарова Елена Владиславовна

Кандидат экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (адрес: 670013, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 В).

ORCID: 0000-0003-3537-3133. E-mail: elma79@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.08.2024.

Аннотация:

Монголия очень сильно зависит от торговли с двумя соседними странами и поэтому серьезно пострадала от пограничных ограничений со стороны Китая в период пандемии COVID-19 и санкций западных стран против России, введенных после начала специальной военной операции на Украине.

Закрытие в 2020 г. границы с Китаем, который выступает основным рынком сбыта, стало причиной резкого падения объемов монгольского экспорта. В совокупности с внутренними ограничениями экономической активности это привело к самому глубокому спаду монгольской экономики за последние четверть века. Помимо этого, зависимость Монголии от экспорта минерального сырья в Китай усугубилась зависимостью от импорта нефтепродуктов из России. Резкий рост цен на нефтепродукты и проблемы с их поставками в 2022 г. оказали крайне негативное воздействие на экспорт и социально-экономическую ситуацию в Монголии.

Завершение Китаем политики Zero-COVID позволило Монголии в 2023 г. превысить допандемийные объемы экспорта полезных ископаемых. Строительство новых железнодорожных переходов позволит нарастить объемы экспорта в Китай и другие страны. Реализация Монголией мер по развитию собственной нефтепереработки уже в ближайшие годы приведет ее к избавлению зависимости от российских нефтепродуктов. В связи с последним следует ожидать обвальное падение взаимной торговли. Поэтому разработка долгосрочной политики двухстороннего экономического сотрудничества является крайне актуальной. В качестве важнейшей инициативы, которая позволит обеспечить хотя бы минимальные объемы российско-монгольской торговли и сохранить добрососедские отношения, предлагается заключение соглашения о свободной торговле.

Ключевые слова:

Монголия, Россия, Китай, внешняя торговля, антиковидные ограничения, антироссийские санкции.

Источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках государственного бюджетного задания БИП СО РАН (проект № 0273-2021-0003).

Для цитирования:

Макаров А.В., Макарова Е.В. Внешняя торговля Монголии в условиях глобальных шоков // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 84–96. DOI: 10.31857/S0131281224050066.

Монголия является страной с экспортно-сырьевой экономикой, зажатой между Россией и Китаем и не имеющей выхода к морю. Эти обстоятельства определяют ряд ключевых проблем ее внешней торговли и экономического развития в целом.

Глобальные шоки последних лет обострили ключевые проблемы Монголии, связанные с доминированием добывающего сектора и зависимостью от торговли с двумя

соседними странами, а также слаборазвитой инфраструктурой, ограниченными бюджетными резервами и высоким уровнем государственного внешнего долга.

Закрытие в 2020 г. границы с Китаем, который выступает основным рынком сбыта, вызвало самый глубокий спад монгольской экономики за последние четверть века. Антироссийские санкции западных стран обусловили усиление инфляции в Монголии до 15,2 % в 2022 г. в результате взлета цен на нефтепродукты и другие товары, импортируемые из России. Кроме того, они вызвали сокращение торговли Монголии с Европой, поскольку Россия выступала транзитной страной для товарных потоков.

Отмена Китаем пограничных ограничений в 2023 г. позволила Монголии легко увеличить допандемийные объемы экспорта полезных ископаемых. Строительство новых железнодорожных переходов позволит Монголии сократить транспортные издержки и еще более агрессивно демпинговать на китайском рынке против России и других поставщиков коксующегося угля. Завершение мер по развитию собственной нефтепереработки уже в ближайшие годы приведет к обвалному падению торговли с Россией.

В связи с этим анализ современной специфики внешней торговли Монголии и перспектив развития торговых отношений для разработки долгосрочной политики двустороннего экономического сотрудничества представляется крайне актуальным.

Современная экономическая ситуация в Монголии

2020 г. стал самым сложным для Монголии со времен трансформационного кризиса 1992 г.¹ Пограничные ограничения и падение спроса на полезные ископаемые со стороны Китая, а также национальные меры по предотвращению распространения COVID-19 вызвали серьезные последствия для всей экономики². В целом ВВП Монголии в 2020 г. сократился почти на 4,5 % по отношению к предшествующему году (табл. 1).

Стремясь предотвратить ухудшение ситуации, правительство Монголии увеличило расходы на здравоохранение и социальную защиту, а также поддержку малого бизнеса. В 2020 г. был реализован пакет антикризисных мер на сумму в 1,5 млрд долл. (11,0 % ВВП).

В 2021 г. на антикризисные меры было выделено еще 3,5 млрд долл. В условиях сокращения доходов и значительного увеличения расходов резко вырос дефицит бюджета, который пришлось финансировать за счет внутренних и внешних заимствований³.

Ряд крупных компаний предоставил финансовую помощь правительству для реализации антикризисных мер. Кроме того, правительство прибегло к масштабным заимствованиям на международном рынке капитала. В результате государственный внешний долг Монголии по итогам 2020 г. увеличился до 84,0 % от ВВП.

Отмена внутренних ограничений в 2021 г. привела к оживлению экономической активности. В то же время продление пограничных ограничений со стороны Китая стало причиной дальнейшего обвала экспорта угля. Хотя сокращение объемов экспорта было отчасти компенсировано ростом цен на уголь. К тому же Монголия воспользовалась ростом внешнего спроса на золото, резко увеличив его экспорт в 2020–2022 гг.

Соглашение о предоставлении «зеленого коридора» для автотранспорта и восстановление металлургии в Китае позволили Монголии в 2022 г. вернуться к допандемийному объему экспорта угля. В условиях роста цен на уголь это благоприятно сказа-

¹ Doojav G.-O. Macroeconomic Effects of COVID-19 in a Commodity-Exporting Economy: Evidence from Mongolia. ADBI Working Paper, 2022. № 1337. 33 p.

² Ragchaasuren G., Manlaibaatar Z., Oyunchul Ts., Khorol-Erdene B. Impact of COVID-19 on Mongolian Mining Sector. Ulaanbaatar: Economic research institute, 2021. 84 p.

³ Nganou J.-P., Batmunkh U., Jambal G., Dorfman M.C., Chowdhury I.S. Mongolia Economic Update (Navigating Stronger Headwinds). Washington DC: World Bank, 2022. 66 p.

лось на результатах деятельности добывающих компаний и доходах бюджета. В то же время признаки восстановления экономики были нивелированы ростом цен на потребительские товары. В 2022 г. инфляция в Монголии выросла до 15,2 %. При этом наиболее сильным был рост цен на нефтепродукты и другие товары, импортируемые из России. Чтобы остановить рост цен, правительство Монголии временно отменило пошлины на бензин, пшеницу и сахар. С компанией «Роснефть» было заключено соглашение о стабилизации цен на бензин и дизельное топливо до конца 2027 г.⁴

Таблица 1 / Table 1

Ключевые показатели экономического развития Монголии
Key Indicators of Mongolia's Economic Development

Показатели \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Рост экономики и доходов					
ВВП (в текущих ценах), млн долл.	14 206,4	13 465,7	15 688,9	17 473,2	20 533,3
Рост ВВП, % в год	5,5	-4,4	1,6	5,0	7,1
ВВП на душу населения, долл.	4 394,9	4 087,5	4 686,4	5 141,7	5 956,6
Рост ВВП на душу населения, % в год	3,2	-6,2	0,0	3,4	5,6
Рост частного потребления, % в год	5,8	2,1	-5,9	8,1	7,4
Валовые инвестиции, % от ВВП	28,0	23,3	26,1	29,3	26,8
Деньги и цены					
Индекс потребительских цен (в среднем за год), %	7,3	3,7	7,3	15,2	10,6
Обменный курс, тугр./долл.	2 663,5	2 813,3	2 849,3	3 140,7	3 430,7
Государственные финансы, % от ВВП					
Доходы	31,8	27,6	32,0	33,8	34,5
Расходы	30,8	36,7	35,0	33,1	31,9
Общий бюджетный баланс	1,0	-9,1	-3,0	0,7	2,6
Государственный внешний долг	58,8	84,0	75,8	60,8	44,7
Внешние счета					
Экспорт товаров, % от ВВП	50,6	51,9	51,9	56,4	67,7
Импорт товаров, % от ВВП	42,4	38,9	43,1	49,3	46,4
Рост экспорта (в текущих ценах), % в год	9,7	-9,1	17,1	22,8	40,4
Рост импорта (в текущих ценах), % в год	3,1	-20,6	26,1	30,9	13,7
Сальдо текущего счета, % от ВВП	-15,2	-5,0	-13,4	-13,2	0,7
Прямые иностранные инвестиции, % от ВВП	16,3	12,6	13,1	13,9	7,3

Источник: Показатели мирового развития [World Development Indicators].
URL: <https://data.worldbank.org/country/mongolia?view=chart> (дата обращения: 30.02.2024).

Дальнейший рост спроса и полная отмена пограничных ограничений со стороны Китая позволили Монголии в 2023 г. в два раза увеличить объемы экспорта угля по сравнению с 2019 г. Стремительное увеличение экспортных поступлений положительно повлияло на основные макроэкономические показатели Монголии. Экономический рост в 2023 г. достиг 7,0 %. Текущий счет платежного баланса вновь стал прибыльным,

⁴ Batmunkh U., Diaz S., Jose L., Vnukova Yu., Sudan R. Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic: Special Focus — Trade Opportunities in Digital Services. Washington DC: World Bank, 2023. 79 p.

а золотовалютные резервы по итогам 2023 г. достигли исторического максимума. На погашение государственного внешнего долга Монголии в 2023 г. было направлено 1,2 млрд долл., что позволило сократить его уровень. Бурный рост цен на импортные товары остановился, среднегодовой уровень инфляции снизился до 10,0 %.

Ожидается, что Монголия сохранит впечатляющие темпы роста экономики в ближайшие годы. Выход на проектную мощность в 2023 г. крупнейших в мире месторождений каменного угля Таван-Толгой и меди Ою-Толгой обеспечит увеличение объемов экспорта. Строительство новых железнодорожных переходов в Китай поддержит рост экспорта и экономики в целом⁵.

Однако ключевым фактором экономического роста Монголии остается спрос со стороны Китая на ее полезные ископаемые. Поэтому очередное замедление темпов роста китайской экономики вновь негативно отразится на Монголии. Это остается главным риском ее долгосрочного развития. Дальнейшее ужесточение антироссийских санкций западных стран вновь может вызвать взлет цен и проблемы с поставками нефтепродуктов из России. Поэтому строительство первого нефтеперерабатывающего завода в стране наряду с расширением железнодорожной инфраструктуры входит в перечень приоритетных проектов правительства Монголии до 2030 г.

Все эти факторы в совокупности — зависимость от экспорта минерального сырья в Китай и импорта нефтепродуктов из России, ограниченные бюджетные резервы и высокий уровень внешнего долга — оставляют Монголию очень уязвимой для внешних потрясений.

Специфика внешней торговли Монголии

За последние пять лет общий оборот внешней торговли Монголии вырос с 13,5 до 24,4 млрд долл. (почти в два раза). Сокращение объема товарооборота наблюдалось только в 2020 г., когда Монголия впервые столкнулась с внешними ограничениями, связанными с пандемией COVID-19. Устойчивое превышение объемов экспорта над импортом обеспечило также положительное сальдо внешней торговли в 2019–2023 гг. (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Ключевые показатели внешней торговли Монголии, млн долл.
Key Indicators of Mongolia's Foreign Trade, m. dollars

Показатели \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Общий оборот	13 747,1	12 875,2	16 095,7	21 243,0	24 437,0
- Экспорт	7 619,6	7 576,3	9 247,1	12 538,6	15 184,5
- Импорт	6 127,5	5 298,9	6 848,6	8 704,4	9 252,5
Сальдо	1 492,1	2 277,4	2 398,5	3 834,2	5 932,0

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

Ключевыми торговыми партнерами Монголии оставались Китай и Россия. Китай выступал основным рынком сбыта и источником более трети объема импорта (табл. 3). Россия оставалась крупнейшим после Китая импортером. Среди других стран выделялась также Швейцария, которая стала основным покупателем монгольского золота.

⁵ Borodyna O., Mami E., Nijhar I. Mongolia: towards sustainable economic recovery. ODI Emerging Analysis. London: ODI, 2023. 41 p.

Таблица 3 / Table 3

Ключевые внешнеторговые партнеры Монголии, % от стоимости
Key Foreign Trade Partners of Mongolia, % of Value

Страны \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт					
Китай	89,1	72,5	82,7	84,3	91,4
Швейцария	1,0	22,2	9,4	8,2	4,4
Южная Корея	0,4	0,3	2,4	2,2	1,0
Россия	0,9	0,8	1,2	0,7	0,7
Другие страны	8,6	4,2	4,3	4,6	2,5
Импорт					
Китай	33,6	36,0	36,8	35,3	40,8
Россия	28,2	26,4	28,6	30,0	25,8
Япония	9,6	7,7	6,6	7,8	7,7
Южная Корея	4,4	4,4	4,5	4,9	4,7
Другие страны	24,2	25,5	23,5	22,0	21,0

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

Состав основных товаров внешней торговли Монголии также оставался неизменным (табл. 4). В течение 2019–2023 гг. наблюдались лишь изменения долей основных товаров в корзине экспорта. Наиболее серьезные изменения в структуре экспорта показал коксующийся уголь, являющийся главным экспортным товаром Монголии.

Таблица 4 / Table 4

Ключевые товары внешней торговли Монголии, % от стоимости
Key Foreign Trade Goods of Mongolia, % of Value

Товары \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт					
Каменный уголь	40,4	28,1	30,0	51,8	57,7
Медный концентрат	23,6	23,5	31,4	21,8	17,3
Золото	5,5	23,6	10,9	9,0	4,9
Железная руда	7,6	8,4	10,3	3,1	2,9
Нефть	4,8	2,0	3,0	1,9	2,4
Импорт					
Нефтепродукты	22,4	19,0	16,5	19,8	20,2
Машины и оборудование	20,2	20,0	18,2	14,5	19,0
Транспортные средства	19,0	16,0	17,9	19,5	18,2
Металлические изделия	8,8	10,1	8,3	9,3	9,3
Другие товары	29,5	34,8	39,0	36,8	33,3

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

Завершение Китаем политики Zero-COVID в 2023 г. позволило Монголии резко увеличить физические объемы экспорта и выручку от реализации полезных ископаемых (табл. 5). Наиболее благоприятно это сказалось на экспорте угля из Монголии, который по итогам 2023 г. достиг новых рекордов в объеме 66,7 млн т и выручке в 8,8 млрд долл.

Таблица 5 / Table 5

Общие показатели реализации ключевых товаров экспорта Монголии
Overall Sales Figures for Key Export Products of Mongolia

Товары \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Каменный уголь					
Объем, млн т	36,6	28,7	16,1	31,7	66,7
Выручка, млн долл.	3 078,8	2 126,6	2 774,1	6 495,6	8 764,0
Средняя цена, долл./т	84,1	74,1	172,3	204,9	131,4
Медный концентрат					
Объем, млн т	1,4	1,4	1,3	1,5	1,5
Выручка, млн долл.	1 795,9	1 778,0	2 899,9	2 734,8	2 625,4
Средняя цена, долл./т	1 282,8	1 270,0	2 230,7	1 881,8	1 721,8
Золото					
Объем, т	9,1	30,5	17,2	19,7	11,7
Выручка, млн долл.	418,4	1 787,7	1 004,5	1 127,4	738,0
Средняя цена, тыс. долл./кг	46,0	58,6	58,4	57,2	63,1
Железная руда					
Объем, млн т	8,4	8,2	7,1	4,7	5,7
Выручка, млн долл.	576,4	640,0	952,2	391,0	444,8
Средняя цена, долл./т	68,6	78,0	134,1	82,6	77,9
Нефть					
Объем, млн барр.	6,5	4,1	4,3	2,6	4,7
Выручка, млн долл.	366,7	150,9	273,4	241,8	364,7
Средняя цена, долл./барр.	56,4	36,8	63,6	92,8	77,1

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

В то же время двукратное увеличение объемов экспорта угля из Монголии сопровождалось значительным увеличением импорта нефтепродуктов из России (табл. 6), поскольку экспорт угля в Китай из пустыни Гоби осуществляется в основном автотранспортом⁶. При этом рост цен на бензин и дизельное топливо вызвал серьезное удорожание грузовых автоперевозок в Монголии в 2022–2023 гг.

В неблагоприятных условиях оказались также внешнеторговые грузоперевозки воздушным транспортом. Рост объемов международных авиаперевозок грузов с 0,006 млн т в 2019 г. до 0,01 млн т в 2023 г. сопровождался резким ростом цен на авиационное топливо. Это стало причиной существенного удорожания импортных товаров из Европы.

В целом основной объем монгольского экспорта осуществлялся автотранспортом (табл. 7). Важную роль в импорте товаров играла Трансмонгольская железная дорога.

⁶ Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. № 10. С. 34–49; Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 9. С. 68–78.

Таблица 6 / Table 6

Общие показатели импорта нефтепродуктов Монголии
General Indicators of Mongolia's Petroleum Products Import

Товары \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Бензин					
Объем, тыс. т	541,5	586,1	572,8	680,5	729,8
Стоимость, млн долл.	327,4	244,7	391,1	561,5	522,5
Средняя цена, долл./т	604,6	417,5	682,8	825,0	715,9
Дизельное топливо					
Объем, тыс. т	1 080,4	1 026,9	988,9	982,0	1 347,0
Стоимость, млн долл.	669,4	432,4	590,1	959,7	1 110,0
Средняя цена, долл./т	619,6	421,1	596,7	977,3	824,1
Авиационное топливо					
Объем, тыс. т	46,6	19,2	27,5	83,8	116,4
Стоимость, млн долл.	33,3	12,0	17,2	76,6	98,7
Средняя цена, долл./т	715,5	627,1	627,2	915,2	848,1
Мазут					
Объем, тыс. т	3,0	2,8	1,8	2,5	3,7
Стоимость, млн долл.	1,4	0,8	0,7	1,5	1,5
Средняя цена, долл./т	459,8	290,4	415,2	582,0	405,2

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

Таблица 7 / Table 7

Внешнеторговый оборот Монголии по видам транспорта, % от стоимости
Foreign Trade Turnover of Mongolia by Mode of Transport, % of Value

Виды транспорта \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт					
Автомобильный	68,3	48,5	53,2	64,5	72,1
Железнодорожный	24,7	27,3	34,5	24,9	19,1
Авиационный	7,0	24,2	12,3	10,5	5,9
Импорт					
Автомобильный	37,9	43,8	35,1	31,1	45,8
Железнодорожный	51,2	49,5	55,4	58,3	45,1
Авиационный	8,2	3,9	7,0	8,5	6,9

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

Основной поток монгольского экспорта шел в Китай с угольных месторождений Таван-Толгой и Нарын-Сухайт через переходы Гашуун-Сухайт и Шивэ-Хурен (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Физические объемы экспорта товаров из Монголии
через автомобильные переходы границы с Китаем
Physical Volumes of Goods Exports from Mongolia
Through Automobile Border Crossings with China

Переходы \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
млн т					
Гашуун-Сухайт	19,5	17,6	7,4	19,5	36,8
Шивээ-Хүрэн	11,1	8,8	4,2	5,4	19,1
Другие переходы	4,3	2,5	3,8	7,1	12,2
Всего	34,9	28,9	15,4	32,0	68,1
% к итогу					
Гашуун-Сухайт	55,9	60,9	48,1	60,9	54,0
Шивээ-Хүрэн	31,8	30,4	27,3	16,9	28,0
Другие переходы	12,3	8,7	24,7	22,2	17,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

В конце 2022 г. Монголия завершила строительство железной дороги Таван-Толгой — Гашуун-Сухайт. Однако отсутствие терминала со сменой ширины колеи (1 520 на 1 435 мм) не позволило перевести основной поток экспорта на железную дорогу.

Строительство перегрузочного терминала в Гашуун-Сухайте позволит снизить расходы на транспортировку угля в три раза (с 45–47 до 12–15 долл./т) и значительно увеличить объемы экспорта полезных ископаемых из Монголии в Китай⁷.

Кроме того, это позволит монгольским компаниям транспортировать уголь в китайские порты (Тяньцзинь, Циндао, Цзиньчжоу и Хуанхуа) и предлагать конкурентоспособные цены на экспорт в третьи страны (Южная Корея, Япония и Индия).

Перевод экспортного потока на железную дорогу позволит также сократить импорт нефтепродуктов. Более того, завершение строительства первого нефтеперерабатывающего завода в стране приведет к избавлению зависимости от импорта нефтепродуктов из России⁸.

Таким образом, можно предположить на ближайшую перспективу значительное увеличение физических объемов экспорта минерального сырья (прежде всего, коксующегося угля) из Монголии в Китай. Строительство новых железных дорог и переходов в Китай усилит также конкурентоспособность экспорта и добывающего сектора Монголии в целом. Поэтому можно ожидать усиления позиций монгольских компаний и в части поставок коксующегося угля в недружественные России страны Азии (Южную Корею и Японию).

Наиболее кардинальные изменения в ближайшие годы произойдут в российско-монгольской торговле. Намеченный на 2025 г. запуск нефтеперерабатывающего завода в Зуун-Баяне приведет к завершению поставок из России и сокращению ежегодных расходов на импорт российских нефтепродуктов в размере более 1,5 млрд долл.

⁷ Yoshitaka H., Tuvshintugs B., Khashchuluun C., eds. Economic Dependence of Mongolia on Minerals: Consequences and Policies. Singapore: Springer, 2022. 202 p.

⁸ Khashchuluun Ch., Dulguun T., Khorol-Erdene B., Manlaibaatar Z., Nyambaatar B., Oyuntugs D., Oyunzul Ts. Sustainable Mining Development. Ulaanbaatar: Economic research institute, 2021. 87 p.

Торговые отношения Монголии и России

После распада СССР экономическое сотрудничество Монголии и России продолжилось, прежде всего, за счет торговли. Ее основу составили поставки в Монголию нефтепродуктов и других товаров из России. Это положение сохранялось в последние годы. Российские нефтепродукты формировали основу взаимной торговли (табл. 9). Из Монголии в Россию поставлялся только в небольших объемах полевой шпат.

Резкий рост стоимостного объема российских товаров в 2022 г. был обусловлен взлетом цен на нефтепродукты. Поставщики нефтепродуктов в Монголию в 2022–2023 гг. столкнулись также с проблемами платежей через западные банки и временных экспортных ограничений России. Все это вынуждало Монголию форсировать строительство первого нефтеперерабатывающего завода на базе собственных месторождений нефти.

Завершение строительства в 2025 г. нефтеперерабатывающего завода в Зуун-Баяне мощностью 1,0 млн т нефтепродуктов в год позволит самостоятельно обеспечивать внутренние потребности и приведет к обвалному сокращению взаимной торговли.

Таблица 9 / Table 9

Торговля Монголии с Россией, млн долл.
Mongolia's Trade with Russia, m. dollars

Показатели \ Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Оборот, всего	1 798,0	1 457,2	2 068,0	2 704,9	2 497,5
- Экспорт:	68,1	57,3	112,8	93,4	111,2
Полевой шпат	49,4	44,7	45,8	46,9	47,4
Мясо и мясопродукты	0,7	2,6	5,6	4,0	1,9
Текстильные изделия	1,7	3,4	5,8	2,5	3,1
Другие товары	16,3	6,6	55,6	40,0	58,8
- Импорт:	1 729,9	1 399,9	1 955,2	2 611,5	2 386,3
Нефтепродукты	1 073,4	724,7	1 002,5	1 582,8	1 691,0
Продовольственные товары	69,0	134,9	192,4	127,1	201,8
Металлические изделия	68,3	82,5	117,2	146,3	38,1
Локомотивы и вагоны	-	50,7	54,7	94,8	23,4
Минеральные удобрения	36,5	36,1	32,9	82,2	50,6
Электроэнергия	27,8	21,1	33,9	51,8	58,0
Другие товары	454,9	349,9	521,6	526,5	323,4
Сальдо	-1 661,8	-1 342,6	-1 842,4	-2 518,1	-2 275,1

Источник: составлено по данным Таможенной службы Монголии [Mongolian Custom Administration]. URL: <https://gaali.mn/statistic> (дата обращения: 09.03.2024).

Вывести экономические отношения России и Монголии на новый уровень могли бы совместные проекты, предусмотренные Программой создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия⁹. В этой программе планы развития инфраструктуры для транзита грузов (Монгольский железнодорожный коридор)¹⁰, электроэнергии (Азиат-

⁹ Helble M., Hill H., Magee D. Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked Between Two Giants. Manila: ADB, 2020. 322 p.

¹⁰ Чепуркин Ю. В. Международный проект «Программа технической модернизации и развития АО «Улан-Баторская железная дорога» до 2020 года» // Бюллетень ученого совета АО «Институт экономики и развития транспорта». 2016. № 1. С. 19–26.

ская энергетическая суперсеть)¹¹ и газа (газопровод «Союз Восток»)¹² через Монголию рассматриваются в качестве основы трехстороннего экономического взаимодействия.

Однако эти планы находятся в затяжной стадии согласования. К тому же решения об их реализации зависят от третьей стороны в лице Китая. Поэтому не менее важным направлением развития двухстороннего экономического сотрудничества остается создание благоприятных условий для взаимной торговли в рамках соответствующего соглашения.

Переговоры по заключению соглашения о свободной торговле между Монголией и Россией длятся с 2012 г. Главной целью Монголии является отмена таможенных барьеров со стороны России для традиционных товаров монгольского экспорта. В настоящее время таможенные платежи в России на ввоз товаров из Монголии в совокупности составляют 32,8 % на изделия из шерсти, кашемира и кожи и 38,8 % на мясо и мясопродукты (табл. 10).

Таблица 10 / Table 10

Увеличение стоимости товаров при ввозе в Россию из Монголии
Increase in the Cost of Goods Imported into Russia from Mongolia

Таможенная стоимость товара, руб.	Ставка ввозной таможенной пошлины, %	Ввозной НДС, %	Таможенный сбор, руб.	Итоговая стоимость, руб.	Прирост стоимости товара, %
Шерсть стриженная					
100 000	3 %	20 %	750	124 350	24,35 %
Пряжа из тонкого волоса животных					
100 000	5 %	20 %	750	126 750	26,75 %
Кожа, обработанная после дубления из целых шкур крупного рогатого скота					
100 000	5 %	20 %	750	126 750	26,75 %
Ткани из шерстяной пряжи и пряжи из тонкого волоса животных					
100 000	10 %	20 %	750	132 750	32,75 %
Изделия трикотажные из пряжи					
100 000	10 %	20 %	750	132 750	32,75 %
Предметы одежды из натуральной кожи					
100 000	10 %	20 %	750	132 750	32,75 %
Мясо крупного рогатого скота					
100 000	15 %	20 %	750	138 750	38,75 %
Мясо лошадей					
100 000	15 %	20 %	750	138 750	38,75 %

Источник: составлено по данным Алта-Софт [Alta-Soft]. URL: [https:// www.alt.ru/ett](https://www.alt.ru/ett) (дата обращения: 10.04.2024).

Обнуление пошлин в рамках соглашения о свободной торговле позволит Монголии повысить доходность экспорта традиционных товаров в Россию и будет способствовать восстановлению легкой и пищевой отраслей промышленности. Однако в силу пред-

¹¹ Марченко О.В., Подковальников С.В., Савельев В.А., Соломин С.В., Чудинова Л.Ю. Россия в Евразийской электроэнергетической интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 6. С. 18–29.

¹² Санеев Б. Г., Попов С. П., Максакова Д. В. Моделирование развития газотранспортной системы Монголии с учетом возможностей международного сотрудничества // *Известия Российской академии наук. Энергетика*. 2022. № 2. С. 27–43.

полагаемых незначительных объемов поставок этих товаров выгоды для России от либерализации торговли с Монголией не представляются очевидными.

В принципе, соглашение о беспошлинной торговле может быть заключено Россией по политическим соображениям. Преференциальное торговое соглашение с Монголией первоначально может носить временный характер и охватывать ограниченную номенклатуру товаров. В дальнейшем стороны могут перейти к заключению полноформатного соглашения о свободной торговле. В целом расширение торговли и инвестиционного сотрудничества с Россией сохраняет важное значение для Монголии. Это отвечает также современным интересам России в рамках политики поворота на Восток и поддержания сбалансированных отношений с соседними странами Азии.

* * *

До последнего времени экономическая стратегия Монголии заключалась в привлечении западных инвестиций в добывающий сектор и экспорте минерального сырья в Китай. Важную роль в экспорте полезных ископаемых в КНР, осуществляемом в основном автотранспортом, играли поставки нефтепродуктов из России.

Пограничные ограничения для автотранспорта со стороны Китая и санкции западных стран против России создали в 2020–2022 гг. беспрецедентные трудности для внешней торговли и экономики Монголии в целом. В тоже время они послужили толчком для форсированного строительства ряда критически важных объектов инфраструктуры. Ввод в эксплуатацию новых железных дорог и переходов позволит Монголии резко нарастить физические объемы экспорта минерального сырья в Китай и вполне возможно выйти на рынки третьих стран (Южная Корея, Япония и Индия).

Перевод экспортного потока на железную дорогу позволит также резко сократить импорт российских нефтепродуктов. Более того, завершение строительства в 2025 г. нефтеперерабатывающего завода в Зуун-Баяне приведет к обвальному сокращению торговли Монголии с Россией. В связи с этим разработка долгосрочной политики российско-монгольского экономического сотрудничества является крайне актуальной.

Очевидно, что стратегическое значение Монголии для России может быть восстановлено только в случае реализации масштабных проектов. Однако эти проекты находятся в затяжной стадии переговоров. Поэтому не менее важным направлением развития двухстороннего экономического сотрудничества является создание благоприятных условий для взаимной торговли.

В этом отношении стратегически значимой инициативой, направленной на формирование основы для разностороннего роста российско-монгольской торговли, может стать соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Монголией. Наряду с реализацией транзитных проектов эта инициатива отвечает современным интересам сторон и будет способствовать сохранению традиционных отношений добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества.

Литература

- Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. № 10. С. 34–49.
- Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 9. С. 68–78.
- Марченко О.В., Подковальников С.В., Савельев В.А., Соломин С.В., Чудинова Л.Ю. Россия в Евразийской электроэнергетической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 6. С. 18–29.
- Санеев Б.Г., Попов С.П., Максакова Д.В. Моделирование развития газотранспортной системы Монголии с учетом возможностей международного сотрудничества // Известия Российской академии наук. Энергетика. 2022. № 2. С. 27–43.

- Чепуркин Ю. В. Международный проект «Программа технической модернизации и развития АО «Улан-Баторская железная дорога» до 2020 года» // *Бюллетень ученого совета АО «Институт экономики и развития транспорта»*. 2016. № 1. С. 19–26.
- Batmunkh U., Diaz S., Jose L., Vnukova Yu., Sudan R. Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic: Special Focus — Trade Opportunities in Digital Services. Washington DC: World Bank, 2023. 79 p.
- Borodyna O., Mami E., Nijhar I. Mongolia: towards sustainable economic recovery. ODI Emerging Analysis. London, ODI, 2023. 41 p.
- Doojav G.-O. Macroeconomic Effects of COVID-19 in a Commodity-Exporting Economy: Evidence from Mongolia. ADBI Working Paper, 2022. No. 1337. 33 p.
- Helble M., Hill H., Magee D. Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked Between Two Giants. Manila: ADB, 2020. 322 p.
- Khashchuluun Ch., Dulguun T., Khorol-Erdene B., Manlaibaatar Z., Nyambaatar B., Oyuntugs D., Oyunuzul Ts. Sustainable Mining Development. Ulaanbaatar: Economic research institute, 2021. 87 p.
- Nganou J.-P., Batmunkh U., Jambal G., Dorfman M.C., Chowdhury I.S. Mongolia Economic Update (Navigating Stronger Headwinds). Washington DC: World Bank, 2022. 66 p.
- Ragchaasuren G., Manlaibaatar Z., Oyunuzul Ts., Khorol-Erdene B. Impact of COVID-19 on Mongolian Mining Sector. Ulaanbaatar: Economic research institute, 2021. 84 p.
- Yoshitaka H., Tuvshintugs B., Khashchuluun C., eds. Economic Dependence of Mongolia on Minerals: Consequences and Policies. Singapore: Springer, 2022. 202 p.

Foreign Trade of Mongolia under Global Shocks

Alexander V. Makarov

Ph.D. (Geography), Senior Researcher, Baikal Institute of Nature Using Management, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (address: 8, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–2982–8170. E-mail: bulagat@mail.ru

Elena V. Makarova

Ph.D. (Economics), Assistant Professor, East Siberian State University of Technology and Management (address: 40 B, Klyuchevskaya Str., Ulan-Ude, 670013, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–3537–3133. E-mail: elma79@yandex.ru

Received 27.08.2024.

Abstract:

The paper examines the current problems of Mongolia's foreign trade. It reveals that Mongolia depends on trade with two neighboring countries and has therefore suffered from border restrictions from China and Western states sanctions against Russia. It shows that the closure of the border with China in 2020 led to a sharp drop in Mongolian exports. In addition, Mongolia's dependence on mineral exports to China was exacerbated by its dependence on oil product imports from Russia. The sharp rise in oil product prices and supply problems in 2022 had a negative impact on the economic situation in Mongolia.

China's completion of the COVID-Zero policy allowed Mongolia to exceed pre-pandemic mineral export volumes in 2023. The construction of new railway crossings will increase export volumes to China and other countries. Mongolia's implementation of measures to develop its own oil refining industry will lead to its elimination of dependence on Russian oil products in the coming years. In connection with the latter, a precipitous reduction in mutual trade up to a complete cessation should be expected. Therefore, the development of a long-term policy of bilateral economic cooperation is extremely relevant. As a key initiative that will ensure at least minimal volumes of Russian-Mongolian trade and maintain good-neighborly relations, the conclusion of a free trade agreement is proposed.

Key words:

Mongolia, Russia, China, foreign trade, anti-COVID restrictions, anti-Russian sanctions.

Funding sources:

This paper was prepared within the framework of the state budget assignment of the Baikal Institute of Nature Management of the SB RAS (project No. 0273–2021–0003).

For citation:

Makarov A.V., Makarova E.V. Foreign Trade of Mongolia under Global Shocks // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 84–96. DOI: 10.31857/S0131281224050066.

References

- Batmunkh U., Diaz S., Jose L., Vnukova Yu., Sudan R.* Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic: Special Focus — Trade Opportunities in Digital Services. Washington DC: World Bank, 2023. 79 p.
- Borodyna O., Mami E., Nijhar I.* Mongolia: towards sustainable economic recovery. ODI Emerging Analysis. London: ODI, 2023. 41 p.
- Chepurkin Yu. V.* Mezhdunarodnyy proyekt «Programma tekhnicheskoy modernizatsii i razvitiya AO «Ulan-Batorskaya zheleznaya doroga» do 2020 goda» [International project “Program of technical modernization and development of the Ulaanbaatar Railway until 2020”]. *Byulleten uchenogo soveta AO «Institut ekonomiki i razvitiya transporta»*. 2016. No. 1. S. 19–26. (In Russ.)
- Doojav G.-O.* Macroeconomic Effects of COVID-19 in a Commodity-Exporting Economy: Evidence from Mongolia. ADBI Working Paper, 2022. No. 1337. 33 p.
- Helble M., Hill H., Magee D.* Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked Between Two Giants. Manila: ADB, 2020. 322 p.
- Khashchuluun Ch., Dulguun T., Khorol-Erdene B., Manlaibaatar Z., Nyambaatar B., Oyuntugs D., Oyunzul Ts.* Sustainable Mining Development. Ulaanbaatar: Economic research institute, 2021. 87 p.
- Makarov A. V., Makarova E. V., Andreev A. B.* Mongol'skiy koridor: problemy i perspektivy razvitiya tranzitno-transportnoy seti Mongolii [Mongolian corridor: problems and prospects for the development of the transit transport network of Mongolia]. *ECO*. 2020. No. 10. S. 34–49. (In Russ.)
- Makarov A. V., Makarova E. V., Beshentsev A. N.* Mongoliya: vneshnyaya trgovlya i razvitiye infrastruktury [Mongolia: foreign trade and infrastructure development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2023. No. 9. S. 68–78. (In Russ.)
- Marchenko O. V., Podkovalnikov S. V., Savelyev V. A., Solomin S. V., Chudinova L. Yu.* Rossiya v Yevraziyskoy elektroenergeticheskoy integratsii [Russia in Eurasian Electric Power Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. No. 6. S. 18–29. (In Russ.)
- Nganou J.-P., Batmunkh U., Jambal G., Dorfman M. C., Chowdhury I. S.* Mongolia Economic Update (Navigating Stronger Headwinds). Washington DC: World Bank, 2022. 66 p.
- Ragchaasuren G., Manlaibaatar Z., Oyunzul Ts., Khorol-Erdene B.* Impact of COVID-19 on Mongolian Mining Sector. Ulaanbaatar: Economic research institute, 2021. 84 p.
- Saneev B. G., Popov S. P., Maksakova D. V.* Modelirovanie razvitiya gazotransportnoy sistemy Mongolii s uchetom vozmozhnostey mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Modeling the Development of Mongolia's Gas Transportation System Taking into Account the Possibilities of International Cooperation]. *Izvestiya Rossiiskoy akademii nauk. Energetika*. 2022. No. 2. S. 27–43. (In Russ.)
- Yoshitaka H., Tuvshintugs B., Khashchuluun C., eds.* Economic Dependence of Mongolia on Minerals: Consequences and Policies. Singapore: Springer, 2022. 202 p.

Внутренняя Монголия: стратегическое позиционирование северной периферии Китая

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050071

Намжилова Виктория Очировна

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (адрес: 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8). ORCID: 0000-0001-7362-4701.

E-mail: dayavika@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2024.

Аннотация:

В статье приводится обзор современного положения северной периферии Китая — Автономного района Внутренняя Монголия, включая его экономическую динамику, демографические параметры и актуальную повестку развития. Новым является рассмотрение подхода «стратегического позиционирования», когда обозначается миссия региона в тесной связи с национальными интересами. Автор раскрывает суть «пяти великих задач», возложенных председателем Си Цзиньпином на АРВМ, а именно создание «двух щитов», «двух баз» и «одного плацдарма». Первая задача — создание «экологического щита на севере страны» — подчеркивает уникальную роль АРВМ в национальной системе охраны окружающей среды. Вторая задача — обеспечение щита безопасности и стабильности — исходит из важности поддержания национального единства и спокойствия на северных рубежах. Третья задача — создание национальной базы энергетических и стратегически важных ресурсов — связана с передовыми практиками получения и поставок электроэнергии, а также с глубокой переработкой редкоземельных металлов. Четвертая задача направлена на создание базы производства сельскохозяйственной продукции для обеспечения продовольственной безопасности Китая. Пятой задачей обозначено превращение АРВМ в «плацдарм выхода на Север», что подразумевает стимулирование тесного взаимодействия с северными соседями. Понимание внутренних процессов, происходящих в сопредельном с российскими регионами АРВМ, чрезвычайно важно для выстраивания международных связей. Особенно стоит обратить внимание на задачу открытости на севере, которая приобретает новый импульс с активизацией российского «поворота на Восток». Встречное движение этих стратегий вкупе с монгольской «Политикой нового возрождения» создают благоприятные условия для становления экономического коридора Китай — Монголия — Россия.

Ключевые слова:

Автономный район Внутренняя Монголия, северная периферия Китая, «пять великих задач», внешняя открытость, «выход на Север», экономический коридор Китай — Монголия — Россия.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03025 «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шелкового пути” исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая».

Для цитирования:

Намжилова В.О. Внутренняя Монголия: стратегическое позиционирование северной периферии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 97–108.

DOI: 10.31857/S0131281224050071.

Специфика северной периферии Китая

Исследуя особенности экономического развития АРВМ и стратегические задачи, возлагаемые Китаем на автономный район, необходимо принимать во внимание множество факторов: разнообразие природного ландшафта, относительно низкую плотность населения, наличие национальной автономии, богатство природных ресур-

сов, протяженную сухопутную государственную границу с Монголией и Россией¹. Периферийное положение АРВМ обусловлено целым рядом свойств, присущих периферийным территориям²: географическая удаленность от центров расселения и экономической активности страны, отраслевая структура экономики с преобладанием сырьевых переделов, относительная слабая вовлеченность в глобальные экономические связи. Для разных частей огромной территории (1,183 млн км²), раскинутой вдоль северных рубежей Китая, характерна различная степень транспортной доступности, при этом расстояние от административного центра АРВМ — города Хух-Хото — до Пекина составляет около 400 км.

В масштабах Китая автономный район остается одной из самых малонаселенных территорий с плотностью населения 20 чел./км²: на 12,3 % территории страны проживает 1,7 % всего населения. Окраинное положение АРВМ выделяется также соседством с малонаселенными аймаками Монголии, а с российской стороны — с Забайкальским краем, где на протяжении последних трех десятилетий наблюдается убыль населения. Демографические параметры развития Внутренней Монголии за последние двадцать с лишним лет, на первый взгляд, изменились незначительно — численность населения осталась практически на уровне 2000 г., увеличившись с 23,76 млн чел. до 23,96 млн чел. в 2023 г. Однако анализ возрастной структуры свидетельствует о старении населения: доля людей старше 65 лет выросла вдвое и составляет более 13 % от общей численности. Нужно признать, что данная тенденция характерна для всего Китая, как и тенденция активной урбанизации и концентрации населения, инфраструктуры и экономики в городах. Если в 2000 г. соотношение городского и сельского населения выглядело как 42,7:57,3, то в 2023 г. уже как 69,6:30,4³. Внутренняя Монголия выделяется этническим составом населения, а именно высоким удельным весом ханьцев среди других автономных районов Китая: согласно 7-й национальной переписи населения (2020) доля этнических монголов в общей численности населения АРВМ составляет 17,7 %, а доля ханьцев — 78,8 % (например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе доля ханьцев составляет 42,2 %, в Гуанси-Чжуанском автономном районе — 62,4 %, в Нинся-Хуэйском автономном районе — 64,0 %, в Тибетском автономном районе — 12,2 %) ⁴.

В экономической географии известен подход, когда лимитация периферии определяется по стагнирующей динамике развития. Однако с начала XXI в. экономика АРВМ показывает хороший рост (особенно в период 2000–2010 гг.)⁵, отставание социально-экономических показателей от средних значений по Китаю наблюдалось лишь в период 2017–2021 гг. В 2023 г. регион занял 21-е место в стране по объему валового регионального продукта (2 462,7 млрд юаней), обеспечивая около 2 % валового внутреннего продукта Китая. При этом пересчете ВРП на душу населения АРВМ занимает 8-е место (102,7 тыс. юаней), что выше среднего уровня по стране (89,3 тыс. юаней). Другой показатель, характеризующий уровень благосостояния населения — располагаемые доходы населения (38 130 юаней) — сопоставим с национальным показателем (39 218 юаней).

¹ 内蒙古经济发展研究 [Исследование экономического развития Внутренней Монголии] / 王来喜编者. 北京: 民族出版社, 2008年. 458页.

² Анохин А.А., Кузин В.Ю. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // *Известия Русского географического общества*. 2019. № 1 (151). С. 6–9.

³ 内蒙古自治区人口 [Население АРВМ] // 内蒙古自治区人民政府. URL: <https://www.nmg.gov.cn/asnmng/shjj/rk/?dzb=true> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ 内蒙古自治区民族组成数据 [Данные по этническому составу населения АРВМ] // 红黑人口. URL: <https://www.hongheiku.com/minzu/1070.html> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ 奋力走进前列: 内蒙古现象研究 [Всеми силами продвигаться вперед: исследование «феномена Внутренней Монголии»] / 布和朝鲁 著. 北京: 人民出版社, 2009年. 423 页.

За последние два с лишним десятилетия АРВМ активно реализует свои ресурсные преимущества, что позволило развивать востребованные в стране отрасли — электрогенерацию, углехимическую промышленность, производство стальных рельсов для железных дорог, добычу и переработку редкоземельных металлов и др.⁶ Изменения в отраслевой структуре лишь отчасти коррелируют с национальными тенденциями: в валовом региональном продукте снижается доля первичного сектора (снижение с 22,7 % до 9,6 % за период 2000–2023 гг.) и растет доля третичного сектора (увеличение с 39,3 % до 41,4 %). При этом нетипично высокой остается доля вторичного сектора (промышленность и строительство): если в 2023 г. в среднем по Китаю этот показатель составил 38,3 %, то в АРВМ — 49 %, что свидетельствует о сохранении значительной роли промышленности в экономике региона. В то же время сохраняются проблемы с высокой ресурсоемкостью и низкой добавленной стоимостью выпускаемой продукции, признается необходимость удлинения производственных цепочек, поощрения научно-исследовательских разработок на предприятиях, поиска инновационных путей развития приоритетных отраслей⁷.

Периферийные территории Китая, к которым относится АРВМ, значительно преобразились в начале XXI в. Такое преобразование стало возможным во многом благодаря согласованной региональной экономической политике⁸, когда в 2000-е гг. в рамках Программы освоения западных регионов⁹ и Стратегии возрождения северо-восточных старопромышленных баз¹⁰ государство стимулировало масштабные инвестиции в инфраструктуру и приоритетные производства. Несмотря на неоднозначные промежуточные итоги и противоречия в государственной политике, усилия по преодолению периферийности территорий нельзя считать безрезультатными¹¹. Глубинные различия в социально-экономическом развитии приморских и внутренних провинций, обусловленные географической логикой хозяйственного освоения территории Китая, постепенно сглаживаются¹². Кроме того, за последнее десятилетие по мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» растет значимость периферийных территорий в становлении сухопутных транспортных коридоров и связанности евразийского пространства в целом. Для АРВМ это, прежде всего, взаимодействие с северными соседями, продвижение идеи создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия¹³.

Стратегическое позиционирование АРВМ — «пять великих задач»

Позиционирование провинций и автономных районов стало одним из важных инструментов государственной политики в эпоху Си Цзиньпина. Усиление экономиче-

⁶ Намжилова В.О. Экономическое развитие АРВМ в начале XXI в. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 3. С. 73–81.

⁷ Намжилова В.О. Внутренняя Монголия КНР: динамика социально-экономического развития и ориентиры 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. № 2. С. 24–35.

⁸ Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 4. С. 21–32.

⁹ 中国西部经济发展报告 (2009) [Доклад об экономическом развитии западных регионов Китая (2009)] / 姚慧勤, 任宗哲主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2009年. 560 页.

¹⁰ Ставров И.В. «Возрождение Северо-Восточного Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. // *Россия и АТР*. 2017. № 4 (98). С. 69–87.

¹¹ Песцов С.К. Трудная периферия: стратегия и результаты оживления «ржавого пояса» Китая // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2020. № 3. С. 126–136.

¹² Самбурова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2014. № 4. С. 49–55.

¹³ 中蒙俄经济走廊研究报告 (2017) [Доклад по исследованию экономического коридора Китай — Монголия — Россия (2017)] / 包斯勤 主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2018年. 373 页.

ской мощи и политического влияния Китая определило необходимость формирования в глазах нации и мирового сообщества образа каждого региона страны. Стратегии продвижения и самоидентификации регионов не только на национальном, но и на международном уровнях разрабатываются в тесной связи с партийной идеологией. С момента прихода к власти Си Цзиньпин совершил три инспекционные поездки в АРВМ, каждая из которых имела свои особенности. Первая поездка состоялась в январе 2014 г. в дни Нового года по лунному календарю: председатель КНР посетил приграничный город Аршан в аймаке Хинган, а затем побывал на монгольском празднике Наадам в аймаке Шилин-Гол¹⁴. В июле 2019 г. состоялась вторая инспекционная поездка в АРВМ, во время которой Си посетил лесную ферму в городском округе Чифэн. Местом назначения третьей инспекции в июне 2023 г. были выбраны городские округа Баян-Нур, где Си Цзиньпин ознакомился с ходом реализации экологических проектов, и Хух-Хото, с посещением индустриального парка Чжунхуань, специализирующегося на создании новых материалов и источников энергии, полупроводников и фотоэлектрических материалов¹⁵.

Встречаясь с руководством, трудовыми коллективами и жителями региона, Си Цзиньпин обращал основное внимание на разъяснение задач национального единства, высококачественного развития, построения экологической цивилизации, а также поддержания безопасности и социальной стабильности. Председатель КНР тесно взаимодействует с партийным комитетом автономного района не только в дни инспекционных поездок, но и проводит регулярные встречи с представителями собрания народных представителей АРВМ в период «двух сессий» в Пекине. В итоге руководством страны были сформулированы «пять великих задач» (“五大任务”), возлагаемых на Внутреннюю Монголию. На национальном уровне АРВМ позиционируется как:

Экологический щит на севере страны (北方重要生态安全屏障)¹⁶.

Разнообразный природный ландшафт на большой территории и важные экологические функции обусловили уникальную роль АРВМ в национальной системе охраны окружающей среды, выполнение им миссии «экологического щита» на севере Китая. Значимость этой миссии неизменно подчеркивалась в борьбе с опустыниванием и пыльными бурями, накрывающими столичный регион и даже приморские провинции. Многолетняя борьба с опустыниванием признается успешной — если раньше «песок заставлял отступать людей», то в настоящее время «деревья заставляют отступать песок». Продолжается создание защитных лесополос вдоль границ в рамках национального проекта «три севера» и проекта по контролю причин песчаных бурь в Пекине и Тяньцзине. Помимо рекультивации пустыни идет защита водно-болотных угодий и других уязвимых экосистем, восстанавливаются территории луговых пастбищ, в целом ужесточаются нормы экологического зонирования (вводятся так называемые красные линии экологической защиты).

Щит безопасности и стабильности на северных рубежах страны (祖国北疆安全稳定屏障).

Будучи приграничным регионом, население которого широко представлено ханьцами, этническими монголами и другими национальными меньшинствами, АРВМ несет большую ответственность за поддержание национального единства и спокойствия на границе. Ключевые постулаты партии в рамках этой задачи можно представить следующим образом:

¹⁴ 经济日报 [Цзинцзи жибао]. 30.01.2014.

¹⁵ 第一观察 | 总书记为内蒙古发展指明方向 [Первое обозрение: Генеральный секретарь обозначил направление развития Внутренней Монголии] // 人民网. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2023/0610/c1001-40010720.html> (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁶ Также в русскоязычных СМИ встречается перевод с китайского «создание барьера экологической безопасности Севера».

- поддержание политической безопасности страны: сохранение лидерства и правящего статуса Коммунистической партии Китая и социалистической системы с китайской спецификой;

- обеспечение общественной безопасности: необходимо придерживаться идеологии развития, ориентированного на интересы людей (в приоритете находится стабильное и упорядоченное общество), содействовать преобразованию модели управления общественной безопасностью в систему превентивных мер;

- укрепление сознания общности китайской нации: формирование у всех этнических групп «правильного представления» о стране, истории, национальностях, культуре и религии;

- укрепление обороны: создание сильной современной системы управления границами, совместимой с интересами национальной безопасности и развития, содействие экономическому развитию приграничья¹⁷.

Национальная база энергетических и стратегически важных ресурсов (国家重要能源和战略资源基地).

Значение этой миссии трудно переоценить — чрезвычайно богатый полезными ископаемыми (уголь, цветные и черные металлы, редкоземельные элементы) и возможностями развития альтернативной энергии АРВМ планомерно превратился в энергетический форпост и индустриальный центр на севере Китая. Если ранее автономный район уступал по производству электроэнергии таким экономически развитым провинциям, как Гуандун, Цзянсу и Шаньдун, то с 2020 г. он лидирует в Китае по электрогенерации (745 млрд кВт*ч в 2023 г.)¹⁸. В отличие от указанных провинций, где произведенная электроэнергия потребляется на месте, АРВМ на протяжении многих лет является крупнейшим поставщиком электроэнергии внутри страны — около 1/3 генерации поставляется в столичный регион и восточные провинции¹⁹. Развитие технологий переброски электроэнергии (с АРВМ берут начало семь сверхвысоковольтных линий электропередач), активное внедрение возобновляемых источников энергии только будут укреплять роль энергетического донора. Еще одна стратегически важная отрасль в масштабах страны — добыча и переработка редкоземельных металлов. На месторождении Баян Обо в Баотоу сосредоточено 83 % национальных, или 37 % мировых запасов редкоземельных металлов. С 1992 г. функционирует зона промышленного развития высоких технологий Баотоу, предприятия которой образуют «северный» блок отрасли. В последние годы Китай успешно реализует политику локализации производств на своей территории изделий на основе редкоземельных металлов. Поскольку усилия направлены на создание замкнутой технологической цепочки, перед АРВМ поставлена задача стать не только мировой «кладовой», но и глобальным центром производства изделий из редкоземельных металлов²⁰.

¹⁷ 《内蒙古自治区筑牢祖国北疆安全稳定屏障促进条例》公布 [Опубликованы «Правила, стимулирующие создание в АРВМ зита безопасности и стабильности на северных рубежах страны»] // 内蒙古自治区人民政府. URL: https://www.nmg.gov.cn/tztzl/tjlsdwrw/aqwdpz/202308/t20230802_2355729.html (дата обращения: 15.08.2024).

¹⁸ Для сравнения: по данным Системного оператора Единой энергетической системы РФ, в 2023 г. выработка электроэнергии в России составила 1 151 млрд кВт*ч. См.: Отчет о функционировании ЕЭС России в 2023 г. (на основе оперативных данных) // Системный оператор Единой энергетической системы. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2024/ups_rep2023.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

¹⁹ Намжилова В.О. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 2. С. 22–29.

²⁰ 包头要打造“世界稀土之都”, 2024年产值超1000亿 [В Баотоу создается «мировая столица редкоземельных металлов»] // 新浪财经. URL: <https://finance.sina.cn/2024-01-05/detail-inaanwtr4732340.d.html> (дата обращения: 15.08.2024).

База производства сельскохозяйственной продукции (农畜产品生产基地).

Внутренняя Монголия известна в Китае как «кладовая зерновых и мяса», «молочная цистерна», «столица кашемира», играет важную роль в стабильных поставках сельскохозяйственной продукции на внутренний рынок, внося свою лепту в обеспечение национальной продовольственной безопасности. АРВМ входит в число китайских регионов с обширными площадями сельскохозяйственных угодий и большим поголовьем скота, что позволяет обеспечивать 19 % производства молока в Китае, 15 % производства говядины и баранины, 5,7 % зерновых и 4,6 % масличных культур²¹. Объемы производства животноводческой продукции впечатляют: АРВМ лидирует в стране по производству баранины (1 млн т), говядины (0,78 млн т), молока (7,3 млн т), овечьей шерсти (117 тыс. т), кашемира (6 тыс. т). В растениеводстве регион специализируется на выращивании кукурузы (31 млн т), сои, картофеля, проса, пшеницы. Для сохранения и углубления специализации АРВМ необходимо повышать долю высококачественных сельскохозяйственных угодий (в настоящее время 30 % от общей площади с/х угодий), масштабировать технологическую инфраструктуру («умные» теплицы — автономные, роботизированные и изолированные от внешних воздействий сельскохозяйственные объекты), продвигать инновации в селекционной работе, укреплять производственные цепочки. Кроме того, в целях повышения узнаваемости местных продуктов питания и их продвижения как на внутреннем рынке, так и за рубежом, АРВМ использует систему маркировки, выдавая лучшим товарам знак «монгольский» (иероглиф 蒙)²².

Плацидарм для выхода Китая на север (向北开放重要桥头堡)²³.

Занимая обширные территории на севере Китая и имея общие границы с Россией и Монголией, АРВМ обладает уникальными возможностями для развития внешней открытости. Эта задача органично вплетена в инициативу «Один пояс, один путь»: АРВМ играет ключевую роль в становлении одного из шести экономических коридоров инициативы — Экономический коридор Китай — Монголия — Россия²⁴. Задача создания плацдарма выхода на Север²⁵ опирается на многолетний опыт функционирования приграничных зон экономического сотрудничества, открытых в Маньчжурии на границе с Россией в 1992 г. и в Эрляне (Эрэн-Хото) на границе с Монголией в 1993 г. Тогда создание приграничных зон экономического сотрудничества (всего в начале 1990-х гг. было открыто 14 приграничных зон) стало смелым экспериментом курса Дэн Сяопина на построение «социалистической рыночной экономики» и перехода к «открытой внешнеэкономической политике»²⁶. Долгое время через пограничные пункты пропуска Маньчжурии и Эрлянь проходила львиная доля грузопотоков между странами, однако по мере

²¹ 内蒙古建设国家重要农畜产品生产基地的4个关键词: 夯基础, 提产能, 增效益, 激活力 [4 ключевых слова в создании на территории АРВМ национальной базы сельскохозяйственной продукции: укреплять базу, увеличивать производственные мощности, повышать эффективность и стимулировать жизнеспособность] // 内蒙古自治区人民政府. URL: https://sthjt.nmg.gov.cn/sthjdt/tztz/srgclbcjtl/lgjd/202311/t20231110_2408595.html (дата обращения: 05.10.2024).

²² “蒙”字标大草原优品推介会在京举办 打造区域名片 [В Пекине открылся форум по продвижению лучших товаров с маркировкой «монгольский»] // 中国新闻网. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1808689190052861797&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.10.2024).

²³ 把国家向北开放重要头堡打造得巍然蓬勃 [Сделать плацдарм открытости страны на севере величественным и процветающим] // 内蒙古日报. URL: http://szb.nmgnews.com.cn/nmgrb/html/2023-03/03/content_41062_202017.htm (дата обращения: 05.10.2024).

²⁴ 中蒙俄经济走廊建设重点问题研究 [Исследование основных проблем строительства экономического коридора Китай — Монголия — Россия] / 内蒙古自治区发展研究中心 内蒙古自治区经济信息中心 著. 北京: 人民出版社, 2016年. 421页.

²⁵ Также можно переводить как «плацдарм открытости на Севере»

²⁶ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 167–202.

интенсификации внешнеторговых связей Китая с северными соседями растет значимость и других пунктов пропуска АРВМ, особенно на границе с Монголией: Ганьцимаоду (Ганцмод), Цэкэ (Сэхэ), Чжуэньгадабуци (Зун-Хатавч), Маньдула (Мандал). АРВМ намерен развивать их в качестве ключевых пунктов пропуска (重点口岸), а крупнейшие пункты пропуска Маньчжурия и Эрлянцун — в качестве узловых (枢纽口岸)²⁷. Опираясь на системное развитие пунктов пропуска, АРВМ стремится занять свою нишу в трансформирующейся логистике, включая международные железнодорожные контейнерные перевозки по маршруту Китай — Европа и мультимодальные грузоперевозки. В целом, идея создания плацдарма внешней открытости тесно связана с логикой регионального развития Китая, позволяя АРВМ углублять сотрудничать с экономическими центрами страны: регионами Тяньцзинь — Пекин — Хэбэй, дельты реки Янцзы и Большого залива.

Указанные задачи отражают долгосрочное видение перспектив развития севера Китая и свидетельствуют о последовательной политике центра — нельзя сказать, что задачи кардинально новые, скорее, они систематизированы в соответствии с актуальной национальной повесткой и геополитическими тенденциями. Сущность и ход реализации «пяти великих задач» глубоко анализируются руководством автономного района и широко распространяются через агитационные кампании партийного комитета. Понимание внутренних процессов, происходящих в сопредельном с российскими регионами АРВМ, чрезвычайно важно для выстраивания международных связей России с Китаем в целом. Особенно стоит обратить внимание на задачу выхода на Север, которая приобретает новый импульс с активизацией российского «поворота на Восток». Встречное движение этих стратегий вкупе с монгольской «Политикой нового возрождения» создают благоприятные условия для становления экономического коридора Китай — Монголия — Россия.

Внешняя открытость АРВМ и становление экономического коридора Китай – Монголия – Россия

Повышение внешней открытости предполагает активное участие в международном обмене товарами и услугами и развитие кооперационных связей с зарубежными странами. Масштабы и структура внешнеэкономических взаимодействий АРВМ имеют свои особенности. Удельный вес внешнеторгового оборота в валовом региональном продукте, характеризующий внешнюю открытость экономики региона, составляет около 8 % и является одним из самых низких не только среди приграничных регионов, но и в целом по стране. В отличие от приморских провинций Китая, где многие производства изначально в ходе экономических преобразований создавались с ориентацией на экспорт, в АРВМ формировалась отраслевая структура, обеспечивающая удовлетворение внутреннего спроса. Это можно проследить и по внешнеторговому балансу, в котором импорт стабильно превышает экспорт (табл. 1). В годы реализации инициативы «Один пояс, один путь» внешняя торговля АРВМ развивается с положительной динамикой, сохраняя при этом участие в формировании внешнеторгового оборота Китая на уровне 0,3–0,4 %.

Масштабы производств, ориентированных на зарубежные поставки или импорт, постепенно расширяются по мере развития отраслевой специализации. Так, АРВМ намерен продвигать на мировые рынки продукцию своих приоритетных отраслей промышленности (металлургия, переработка сельскохозяйственной продукции, химическая промышленность и др.), а в импорте больше сосредоточиться на природных ресурсах, включая импорт угля, нефти, железной руды, древесины из Монголии и России. На две сопредельные страны приходится более 90 % импорта АРВМ.

²⁷ 建设国家向北开放重要桥头堡——构建更大范围、更宽领域、更深层次全方位开放新格局

[Создавая важный плацдарм открытости страны на севере, строить новую архитектуру всесторонней открытости] //内蒙古自治区人民政府. URL: https://www.nmg.gov.cn/ztlz/tjlswwdrw/qtb/202302/t20230201_2225109.html (дата обращения 05.10.2024).

дельные страны приходится половина внешней торговли АРВМ, при этом за последние несколько лет в географической структуре значительно выросла доля Монголии — с 24 % в 2016 г. до 35 % в 2023 г., а удельный вес России за тот же период снизился с 23 % до 17 % (рис. 1).

Таблица 1 / Table 1

Внешнеторговый оборот АРВМ в 2014–2023 гг.

International Trade of IMAR in 2014–2023

Год	Внешнеторговый баланс АРВМ, млн долл. США				Доля региона во внешней торговле Китая, %
	Внешняя торговля	Экспорт	Импорт	Сальдо	
2014	14 556,3	6 393,5	8 162,8	-1 769,3	0,34 %
2015	12 731,1	5 650,0	7 081,1	-1 431,1	0,32 %
2016	11 640,3	4 396,0	7 244,3	-2 848,3	0,31 %
2017	13 873,5	4 877,9	8 995,5	-4 117,6	0,33 %
2018	15 690,3	5 746,6	9 943,7	-4 197,1	0,34 %
2019	15 939,5	5 468,3	10 471,0	-5 002,7	0,35 %
2020	15 222,7	5 040,0	10 182,6	-5 142,6	0,33 %
2021	19 050,0	7 355,5	11 692,5	-4 337,0	0,32 %
2022	22 530,0	9 190,0	13 330,0	-4 140,0	0,36 %
2023	27 910,0	11 150,0	16 760,0	-5 610,0	0,47 %

Источник: 国家数据 [Национальные данные]. [National data] // 中国统计局.
URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения: 15.10.2024).

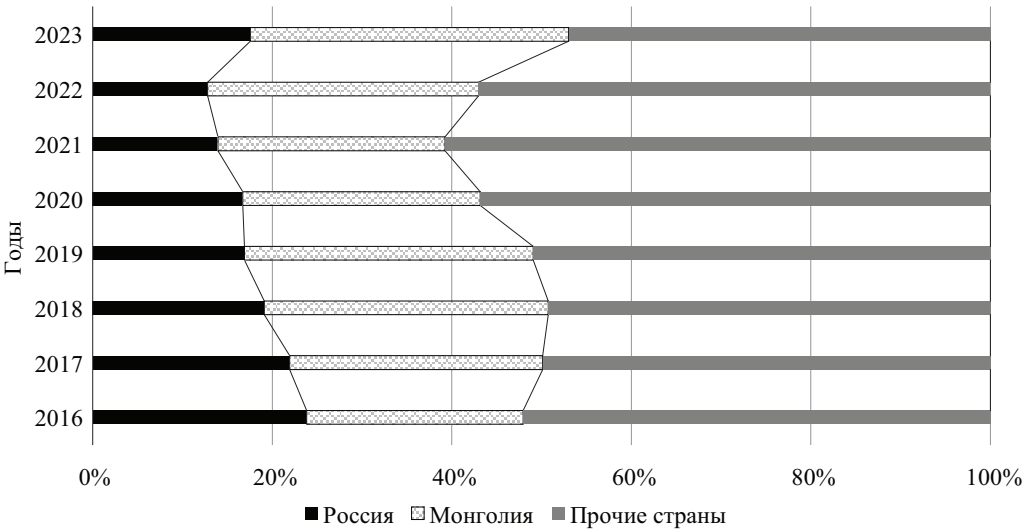

Рис. 1. Удельный вес сопредельных и прочих стран во внешней торговле АРВМ
Figure 1. Neighboring and Other Countries in the Foreign Trade of the IMAR

Источник: 内蒙古统计综合数据平台 [Единая платформа статистических данных АРВМ]. [Unified Platform for Statistical Data of IMAR] // 内蒙古自治区统计局.
URL: <https://tj.nmg.gov.cn/datashow/easyquery/easyquery.htm?cn=A0103> (дата обращения: 15.10.2024).

Динамика внешнеторговых связей АРВМ демонстрирует высокий приоритет сопредельных стран, но еще более важным маркером внешней открытости в настоящее время является степень инфраструктурной связанности с Монголией и Россией. Как отмечают китайские исследователи в своих разработках по теории экономических коридоров

ров, выстраивание жесткой инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, система современных пунктов пропуска, другие коммуникации, транспортно-логистические терминалы) при активном государственном участии имеет первостепенное значение на этапе становления экономического коридора²⁸. Будучи приграничным регионом, АРВМ должен обеспечить условия для бесперебойной торговли Китая с северными соседями и, через их территории, с другими странами. Поэтому показательным является функционирование пограничных пунктов пропуска на территории АРВМ.

В настоящее время Госсоветом КНР одобрено открытие 20 пунктов пропуска, включая 14 пограничных и 6 воздушных в международных аэропортах (Хух-Хото, Ордос, Баотоу, Хайлар, Маньчжурия и Эрлянь)²⁹. В 2023 г. совокупный грузопоток через пункты пропуска составил рекордные 107,8 млн т, из них более 100 млн — через пограничные пункты пропуска³⁰. На динамичный рост грузопотока влияют множество факторов, включая интенсивные контейнерные грузоперевозки (в 2023 г. через железнодорожные пункты пропуска Маньчжурия и Эрлянь проследовало 8 324 поездов «Китай — Европа»), трансформация логистики вслед за введением западных санкций, бум автомобильных грузоперевозок через пункты Маньчжурия и Эрлянь, увеличение поставок угля и других полезных ископаемых из Монголии в Китай (через автомобильные пункты пропуска Ганцмод, Сэхэ и т.д.). В дальнейшем важным становится развитие специализации пунктов пропуска (в зависимости от назначения — обслуживание разных товарных потоков, включая растущий импорт ресурсов), открытие платформ трансграничной электронной торговли и совместных предприятий в сфере логистики.

Растет связность пространства с территорией Монголии, что наглядно прослеживается в насыщении трансграничного пространства инфраструктурными коммуникациями³¹. Эта тенденция в обозримом будущем будет усиливаться. О достижении определенного уровня китайско-монгольского экономического взаимодействия и высоком приоритете монгольского направления в политике Китая свидетельствует тот факт, что в марте 2024 г. Госсоветом КНР одобрено открытие трансграничной зоны экономического сотрудничества Эрлянь — Замын-Уд³². Это третий случай создания подобной трансграничной зоны в Китае — с 2006 г. активно работает китайско-казахстанский центр международного приграничного сотрудничества «Хоргос», а в 2016 г. создана китайско-лаосская зона экономического сотрудничества Мохан — Ботэн. На границе с Россией повышение уровня приграничной зоны экономического сотрудничества Маньчжурия до трансграничного пока не рассматривается — российская сторона еще к этому не готова.

²⁸ 李向阳: 经济走廊建设: “一带一路”高质量发展的微观基础 [《李 晟》. Строительство экономических коридоров как основа для высококачественного развития «Одного пояса, одного пути»] // 世界经济与政治. 2023年. 第10期. 2–15页.

²⁹ 内蒙古自治区各口岸基本情况 [Общая ситуация по пунктам пропуска АРВМ] // 内蒙古自治区人民政府. URL: https://swt.nmg.gov.cn/xwdt/kazc/202305/t20230516_2312436.html (дата обращения: 05.10.2024).

³⁰ 1亿吨, 陆路口岸货运量创造沿边省区新纪录 [100 млн тонн — сухопутные пункты пропуска установили новый рекорд] // 内蒙古自治区人民政府. URL: https://www.nmg.gov.cn/ztzl/tjlsdwrw/qtb/202401/t20240129_2459788.html (дата обращения: 05.10.2024).

³¹ Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2022. № 12. С. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71

³² 国务院关于设立中蒙二连浩特—扎门乌德经济合作区的批复 [Госсовет одобрил создание зоны экономического сотрудничества Эрлянь-Хот — Замын-Уд] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202403/content_6940965.htm (дата обращения: 05.10.2024).

При этом актуальность встраивания трансграничья в общую концепцию российско-китайских отношений³³ в связи с активизацией «поворота на Восток» заметно возросла.

* * *

В сентябре 2024 г. на научном семинаре, посвященном десятилетию создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия и внешней открытости АРВМ, академическим сообществом автономного района были обсуждены проблемы и вызовы, с которыми сталкивается становление экономического коридора. В докладах неизменно подчеркивается необходимость реализации задач стратегического позиционирования АРВМ, обозначенных Си Цзиньпином, а именно важность создания плацдарма «выхода на Север»³⁴. Исследователи отмечают, что сложная и изменчивая международная обстановка, фрагментация мировой экономики, усиление геополитических рисков формируют новые условия для трехстороннего сотрудничества Китая, Монголии и России, и роль АРВМ как связующей территории в этих взаимодействиях только возрастает.

Литература

- Анохин А.А., Кузин В.Ю. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // *Известия Русского географического общества*. 2019. № 1 (151). С. 3–16. DOI: 10.31857/S0869-607115113-16
- Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: встраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // *ЭКО*. 2022. № 12. С. 52–71. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-12-52-71
- Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. 320 с.
- Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 12 (60). С. 69–81.
- Намжилова В.О. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 2. С. 22–29. DOI: 10.31857/S032150750008469-7
- Намжилова В.О. Экономическое развитие АРВМ в начале 21 в. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 3. С. 73–81. DOI: 10.31857/S013128120005301-2
- Намжилова В.О. Внутренняя Монголия КНР: динамика социально-экономического развития и ориентиры 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. Т. 24, № 2. С. 24–35. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-2/24-35
- Песцов С.К. Трудная периферия: стратегия и результаты оживления «ржавого пояса» Китая // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2020. № 3. С. 126–136.
- Самбунова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2014. № 4. С. 49–55.
- Ставров И.В. «Возрождение Северо-Восточного Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. // *Россия и АТР*. 2017. № 4 (98). С. 69–87.
- Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 4. С. 21–32. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022
- 奋力走进前列: 内蒙古现象研究 [Всеми силами продвигаться вперед: исследование «феномена Внутренней Монголии»] / 布和朝鲁 著. 北京: 人民出版社, 2009. 423 页.

³³ Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 12 (60). С. 69–81.

³⁴ 中蒙俄经济走廊建设十周年暨内蒙古对外开放学术研讨会在呼和浩特召开 [В Хух-Хото прошел научный семинар, посвященный десятилетию создания ЭКМР и внешней открытости АРВМ] // 内蒙古自治区社会科学院. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzU3MzAyNTk5Mg==&mid=2247581288&idx=1&sn=493715df319f25d21e5190ce4ec2d30c&chksm=fdef359d011f6ad1a05ae529da96294532be5713653a5bccc9dc04108998916be466bc56e63d&scene=27 (дата обращения: 05.10.2024).

- 李向阳: 经济走廊建设: “一带一路”高质量发展的微观基础 [Ли Сяньян. Строительство экономических коридоров как основа для высококачественного развития «Одного пояса, одного пути»] // 世界经济与政治. 2023年. 第10期. 第2–15页.
- 内蒙古经济发展研究 [Исследование экономического развития Внутренней Монголии] / 王来喜编者. 北京: 民族出版社, 2008年. 458页.
- 中国西部经济发展报告 (2009) [Доклад об экономическом развитии западных регионов Китая] (2009) / 姚慧勤, 任宗哲主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2009年. 560页.
- 中蒙俄经济走廊建设重点问题研究 [Исследование основных проблем строительства экономического коридора Китай — Монголия — Россия] / 内蒙古自治区发展研究中心 内蒙古自治区经济信息中心 著. 北京: 人民出版社, 2016年. 421页.
- 中蒙俄经济走廊研究报告 (2017) [Доклад по исследованию экономического коридора Китай — Монголия — Россия] / 包斯勤 主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2018年. 373页.

Inner Mongolia: Strategic Positioning of China's Northern Periphery

Victoria O. Namzhilova

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Department of Regional Economic Studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (address: 8, Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7362-4701. E-mail: dayavika@yandex.ru

Received 20.10.2024.

Abstract:

The article provides an overview of the current situation of China's northern periphery — the Inner Mongolia Autonomous Region, regarding its economic dynamics, demographic parameters and current agenda. What is new is the consideration of the “strategic positioning” approach, when the region's mission is defined in close connection with national interests. The author reveals the essence of the “five great tasks” assigned to the Inner Mongolia Autonomous Region by Xi Jinping: the creation of “two barriers”, “two bases” and “one bridgehead”. The first task — creating an “ecological barrier in the north of the country” — emphasizes the unique role of the Inner Mongolia Autonomous Region in the national environmental protection system. The second task — ensuring a barrier of security and stability — is based on the importance of maintaining national unity and tranquility on the northern borders. The third task — creating a national base of energy and strategically important resources — is associated with advanced practices in the production and supply of electricity, as well as deep processing of rare earth metals. The fourth task is aimed at creating a base for the production of agricultural products to ensure China's food security. And the fifth task is to build a “bridgehead for opening up to the North”, stimulating close cooperation with northern neighbors. Understanding the internal processes in adjacent to Russian regions China's Inner Mongolia is extremely important for building international ties. Particular attention should be paid to the task of “openness to the North”, which is gaining new impetus with the activation of Russia's “turn to the East”. The counter movement of these strategies, coupled with the Mongolian “New Revival Policy”, create favorable conditions for the construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor.

Key words:

Inner Mongolia Autonomous Region, China's northern periphery, “five great tasks”, “opening up to the North”, China-Mongolia-Russia Economic Corridor.

Funding sources:

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, Project No. 24-48-03025 “From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: historical projections and modern interactions between Russia, Mongolia and China”.

For citation:

Namzhilova V.O. Inner Mongolia: Strategic Positioning of China's Northern Periphery // Far Eastern Studies. 2024. No. 5. Pp. 97–108. DOI: 10.31857/S0131281224050071.

References

- Anohin A.A., Kuzin V.Yu. Podhody k vydeleniyu periferii i periferizatsiya v prostranstve sovremennoj Rossii [Approaches to the allocation of periphery and peripheralization in the spatial development of

- modern Russia]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2019. No. 1 (151). S. 3–16. DOI: 10.31857/S0869–607115113–16. (In Russ.)
- Chubarov I.G. Gosprogrammy regional'nogo razvitiya KNR v istoricheskom kontekste [State-level regional development programs in China]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 2020. No. 4. S. 21–32. (In Russ.)
- Dondokov Z.B.-D., Namzhilova V.O. Ekonomicheskij koridor Kitaj — Mongoliya — Rossiya: vystraivanie infrastrukturnoj svyazannosti v usloviyah global'nyh vyzovov [China — Mongolia — Russia Economic Corridor: constructions infrastructure connectivity in the time of global challenges]. *EKO*. 2022. No. 12. S. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–12–52–71. (In Russ.)
- Kondrashova L.I. Kitaj ishchet svoj put' [China is looking for its own path]. M.: Institut Dal'nego Vostoka Publ., 2006, 320 s. (In Russ.)
- Larin V.L. Rossiysko-kitayskoye transgranich'ye v kontekste proyektov yevraziyskoy integratsii [Russia — China transboundary region from the perspective of Eurasian projects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. No. 12. S. 69–81. (In Russ.)
- Namzhilova V.O. Ekonomicheskoe razvitiye ARVM v nachale 21 v. [Economic Development of IMAR in the Beginning of 21st century]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2019. No. 3. S. 73–81. DOI: 10.31857/S013128120005301–2. (In Russ.)
- Namzhilova V.O. Vnutrennyaya Mongoliya kak energeticheskij forpost Kitaya [Inner Mongolia as energetic frontier of China]. *Aziya i Afrika segodnya*. 2020. No. 2. S. 22–29. DOI: 10.31857/S032150750008469–7. (In Russ.)
- Namzhilova V.O. Vnutrennyaya Mongoliya KNR: dinamika social'no-ekonomicheskogo razvitiya i orientiry 14-j pyatiletki (2021–2025 gg.) [Inner Mongolia of the PRC: Dynamics of Socio-Economic Development and Landmarks for the 14th Five-Year Plan (2021–2025)]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2022. No. 2. S. 24–35. DOI: 10.24866/1813–3274/2022–2/24–35. (In Russ.)
- Pestov S.K. Trudnaya periferiya: strategiya i rezul'taty ozhivleniya «rzhavogo poyasa» Kitaya [Difficult peripherals: strategy and results of revitalizing the “rust belt” of China]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2020. No. 3. S. 126–136. (In Russ.)
- Samburova E.N. Regional'nyye disproportsii sovremennogo razvitiya ekonomiki Kitaya [Regional disparities in the present-day development of China's economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, series 5: Geografiya*. 2014. No. 4. S. 49–55. (In Russ.)
- Stavrov I.V. «Vozrozhdeniye Severo-Vostochnogo Kitaya» v programnykh dokumentakh Pekina v nachale XXI v. [«Revival of Northeast China» in the program documents of Beijing at the beginning of the 21st century]. *Rossiya i ATR*. 2017. No. 4. S. 69–87. (In Russ.)
- 奋力走进前列: 内蒙古现象研究 [Struggling to enter the forefront: a study of the phenomenon of Inner Mongolia] / 布和朝鲁 著. 北京: 人民出版社, 2009. 423 页. (In Chin.)
- 李向阳: 经济走廊建设: “一带一路”高质量发展的微观基础 [Li Xiangyang. Economic Corridor Construction: The Micro-Foundation for High-Quality Development of the Belt and Road]. 世界经济与政治. 2023年. 第10期. 第2–15页. (In Chin.)
- 内蒙古经济发展研究 [Inner Mongolia Economic Development Research] / 王来喜编者. 北京: 民族出版社, 2008年. 458页. (In Chin.)
- 中国西部经济发展报告 (2009) [Western China Economic Development Report (2009)] / 姚慧勤, 任宗哲主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2009年. 560 页. (In Chin.)
- 中蒙俄经济走廊建设重点问题研究 [Research on the main problems of the construction of China — Mongolia — Russia economic corridor] / 内蒙古自治区发展研究中心 内蒙古自治区经济信息中心 著. 北京: 人民出版社, 2016年. 421页. (In Chin.)
- 中蒙俄经济走廊研究报告 (2017) [Research Report on China-Mongolia-Russia Economic Corridor (2017)] / 包斯勤 主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2018. 373 页. (In Chin.)

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК / RUSSIAN FAR EAST

Производительность труда в регионах Востока России и Северо-Востока КНР

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050086

Глазырина Ирина Петровна

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (адрес: 672014, Чита, Недорезова, 16а). ORCID: 0000-0002-5042-0770. E-mail: iglazyrina@bk.ru

Забелина Ирина Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (адрес: 672014, Чита, Недорезова, 16а). ORCID: 0000-0003-4464-2593. E-mail: i_zabelina@mail.ru

Фалейчик Лариса Михайловна

Кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (адрес: 672014, Чита, Недорезова, 16а). ORCID: 0000-0003-2963-1992. E-mail: lfaleychik@bk.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2024.

Аннотация:

На основе данных Росстата, Национального бюро статистики Китая и Центрального Банка РФ выполнен анализ динамики и пространственной дифференциации производительности труда в регионах России и Китая. Установлено, что в большинстве российских регионов производительность труда в целом по экономике в 2022 г. была ниже общероссийского значения показателя. В группе субъектов с высокими значениями показателя преобладают территории с сырьевой направленностью хозяйственных систем. Выявлено, что за 2017–2022 гг. только в семи российских регионах, расположенных преимущественно в европейской части страны, наблюдалось снижение объема добавленной стоимости в расчете на одного занятого. Все дальневосточные территории характеризовались положительной динамикой показателя. Особое внимание уделено межстрановому сопоставлению и анализу уровня производительности труда в сопредельных российских и китайских регионах, вовлеченных в процессы трансграничного взаимодействия. Результаты расчетов свидетельствуют о том, что в 2017 г. производительность труда в китайской экономике была ниже, чем в российской. Однако в 2022 г. Китай, где этот показатель в 2017–2022 гг. рос быстрыми темпами, превзошел Россию по производству валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого в экономике. Установлено, что в 2022 г. производительность труда в сопредельных регионах КНР была существенно выше, чем в большинстве регионов Востока РФ. Показано, что в России и Китае, а также большинстве анализируемых регионов производительность труда в промышленном секторе выше, чем по экономике в целом.

Ключевые слова:

экономическое развитие, производительность труда, экономические шоки, Россия, Китай, восточные регионы России.

Источники финансирования:

Работа выполнена в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН (рег. № 121032200126–6).

Для цитирования:

Глазырина И.П., Забелина И.А., Фалейчик Л.М. Производительность труда в регионах Востока России и Северо-Востока КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 109–126. DOI: 10.31857/S0131281224050086.

В настоящее время можно говорить о консенсусе профессиональных экономистов, которые считают дефицит трудовых ресурсов одним из основных лимитирующих факторов развития российской экономики. Он, в свою очередь, обусловлен рядом причин фундаментального характера, и главными из них, по-видимому, являются демографическая структура населения страны и низкая производительность труда. По показателям производительности российской экономика уступает некоторым развитым странам в 2–3 раза¹. Беспрецедентные изменения в социально-экономических процессах после 2022 г. требуют поисков новых путей и для экономического роста, и для качества жизни; без роста производительности труда вряд ли можно решить эти задачи².

Одним из ключевых факторов, влияющих на динамику производительности труда, является территориально-отраслевая структура производства и занятости³. Разрыв между показателями, рассчитанными и для отдельных отраслей⁴, и для разных регионов, может быть очень велик. Поэтому при выборе стратегий и инструментов для стимулирования роста производительности важно учитывать специфику структуры экономики регионов, а также современное состояние и динамику последних лет. Для регионов Востока России принципиальной особенностью является их природно-ресурсная специализация⁵. Экспортная ориентация сырьевого сектора и незначительная доля обрабатывающих производств на базе природных ресурсов, несомненно — факторы снижения производительности. Преференциальные режимы для восточных территорий способствовали привлечению инвестиций, однако по ряду причин институционального характера пока не привели к значимому развитию высокотехнологичной переработки и, главное, росту качества жизни⁶. Несмотря на растущие доходы от экспорта, большую часть «эффекта от изменения рыночной конъюнктуры цен поглотили федеральный центр и головные офисы корпораций»⁷.

Для восточных регионов России одним из существенных факторов развития является экономическое взаимодействие с Китаем. Значимость этого фактора важно адекватно оценить, не недооценивая и не переоценивая связанных с ним возможностей. Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из КНР, то их доля в общем объеме ПИИ в РФ к 2022 г. не превышала 1 %, и большая их часть направлялась в минерально-сырьевой комплекс⁸. Однако природно-ресурсный экспорт из России и КНР почти непре-

¹ Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Юревич М.А. Производительность труда в российских компаниях: как содействовать устойчивому росту // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 4 (48). С. 205–217. DOI: 10.31737/2221–2264–2020–48–4–10

² Национальный проект «Производительность труда» // *Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/nacionalnuyu_proekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 10.07.2024).

³ Русановский В.А., Марков В.А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 2(167). С. 36–48; Мельникова Л.В. Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда // *Регион: экономика и социология*. 2024. № 1 (121). С. 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105

⁴ Михеева Н.Н. Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // *Регион: Экономика и Социология*. 2014. № 1 (81). С. 6–28.

⁵ Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: "проклятие" или локомотив развития? Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. 336 с.; Забелина И.А., Клевакина Е.А. Оценка структурных сдвигов в экономике регионов трансграничного взаимодействия РФ и КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 1. С. 36–48.

⁶ Минакир П.А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 3. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007–016

⁷ Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с. С. 74. DOI: 10.36264/978–5–89665–375–2–2023–011–418

⁸ Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2022.

рывно возрастал (незначительным исключением стал «ковидный период»), и устойчивые потоки сырьевых ресурсов из России, несомненно, были важным драйвером развития Китая, особенно сопредельных территорий.

Рост производительности труда в Китае в значительной мере обусловлен последовательной политикой руководства страны, направленной на модернизацию⁹ и поддержку научно-технических инноваций¹⁰.

Целью настоящей работы является сравнительный анализ показателей производительности труда в российских регионах и оценка их динамики за период с 2017 по 2022 г., выявление особенностей восточных регионов в этом контексте. Поскольку в ближайшие годы важную роль в экономической динамике будет играть сотрудничество с КНР, мы проведем сравнительный анализ динамики показателей производительности труда для восточной части Азиатской России (сюда включены все регионы ДФО и Иркутская область) и сопредельных регионов Китая, в том числе для «вторичного сектора», включающего базовые отрасли промышленности для обеих стран. Изучение динамики производительности труда приобретает особую актуальность в силу двух принципиально важных аспектов, характерных для экономики современной России. Первый связан с жесткими ограничениями на рынке труда, вызванными и демографическими процессами, и политическими обстоятельствами. Многочисленные выступления должностных лиц, сообщения бизнеса, публикации в СМИ отмечают беспрецедентно низкий уровень безработицы, который в 2024 г. достиг 2,4 %. В этих условиях неизбежно возникает тенденция роста оплаты труда для привлечения и удержания кадров, соответственно, растут издержки бизнеса и снижается общая эффективность производств. Дефицит трудовых ресурсов является одним из основных лимитирующих факторов для развития страны в настоящее время. Недостаток кадров отмечают примерно 90 % компаний России, в конце 2023 г. общая нехватка персонала оценивалась в 4,8 млн человек¹¹. Второе обстоятельство связано с санкционным давлением, ограничивающим импорт высокотехнологической продукции в Россию. В связи с этим перед промышленностью встают новые и довольно трудные задачи, в том числе в контексте технологического импортозамещения. Поэтому особое внимание в работе уделено исследованию динамики производительности труда в индустриальном секторе.

Методологические аспекты исследования

Исследование выполнено на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата)¹² и Национального бюро статистики Китая¹³ за 2017–2022 гг.¹⁴

№ 2(102). С. 28–47. DOI: 10.24866/2311–2271/2022–2/28–47; Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Трансграничная кооперация на Востоке России: прямые иностранные инвестиции // *Регион: экономика и социология*. 2023. № 2 (118). С. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210

⁹ *Hu Angang*. Modernization with Chinese Characteristics and Great Power. Singapore: Springer, 2023. 201 p. DOI: 10.1007/978–981–99–3397–6

¹⁰ Новоселова Л.В. Современный Китай: смена экономической парадигмы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 10. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131–2227–2022–66–10–24–33

¹¹ Как же без рук: дефицит работников в 2023 году составил 4,8 млн // *Известия*. URL: <https://iz.ru/1624816/mariia-stroiteleva/kak-zhe-bez-ruk-deficit-rabotnikov-v-2023-godu-sostavil-48-mln> (дата обращения: 16.10.2024).

¹² Национальные счета // *Федеральная служба статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; Регионы России. Социально-экономические показатели // *Федеральная служба статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.07.2024).

¹³ National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/> (дата обращения: 05.07.2024)

¹⁴ Ввиду неполноты статистической информации по численности занятых в регионах Северо-Востока КНР оценка производительности труда в них была выполнена за период с 2020 по 2022 г.

Для оценки производительности труда в промышленном (вторичном) секторе экономики из-за различий статистики РФ и КНР данные Росстата были сгруппированы по следующим видам деятельности: «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» и «Строительство». Это практически соответствует составу «вторичного сектора» экономики КНР.

Оценка динамики производительности труда в России может быть выполнена с использованием как рассчитываемого Росстатом¹⁵ индекса производительности труда по экономике, учитывающего изменение ВРП и совокупных затрат труда, так и рассчитанного нами показателя производительности труда, определяемого как отношение объема валовой добавленной стоимости к среднегодовой численности занятых. Второй подход часто используется в региональных исследованиях¹⁶ и позволяет сделать межстрановые сопоставления. Для учета региональных различий покупательной способности рубля использована методика переоценки ВРП А.Г. Гранберга и Ю.С. Зайцевой¹⁷.

Межстрановые и межрегиональные сопоставления производительности труда в России и Китае выполнены на основе вышеупомянутого второго подхода с использованием официального курса валют на начало базового периода (2017), публикуемого Центральным Банком РФ¹⁸, и национальных индексов физического объема ВВП/ВРП.

Динамика производительности труда в регионах РФ

На основе сравнительного анализа динамики производительности труда с использованием индекса, учитывающего изменение совокупных затрат труда, Н.Н. Михеева выделила три группы регионов с наиболее существенным ростом производительности в период 2007–2012 гг.¹⁹:

- регионы с диверсифицированной структурой экономики и регионы, где преобладают обрабатывающие производства (Калужская, Белгородская, Брянская, Ленинградская, Свердловская, Московская области, Республики Марий Эл, Башкортостан и Татарстан);

- регионы с низким базовым уровнем производительности труда (Республики Дагестан и Адыгея);

¹⁵ Эффективность экономики России // *Федеральная служба статистики*.

URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008–2022\(06102023\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008–2022(06102023).xlsx) (дата обращения: 24.06.2024).

¹⁶ Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // *ЭКО*. 2015. № 12 (498). С. 93–107; Мельникова Л.В. Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда // *Регион: экономика и социология*. 2024. № 1 (121). С. 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105; Михеева Н.Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // *Регион: Экономика и Социология*. 2015. № 2(86). С. 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605; Русановский В.А., Марков В.А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 2 (167). С. 36–48.

¹⁷ Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С. Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика. М.: СОПС, 2003. 117 с.

¹⁸ Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно // *Банк России*. URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/ (дата обращения: 05.07.2024).

¹⁹ Михеева Н.Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // *Регион: Экономика и Социология*. 2015. № 2 (86). С. 86–112.

- природно-ресурсные регионы, в которых вводились крупные мощности (Забайкальский край, Амурская и Иркутская области, Еврейская АО).

Поскольку информация Росстата по индексу производительности труда в регионах в настоящее время ограничена 2021 г., анализ ее динамики выполнен за период с 2017 по 2021 г. Расчеты показали, что за этот период в 30 субъектах Федерации рост показателя был ниже среднего по стране 9,04 %, в 45 из 83 превышал общероссийское значение, при этом в 26 субъектах рост составил от 9 до 15 %, а в 19 — более 15 %. В восьми субъектах наблюдалось снижение показателя (рис. 1). В числе последних оказались и нефтегазовые территории — Ханты-Мансийский АО (показатель снизился на 0,4 %) и Ненецкий АО, в котором отмечалось максимальное снижение производительности (на 7,75 %) по отношению к 2017 г. В отдельные годы рассматриваемого периода добывающий сектор, доминирующий в структуре экономики этих регионов, демонстрировал отрицательную динамику. В 2019–2020 гг. в Красноярском крае объем добавленной стоимости, создаваемый добывающей и обрабатывающей промышленностью, существенно снизился, что обусловило снижение производительности на 1,79 %.

Рис. 1. Изменение производительности труда в регионах РФ за 2017–2021 гг.

Figure 1. Changes in Labor Productivity in the Regions of the Russian Federation, 2017–2021

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service].

Почти все дальневосточные территории, за исключением Сахалинской области (6,79 %) оказались в группе большинства, с ростом выше 9 %. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в Амурской и Магаданской областях (29,91 и 25,05 % соответственно), Забайкальском и Приморском краях (20,38 и 20,24 %), в Республике Бурятия (20,81 %).

В 2017–2022 гг. многие упомянутые выше регионы, характеризующиеся высокими темпами роста производительности труда в 2007–2012 гг., их сохранили. Исключением стали Республика Дагестан и ряд регионов, имеющих диверсифицированную экономику. Анализ динамики развития ведущих отраслей промышленности показал, что в период влияния «ковидного» шока (2020) обрабатывающие производства демонстрировали отрицательную динамику в Республике Башкортостан и Свердловской области, а сельскохозяйственная отрасль — в Белгородской области и Республике Мари Эл. В послед-

ней отмечалось также устойчивое снижение в 2018–2021 гг. ВРП, создаваемого обрабатывающей отраслью промышленности.

Производительность труда в регионах России

Далее проанализируем результаты расчетов производительности труда, выполненных для национальной и региональных экономик за 2017–2022 гг. на основе данных по ВРП и численности занятых. В большинстве российских регионов производительность труда в целом по экономике оказалась ниже общероссийского значения — 1 230,93 тыс. руб./чел. в 2022 г. (рис. 2). Наиболее высокие значения — у территорий с сырьевой направленностью хозяйственных систем. В тройке лидеров — нефтегазовые Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, где объем валовой добавленной стоимости (ВДС) в расчете на одного занятого в 2,27–4,86 раза выше, чем в целом по РФ.

Как позитивный аспект, следует выделить опережающий по сравнению со среднероссийскими темпами рост производительности труда в большинстве рассматриваемых восточных регионов (рис. 1). Однако также стоит отметить, что во многих из них к 2022 г. она еще оставалась ниже, чем в среднем в стране (рис. 2).

Рис. 2. Производительность труда в регионах РФ в 2022 г. и ее изменение за 2017–2022 гг.; общероссийское значение — 1 230,93 тыс. руб./чел.

Figure 2. Labor Productivity in the Russian regions in 2022 and Its Change in 2017–2022; National Value — 1 230,93 Thousand Rubles/Person

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service].

Во всех восточных регионах (за исключением Сахалинской области) в рассматриваемый период отмечался положительный экономический рост, что соответствует общенациональной тенденции. В то же время во многих из них наблюдается более значительное снижение численности занятых, чем в целом в РФ (рис. 3).

В Республиках Бурятия и Саха (Якутия), Амурской, Иркутской и Магаданской областях, Забайкальском и Приморском краях темпы роста реального ВРП превышали общероссийские — 9,93 % за 2017–2022 гг. Незначительное увеличение среднегодовой численности занятых наблюдалась только в Иркутской области (0,24 %) и в Якутии (3,47 %).

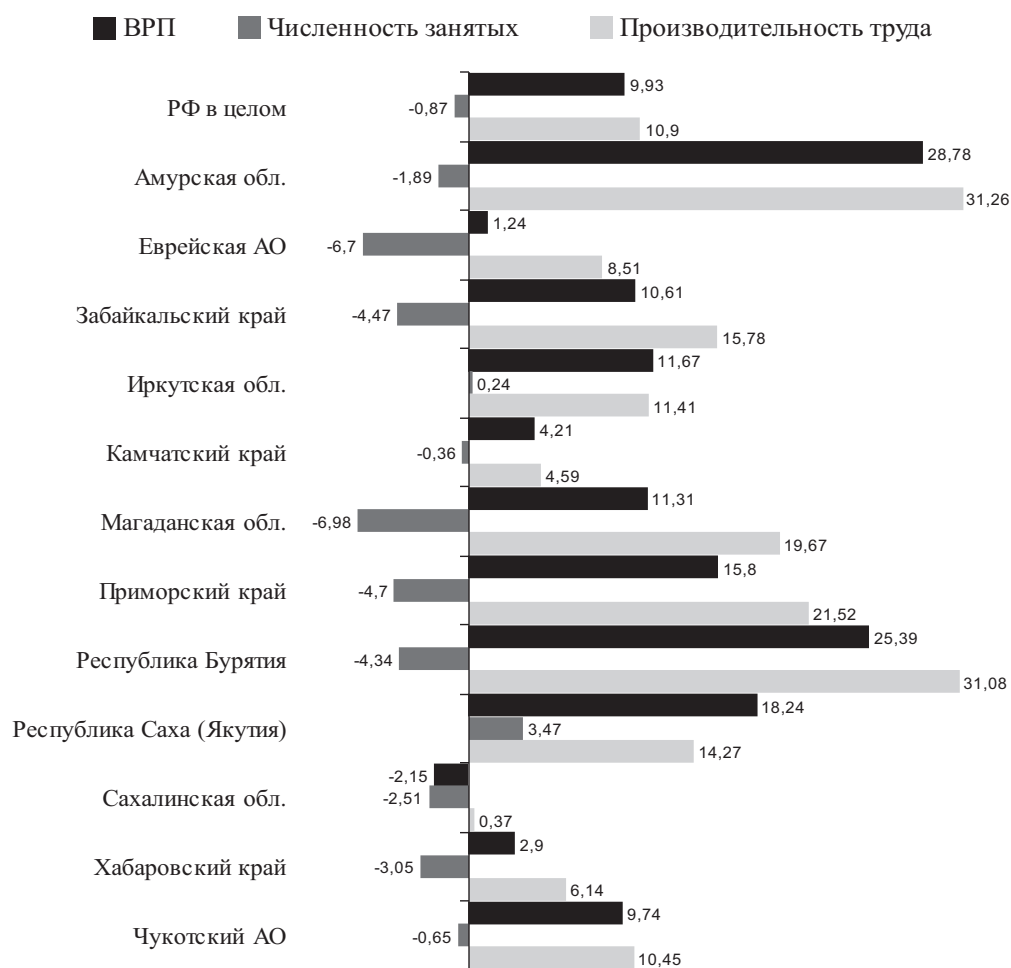

Рис. 3. Изменения ВРП, среднегодовой численности занятых и производительности труда в целом по экономике в регионах Востока РФ, 2017–2022 гг., %

Figure 3. Changes in GRP, the Average Annual Number of Employees and Labor Productivity in the Economy as a Whole in the Eastern Regions of Russia, 2017–2022, %

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service].

Сравнительный анализ показал, что только в пяти субъектах (Иркутская, Сахалинская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия), Чукотский АО) объем добавленной стоимости, приходящийся на одного занятого в экономике, превышал общероссийский показатель (рис. 4).

Во всех приграничных регионах производительность труда в 2022 г. оставалась ниже, чем в среднем в стране, и не превышала 969 тыс. руб./чел. За рассматриваемый период ее снижение отмечалось только в семи российских регионах (Воронежская, Калужская, Волгоградская, Томская области, Республики Ингушетия, Карелия и Тыва), негативную роль сыграли, в частности, санкции 2022 г. Однако в 2017–2022 гг. на востоке страны динамика производительности была положительной: менее всего показатель увеличился в Сахалинской области (на 0,37 % по отношению к 2017 г.), а более всего — в Приморском крае, Амурской области и Республике Бурятия (более 20 %).

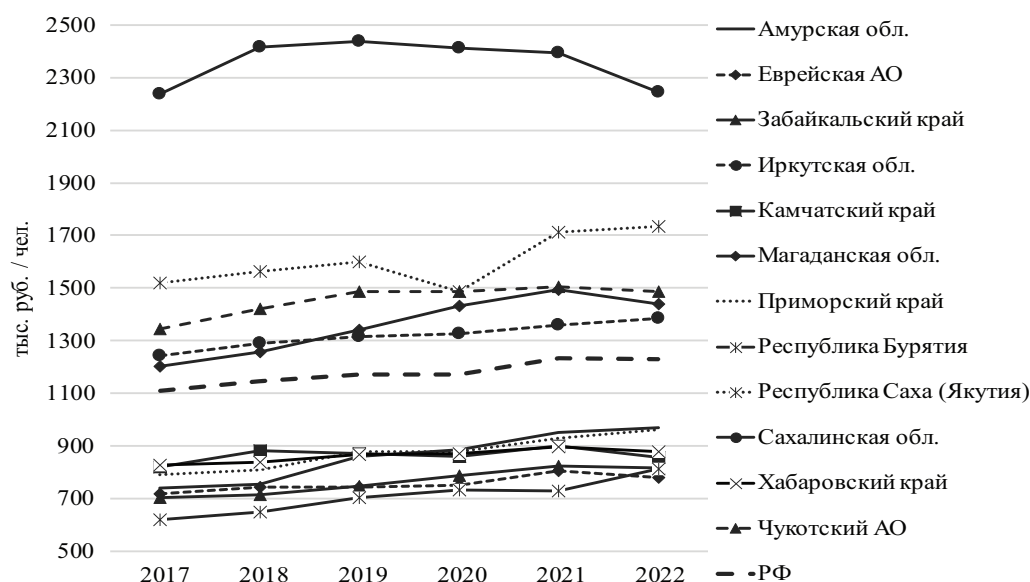

Рис. 4. Динамика производительности труда в регионах Востока России, 2017–2022 гг.

Figure 4. Dynamics of Labor Productivity in Eastern Region of Russia, 2017–2022

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service].

Производительность труда в регионах Востока России и Северо-Востока КНР: сравнительный анализ

Для многих восточных регионов России Китай остается значимым партнером²⁰. По данным Минвостокразвития РФ в настоящее время на созданных в дальневосточном макрорегионе преференциальных территориях реализуется 53 проекта с участием китайского капитала, накопленные инвестиции составили 816 млрд рублей²¹. В этой связи важным аспектом данной работы является сравнительный анализ производительности труда в сопредельных государствах и регионах, вовлеченных в процессы трансграничного взаимодействия.

Из представленных на рисунке 5 данных видно, что в 2017 г. производительность труда в сопоставимых ценах 2017 г. (с учетом текущих курсов валют) в КНР была ниже, чем в РФ — 964,67 против 1 100,0 тыс. руб./чел. Однако в 2022 г. Китай, где этот показатель рос быстрыми темпами на протяжении всего рассматриваемого периода, превзошел Россию по объему валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого.

²⁰ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 5 (539). С. 27–47. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-5-27-47; Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3; Забелина И.А. Оценка социо-эколого-экономического благополучия регионов востока России с использованием расширенной функции А. Сена // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 2. С. 398–412. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-7; Макеева С.Б. Региональное развитие провинции Ляонин и партнерское сотрудничество с Россией (1990-е гг. — настоящее время) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 75–88. DOI: 10.31857/S013128120020452-8

²¹ Китай вложил более 800 млрд рублей в проекты префрежимов ДФО // Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52803870-kitay-vlozhil-bolee-800-mlrd-rubley-v-proekty-prefrezhimov-dfo> (дата обращения: 05.07.2024).

Это стало результатом китайской политики новой индустриализации²², целенаправленного стимулирования технологических инноваций²³.

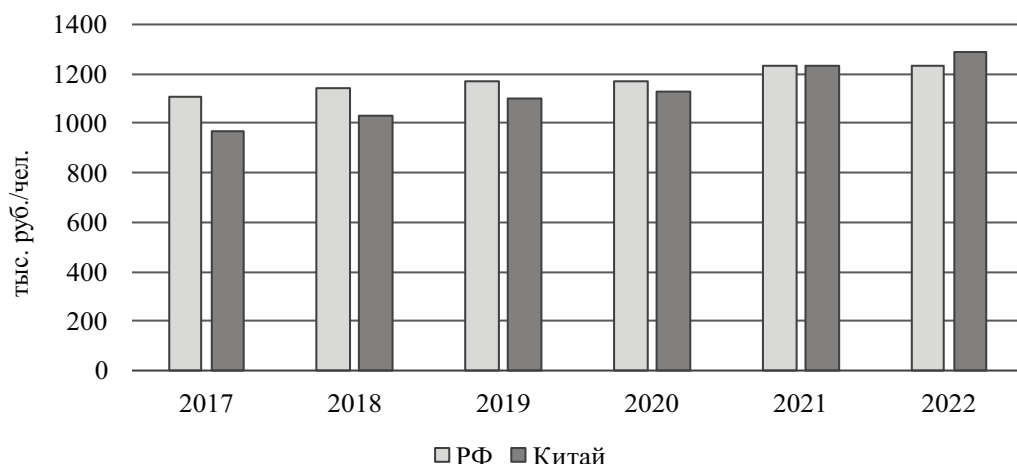

Рис. 5. Производительность труда в экономике в России и Китае, 2017–2022 гг.
Figure 5. Labor Productivity in the Economy as a Whole in Russia and China, 2017–2022

Источник рисунков 5–9: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Центрального банка Российской Федерации [The Central Bank of the Russian Federation].

В то же время надо отметить, что положительная динамика производительности труда в КНР сопровождалась существенным увеличением объема добавленной стоимости и снижением численности занятых в экономике (рис. 6).

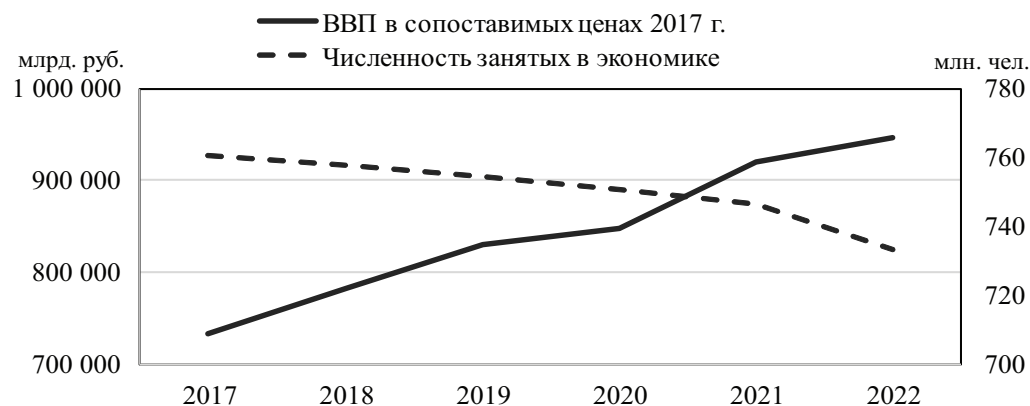

Рис. 6. Динамика ВВП и численности занятых в экономике Китая, 2017–2022 гг.
Figure 6. Dynamics of GDP and Number of Employees in China, 2017–2022

Анализ динамики ВРП, приведенного к сопоставимым ценам 2017 г., показал, что в период 2020–2022 гг. во всех китайских регионах наблюдался положительный эко-

²² Лемутов В.А. От «мировой фабрики» к технологической державе: готов ли Китай к глобальному лидерству в инновациях? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 1. С. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120024377-5

²³ Островский А.В. Экономика КНР: новые горизонты развития в 14 й пятилетке (2021–2025 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 41–54. DOI: 10.31857/S013128120025334-8

номический рост, наиболее существенный прирост добавленной стоимости был во Внутренней Монголии и провинции Хэйлунцзян — 10,76 % и 8,96 % соответственно. Численность занятых в экономике за этот период снизилась во всех рассматриваемых китайских регионах (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

ВРП, численность занятых и производительность труда
в регионах Северо-Востока КНР в 2020 и 2022 гг. и их изменение
GRP, Number of Employees and Labor Productivity
in Chinese Regions in 2020 and 2022 and Their Changes

Страна/Регион	ВРП в сопоставимых ценах 2017 г. и его изменение (млрд руб., %)			Численность занятых и ее изменение (млн чел., %)			Производительность труда и ее изменение (тыс. руб./чел., %)		
	2020	2022	Изме- нение	2020	2022	Изме- нение	2020	2022	Изме- нение
Экономика в целом									
Внутренняя Монголия	15 754,00	17 450,96	10,76	12,42	11,9	-4,19	1 268,44	1 466,47	15,60
Ляонин	23 157,71	25 015,38	8,02	22,31	21,22	-4,89	1 038,00	1 178,86	13,57
Цзилинь	14 525,08	15 189,55	4,57	12,61	11,85	-6,03	1 151,87	1 281,82	11,28
Хэйлунцзян	15 452,15	16 837,39	8,96	14,73	13,51	-8,28	1 049,03	1 246,29	18,80
Вторичный сектор экономики									
Внутренняя Монголия	6 331,99	7 154,93	13,00	2,11	2,06	-2,37	3 000,94	3 473,27	15,74
Ляонин	9 375,37	9 759,36	4,10	4,96	4,64	-6,45	1 890,20	2 103,31	11,27
Цзилинь	6 960,56	6 935,85	-0,35	1,84	1,71	-7,07	3 782,91	4 056,05	7,22
Хэйлунцзян	3 852,27	4 081,29	5,95	2,4	2,04	-15,00	1 605,11	2 000,63	24,64

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Центрального банка Российской Федерации [The Central Bank of the Russian Federation].

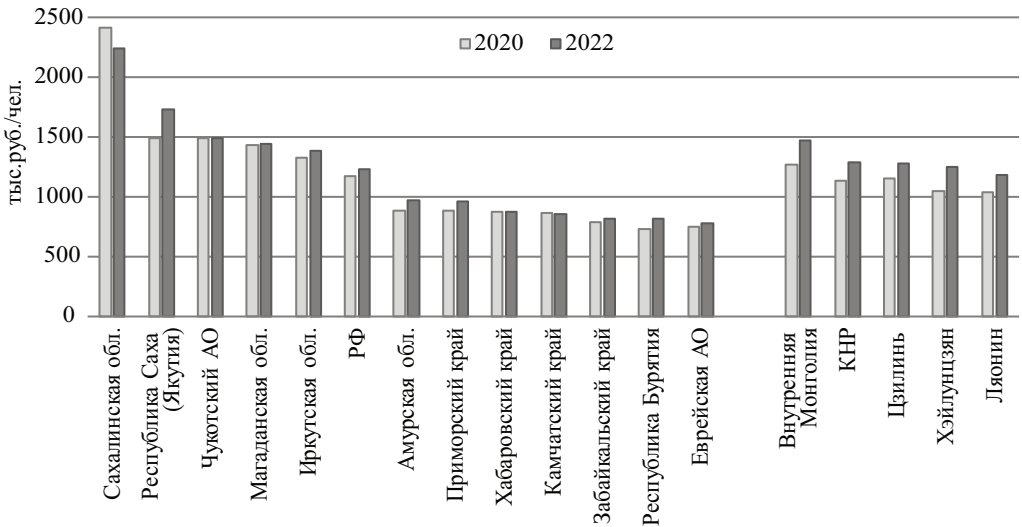

Рис. 7. Производительность труда по экономике в целом
в регионах Востока России и Северо-Востока КНР, 2020–2022 гг.

Figure 7. Labor Productivity in the Economy as a Whole
in the Eastern Regions of Russia and Northeastern Regions of China, 2020–2022

Расчеты показали, что китайские регионы в меньшей степени дифференцированы по уровню производительности труда (рис. 7). В 2022 г. значение показателя в них варьировалось от 1 178,86 до 1 466,47 тыс. руб./чел., что заметно выше, чем в большинстве регионов Востока РФ. В период 2020–2022 гг. среди российских территорий выделяется только Якутия, в которой показатель значительно увеличился — на 16,64 %. В остальных регионах и стране в целом скорость роста производительности труда была ниже, чем на сопредельных территориях; на Чукотке показатель фактически не изменился, а на Сахалине и Камчатке наблюдалась отрицательная динамика. За этот же период производительность труда в Китае и его регионах заметно выросла — на 11,28–18,80 %.

В число ключевых приоритетов экономического развития дальневосточного макрорегиона входит диверсификация хозяйственных систем регионов, связанная в т.ч. с развитием обрабатывающих производств и переходом на глубокую переработку добываемых сырьевых ресурсов²⁴. Поэтому далее проанализируем производительность труда во вторичном секторе экономики, включающем промышленность и строительную отрасль. Вторичный сектор занимает существенную долю в структуре валовой добавленной стоимости и занятости в обеих странах: в 2022 г. в каждой из них на этот сектор приходилось около 40 % ВВП и 30 % общей численности занятых.

Из представленных в таблице 2 и на рисунке 8 данных видно, что в России и Китае, а также во многих регионах производительность труда во вторичном секторе более чем на 30 % выше, чем в целом по экономике. Темпы роста этого показателя в Китае в период с 2017 по 2022 гг. были примерно втрое выше, чем в России. В 2017 г. производительность труда в России была выше, чем в КНР на 15,06 % в целом по экономике и на 10,11 % — во вторичном (индустриальном) секторе. Но уже в 2022 г. Китай опережает Россию на 4,88 % и 8,41 % соответственно, что обусловлено опережающим ростом вклада данного сектора в экономический результат: в КНР он увеличился на 28,35 %, а в РФ — на 10,98 % по отношению к 2017 г. Кроме того, численность занятого населения во вторичном секторе китайской экономики за анализируемый временной интервал сократилась на 3,02%, тогда как в России она фактически не изменилась.

Таблица 2 / Table 2

Производительность труда и ее изменение в РФ и КНР в 2017–2022 гг. (тыс. руб./чел., %)
 Labor Productivity and Its Changes in Russia and China in 2017–2022
 (Thousand Rubles/Person, %)

Производительность труда	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Изменение, 2017–2022
КНР							
Экономика в целом	964,67	1 033,05	1 099,90	1 129,83	1 231,50	1 290,94	33,82
Вторичный сектор	1 343,61	1 448,56	1 528,27	1 544,01	1 665,28	1 778,27	32,35
РФ							
Экономика в целом	1 110,00	1 145,56	1 172,03	1 171,20	1 234,16	1 230,93	10,90
Вторичный сектор	1 479,46	1 533,28	1 572,97	1 579,17	1 632,86	1 640,37	10,88

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Центрального банка Российской Федерации [The Central Bank of the Russian Federation].

В 2020–2022 гг. межрегиональные соотношения по производительности труда во вторичном секторе были следующими (рис. 8): Сахалинская область, обладающая совре-

²⁴ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: офиц. сайт. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 05.07.2024).

менной нефтегазовой индустрией, сохранила лидерство по уровню производительности. Состав группы регионов, в которых объем добавленной стоимости в расчете на одного занятого превышал общероссийский уровень, не изменился.

В 2020–2022 гг. в китайских регионах, за исключением провинции Цзилинь, объем добавленной стоимости, создаваемый во вторичном секторе экономики, заметно вырос — на 4–13 % (рис. 9). При этом на всех территориях наблюдалось снижение численности занятого в этом секторе населения, наиболее существенное — в провинции Хэйлунцзян (на 15 % по отношению к 2020 г.).

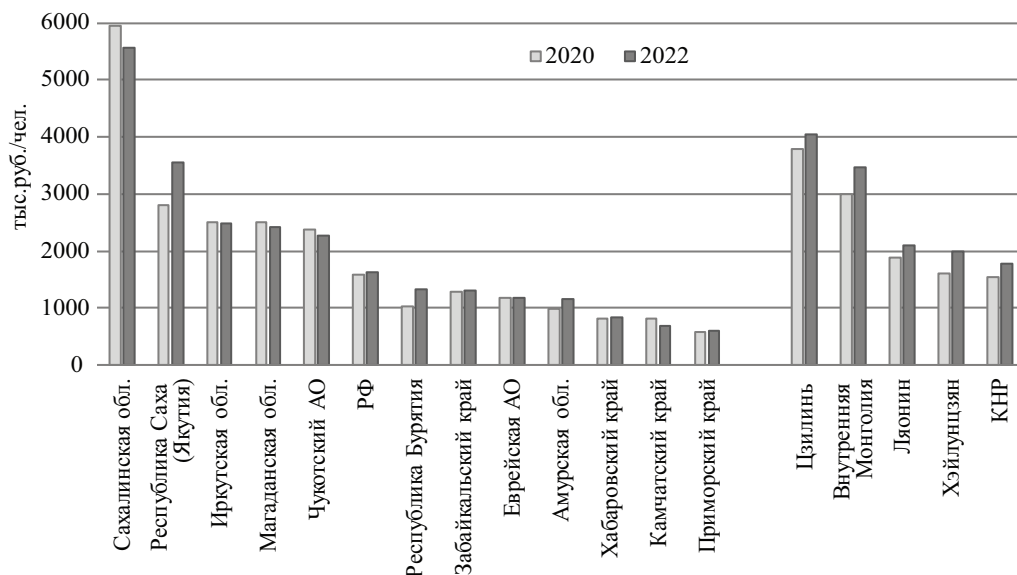

Рис. 8. Производительность труда во вторичном секторе экономики в регионах Востока России и Северо-Востока КНР, 2020–2022 гг.

Figure 8. Labor Productivity in the Industrial Sector in the Eastern Regions of Russia and Northeastern Regions of China, 2020–2022

По уровню производительности труда выделяется провинция Цзилинь, превосходя общенациональное значение показателя в 2,3 раза. Этот регион активно наращивает товарооборот с Россией, демонстрируя в 2023 г. высокие темпы экономического роста²⁵. Также стоит упомянуть провинцию Хэйлунцзян, в которой производительность труда во вторичном секторе экономики в 2020–2022 гг. заметно увеличилась — на 24,64 %. В последние годы структура экономики данного региона претерпела значительные трансформации: осуществляется реформирование традиционных отраслей хозяйствования, активно развиваются наукоемкие производства, сельскохозяйственная отрасль и расширяется сфера услуг²⁶.

* * *

В статье представлены результаты анализа динамики и пространственной дифференциации производительности труда в регионах России и Китая, выполненного на основе данных Росстата, Национального бюро статистики Китая и Центрального Банка РФ.

²⁵ Китайская провинция обошла Пекин по ВРП благодаря близости к Приморью // РБК. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/64c1f4629a794780e34a92eb> (дата обращения: 09.07.2024).

²⁶ Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 31–50.

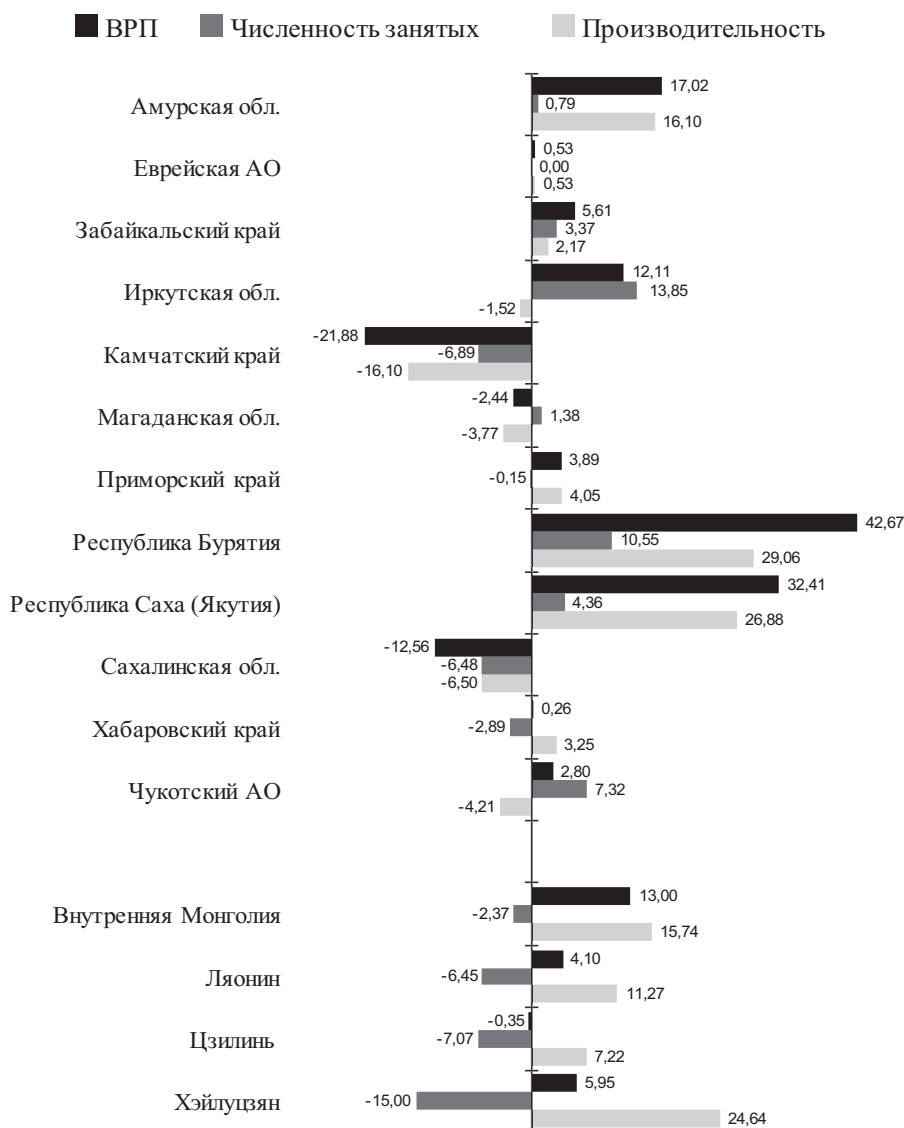

Рис. 9. Изменения ВРП, среднегодовой численности занятых и производительности труда во вторичном секторе экономики в регионах Востока РФ и Северо-Востока КНР, 2020–2022 гг., %

Figure 9. Changes in GRP, Average Annual Number of Employees and Labor Productivity in the Industrial Sector in the Eastern Regions of Russia and Northeastern Regions of China, 2020–2022, %

В большинстве российских регионов производительность труда в целом по экономике в 2022 г. была ниже общероссийского значения, в том числе в приграничных территориях дальневосточного макрорегиона. Исследование динамики производительности труда показало, что в период с 2017 по 2022 гг. только в семи российских регионах, расположенных преимущественно в европейской части страны, наблюдалось снижение объема добавленной стоимости в расчете на одного занятого. Она выше в регионах с минерально-сырьевой специализацией. В целом по экономике в восточных регионах производительность труда росла с 2017 по 2022 гг. быстрее, чем в среднем в РФ. Однако, несмотр-

ря на относительно высокие темпы роста, в приграничных регионах на востоке страны в 2022 г. она была все еще ниже среднероссийской. В КНР в 2017 г. средняя производительность труда была ниже, чем в Российской Федерации. Однако в Китае она росла быстрее, и к 2022 г. уже была выше, чем в России.

В индустриальном секторе, который в КНР называют «вторичным», мы видим еще более существенные различия. Промышленный сектор как в России, так и в Китае, а также в большинстве рассматриваемых регионов в 2020–2022 гг. показывал более высокий уровень производительности труда. В северо-восточных китайских провинциях — Цилинь, Хэйлунцзян, Ляонин и Внутренней Монголии — она выше, чем в китайской экономике в целом. В северо-восточных российских регионах, в индустриальной Иркутской и нефтегазовой Сахалинской областях производительность труда или вполне сопоставима, или превышает значения этого показателя в сопредельных провинциях и в среднем в Китае. Это относится и к экономике в целом, и к вторичному сектору. В приграничных субъектах Востока РФ абсолютные показатели производительности значительно уступают китайским, хотя в 2020–2022 гг. она несколько выросла, несмотря на шоки в ковидный период и санкции 2022 г. Тем не менее, темпы роста были намного ниже, чем в сопредельных провинциях КНР. Вряд ли это можно объяснить только санкциями, потому что такое соотношение наблюдалось уже в 2020 г.

Стоит отметить, что Внутренняя Монголия — безусловный бенефициар сырьевого экспорта из РФ в Китай — по показателю производительности обгоняет КНР в целом. В этой провинции в 2020–2022 гг. мы видим самый быстрый на северо-востоке страны рост ВРП (13 %). Наибольшее увеличение производительности труда — в провинции Хэйлунцзян (24,64 %). В то же время надо отметить, что в северо-восточных провинциях сокращение числа занятых в экономике шло более быстрыми темпами, чем в целом в Китае.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время приграничные регионы, несмотря на географические преимущества для сотрудничества и масштабный экспорт в КНР, проигрывают сопредельным китайским провинциям в конкуренции по эффективности своих экономических систем. В научной литературе уже неоднократно отмечалось, что усилия, которые были предприняты в последние два десятилетия для получения взаимных выгод от сотрудничества в долгосрочном плане, в том числе в рамках «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)»²⁷, дали в некотором смысле «асимметричные» результаты. В 2024 г. уже можно утверждать: в определенной степени реализовались опасения, что это будет консервировать отставание российского приграничья не только от российских, но и от сопредельных китайских регионов и приведет к (дальнейшему) проигрышу им в межрегиональной конкуренции²⁸.

Авторы полагают, что преждевременно было бы отрицать целесообразность дальнейшего развития и укрепления экономических отношений с КНР, где динамично идет модернизация технологической основы многих производств²⁹, и поэтому можно

²⁷ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики // *Торговое представительство России в Китае*. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf?ysclid=m2bfgsi13s585530459 (дата обращения: 09.07.2024).

²⁸ Глазырина И.П., Калгина И.С., Лавлинский С.М. Проблемы освоения минерально-сырьевой базы востока России и перспективы модернизации региональной экономики в условиях сотрудничества с КНР // *Регион: экономика и социология*. 2012. № 4. С. 202–220.

²⁹ Акимов А.В. Динамика физического объема промышленного производства в КНР в 2010–2022 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 61–72. DOI: 10.31857/S0131281224020054; Борох О.Н., Ломанов А.В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 1. С. 31–47. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-31-47

рассчитывать на «перелив технологий». Но важно направить собственные усилия на повышение эффективности региональных экономических систем восточных территорий России, и здесь вряд ли можно полагаться на российско-китайские отношения. Экономические цели КНР и России далеко не всегда совпадают, как мы уже видели в последние два десятилетия. Данная работа может быть дополнительным аргументом в пользу нового понимания тезиса о «повороте на восток»: необходимо поставить задачу расширения горизонтальных экономических связей и кооперации в Азиатской России³⁰, с приоритетом роста социальной ценности в процессах развития³¹.

Литература

- Акимов А.В. Динамика физического объема промышленного производства в КНР в 2010–2022 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 2. С. 61–72. DOI: 10.31857/S0131281224020054
- Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // *ЭКО*. 2019. № 5 (539). С. 27–47. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–5–27–47
- Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3
- Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: "проклятие" или локомотив развития? Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. 336 с.
- Борох О.Н., Ломанов А.В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 1. С. 31–47. DOI: 10.20542/0131–2227–2024–68–1–31–47
- Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // *ЭКО*. 2015. № 12 (498). С. 93–107
- Глазырина И.П., Калгина И.С., Лавлинский С.М. Проблемы освоения минерально-сырьевой базы востока России и перспективы модернизации региональной экономики в условиях сотрудничества с КНР // *Регион: экономика и социология*. 2012. № 4. С. 202–220.
- Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Трансграничная кооперация на Востоке России: прямые иностранные инвестиции // *Регион: экономика и социология*. 2023. № 2 (118). С. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210
- Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С. Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика. М.: СОПС, 2003. 117 с.
- Забелина И.А. Оценка социо-эколого-экономического благополучия регионов востока России с использованием расширенной функции А. Сена // *Экономика региона*. 2022. Т. 18. № 2. С. 398–412. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022–2–7
- Забелина И.А., Клевакина Е.А. Оценка структурных сдвигов в экономике регионов трансграничного взаимодействия РФ и КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 1. С. 36–48.
- Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2022. № 2 (102). С. 28–47. DOI: 10.24866/2311–2271/2022–2/28–47
- Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 4. С. 31–50.
- Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // *Российский экономический журнал*. 2022. № 5. С. 22–40. DOI: 10.33983/0130–9757–2022–5–22–40

³⁰ Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с. DOI: 10.36264/978–5–89665–375–2–2023–011–418; Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / Под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 502 с.

³¹ Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // *Российский экономический журнал*. 2022. № 5. С. 22–40. DOI: 10.33983/0130–9757–2022–5–22–40

- Лемутов В.А. От «мировой фабрики» к технологической державе: готов ли Китай к глобальному лидерству в инновациях? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 1. С. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120024377–5
- Макеева С.Б. Региональное развитие провинции Ляонин и партнерское сотрудничество с Россией (1990 е гг. — настоящее время) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 75–88. DOI: 10.31857/S013128120020452–8
- Мельникова Л.В. Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда // *Регион: экономика и социология*. 2024. № 1 (121). С. 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105
- Минакир П.А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 3. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007–016
- Михеева Н.Н. Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // *Регион: Экономика и Социология*. 2014. № 1(81). С. 6–28.
- Михеева Н.Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // *Регион: Экономика и Социология*. 2015. № 2(86). С. 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605
- Новоселова Л.В. Современный Китай: смена экономической парадигмы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 10. С. 24–33 DOI: 10.20542/0131–2227–2022–66–10–24–33
- Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с. DOI: 10.36264/978–5–89665–375–2–2023–011–418
- Островский А.В. Экономика КНР: новые горизонты развития в 14 й пятилетке (2021–2025 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 41–54. DOI: 10.31857/S013128120025334–8
- Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / Под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 502 с.
- Русановский В.А., Марков В.А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 2 (167). С. 36–48.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Юревич М.А. Производительность труда в российских компаниях: как содействовать устойчивому росту // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 4 (48). С. 205–217. DOI: 10.31737/2221–2264–2020–48–4–10
- Hu Angang. Modernization with Chinese Characteristics and Great Power. Singapore: Springer, 2023. 201 p. DOI: 10.1007/978–981–99–3397–6

Labor Productivity in the Regions of Eastern Russia and Northeastern China

Irina P. Glazyrina

Dr.Sc. (Economics), Chief Researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 16a, Nedoresov Str., Chita, 672014, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–5042–0770. E-mail: iglazyrina@bk.ru

Irina A. Zabelina

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 16a, Nedoresov Str., Chita, 672014, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–4464–2593. E-mail: i_zabelina@mail.ru

Larisa M. Faleychik

Ph.D. (Technical), Senior Researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 16a, Nedoresov Str., Chita, 672014, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–2963–1992. E-mail: lfaleychik@bk.ru

Received 09.08.2024.

Abstract:

Based on data from Federal State Statistics Service, the National Bureau of Statistics of China and the Central Bank of the Russian Federation, an analysis of the dynamics and spatial differentiation of labor productivity in the regions of Russia and China was carried out. It was found that in most Russian regions labor productivity in the economy as a whole in 2022 was lower than the national value. Among the subjects with high values of the indicator, territories with a raw materials-based economic systems predominate. It was revealed that for 2017–2022 only in seven Russian regions, located mainly in the European part of the country, there was a decrease in the volume of added value per employee. All Far Eastern territories were characterized by positive dynamics of

the indicator. Special attention is paid to the cross-country comparison and analysis of the level of labor productivity in neighboring Russian and Chinese regions involved in the processes of cross-border cooperation. The calculation results indicate that in 2017, labor productivity in the Chinese economy was lower than in the Russian one. However, in 2022, China, where this indicator grew rapidly in 2017–2022, surpassed Russia in production of gross value added per person employed in the economy. It was found that in 2022, labor productivity in the neighboring regions of China was significantly higher than in most regions of the East of the Russian Federation. It is shown that in Russia and China, as well as in most of the analyzed regions, labor productivity in the industrial sector is higher than in the economy as a whole.

Key words:

Economic development, labor productivity, economic shocks, Russia, China, Eastern regions of Russia.

Funding sources:

The article was carried out within the framework of the state task of the INREC SB RAS, project No. 121032200126–6.

For citation:

Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Faleychik L.M. Labor Productivity in the Regions of Eastern Russia and Northeastern China // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 109–126.
DOI: 10.31857/S0131281224050086.

References

- Akimov A.V. Dinamika fizicheskogo ob'ema promyshlennogo proizvodstva v KNR v 2010–2022 gg. [Dynamics of the Physical Volume of Industrial Production in China in 2010–2022]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 2. S. 61–72. DOI: 10.31857/S0131281224020054. (In Russ.)
- Antonova N.E. Lesnoj kompleks Dal'nego Vostoka: est' li zadel pod budushhee razvitiye? [Forest complex of the far east: is there groundwork for future development?]. *ECO*. 2019. No. 5 (539). S. 27–47. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–5–27–47. (In Russ.)
- Antonova N.E., Lomakina N.V. Prirodno-resursnye otrasli Dal'nego Vostoka: novye faktory razvitiya [Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2018. Vol. 11. No. 1. S. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3. (In Russ.)
- Antonova N.E., Lomakina N.V., Faiman A.D. Prirodno-resursnyj sektor Dal'nego Vostoka Rossii: "prokljatie" ili lokomotiv razvitiya [The natural resources sector in the Russian Far East: a curse or a driver of development?]. *Habarovsk: IEI DVO RAN*, 2022. 336 s. (In Russ.)
- Borokh O.N., Lomanov A.V. Modernizacija kitajskogo tipa: jevoljucija koncepcii [Chinese-Style Modernization: Evolution of the Concept]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2024. Vol. 68. No. 1. S. 31–47. DOI: 10.20542/0131–2227–2024–68–1–31–47. (In Russ.)
- Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. Transgranichnaja kooperacija na Vostoke Rossii: prjamye inostrannye investicii [Cross-border cooperation in the east of Russia: foreign direct investment]. *Region: jekonomika i sociologija*. 2023. No. 2 (118). S. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210. (In Russ.)
- Glazyrina I.P., Kalgina I.S., Lavlinsky S.M. Problemy osvoenija mineral'no-syr'evoj bazy vostoka Rossii i perspektivy modernizacii regional'noj jekonomiki v uslovijah sotrudnichestva s KNR [Problems in development of the mineral resources base in the eastern part of Russia and perspectives of modernizing the regional economy in the context of its cooperation with China]. *Region: jekonomika i sociologija*. 2012. No. 4. S. 202–220. (In Russ.)
- Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Klevakina E.A., Bogomolova T.Yu. Eshhe raz o «vostochnom vektore»: proizvoditel'nost' truda v prigranichnyh regionalah Sibiri i Dal'nego Vostoka ["Eastern vector" revisited: productivity in the border regions of Siberia and the Far East]. *ECO*. 2015. No. 12 (498). S. 93–107. (In Russ.)
- Granberg A.G., Zaitseva Yu.S. Valovoj regional'nyj produkt: mezhregional'nye sravnenija i dinamika [Gross Regional Product: Interregional Comparisons and Dynamics]. M.: SOPS, 2003. 117 s. (In Russ.)
- Hu Angang. Modernization with Chinese Characteristics and Great Power. Singapore: Springer, 2023. 201 p. DOI: 10.1007/978–981–99–3397–6
- Izotov D.A. Integracija rossijskoj jekonomiki so stranami ATR: vozmozhnosti i riski [Integration of the Russian economy with the Asia-Pacific countries: opportunities and risks]. *Izvestija Dal'nevostochn-*

- nogo federal'nogo universiteta. *Jekonomika i upravlenie*. 2022. No. 2 (102). S. 28–47. DOI: 10.24866/2311–2271/2022–2/28–47. (In Russ.)
- Izotov D.A. Jekonomika provincii Hjejlungdzjan: perspektivy razvitiya v kontekste realizacii celevyh programm [Economy of Heilongjiang province: development prospects in the context of implementation of the target programs]. *Regionalistika*. 2015. Vol. 2. No. 4. S. 31–50. (In Russ.)
- Kryukov V.A., Seliverstov V.E. Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu staryh illuzij [Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: captured to old illusions]. *Rossiiskij jekonomicheskij zhurnal*. 2022. No. 5. S. 22–40. DOI: 10.33983/0130–9757–2022–5–22–40. (In Russ.)
- Lemutov V.A. Ot «mirovoj fabрики» k tehnologicheskoy derzhave: gotov li Kitaj k global'nomu liderstvu v innovacijah? [From “World Factory” to Technological Superpower: is China Ready for Global Leadership in Innovation?]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 1. S. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120024377–5. (In Russ.)
- Makeeva S.B. Regional'noe razvitiye provincii Ljaonin i partnerskoe sotrudnichestvo s Rossiej (1990-e gg. — nastojashhee vremja) [Regional development of Liaoning province and partnership with Russia (1990s to present)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. No. 4. S. 75–88. DOI: 10.31857/S013128120020452–8. (In Russ.)
- Melnikova L.V. Analiz strukturnyh osnovanij mezhtseional'noj differenciacii proizvoditel'nosti truda [Analysis of structural foundations of interregional labor productivity differentiation]. *Region: jekonomika i sociologija*. 2024. No. 1 (121). S. 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105. (In Russ.)
- Mikheyeva N.N. Regional'nye aspekty issledovanija dinamiki proizvoditel'nosti Truda [Labour productivity dynamics: regional aspects]. *Region: Jekonomika i Sociologija*. 2014. No. 1 (81). S. 6–28. (In Russ.)
- Mikheyeva N.N. Sravnitel'nyj analiz proizvoditel'nosti truda v rossijskikh regionah [Workforce productivity in Russian regions: comparative analysis]. *Region: Jekonomika i Sociologija*. 2015. No. 2 (86). S. 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605. (In Russ.)
- Minakir P.A. Ternistyj put' na vostok: proryvy, oborachivajushhiesja tupikami [The thorny path eastwards: breakthroughs which turn into dead-end]. *Prostranstvennaja jekonomika*. 2022. Vol. 18. No. 3. S. 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007–016. (In Russ.)
- Novoselova L.V. Sovremennij Kitaj: smena jekonomicheskoy paradigmy [Modern China: Changing Economic Paradigm]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2022. Vol. 66. No. 10. S. 24–33. DOI: 10.20542/0131–2227–2022–66–10–24–33. (In Russ.)
- Novyj impul's Aziatskoj Rossii: istochniki i sredstva razvitiya [New impulse of Asian Russia: sources and means of development] / Pod red. Kryukov V.A. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN, 2023. T. 1. 418 s. DOI: 10.36264/978–5–89665–375–2–2023–011–418. (In Russ.)
- Ostrovskij A.V. Jekonomika KNR: novye gorizonty razvitiya v 14 j pjatiletke (2021–2025 gg.) [“The PRC Economy: Prospects of its Development in the Period of the 14-th Five Year Plan (2021–2025)”. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 2. S. 41–54. DOI: 10.31857/S013128120025334–8. (In Russ.)
- Prostranstvennoe razvitiye sovremennoj Rossii: tendentsii, faktory, mekhanizmy, instituty [Spatial development of modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutions] / Pod red. Kolomak E.A. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN, 2020. 502 s. (In Russ.)
- Rusanovskij V.A., Markov V.A. Zanjatost' i proizvoditel'nost' truda v makroregionah Rossii: prostranstvennye vzaimozavisimosti [Employment and Labor Productivity in Macroregions of Russia: Spatial Interdependence]. *Problemy prognozirovaniya*. 2018. No. 2 (167). S. 36–48. (In Russ.)
- Simachev Yu.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Yurevich M.A. Proizvoditel'nost' truda v rossijskikh kompanijah: kak sodejstvovat' ustojchivomu rostu [Labor productivity in Russian companies: how to foster sustainable growth]. *Zhurnal Novej jekonomicheskoy associacii*. 2020. No. 4 (48). S. 205–217. DOI: 10.31737/2221–2264–2020–48–4–10. (In Russ.)
- Zabelina I.A. Ocenka socio-jekologiko-jekonomicheskogo blagopoluchija regionov vostoka Rossii s ispol'zovaniem rasshirennoj funkcii A. Sena [Assessment of the socio-ecological and economic welfare of the Russian eastern regions using Sen's extended function]. *Jekonomika regiona*. 2022. Vol. 18. No. 2. S. 398–412. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022–2–7. (In Russ.)
- Zabelina I.A., Klevakina E.A. Ocenka strukturnyh sdvigo v jekonomike regionov transgranichnogo vzaimodejstviya RF i KNR [Assessment of structural shifts in the economy of the regions of cross-border cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2017. No. 1. S. 36–48. (In Russ.)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО / STATE AND SOCIETY

История вакцинации в Китае: современный этап

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050096

Герасимова Татьяна Григорьевна

Старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0009-0008-9693-7354. E-mail: gerta48@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 03.08.2024.**Аннотация:*

История вакцинации в Китае, как и в целом история китайского здравоохранения, относится к числу малоизученных тем в отечественной историографии. Статья посвящена современному этапу развития китайского здравоохранения и его достижениям в области профилактики болезней, предотвращаемых с помощью вакцинации. В XXI в. борьба с эпидемиями инфекционных болезней потребовала от китайских властей и общества консолидации усилий и огромной политической воли при проведении широкомасштабной программы иммунизации населения. С началом века в ходе реализации Национальной программы иммунизации в КНР центральное правительство переработало существующее законодательство, приняло новые законы, создало субсидируемый фонд «Новая сельская кооперативная медицинская схема», сформировало Национальный консультативный комитет по иммунизации, в задачи которого входит всесторонний сбор и оценка научных данных. Китай стал одной из первых стран, вступивших в Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации. Осуществленный автором анализ статистических данных наглядно демонстрирует, что развитие профилактической иммунизации в Китае в итоге не только улучшило общее состояние здоровья китайских граждан, но и способствовало прогрессу общественного здравоохранения во всем мире. Отмечается, что высокий уровень разработки и масштабы производства собственных вакцин непосредственным образом влияют на готовность системы здравоохранения реагировать на чрезвычайные ситуации. КНР приложила немалые усилия, чтобы с помощью своих вакцин укрепить влияние в различных регионах земного шара. Китаю удается эффективно развивать свою Национальную программу иммунизации населения, многократно повысив скорость и качество разработки вакцин, а также меры контроля производимых вакцин как на законодательном, так и на технологическом уровне, особенно в связи с пандемией COVID-19.

Ключевые слова:

Китай, здравоохранение, история, пандемия, инвестиции, вакцины, Национальная программа иммунизации, COVID-19.

Для цитирования:

Герасимова Т.Г. История вакцинации в Китае: современный этап // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 127–141. DOI: 10.31857/S0131281224050096.

История вакцинации Китая до начала XXI в. представляет собой длительный многосложный путь от момента появления профилактической иммунизации в первые столетия нашей эры. Долгое время в Китае, как и во всем мире, профилактическая иммунизация распространялась очень медленно, но обрела обширное применение в результате освоения новых принципов вакцинации Эдварда Дженнера в XIX в., достигнув уровня государственных программ иммунизации в XX в.

После огромного количества жертв от эпидемий различных инфекций в XX в., к началу XXI в. уровень распространения в Китае болезней, предупреждаемых с помощью

вакцин (БПВ), многократно снизился. Борьба с эпидемиями инфекционных болезней потребовала умения и талантливого политического руководства для организации сплоченных действий китайских властей и общества.

На момент образования Китайской Народной Республики в 1949 г. большая часть 550-миллионного населения проживала в сельской местности в нищете, часто не имея доступа к медицинской помощи. Смертность младенцев превышала 200 на 1000 родившихся, а средняя продолжительность жизни составляла 35 лет. Из-за отсутствия признания страны со стороны Организации Объединенных Наций Китай был ограничен в международной поддержке и научном сотрудничестве. Правительство Китая сделало иммунизацию одним из главных средств преодоления этих проблем¹.

Реализация обширной программы профилактической иммунизации населения началась в 1950-х гг. с вакцинации против оспы, дифтерии и туберкулеза, а в 1960-х гг. включала вакцинацию против коклюша, столбняка, полиомиелита, кори и японского энцефалита. В результате этих мероприятий в 1970-е гг. произошло наибольшее снижение абсолютного бремени БПВ. В эти годы вакцинация в Китае проходила при отсутствии холодной цепи, представляющей собой комплекс мер по обеспечению постоянной температуры и других параметров, необходимых для сохранения и движения препарата от производителя к потребителю. При этом не хватало вакцин в необходимом количестве². На фоне этих обстоятельств сложилась уникальная ситуация, когда от определенного заболевания могла быть привита одна китайская провинция, а соседняя провинция могла быть вакцинирована на достаточно высоком уровне только через несколько лет. В провинции, получившей прививки, эпидемия спадала, и благодаря этому примеру необходимость вакцинации не вызывала сомнений ни у врачей, ни у населения. К сожалению, полноценная статистика по охвату населения вакцинацией до 1983 г. отсутствовала, оценивалась в основном смертность и количество прививок.

Сравнивать опыт вакцинации Китая с опытом других стран в XX в. представляется нерациональным, поскольку эпидемические ситуации в разных странах принципиально отличаются. Например, в 1960–1970-х гг. от оспы и туберкулеза население Советского Союза было привито практически поголовно. При этом сравнение между вакцинированной и невакцинированной провинциями одной страны (Китая), находящимися в схожих эпидемических ситуациях, демонстрировало заметную эффективность прививок, особенно после 1983 г., в период, когда статистика охвата населения вакцинацией стала собираться по провинциям.

Ввиду того, что интерпретация профессиональной статистики требует немалой квалификации, в нашем исследовании мы используем обобщенную статистику и информацию, опубликованную китайскими специалистами в рецензируемых англоязычных изданиях мирового экспертного сообщества в области эпидемиологии и вакцинопрофилактики.

В 1978 г. в ответ на инициативы Всемирной организации здравоохранения Министерство здравоохранения Китая формирует собственную программу плановой иммунизации, получившую название «Расширенная программа иммунизации» (РПИ).

В результате всех предпринятых действий по профилактической иммунизации уровень заболеваемости дифтерией, коклюшем, корью и менингитом снизился более чем на 90 % с 1980 по 1989 г., уровень заболеваний полиомиелитом и японским энцефалитом снизился на 40–50 %.

Новый мощный импульс своего развития иммунизация Китая обрела с 2002 г. в виде Национальной программы иммунизации (НПИ)³.

¹ 江永紅: 中國疫苗百年紀實 1919–2019 [Цзян Юнхун. Столетняя история вакцинации Китая, 1919–2019 гг.]. 香港: 開明書店, 2021年. 513 頁.

² Wenzhou Yu et al. Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016 // *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8137. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005

³ Wenzhou Yu et al. Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016 // *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8134. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005

Национальная программа иммунизации (2002–2019)

В 2002 г. Расширенная программа иммунизации претерпела значительные изменения и была переименована в Национальную программу иммунизации. В рамках этой обновленной программы нашли отражение насущные вопросы современности, такие как внедрение новых вакцин, безопасность вакцин, справедливость их распределения, финансирование, дополнительные инициативы по контролю над отдельными болезнями, например корью и гепатитом В⁴.

Китай стал одной из первых стран, вступивших в Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации (ГАВИ), созданный в 2000 г. В результате был получен максимальный по размеру грант от ГАВИ в размере 38 млн долл. США, и такая же сумма была выделена от центрального правительства для обеспечения бесплатной вакциной против гепатита В⁵ всех детей в 12 западных провинциях и во всех национальных округах, где наблюдалась бедность по состоянию на 2000 г. Остальные 19 провинций были обязаны сами покрыть расходы на вакцину против гепатита В, сделав ее таким образом бесплатной для всего населения страны, как и другие вакцины из НПИ. Благодаря устранению необходимости оплаты вакцинации населением бедных районов, в западных провинциях охват вакцинацией младенцев тремя дозами вакцины против гепатита В был удвоен и составил 79 %⁶.

В 2003 г. был запущен целый ряд новых программ по укреплению системы здравоохранения в связи со вспышкой тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС). В жизнь была воплощена Новая сельская кооперативная медицинская схема (НСКМС), ориентированная на помощь сельскому здравоохранению и представлявшая собой субсидируемый фонд.

В 2004–2005 гг. Государственный совет КНР принял новый Закон о профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями⁷ и «Положение об управлении обращением вакцин и вакцинацией»⁸.

Новый закон подтверждал требование полной вакцинации всех детей, а в принятом Положении формулировались нормы, по которым все вакцины из рекомендованного списка на национальном уровне полностью финансируются за счет средств Министерства здравоохранения КНР.

В 2008 г. календарь иммунизации был увеличен благодаря включению новых антигенов (корь—свинка—краснуха, аттенуированный гепатит А) и старых вакцин, которые не были включены в первоначальный календарь РПИ (японский энцефалит, менингококковый менингит). Министерство здравоохранения КНР с этого момента стало полностью отвечать за централизованную закупку всех вакцин. С 2008 г. в календарь прививок НПИ введены две трехвалентные вакцины — дифтерия, столбняк, бесклеточный коклюш (АКДС⁹ — DTaP¹⁰ вместо прежней DTwP¹¹) и вакцины — корь, эпидемический паротит, краснуха (MMR¹²)¹³.

⁴ Shu Chen, Laiang Yao, Weibing Wang, Shenglan Tang. Developing an effective and sustainable national immunisation programme in China: issues and challenges // *The Lancet Public Health*. 2022. Vol. 7. Iss. 12. Pp. e1064–e1072. DOI: 10.1016/S2468–2667(22)00171–2

⁵ Вакцина включена в НПИ в 2002 г.

⁶ Wenzhou Yu, et al. Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016 // *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8135. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005

⁷ 中华人民共和国传染病防治法 [Закон КНР о профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями] // 中央人民政府门户网站. 2005. URL: https://www.gov.cn/banshi/2005–08/01/content_19023.htm (дата обращения: 15.09.2024).

⁸ 中华人民共和国国务院令 第 434 号 “疫苗流通和预防接种管理条例” [Приказ Госсовета КНР № 434 «Положение об управлении обращением вакцин и вакцинацией»] // 中央人民政府门户网站. 2005 г. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64178.htm (дата обращения: 15.09.2024).

⁹ АКДС — цельноклеточная вакцина против дифтерии, столбняка и коклюша.

¹⁰ DTaP — дифтерийный и столбнячный анатоксины и бесклеточный коклюш.

В 2009 г. правительство запустило новый пакет, издав документ «Национальные базовые стандарты общественного здравоохранения»¹⁴. Документ включал 11 категорий услуг, в том числе вакцинацию. Теперь были предоставлены государственные субсидии всем административным уровням деревень и поселков для покрытия расходов на услуги по иммунизации.

На тот период для всех деревень и поселков имелся штатный медицинский персонал, предоставляющий услуги вакцинации всем детям в 157 000 стационарных и мобильных пунктах по всей стране. На уровне поселков и деревень работали 550 000 сотрудников по иммунизации¹⁵. Поскольку большая часть китайского населения сейчас проживает в городских районах, процесс иммунизации населения в значительной степени перешел от периодической вакцинации деревенскими медицинскими работниками к преимущественно плановой ежедневной вакцинации в стационарных клиниках.

В 2012 г. Китай был сертифицирован как страна, ликвидировавшая столбняк матерей и новорожденных. В 2013 г. произошла вспышка кори из-за недостаточной вакцинации младенцев в предыдущие годы. Она была преодолена значительным увеличением вакцинации от кори¹⁶. По данным национального исследования, к 2013 г., охват детей вакцинами БЦЖ¹⁷, АКДС, оральной полиомиелитной вакцинами (ОПВ) против гепатита В и кори составил $\geq 85\%$ в 30 из 31 провинции и $\geq 90\%$ в 28 провинциях, что свидетельствует о значительном улучшении ситуации по сравнению с 2004 г. Сразу отметим, что к 2016 г. заболеваемость коклюшем снизилась на 49 % (с 4,9 до 2,5 на миллион), корью — на 63 % (с 4,8 до 1,8 на 100 000), менингококковым менингитом — на 95 % (с 1,9 до 0,1 на миллион), японским энцефалитом — на 86 % (с 6,5 до 0,9 на миллион), а заболеваемость гепатитом А снизилась на 80 % (с 8,1 до 1,6 на 100 000 человек). К 2014 г. распространенность хронического гепатита В среди детей в возрасте до 5 лет снизилась до 0,3 %¹⁸.

С 2007 по 2015 г. поставки вакцин за год составляли от 666 до 1 190 млн доз. Большая часть доз производилась внутри страны. Тем не менее список болезней, предупреждаемых с помощью вакцин (БПВ), которые включены в НПИ Китая, меньше, чем в странах с высоким уровнем дохода. В 2007 г. существовало 19 различных вакцин НПИ, а в 2015 г. их число сократилось до 13 за счет замены комбинированными вакцинами. По сравнению со странами с высоким уровнем дохода, такими как Великобритания и США, в системе НПИ Китая использовалось больше моновалентных вакцин и отсутствовали крупные ком-

¹¹ DTwP — дифтерийный и столбнячный анатоксины и цельноклеточный коклюш

¹² MMR — вакцина корь—паротит—краснуха, живая аттенуированная.

¹³ Jiuling Li et al. Promoting higher-valent pediatric combination vaccines in China: challenges and recommendations for action // *Infectious Diseases of Poverty*. 2024. Vol. 13. Iss. 12. Pp. 1–11. DOI: 10.1186/s40249-024-01181-9

¹⁴ 国家基本公共卫生服务规范 (2009年版) [Национальные базовые стандарты общественного здравоохранения (издание 2009 г.)] // 中华人民共和国国家卫生健康委员会. 2009年. URL: <http://www.nhc.gov.cn/cmsresources/mohbgt/cmsrdocument/doc6376.doc> (дата обращения 15.09.2024).

¹⁵ Wenzhou Yu et al. Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016 // *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8135. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005

¹⁶ Huizhen Zheng et al. Epidemiological changes in measles infections in southern China between 2009 and 2016: a retrospective database analysis // *BMC Infectious Diseases*. 2020. Vol. 20. Article 197. Pp. 1–10. DOI: 10.1186/s12879-020-4919-x; Su Qiru. Epidemiology of Measles in China, 2015–2016 // *Chinese Journal of Vaccines and Immunization*. 2018. Vol. 24. No. 2. Pp. 146–151.

¹⁷ БЦЖ — вакцина против бацилл Кальметта-Герена (туберкулеза).

¹⁸ Wenzhou Yu et al. Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016 // *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8137. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005

бинированные вакцины¹⁹. В 2016 г. к списку вакцин НПИ была добавлена полиомиелитная вакцина ИПВ²⁰ в дополнение к уже существующей оральной вакцине ОПВ.

В 2016 г. в Китае существовало уже 7 государственных и 38 частных производителей вакцин с общей мощностью производства более 1 млрд доз в год. Все вакцины, рекомендованные в национальном календаре прививок, производятся внутри страны. Обширный график вакцинации младенцев включает 11 отдельных инъекций, и срочно требуется увеличить финансирование на разработку большего числа комбинированных препаратов (поливалентных вакцин) для сокращения количества процедур вакцинации. Хотя общественное доверие к профилактической иммунизации остается достаточно высоким, Китай не застрахован от проблем, связанных с настороженным отношением населения к вакцинации, т.к. в век широкого доступа к сети Интернет легко попасть под влияние заявлений о вредных последствиях вакцин. В результате повышенная настороженность отрицательно сказывается на масштабе охвата населения вакцинацией. Подобного рода проблемы требуют новых решений, чтобы программа иммунизации Китая продолжала двигаться вперед.

В том же году Госсовет КНР опубликовал план «Здоровый Китай 2030» — 29 глав, охватывающих работу служб общественного здравоохранения, управление окружающей средой, китайскую медицинскую промышленность и безопасность пищевых продуктов и лекарств²¹. План основан на четырех основных принципах: приоритете здравоохранения, реформах и инновациях, научном развитии, справедливости и равенстве. Принцип научного развития, изложенный в тексте, подчеркивает важность как профилактики заболеваний, так и лечения, с упором на профилактику и контроль. В плане указаны пять общих целей: улучшение уровня здоровья по всей стране, контроль основных факторов риска, повышение пропускной способности службы здравоохранения, расширение масштабов отрасли здравоохранения и совершенствование системы здравоохранения. Выделены 13 основных показателей, которые должны быть представлены для сравнения в 2020 и 2030 гг. Профилактика БПВ путем увеличения охвата вакцинацией является одной из ключевых стратегией «Здорового Китая 2030»²².

В 2017 г. Экспертный консультативный комитет Китая по НПИ, созданный в 1982 г., преобразован в Национальный консультативный комитет по иммунизации (НККИ).

НККИ имеет две главных области ответственности. Первая — всесторонний сбор и оценка данных о болезнях, предотвращаемых с помощью вакцин, включая безопасность, медицинскую и экономическую эффективность вакцин, вопросы объемов производства и поставок вакцин. Во-вторых, в его задачу входят научно обоснованные технические рекомендации по развитию НПИ и оптимизации плановой иммунизации, календарей прививок, списка вакцин, включенных в эту программу.

Проведенное внутреннее исследование в 25 провинциях выявило, что государственные расходы на одного человека по НПИ выросли с 10,66 юаней в 2014 г. до 17,69 юаней в 2018 г. (эквивалентно среднегодовому темпу роста в 13,2 %). Годовой темп роста был самым высоким среди западных провинций (21,2 %). За ними следовали восточные (11,9 %) и центральные провинции (8,6 %). Общий объем государственных инвестиций в Национальную программу иммунизации с годами увеличивался, что отражалось на статистике смертности и заболеваемости.

По имеющимся данным, годовая смертность от БПВ, достигавшая пика в 49,96 на 100 000 населения в 1959 г., к 2017 г. снизилась более чем на 99 % и составила 0,038

¹⁹ *Yaming Zheng et al.* The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price // *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18, Article 502. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s12879-018-3422-0

²⁰ ИПВ — инактивированная полиомиелитная вакцина.

²¹ 中共中央国务院印发《健康中国2030》规划纲要 [ЦК КПК, Госсовет КНР опубликовали Проект стратегии «Здоровый Китай 2030»] // 中央人民政府门户网站. 2016年. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-10/25/content_5124174.htm (дата обращения: 15.09.2024).

²² *Xiaodong Tan, Xiangxiang Liu, Haiyan Shao.* Healthy China 2030: A Vision for Health Care // *Value in Health Regional Issues*. 2017. Vol. 12. Pp. 112–114. DOI: 10.1016/j.vhri.2017.04.001

на 100 000 населения. Суммарная заболеваемость по 11 БПВ, составлявшая 1 723 на 100 000 населения в 1959 г., заметно снизившись в 1978 г., с 1990 г. не возрастала, оставаясь на низком уровне. Например, заболеваемость коклюшем снизилась на 98 % с 1978 г. по 2018 г., а заболеваемость корью за тот же период снизилась на 99 %²³.

К 2019 г. НККИ собрал и подготовил основу для нового контроля качества вакцин. Поскольку еще с 2009 г. в ответ на проблемы, возникающие при оценке безопасности и эффективности вакцин, начали проводиться исследования по методам контроля качества, спецификациям качества, соответствующим эталонным материалам и безопасности вакцин. Эти исследования были необходимы для оценки целевых продуктов продвижения вакцины против гриппа типа А H1N1, энтеровируса EV71²⁴, гепатита Е, Эболы (на основе мутантного штамма данного вируса в 2014 г.) и других инновационных вакцин.

В критический момент пандемии H1N1 в 2009 г. Китай взял на себя инициативу по успешной разработке вакцины против гриппа H1N1, которая была одобрена ВОЗ для экстренного применения. В целях поддержки разработки вакцины EV71 национальные институты контроля пищевых продуктов и лекарств тесно сотрудничали с несколькими лабораториями на каждом этапе исследований и разработок, включая скрининг вакцинных штаммов, установление эталонных стандартов для антигена EV71 и нейтрализующих антител²⁵. Были разработаны методы оценки эффективности и проверки стандартов контроля качества, установленных законом. Напомним, что в 2015 г. Китай одобрил вакцину EV71, которая является первой доступной в мире вакциной от болезни «рука—нога—рот»²⁶. Все это подготовило основу для введения усиленного контроля качества вакцин. В мае 2019 г. Национальное управление медицинской продукции (НУМП) Китая запустило План действий по регулированию лекарственных средств²⁷. Наука о регулировании лекарственных средств в Китае вступила в новый этап.

В декабре 2019 г. был обнародован и вступил в силу Закон об администрировании вакцин²⁸. Этот закон дает правовую основу для улучшения администрирования, управления поставками и контролем качества вакцин. Также закон содействует администрированию исследований, новых разработок и производства вакцин. Для реализации этого закона НУМП Китая последовательно издало ряд вспомогательных правил и систем, создало межминистерскую совместную систему совещаний по управлению вакцинами, направило инспекторов к производителям вакцин, провело плановые проверки и патрули на предприятиях по производству вакцин для улучшения и внедрения систем выпуска партий вакцин. Дополнительно НУМП Китая создало и запустило систему отслеживания вакцин.

Необходимо отметить, что данный закон ужесточает стандарты не только производства, но и стандарты предоставления услуг вакцинации. Например, от министерств здравоохранения и образования КНР требуется совместно разработать принципы по про-

²³ Shu Chen, Laiang Yao, Weibing Wang, Shenglan Tang. Developing an effective and sustainable national immunisation programme in China: issues and challenges // *The Lancet Public Health*. 2022. Vol. 7. No. 12. Pp. e1064-e1072. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00171-2

²⁴ EV71 — энтеровирусная вакцина, инактивированная.

²⁵ Zhiming Huang, Zhihao Fu, Junzhi Wang. Review on Drug Regulatory Science Promoting COVID-19 Vaccine Development in China // *Engineering*. 2022. Vol. 10. Pp. 127–132.

²⁶ 江永红: 中国疫苗百年纪实 1919–2019 [Цзян Юнхун. Столетняя история вакцинации Китая, 1919–2019 гг.]. 香港: 开明书店, 2021年. 513 页.

²⁷ 国家药监局启动中国药品监管科学行动计划 [Государственное управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов запускает Китайский план научных действий по регулированию лекарственных средств] // 中央人民政府门户网站. 2019年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-05/02/content_5388253.htm (дата обращения 16.09.2024).

²⁸ 中华人民共和国疫苗管理法 [Закон об администрировании вакцин КНР] // 中央人民政府门户网站. 2019年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/30/content_5404540.htm (дата обращения 16.09.2024).

верке сертификатов о вакцинации школьников, для того чтобы дети, которые впервые идут в школу, могли быть направлены в клинику иммунизации для получения необходимой прививки.

Китай — одна из тех стран, которая может самостоятельно обеспечить плановую иммунизацию. Более 95 % прививок в Китае осуществляется вакцинами собственного производства. К концу 2020 г. Китай одобрил производство 55 вакцин против 35 инфекционных заболеваний. По состоянию на 2020 г. 47 отечественных вакцин серийно выпускаются производителями. В стране насчитывается 38 компаний — производителей вакцин. В 2020 г. было выпущено 651 млн доз отечественных вакцин общей стоимостью более 60 млрд юаней²⁹.

Несмотря на значительные достижения в разработке и производстве вакцин система Национальной программы иммунизации Китая содержит меньший список вакцин, чем во многих странах с высоким и средним уровнем дохода, которые рекомендованы ВОЗ для национальных программ иммунизации³⁰.

Кроме того, существуют проблемы продвижения высоковалентных педиатрических комбинированных вакцин. Несмотря на то, что Закон об администрировании вакцин 2019 г. поощряет инновации в области комбинированных вакцин, не хватает политической поддержки для ускорения этого продвижения. До июля 2022 г. фармацевтические компании Китая были обязаны иметь лицензированные моновалентные вакцины, прежде чем начать производить поливалентные вакцины с теми же антигенами. Также местные эксперты центров контроля заболеваний выражали обеспокоенность по поводу сложности сопоставления нежелательных осложнений после иммунизации с конкретными компонентами комбинированных вакцин и отдавали предпочтение моновалентным вакцинам, поскольку при их применении легче определить какие антигены вызвали нежелательные последствия.

С ростом общего количества доступных в Китае вакцин в 2005 г. правительство ввело в Положение об управлении обращением вакцин и вакцинацией разделение вакцин на две категории³¹.

Первая категория включает все вакцины списка НПИ, вакцины для экстренного использования, оплачиваемые правительством, и дополнительные вакцины более низкого уровня, оплачиваемые местными органами власти. Вакцины первой категории контролируются центральным правительством и являются бесплатными для всех. Вакцинация детей до 14 лет осуществляется по обязательному сертификату вакцинации в соответствии с календарем прививок из списка вакцин НПИ. Поскольку в Китае действует государственное планирование иммунитета, при вакцинации может применяться ряд критериев, к которым относятся: соблюдение календаря прививок, наличие медицинских противопоказаний, эпидемиологическая ситуация в определенном районе, что способно влиять на состав списка бесплатных вакцин. По сложившейся системе расчетов местные органы власти покрывают административные расходы, которые потом погашаются центральным правительством в соответствии с трансфертным ценообразованием, особенно в провинциях с низкими доходами³².

²⁹ Zhiming Huang, Zhihao Fu, Junzhi Wang. Review on Drug Regulatory Science Promoting COVID-19 Vaccine Development in China // *Engineering*. 2022. Vol. 10. Pp. 127–131. DOI: 10.1016/j.eng.2022.01.001

³⁰ Yaming Zheng et al. The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price // *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18. Article 502. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s12879-018-3422-0

³¹ Yaming Zheng et al. The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price // *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18. Article 502. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s12879-018-3422-0

³² Shu Chen, Laiang Yao, Weibing Wang, Shenglan Tang. Developing an effective and sustainable national immunisation programme in China: issues and challenges // *The Lancet Public Health*. 2022. Vol. 7. Iss. 12. Pp. e1064–e1072. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00171-2

Своевременная иммунизация вакцинами первой категории считается общественной обязанностью, хотя это и не является обязательным требованием, за его несоблюдение не предусмотрено никаких наказаний. Территориальные центры контроля заболеваний закупают вакцины у производителей и информируют правительство о спросе и поставках. Производители вакцин могут поставлять вакцины первой категории только центрам контроля заболеваний в соответствии с контрактами на закупки.

Остальные вакцины относятся ко второй категории, к частному сектору, и считаются необязательными. Эти вакцины должны оплачиваться родителями или самим вакцинируемым лицом. До апреля 2016 г. существовала практика, разрешавшая производителям продавать вакцины из второй категории оптовым торговцам, окружным и районным центрам контроля заболеваний, клиникам вакцинации и другим поставщикам медицинских услуг по вакцинации³³.

В 2016 г. китайское правительство пересмотрело Положение об управлении обращением вакцин и вакцинацией³⁴. В обновленном документе было указано, что все вакцины второй категории могут закупаться только с использованием платформ государственных закупок. Таким образом, вакцины второй категории управляются по той же системе взаимодействия правительства, центров контроля заболеваний и производителей, по которой управляются вакцины первой категории. В новой редакции закон запрещает продажу вакцин через Интернет и оптовым торговцам. Теперь распространение регламентируется только через центры контроля заболеваний.

Практически все вакцины первой категории производятся внутри страны, как и примерно 80–90 % вакцин второй категории. Тем не менее, ряд вакцин, рекомендованных ВОЗ для всех национальных программ иммунизации, в Китае относится к вакцинам второй категории, которые требуют оплаты со стороны родителей или вакцинируемого пациента. Для вакцин второй категории характерен более низкий уровень охвата населения. Масштаб охвата этими вакцинами варьируется в зависимости от благосостояния провинции³⁵.

Национальная программа иммунизации во время и после пандемии COVID-19 (2020–2024)

В январе 2020 г., через месяц после первых официальных сообщений об обнаружении новой инфекции COVID-19, Китай ввел всеобщую строгую изоляцию в провинции Хубэй. Максимальные меры были предприняты в Ухане, чтобы сдержать быстрый рост случаев заражения новым вирусом COVID-19. Обязательный карантин потребовал временной остановки всей второстепенной экономической деятельности. Стратегия свести к нулю число новых случаев заражения COVID-19, подразумевающая политику максимального контроля и максимального подавления распространения нового вируса, получила название «нулевой ковид» (англ. zero-COVID).

В соответствии с правилами и рекомендациями ВОЗ и Китая, касающимися вакцин в условиях экстренных исследований и разработок вакцин против COVID-19³⁶, Национальное управление медицинской продукции (НУМП) выпустило 14 августа 2020 г.

³³ Yaming Zheng, et al. The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price // *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18. Article 502. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s12879-018-3422-0

³⁴ 中华人民共和国国务院令 第668号“国务院关于修改〈疫苗流通和预防接种管理条例〉的决定” [Приказ Госсовета КНР № 668 «Решение Госсовета о внесении изменений в Положение об управлении обращением вакцин и вакцинацией»] // 中央人民政府门户网站. 2016年. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2016-04/25/content_5067597.htm (дата обращения: 15.09.2024).

³⁵ Yaming Zheng et al. The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price // *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18. Article 502. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s12879-018-3422-0

³⁶ Обычно подразумеваются вакцины, не прошедшие III фазу исследований.

пять технических руководств по исследованиям и разработкам вакцин против COVID-19 в Китае. Среди них — Технические рекомендации по исследованию и разработке профилактических вакцин против COVID-19³⁷, Технические рекомендации по фармацевтическим исследованиям профилактических мРНК-вакцин против COVID-19, Технические требования для доклинических исследований и оценки профилактических вакцин против COVID-19³⁸, Техническое руководство по клиническим исследованиям профилактических вакцин против COVID-19³⁹ и Техническое руководство по клинической оценке профилактических вакцин против COVID-19. Эти руководства были направлены на ускоренное продвижение исследований и разработку вакцин против COVID-19 в Китае, исходя из необходимости обеспечения безопасности и эффективности вакцин без снижения требований к стандартам качества⁴⁰.

Пандемия коронавирусного заболевания, несомненно, увеличила скорость глобальных исследований и разработку вакцин во всем мире, в том числе в Китае. Уже через год после начала эпидемии множество вакцин-кандидатов вступили в третью фазу клинических испытаний. Среди них были матричные РНК (мРНК) вакцины, разработанные компаниями BioNTech (Германия) / Pfizer (США) и Moderna (США), инаktivированные вакцины компаний Sinopharm (Китай) и Sinovac Biotech (Китай), аденовирусные векторные вакцины CanSino Biologics (Китай) и AstraZeneca (Великобритания)⁴¹. Инаktivированные вакцины против COVID-19 BBIBP-CoV компании Sinopharm (Пекин) и CoronaVac компании Sinovac Biotech внесены в список ВОЗ для экстренного использования.

К середине декабря 2020 г. уже стали доступны для применения первые вакцины против COVID-19, что продемонстрировало высокий уровень современных технологий Китая для создания новых вакцин. Китайское правительство отказалось импортировать иностранные вакцины и даже потребовало, чтобы такие компании, как Moderna, передали свою основную технологию изготовления вакцин в качестве необходимого условия для предоставления возможности выхода на китайский рынок.

Первая фаза массовой вакцинации против COVID-19 была официально запущена 15 декабря 2020 г. в соответствии со стратегией «трех шагов» и «двух акцентов»⁴². Население было разделено на три группы для каждого «шага». В первую группу вошли люди, сталкивающиеся с высоким риском профессионального заражения (работники здравоохранения, социальные работники); выезжающие за рубеж; занимающие значимые посты в сферах, связанных с поддержанием основных функций общества (национальная

³⁷ 新型冠状病毒预防用疫苗研发技术指导原则 [Технические рекомендации по исследованию и разработке профилактических вакцин против COVID-19] // 中央人民政府门户网站. 2019年.

URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2020-08/15/5535069/files/f1bd59453bb94278a626078b35ecfe4c.docx> (дата обращения: 17.09.2024).

³⁸ 新型冠状病毒预防用疫苗非临床有效性研究与评价技术要点 [Технические требования для доклинических исследований и оценки профилактических вакцин против COVID-19] // 中央人民政府门户网站. 2019年. URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2020-08/15/5535069/files/98df40b5c7af4175963e95aebc3b981f.docx> (дата обращения: 17.09.2024).

³⁹ 新型冠状病毒预防用疫苗临床研究技术指导原则 [Техническое руководство по клиническим исследованиям профилактических вакцин против COVID-19] // 中央人民政府门户网站. 2019年. URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2020-08/15/5535069/files/dbbd590ca01b4c26927c35b8f7c8adf7.docx> (дата обращения 17.09.2024).

⁴⁰ Zhiming Huang, Zhihao Fu, Junzhi Wang. Review on Drug Regulatory Science Promoting COVID-19 Vaccine Development in China // *Engineering*. 2022. Vol. 10. Pp. 128–130. DOI: 10.1016/j.eng.2022.01.001

⁴¹ 张颖等: 基于腺病毒载体技术平台的新型冠状病毒疫苗研发和应用进展 [Чжан Ин и др. Исследование и применение вакцин против SARS-CoV-2 на основе технологической платформы аденовирусного вектора] // *中华预防医学杂志*. 2023年. 卷 57. 期 7. 第1082–1095页.

⁴² Marjan Mohamadi et al. COVID-19 Vaccination Strategy in China: A Case Study // *Epidemiologia (Basel)*. 2021. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 402–425. DOI: 10.3390/epidemiologia2030030

безопасность, производство и снабжение товарами первой необходимости); лица старше 18 лет, проживающие в приграничных округах. Ко второй группе были отнесены пожилые люди и люди с сопутствующими заболеваниями. В третью вошли все остальные категории китайских граждан. Первые две группы являлись приоритетными. Молодые люди младше 18 лет не включались в эти группы до получения данных о безопасности и эффективности вакцинации для них.

Дополнительно стратегия массовой вакцинации определяла «два ключевых акцента» для установок приоритетов при вакцинировании. Первый акцент приоритетной вакцинации ставился на зоны высокого риска заражения, к которым относятся портовые города, приграничные районы, крупные и средние города и районы с зафиксированными локальными вспышками COVID-19. Второй акцент ставился на ключевые группы населения: работники здравоохранения, персонал государственных учреждений и предприятий, студенты и сотрудники высших учебных заведений, работники крупных супермаркетов, задействованных в секторах транспорта и логистики для поддержания функционирования общества, работники учреждений социального обеспечения.

К концу марта 2021 г. первые две группы преимущественно были привиты, и настала очередь для третьего «шага». С 24 марта в Китае началась крупнейшая в истории программа массовой вакцинации населения. Пекин заявил о постоянном обновлении данных о ежедневной вакцинации против COVID-19. Приоритет был отдан районам с более высоким риском вспышек COVID-19, таким как Пекин и Шанхай, которые представляют собой крупнейшие портовые города и самые крупные и густонаселенные мегаполисы. Более половины жителей Пекина и Шанхая были полностью вакцинированы к июню 2021 г., тогда как доля однократной вакцинации в большинстве прочих районов составляла около 30 %.

По поставкам вакцин до начала июня 2021 г. существовал ощутимый дефицит. Только Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и Хайнань получали необходимое количество ожидаемых суточных доз вакцин, тогда как другие административно-территориальные единицы сталкивались с ежедневным дефицитом вакцин, получая от 5 000 доз в провинции Хубэй до 0,2 млн доз в провинции Хэбэй. Однако к августу в 22 из 31 административно-территориальных единиц провинциального уровня более 70 % населения были привиты как минимум одной дозой вакцины. По состоянию на 26 августа 2021 г. 63,4 % населения были полностью вакцинированы. Охват населения вакцинацией был самым высоким в Пекине, Шанхае, Гуандуне, Хайнане и Чжэцзяне. На этот момент в Пекине и Шанхае было полностью вакцинировано уже 88,5 % и 79,1 % населения соответственно. Китай установил для себя цель вакцинировать 80 % населения к концу 2021 г.

Для ускорения процесса вакцинации от COVID-19 и скорейшего достижения коллективного иммунитета на всей территории материковой части Китая был реализован ряд мер, включая создание временных пунктов вакцинации, продление часов работы пунктов вакцинации и даже открытие ночных пунктов вакцинации, а также развертывание передвижных мобильных пунктов для тех, у кого затруднен доступ. Благодаря совместным усилиям центральных и местных органов власти ежедневные темпы вакцинации по количеству доз в 17 раз превысили плановую⁴³.

Возрастные границы программы вакцинации с 29 марта 2021 г. постепенно расширялись с жителей в возрасте 18–59 лет до людей старше 60 лет. С конца июля материковая часть Китая постепенно начала вакцинацию детей в возрасте 12–17 лет.

Уже к концу ноября того же года более 2,5 млрд доз было введено, и более 1 млрд чел. в Китае были полностью вакцинированы против COVID-19. Уровень вакци-

⁴³ Wen Zheng et al. COVID-19 vaccination program in the mainland of China: a subnational descriptive analysis on target population size and current progress // *Infectious Diseases of Poverty*. 2021. Vol. 10. Article 124. Pp. 1–10. DOI: 10.1186/s40249-021-00909-1

нации китайского населения по состоянию на ноябрь 2021 г. оценивался в 84,68 %⁴⁴. Тем не менее до конца ноября следующего года многие меры по сдерживанию распространения вируса в Китае оставались на значительном уровне. Все еще продолжали действовать такие меры, как принудительный карантин и обязательное ношение масок, не снимался пограничный контроль.

В ноябре 2022 г. после произошедших акций протеста против политики ограничений Китай начал предупреждать о скором ослаблении мер сдерживания, сохраняя при этом стратегию «нулевого ковид». И уже 7 декабря были сделаны важные заявления, ознаменовавшие отход от режима «нулевого ковида» на национальном уровне. В связи с этим ожидался потенциальный рост случаев заболевания COVID-19. Китайское правительство активизировало усилия по ускорению темпов вакцинации, акцентировав внимание на повторной вакцинации и необходимости обеспечить полную вакцинацию пожилого населения. Был опубликован план работы по усилению вакцинации против COVID-19, в котором особое внимание уделялось пожилым людям; организованы временные и дополнительные мобильные пункты вакцинации. Кроме инъекционных вакцин теперь предлагались и новые ингаляционные вакцины⁴⁵.

В условиях постоянно применяемых интенсивных мер карантина было почти невозможно определить степень защиты населения китайскими вакцинами. Произошедший после полной отмены профилактических мер 7 декабря 2022 г. всплеск случаев заболевания COVID-19 в стране позволяет предположить, что защитный эффект вакцин оказался не идеальным.

Проблема предполагаемой неэффективности вакцин против новых штаммов была известна китайскому правительству уже при начале вакцинации от COVID-19. Возможно, имели место чрезмерные ожидания, что все же удастся добиться эффективной защиты за счет максимального уровня вакцинации населения. К началу 2023 г. уровень вакцинации от ковида превышал в Китае 90 %. В выборе вакцин Китай изначально ориентировался именно на отечественные вакцины. К сожалению, отмена ограничений привела к огромным жертвам и инфицированию большей части населения Китая.

Во время пандемии, несмотря на то что из-за карантина заболеваемость по большинству инфекционных болезней значительно упала, работа по НПИ не прекращалась. В июле 2022 г. был снят запрет для фармацевтических компаний Китая на производство поливалентных вакцин без наличия моновалентных аналогов, который мешал созданию новых комбинированных вакцин.

В 2022 г. Государственный совет Китая объявил о 14-м пятилетнем Национальном плане здравоохранения⁴⁶ на 2021–2025 гг. Этот план включает задачу скорректировать список вакцин НПИ в соответствии с меняющимися потребностями здравоохранения страны. Одновременно с этим Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний (CDC) провел анализ мнений экспертов о процедурах принятия решений о внедрении непрограммных вакцин в НПИ⁴⁷.

⁴⁴ Hao Yang, Hao Tan, Jintao Zhang, Mengying Yang. China's pivot from zero-COVID strategy and the role of vaccines // *Health Policy and Technology*. 2024. Vol. 13. Iss. 1. Article 100786. Pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.hlpt.2023.100786

⁴⁵ Hao Yang, Hao Tan, Jintao Zhang, Mengying Yang. China's pivot from zero-COVID strategy and the role of vaccines // *Health Policy and Technology*. 2024. Vol. 13. Iss. 1. Article 100786. Pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.hlpt.2023.100786

⁴⁶国务院办公厅关于印发“十四五”国民健康规划的通知 [Уведомление ГУ Госсовета о выпуске Национального плана здравоохранения на 14-ю пятилетку] // 中央人民政府门户网站. 2022年. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2022-05/20/content_5691424.htm (дата обращения: 18.09.2024).

⁴⁷ Haijun Zhang et al. Adding new childhood vaccines to China's National Immunization Program: evidence, benefits, and priorities // *Lancet Public Health*. 2023. Vol. 8. Pp. e1016–24. DOI: 10.1016/S2468-2667(23)00248-7

В 2023 г. ВОЗ заявила, что COVID-19 больше не является чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение.

К 2024 г. Китай пока не включил в систему НПИ ни одной вакцины с 2016 г. (когда была добавлена полиомиелитная вакцина ИПВ). Такие вакцины, как пневмококковые конъюгированные вакцины, вакцины против вируса папилломы человека (ВПЧ) и ротавирусной инфекции, которые широко используются во многих странах, не предоставляются через НПИ Китая. И это единственное государство — член ВОЗ, которое не включило вакцину против Hiv (гемофильная палочка) в НПИ⁴⁸.

Список основных вакцин, входящих в Национальную программу иммунизации Китая, состоит из 14 вакцин⁴⁹. Однако некоторые провинции по собственной инициативе расширили этот список, внося в него вакцины, не предусмотренные НПИ⁵⁰. Масштабы этих инициатив отличаются в зависимости от региона. Уровень вакцинации почти везде превышает 90 % за исключением нескольких регионов. Вакцины китайского производства также вышли на мировой рынок⁵¹. На данный момент 10 вакцинных продуктов, которые выпускаются шестью китайскими компаниями, прошли предварительную квалификацию ВОЗ.

* * *

С началом XXI в. в ходе Национальной программы иммунизации крупные инвестиции центрального правительства в общественное здравоохранение и иммунизацию привели к большому прогрессу в снижении бремени болезней, предотвращаемых с помощью вакцин. Долгосрочная политическая приверженность профилактической иммунизации, использование показателя заболеваемости в качестве основного для оценки эффективности любой программы и стратегии, разработанной в правительстве или на местах для оптимизации использования ограниченных ресурсов, имели решающее значение для достижения успехов в борьбе с болезнями, предупреждаемыми с помощью вакцин.

Постоянный мониторинг временных, географических и демографических колебаний заболеваемости БПВ в Китае играет решающую роль для выявления недостаточно иммунизированных групп населения и оценки эффективности стратегий доставки вакцин, даже если статистика большинства зарегистрированных случаев заболеваний говорит другое и клинически подтверждена. В то время как программы иммунизации в большинстве стран с низкими доходами в первую очередь полагаются только на административные данные по охвату населения вакцинацией.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что профилактическая иммунизация является неотъемлемым правом человека с момента основания Китайской Народной Республики и поддерживается на самых высоких политических уровнях посредством принятия законов, обеспечивающих доступ и уровень государственного финансирования по мере развития страны. Поставленные цели всеобщей иммунизации детей, искоренения оспы и полиомиелита были установлены в Китае еще до

⁴⁸ Jiuling Li et al. Promoting higher-valent pediatric combination vaccines in China: challenges and recommendations for action // *Infectious Diseases of Poverty*. 2024. Vol. 13. Article 12. Pp. 1–11. DOI: 10.1186/s40249-024-01181-9; Xiuli Wang, Yaru Fan, Wei Wang. Investigation of non-National Immunization Program vaccination intentions in rural areas of China // *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article 1485. Pp. 1–12. DOI: 10.1186/s12889-023-16390-4

⁴⁹ Experts hail China's progress in immunization // *Xinhua*. April 24, 2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202404/24/content_WS66284f49c6d0868f4e8e659e.html (дата обращения: 29.04.2024).

⁵⁰ Haonan Zhang, Bryan Patenaude, Chao Ma, Hai Fang. Vaccine pricing strategies in China // *BMJ Global Health*. 2023. Vol 8. Article e011405. Pp. 1–5. DOI: 10.1136/bmjgh-2022-011405

⁵¹ Zhiming Huang, Zhihao Fu, Junzhi Wang. Review on Drug Regulatory Science Promoting COVID-19 Vaccine Development in China // *Engineering*. 2022. Vol. 10. Pp. 127–132. DOI: 10.1016/j.eng.2022.01.001

принятия аналогичных резолюций ООН и до появления системы холодной цепи. Распространенность вируса гепатита В среди детей в возрасте до 5 лет снизилась с 9,7 % в 1992 г. до 0,3 % в 2014 г. С 2006 г. в Китае не регистрировалось ни одного случая дифтерии. Ежегодная заболеваемость корью упала более чем с 9 млн случаев в середине 1990-х гг. до менее 6 000 случаев в 2017 г. На 2021 г. цифры составляют 0,7 на 100 000 населения по коклюшу и нулевые показатели случаев кори.

На сегодняшний день в Китае список вакцин НПИ включает 14 вакцин для предотвращения 15 заболеваний⁵², при этом уровень вакцинации по этим заболеваниям превышает 90 %. Отечественные вакцины сыграли незаменимую роль в реагировании на чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения, такие как пандемический грипп H1N1, болезнь «рука—нога—рот», COVID-19. Ряд китайских вакцин прошли предварительную квалификацию ВОЗ.

КНР приложила немалые усилия, чтобы с помощью своих вакцин укрепить влияние в различных регионах земного шара, попытавшись усилить свою политику мягкой силы в период пандемии ковида с помощью вакцинной дипломатии, однако такая дипломатия большей частью не приносила пользу. Китайские вакцины составили треть от общего мирового экспорта вакцин от ковида.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что КНР удастся эффективно развивать свою Национальную программу иммунизации, значительно повысив скорость и качество разработки вакцин, а также меры контроля над их производством как на законодательном, так и на технологическом уровне, что проявилось в связи с пандемией COVID-19. Все эти достижения наряду с профилактикой болезней с помощью вакцинации не только улучшили общее состояние здоровья китайского населения, но и способствовали прогрессу общественного здравоохранения во всем мире.

Литература

- Haijun Zhang *et al.* Adding new childhood vaccines to China's National Immunization Program: evidence, benefits, and priorities // *Lancet Public Health*. 2023. Vol. 8. Pp. e1016—e1024. DOI: 10.1016/S2468-2667(23)00248-7
- Hao Yang, Hao Tan, Jintao Zhang, Mengying Yang. China's pivot from zero-COVID strategy and the role of vaccines // *Health Policy and Technology*. 2024. Vol. 13. Iss. 1. Article 100786. Pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.hlpt.2023.100786
- Haonan Zhang, Bryan Patenaude, Chao Ma, Hai Fang. Vaccine pricing strategies in China // *BMJ Global Health*. 2023. Vol. 8. Article e011405. Pp. 1–5. DOI: 10.1136/bmjgh-2022-011405
- Huizhen Zheng *et al.* Epidemiological changes in measles infections in southern China between 2009 and 2016: a retrospective database analysis // *BMC Infectious Diseases*. 2020. Vol. 20. Article 197. Pp. 1–10. DOI: 10.1186/s12879-020-4919-x
- Jiuling Li *et al.* Promoting higher-valent pediatric combination vaccines in China: challenges and recommendations for action // *Infectious Diseases of Poverty*. 2024. Vol. 13. Article 12. Pp. 1–11. DOI: 10.1186/s40249-024-01181-9
- Marjan Mohamadi *et al.* COVID-19 Vaccination Strategy in China: A Case Study // *Epidemiologia (Basel)*. 2021. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 402–425. DOI: 10.3390/epidemiologia2030030
- Shu Chen, Laiang Yao, Weibing Wang, Shenglan Tang. Developing an effective and sustainable national immunisation programme in China: issues and challenges // *The Lancet Public Health*. 2022. Vol. 7. Iss. 12. Pp. e1064–e1072. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00171-2
- Su Qiru. Epidemiology of Measles in China, 2015–2016 // *Chinese Journal of Vaccines and Immunization*. 2018. Vol. 24. No. 2. Pp. 146–151.
- Wen Zheng *et al.* COVID-19 vaccination program in the mainland of China: a subnational descriptive analysis on target population size and current progress // *Infectious Diseases of Poverty*. 2021. Vol. 10. Article 124. Pp. 1–10. DOI: 10.1186/s40249-021-00909-1
- Wenzhou Yu *et al.* Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016 // *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8137. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005

⁵² Haonan Zhang, Bryan Patenaude, Chao Ma, Hai Fang. Vaccine pricing strategies in China // *BMJ Global Health*. 2023. Vol. 8. Article e011405. Pp. 1–5. DOI: 10.1136/bmjgh-2022-011405

- Xiaodong Tan, Xiangxiang Liu, Haiyan Shao. Healthy China 2030: A Vision for Health Care // *Value in Health Regional Issues*. 2017. Vol. 12. Pp. 112–114. DOI: 10.1016/j.vhri.2017.04.001
- Xiuli Wang, Yaru Fan, Wei Wang. Investigation of non-National Immunization Program vaccination intentions in rural areas of China // *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article 1485. Pp. 1–12. DOI: 10.1186/s12889-023-16390-4
- Yaming Zheng et al. The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price // *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18. Article 502. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s12879-018-3422-0
- Zhiming Huang, Zhihao Fu, Junzhi Wang. Review on Drug Regulatory Science Promoting COVID-19 Vaccine Development in China // *Engineering*. 2022. Vol. 10. Pp. 127–132. DOI: 10.1016/j.eng.2022.01.001
- 张颖等: 基于腺病毒载体技术平台的新型冠状病毒疫苗研发和应用进展 [Чжан Ин, и др. Исследование и применение вакцины против SARS-CoV-2 на основе технологической платформы аденовирусного вектора] // *中华预防医学杂志*. 2023年. 第57卷. 第7期. 第1082–1095页. DOI: 10.3760/cma.j.cn112150-20230419-00309
- 江永红: 中国疫苗百年纪实 1919–2019 [Цзян Юнхун. Столетняя история вакцинации Китая, 1919–2019 гг.]. 香港: 开明书店, 2021年. 513 页.

History of Vaccination in China: Modern Stage

Tatiana G. Gerasimova

Senior Researcher, Centre for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., 117977, Moscow, Russian Federation). ORCID: 0009-0008-9693-7354. E-mail: gerta48@mail.ru

Received 03.08.2024.

Abstract:

The history of vaccination in China is an unexamined area in research into the general history of Chinese healthcare, which, in turn, has also been little studied in Russian historical science. The article is devoted to the history of health care in the field of prevention of vaccine-preventable diseases in modern China. In the 21st century, in order to carry out a large-scale immunization program for the Chinese population, the fight against epidemics of infectious diseases required skill and talented political will to organize united actions of the Chinese authorities and society. Since the beginning of the century, during the implementation of the National Immunization Program in the PRC, the central government revised the existing legislation, adopted new laws, created a subsidized fund, the New Rural Cooperative Medical Scheme, and formed the National Advisory Committee on Immunization, whose tasks include comprehensive collection and evaluation of scientific data. China became one of the first countries to join the Global Alliance for Vaccines and Immunization. Based on the analysis of statistical data, the author shows that the development of preventive immunization in China ultimately not only improved the overall health of Chinese citizens, but also contributed to the progress of public health throughout the world. It is noted that the level and scale of domestic vaccine development play an indispensable role in the ability to respond to emergency situations. The PRC has made considerable efforts to strengthen its influence in various regions of the globe with the help of its vaccines. It is a great achievement that China is able to effectively develop its National Immunization Program, greatly increasing the speed and quality of vaccine development, as well as control measures for produced vaccines, both at the legislative and technological level, especially in connection with the COVID-19 pandemic. The article uses scientific research materials from Chinese and other foreign scientists published in monographs and scientific journals, as well as information from official Chinese sources.

Key words:

China, healthcare, history, pandemic, investment, vaccines, National Immunization Program, COVID-19.

For citation:

Gerasimova T.G. History of Vaccination in China: Modern Stage // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 127–141. DOI: 10.31857/S0131281224050096.

References

- Haijun Zhang *et al.* Adding new childhood vaccines to China's National Immunization Program: evidence, benefits, and priorities. *Lancet Public Health*. 2023. Vol. 8. Pp. e1016–24. DOI:10.1016/S2468-2667(23)00248-7
- Hao Yang, Hao Tan, Jintao Zhang, Mengying Yang. China's pivot from zero-COVID strategy and the role of vaccines. *Health Policy and Technology*. 2024. Vol. 13. Iss. 1. Article 100786. Pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.hlpt.2023.100786
- Haonan Zhang, Bryan Patenaude, Chao Ma, Hai Fang. Vaccine pricing strategies in China. *BMJ Global Health*. 2023. Vol. 8. Article e011405. Pp. 1–5. DOI:10.1136/bmjgh-2022-011405.
- Huizhen Zheng *et al.* Epidemiological changes in measles infections in southern China between 2009 and 2016: a retrospective database analysis. *BMC Infectious Diseases* 2020. Vol. 20. Article 197. Pp. 1–10. DOI:10.1186/s12879-020-4919-x
- Jiuling Li *et al.* Promoting higher-valent pediatric combination vaccines in China: challenges and recommendations for action. *Infectious Diseases of Poverty*. 2024. Vol. 13. Article 12. Pp. 1–11. DOI:10.1186/s40249-024-01181-9
- Marjan Mohamadi *et al.* COVID-19 Vaccination Strategy in China: A Case Study. *Epidemiologia (Basel)*. 2021. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 402–425. DOI: 10.3390/epidemiologia2030030
- Shu Chen, Laiang Yao, Weibing Wang, Shenglan Tang. Developing an effective and sustainable national immunisation programme in China: issues and challenges. *The Lancet Public Health*. 2022. Vol. 7. Iss. 12. Pp. e1064-e1072. DOI:10.1016/S2468-2667(22)00171-2
- Su Qiru. Epidemiology of Measles in China, 2015–2016. *Chinese Journal of Vaccines and Immunization*. 2018. Vol. 24, No. 2, Pp. 146–151.
- Wen Zheng *et al.* COVID-19 vaccination program in the mainland of China: a subnational descriptive analysis on target population size and current progress. *Infectious Diseases of Poverty*. 2021. Vol. 10. Article 124. Pp. 1–10. DOI: 10.1186/s40249-021-00909-1
- Wenzhou Yu *et al.* Vaccine-preventable disease control in the People's Republic of China: 1949–2016. *Vaccine*. 2018. Vol. 36. Iss. 52. Pp. 8131–8137. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.10.005
- Xiaodong Tan, Xiangxiang Liu, Haiyan Shao. Healthy China 2030: A Vision for Health Care. *Value in Health Regional Issues*. 2017. Vol. 12. Pp. 112–114. DOI: 10.1016/j.vhri.2017.04.001
- Xiuli Wang, Yaru Fan, Wei Wang. Investigation of non-National Immunization Program vaccination intentions in rural areas of China. *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article 1485. Pp. 1–12. DOI:10.1186/s12889-023-16390-4
- Yaming Zheng, *et al.* The landscape of vaccines in China: history, classification, supply, and price. *BMC Infectious Diseases*. 2018. Vol. 18. Article 502. Pp. 1–8. DOI:10.1186/s12879-018-3422-0
- Zhiming Huang, Zhihao Fu, Junzhi Wang. Review on Drug Regulatory Science Promoting COVID-19 Vaccine Development in China. *Engineering*. 2022. Vol. 10. Pp. 127–132. DOI: 10.1016/j.eng.2022.01.001
- 张颖等: 基于腺病毒载体技术平台的新型冠状病毒疫苗研发和应用进展 [Zhang Ying *et al.* Research and application of the SARS-CoV-2 vaccine based on adenovirus vector technology platform]. 中华预防医学杂志. 2023. 第57卷. 第7期. 第1082–1095 页. DOI: 10.3760/cma.j.cn112150-20230419-00309. (In Chin.)
- 江永红: 中国疫苗百年纪实 1919–2019 [Jiang Yonghong. China's hundred-year history of vaccination, 1919–2019]. 香港: 开明书店, 2021年. 513 页. (In Chin.)

Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при председателе КНР Си Цзиньпине (2012–2024 гг.)

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050104

Буяров Дмитрий Владимирович

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет (адрес: 675002, Благовещенск, ул. Ленина, 104). ORCID 0000–0002–8337–6817.

E-mail: buyarov_d@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

Аннотация:

Национальный вопрос традиционно является актуальной проблемой для Китая как многонационального государства, включающего в том числе национальные автономные районы. Национальная политика центрального правительства является одним из важнейших направлений развития и сохранения целостности КНР. В статье представлен анализ политики председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в отношении Синьцзян-Уйгурского автономного района в период с 2012 по 2024 г. После прихода к власти Си Цзиньпин провозгласил курс осуществления «китайской мечты», направленный на возрождение китайской нации. В рамках реализации этой концепции претерпела изменения и национальная политика коммунистической партии в Синьцзяне. Усилия центрального и регионального правительств сконцентрировались не только на экономическом развитии автономного района, но и на этническом сплочении и стабилизации обстановки в регионе. Синьцзян-Уйгурский автономный район имеет большое значение для КНР с точки зрения ресурсной базы, внешней торговли, геополитического положения, и в то же время это регион с высокой степенью экстремистской угрозы. С целью стабилизации ситуации в автономном районе китайское правительство осуществило комплекс мер по развитию законодательной базы, укреплению национальной идеологии, пресечению проявлений религиозного экстремизма, борьбе с радикально настроенными представителями национальных меньшинств. Китайское правительство исходит из того, что без жестких мер по подавлению национализма этнических меньшинств неизбежно усилятся сепаратизм и центробежные тенденции. В целом курс Си Цзиньпина в Синьцзяне оказался успешным, многие из ранее поставленных задач были решены, а национальная политика получила дальнейшее позитивное развитие.

Ключевые слова:

Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, национальная политика, Си Цзиньпин, национальные меньшинства, этническое единство, дезэкстремизация.

Для цитирования:

Буяров Д.В. Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при председателе КНР Си Цзиньпине (2012–2024 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 142–155. DOI: 10.31857/S0131281224050104.

Китайская Народная Республика является крупным полиэтническим государством, а национальная ситуация в Китае отличается сложными и противоречивыми межэтническими отношениями. Национальная политика центрального правительства является одним из важнейших направлений развития КНР и сохранения целостности страны.

Одним из наиболее проблемных регионов в этом контексте является Синьцзян-Уйгурский автономный район, который занимает особое место в истории и геополитике Китая. Это традиционно неспокойный регион, для истории которого было характерно стремление к самостоятельности и отделению. В последней четверти XX — начале XXI в. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе наблюдался рост межэтнической напряженности, сепаратистских настроений и проявлений религиозного экстремизма. Ки-

тайское руководство в лице Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао пыталось решать эти проблемы путем экономического развития автономного района. С приходом к власти Си Цзиньпина подход к стабилизации обстановки в Синьцзяне изменился. Параллельно с экономическими мероприятиями центральное и региональное правительства стали более активно применять силовые механизмы подавления протестных движений, а также укреплять идеологическое строительство. В рамках борьбы с «тремя видами зла» (сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом) власти КНР усилили внимание к укреплению национального единства в автономном районе.

В статье рассматривается содержание и специфика национальной политики правительства КНР, реализуемой в СУАР в период руководства Си Цзиньпина, курс которого отличается от политики его предшественников. В центре исследования — национальный вопрос о положении этнических меньшинств, осуществлении районной национальной автономии и обеспечении безопасности на национальных окраинах.

Национальная политика в СУАР в условиях борьбы с терроризмом и экстремизмом

Когда Си Цзиньпин стал высшим руководителем КПК в 2012 г., его воспринимали как умеренного политика, который будет осуществлять поэтапное реформирование страны. Однако Си Цзиньпин отошел от предыдущего курса, отказавшись от принципов коллективного руководства и ротации высшего руководства КНР. Подобно Мао Цзэду, Си Цзиньпин сконцентрировал в своих руках широкие полномочия. Примечательно, что в своих выступлениях Председатель КНР ссылается на распад Советского Союза как предупреждение для Коммунистической партии Китая¹. Для предотвращения подобного развития событий он пошел на ужесточение партийного контроля над китайским обществом. Авторитарный, но, как показала практика, эффективный курс генерального секретаря получил реализацию в системе управления Синьцзян-Уйгурским автономным районом. В.В. Михев и С.А. Луконин акцентируют внимание на такой тенденции, как «продолжающееся усиление личной власти и авторитета Си Цзиньпина и контроля партии над экономическим и общественным развитием страны»².

Особый стратегический статус Синьцзяна определяется тем, что он является ключевым районом для реализации стратегии развития Западных регионов КНР, внешне-экономическими воротами Китая в страны Центральной Азии, важнейшей ресурсно-энергетической базой и барьером от террористической угрозы на северо-западе³. В свою очередь, национальная политика КПК в Синьцзяне направлена на привитие китайских ценностей национальным меньшинствам. Численность неханьских народов СУАР составляет 25,85 млн человек (58 % населения автономного района)⁴.

¹ 习近平: 努力成长为对党和人民忠诚可靠、堪当时代重任的栋梁之才 [Си Цзиньпин. Стремиться вырасти в талантливого человека, преданного и надежного по отношению к партии и народу и достойного выполнения важных обязанностей времени] // 求是网. 2023年.
URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (дата обращения: 25.09.2024).

² Михев В.В., Луконин С.А. «Китайские горки» — 2: на рубеже 2023–2024 гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 7. С. 74. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-68-78

³ 陈宏: 学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵 [Чэнь Хун. Научитесь понимать содержание и значение стратегии Генерального секретаря Си Цзиньпина по управлению Синьцзяном] // 湖南省人民政府门户网站. 2017年. URL: https://mzw.hunan.gov.cn/mzw/tslm_71320/lltt/mzyj/201710/t20171009_4592051.html (дата обращения: 25.09.2024).

⁴ 中国人口普查年鉴 [Ежегодник переписи населения Китая] // 国家统计局. 2020年.
URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7tp/zk/indexch.htm> (дата обращения: 25.09.2024).

В период с 2010 г. по 2016 г. секретарем КПК СУАР был Чжан Чуньсянь, назначенный руководителем Синьцзяна после волнений в июле 2009 г., в ходе которых погибло около 200 человек. Чжан осуществлял политику, направленную на стабилизацию обстановки в автономном районе, и в начале 2012 г. заявил о курсе по деэкстремизации⁵. Для реализации этой концепции в регионе, в соответствии с установками Си Цзиньпина, в мае 2013 г. в Синьцзяне был опубликован документ под названием «Несколько руководящих мнений о дальнейшем контроле за незаконной религиозной деятельностью и пресечении проникновения религиозных экстремистских идей» (Документ автономного округа № 11)⁶. В Документе № 11, характеризующем религиозный экстремизм как «раковую опухоль», были определены способы «повышения иммунитета народных масс» посредством мер по деэкстремизации. Среди 26 видов незаконной религиозной деятельности в том числе указаны: несанкционированное религиозное обучение и действия по принуждению других лиц к религиозной практике, использование без специального разрешения информационных технологий для религиозной пропаганды и другие правонарушения.

К середине 2013 г. центральное правительство КНР все еще беспокоила ситуация с безопасностью в Синьцзяне. По сообщениям Синьхуа, 26 июня 2013 г. в округе Турфан на этно-религиозной почве произошли столкновения между местными жителями и полицией, в результате чего погибло 27 человек. В Пекине состоялось специальное совещание по вопросам поддержания стабильности в Синьцзяне под председательством Си Цзиньпина. По его решению в регион был направлен Юй Чжэншэн — председатель ВК Народного политического консультативного совета Китая. Высокий ранг чиновника свидетельствовал о важности миссии по умиротворению беспокойной провинции. Одновременно председатель народного правительства СУАР Нур Бекри заявил, что в регионе будет «решительно искореняться среда для религиозного экстремизма»⁷. В свою очередь, Чжан Чуньсянь указал, что в Синьцзяне будет вестись «народная война с терроризмом»⁸. С 2014 г. курс «деэкстремизации» (去极端化) стал лозунгом региональной политики.

В мае 2014 г. через месяц после визита Си Цзиньпина в Синьцзян была созвана Вторая центральная рабочая конференция по Синьцзяну. В качестве одной из ключевых проблем региона был обозначен религиозный экстремизм. На этой конференции Си Цзиньпин поднял вопрос о том, что этническая и религиозная идентичность национальных меньшинств является более важной причиной этнических проблем Синьцзяна,

⁵ 陈芳: 新疆去极端化调查 [Чэнь Фан. Исследование по дерадикализации в Синьцзяне] // 凤凰新媒体. 2024年. URL: <https://web.archive.org/web/20230916014913/https://news.ifeng.com/mainland/special/xjqjdh/> (дата обращения: 25.09.2024).

⁶ 自治区党委办公厅、自治区人民政府办公厅印发了《关于进一步依法治理非法宗教活动遏制宗教极端思想渗透工作的若干指导意见》[Главное управление партийного комитета и Главное управление народного правительства автономной области опубликовали «Несколько руководящих мнений о дальнейшем контроле за незаконной религиозной деятельностью в соответствии с законом и пресечении проникновения религиозных экстремистских идей»] // 且末党建网. 2014年. URL: <https://web.archive.org/web/20170626033236/http://qmx.xjkunlun.cn:80/tzgz/zcfg/2014/515095.htm> (дата обращения: 25.09.2024).

⁷ 努尔白克力发表电视讲话 [Нур Бекри выступил с телеобращением] // 中国共产党新闻. 2013年. URL: <https://web.archive.org/web/20221021154513/http://cpc.people.com.cn/n/2013/0701/c64396-22030310.html> (дата обращения: 27.09.2024).

⁸ 张春贤: 要早出手重手把暴恐分子气焰打下去 [Чжан Чуньсянь. Мы должны оперативно действовать и предпринять серьезные меры, чтобы победить терроризм] // 人民网. 2013年. URL: <https://politics.people.com.cn/n/2013/0630/c1001-22020361.html> (дата обращения: 27.09.2024).

нежели экономические проблемы⁹. Председатель КНР отметил важность национальной политики КПК, ориентированной на национальное единство и необходимость сплочения всех этнических групп в китайскую национальную общность¹⁰.

В официальной речи Си Цзиньпина в сентябре 2014 г. получили отражение идеи китаизации. Председатель КНР подчеркнул «необходимость усиления четырех идентичностей китайских граждан: идентификацию с китайской родиной, китайской нацией, китайской культурой и социализмом с китайской спецификой»¹¹.

С августа 2016 г. по декабрь 2021 г. главой парткома КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района являлся Чэнь Цюаньго, возглавлявший ранее партийную организацию Тибетского автономного района и зарекомендовавший там себя в качестве жесткого руководителя. После перевода в Синьцзян Чэнь Цюаньго продолжил политику усиления контроля за этническими меньшинствами автономного района, что одновременно должно было способствовать китаизации.

Как пишет А.В. Ломанов: «Курс на китаизацию идей и институтов стал лейтмотивом правления Си Цзиньпина. Распространение этой политики на сферу религии было неминуемо»¹². Выступая на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что «необходимо реализовывать политику партии в религиозной работе, придерживаться курса на направление китайских религий и активно адаптировать религию к реалиям социалистического общества»¹³. Фактически речь шла о контроле партии над религиями. Программа китаизации в первую очередь была направлена на Синьцзян. По мнению И.Ю. Зуенко, «борьба с сепаратизмом, равно как и еще с двумя проявлениями “сил зла” (экстремизмом и терроризмом), в представлении китайского руководства оказалась тесно связана с борьбой за синификацию ислама»¹⁴. В то же время китайский исследователь Чжан Баочжэнь указывает: «Политика Китая по снижению уровня экстремизма в СУАР может оцениваться как нежелательная с западно-либеральной точки зрения, но она не является злостной и антиисламской»¹⁵.

В марте 2017 г. ПК СНП СУАР принял Положение о дезэкстремизации Синьцзян-Уйгурского автономного района¹⁶. Этот документ определял степень ответственности за

⁹ Millward J.A. (Identity) Politics in Command: Xi Jinping's July Visit to Xinjiang // *The China Story*. August 16, 2022. URL: <https://www.thechinastory.org/identity-politics-in-command-xi-jinpings-july-visit-to-xinjiang/> (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁰ 习近平：坚持依法治疆团结稳疆长期建疆 团结各族人民建设社会主义新疆 [Си Цзиньпин. Придерживаться верховенства закона в Синьцзяне, объединить и стабилизировать Синьцзян в долгосрочной перспективе и объединить людей всех этнических групп для построения социалистического Синьцзяна] // 人民网. 2014 г. URL: <https://cpc.people.com.cn/n/2014/0530/c64094-25083518.html> (дата обращения: 27.09.2024).

¹¹ 习近平：在中共中央民族工作会议上的讲话 [Си Цзиньпин. Доклад на совещании ЦК КПК по национальной работе] // 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014 г. URL: https://www.jlszx.gov.cn/zxxx/syxs/202211/t20221114_1085906.html (дата обращения: 27.09.2024).

¹² Ломанов А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // *Международная аналитика*. 2021. № 12 (4). С. 102.

¹³ 习近平：在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] // 党史学习教育. 2017 г. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁴ Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 2024. С. 128.

¹⁵ Zhang B. An Analysis of China's Muslim-Related Policies from the Perspectives of Ethnic Heterogeneity, Sinicization and «Anxiety Management» // *Islamophobia Studies Journal*. 2022. Vol. 7 (1). P. 45. DOI: 10.13169/islastudj.7.1.0045

¹⁶ 新疆维吾尔自治区去极端化条例 [Положение о дезэкстремизации Синьцзян-Уйгурского автономного района] // 新疆维吾尔自治区人民政府 2017 г. URL: <https://web.archive.org/web/20180518073906/https://www.xinjiang.gov.cn/2017/03/30/128831.html> (дата обращения: 28.09.2024).

проявления религиозного экстремизма и основные методы борьбы с ним. В соответствии с Положением государственные органы должны были усилить официальную пропаганду и контроль за населением. К работе по дерадикализации стали активнее привлекаться профсоюзы, Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайская федерация женщин, Ассоциация науки и технологий, религиозные организации, учебные заведения всех уровней, СМИ. В статье 14 документа говорилось о необходимости специального обучения, включающего повышение правовой сознательности, повышение идеологического уровня граждан, психологические консультации и профессиональную переподготовку. Таким образом, документ становился юридической базой для организации специальных учебных центров по перевоспитанию политически неблагонадежных жителей Синьцзяна. Это было действительно необходимо в условиях сохранения экстремистской угрозы. Как отмечали китайские эксперты, Положение о дээкстремизации было ориентировано не на наказание, а на профилактику и просвещение¹⁷.

С весны 2017 г. в Синьцзяне началась «кампания по перевоспитанию». Радикально настроенных представителей национальных меньшинств стали задерживать и направлять в специальные «учебные профессиональные центры». Задержания осуществлялись в соответствии с юридическими нормами. В подобные учреждения помещались подозреваемые в сепаратистских настроениях и симпатиях к религиозному экстремизму. С задержанными проводилась идейно-воспитательная работа, они изучали специальную литературу, чтобы стать лояльными по отношению к коммунистической партии и государству. Кроме того, находившиеся в учебных центрах должны были получать востребованную специальность, изучать китайский язык и в целом социализироваться в соответствии с программой китаизации¹⁸.

Профессор партийной школы СУАР Чэнь Хун охарактеризовал основное направление стратегии Си Цзиньпина по управлению Синьцзяном как обеспечение социальной стабильности и установление долгосрочного мира¹⁹. Китайские исследователи называют Синьцзян «одновременно линией фронта и основным полем битвы в борьбе с терроризмом и сепаратизмом». Что касается религиозного экстремизма, то он имеет внутренние корни, но одновременно проникает извне, с территории соседних государств. Для решения проблем терроризма и экстремизма необходимо повышение уровня жизни населения автономного района.

Си Цзиньпин выделяет несколько векторов в решении этой проблемы. Во-первых, в рамках поддержания стабильности необходимо, используя превентивные меры и суровые наказания, вести борьбу с терроризмом. Во-вторых, усилить просвещение населения, включая идеологическую работу и пропаганду, распространение традиционной культуры Китая, популяризацию социалистических ценностей. В-третьих, вести работу в религиозной сфере, обеспечивать гарантии удовлетворения традиционных религиозных потребностей населения и осуществлять контроль и пресечение незаконной религиозной

¹⁷ Mao W., Cui J. New Xinjiang Regulation Aims to Prevent Extremism // *China Daily*. March 31, 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-03/31/content_28747922.htm (дата обращения: 28.09.2024).

¹⁸ Buyarov D. Some Aspects of China's National Policy in Xinjiang in XXI Century // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2022. Vol. 126. Pp. 192–203. DOI: 10.15405/epsbs.2022.06.22

¹⁹ 陈宏: 学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵 [Чэнь Хун. Научитесь понимать содержание и значение стратегии Генерального секретаря Си Цзиньпина по управлению Синьцзяном] // 湖南省人民政府门户网站. 2017年. URL: https://mzw.hunan.gov.cn/mzw/tslm_71320/llt/mzyj/201710/t20171009_4592051.html (дата обращения: 25.09.2024).

деятельности²⁰. В-четвертых, усиливать безопасность в регионе — укреплять пограничный контроль, повышать эффективность работы правоохранительных органов, в том числе полиции. В-пятых, усиливать кибербезопасность, в т.ч. контроль за интернетом, социальными сетями, мобильными приложениями и смартфонами населения²¹.

Национальная политика в СУАР в условиях стабилизации обстановки

На Третьей центральной рабочей конференции по Синьцзяну в сентябре 2020 г. Си Цзиньпин заявил, что национальная политика коммунистической партии в СУАР оказалась успешной и удалось достичь стабильности²². Он также призвал приложить усилия по повышению эффективности промышленного сектора автономного района, уровня урбанизации и защите окружающей среды. Говорил Си Цзиньпин и о необходимости уделять приоритетное внимание занятости населения, внешней торговле, привлечению внешних и внутренних инвестиций²³. Как отмечают Фу Линцы и Л.В. Лбова: «Программные установки Си Цзиньпина выводят национальную политику на новый уровень, тесно связывая ее с политическими и экономическими реформами, которые плавно нивелируют культурные различия»²⁴. В декабре 2021 г. на смену Чэнь Цюаньго пришел опытный технократ — Ма Синжуй. После назначения Ма Синжуя на должность секретаря партийного комитета КПК СУАР интенсивность силовых мероприятий и жесткость контроля несколько уменьшились. Так, было сокращено количество контрольно-пропускных пунктов на дорогах и число полицейских постов в населенных пунктах.

После восьмилетнего перерыва, в середине июля 2022 г. Си Цзиньпин вновь посетил Синьцзян-Уйгурский автономный район. В сопровождении секретаря партийного комитета СУАР Ма Синжуя и председателя правительства СУАР Эркина Туниязя генеральный секретарь осмотрел культурно-туристические достопримечательности и экономические объекты Восточного Синьцзяна²⁵.

По-прежнему большое внимание Си Цзиньпин уделял экономическому развитию региона, которое рассматривалось им как один из важнейших инструментов борьбы с «тремя силами зла». Находясь в Урумчи, Си Цзиньпин заявил, что «по мере развития сотрудничества в рамках "Одного пояса, одного пути" Синьцзян перестал быть отдаленным уголком, а превращается в ключевой центр». Председатель КНР неоднократно отме-

²⁰ 陈宏: 学习领会习近平总书记记治疆方略的要义和内涵 [Чэнь Хун. Научитесь понимать содержание и значение стратегии Генерального секретаря Си Цзиньпина по управлению Синьцзяном] // 湖南省人民政府门户网站. 2017年. URL: https://mzw.hunan.gov.cn/mzw/tslm_71320/lltt/mzyj/201710/t20171009_4592051.html (дата обращения: 25.09.2024).

²¹ Buyarov D. Some Aspects of China's National Policy in Xinjiang in XXI Century // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2022. Vol. 126. Pp. 192–203. DOI: 10.15405/epsbs.2022.06.22

²² 习近平在第三次中央新疆工作座谈会上发表重要讲话 [Си Цзиньпин выступил с важной речью на Третьей Центральной рабочей конференции в Синьцзяне] // 中华人民共和国中央人民政府. 2020年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-09/26/content_5547383.htm (дата обращения: 28.09.2024).

²³ Xi Focus: Xi Stresses Building Xinjiang Featuring Socialism with Chinese Characteristics in New Era // *XinhuaNet*. October 16, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/26/c_139399524.htm (дата обращения: 28.09.2024).

²⁴ 傅 Л., Лбова Л.В. Современная политика правительства КНР в урегулировании этноконфессиональных конфликтов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Россия в глобальном мире*. 2022. № 23 (46). С. 65. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4

²⁵ Millward J.A. (Identity) Politics in Command: Xi Jinping's July Visit to Xinjiang // *The China Story*. August 16, 2022. URL: <https://www.thechinastory.org/identity-politics-in-command-xi-jinpings-july-visit-to-xinjiang/> (дата обращения: 27.09.2024).

чал, что развитие является важной основой для прочного мира и стабильности в Синьцзяне, необходимо использовать географические преимущества для развития Синьцзяна как ключевого региона «Экономического пояса Шелкового пути» и центра открытости во внутренних и приграничных районах²⁶. Действительно, как отмечают Е.С. Баженова и А.В. Островский: «Успех национальной политики, проводимой в КНР, во многом будет зависеть от реализации возможностей экономической, социальной и культурной жизни населения территорий на Западе страны»²⁷.

На XX съезде КПК (16–22 октября 2022 г.) Си Цзиньпин заявил: «необходимо придерживаться китаизации религий и активно направлять религии на адаптацию к социалистическому обществу»²⁸. Частично этот тезис повторял его заявление на XIX съезде. Это означало еще большее усиление контроля за конфессиями, в первую очередь за исламом, который исповедует 58 % населения Синьцзяна²⁹. В автономном районе усилился контроль за аттестацией мусульманского духовенства, стали вносить изменения в интерьер и экстерьер мечетей, видоизменяя их архитектурный облик на китайский лад.

Во время своего визита в августе 2023 г. в Синьцзян Си Цзиньпин подчеркнул, что социальная стабильность остается главным приоритетом: «Мы должны объединить антитеррористическую и антисепаратистскую борьбу с законодательными мерами и постоянными усилиями по поддержанию стабильности... Китаизация ислама должна быть углублена, чтобы эффективно бороться со всеми видами незаконной религиозной деятельности»³⁰.

В проведении национальной политики Си Цзиньпин регулярно обращается к конфуцианству и китайским идеологам XX в., в том числе Сунь Ятсену. В работах Сунь Ятсена фигурирует понятие единой нации — «чжунхуа миньцзу» (中华民族). Этот термин стал активно использоваться в официальных выступлениях лидера КНР. Так, находясь в Синьцзяне в 2022 г., он заявил, что «каждый миньцзу [этнос] Синьцзяна является важным членом великой семьи Чжунхуа миньцзу с которой связаны его родословная и общая судьба»³¹.

²⁶ Xi Focus: Xi Stresses Building Xinjiang Featuring Socialism with Chinese Characteristics in New Era // *XinhuaNet*. October 16, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/26/c_139399524.htm (дата обращения: 28.09.2024).

²⁷ Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути. М.: МБА, 2016. С. 81.

²⁸ 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Держите высоко великое знамя социализма с китайской спецификой и вместе работайте над всесторонним строительством современной социалистической страны — Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] // 中华人民共和国中央人民政府. 16.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 28.09.2024).

²⁹ Chang K. «New Wine in Old Bottles»: Sinicization and State Regulation of Religion in China // *China Perspectives*. 2018. No. 1–2. Pp. 37–44.

³⁰ 习近平在听取新疆维吾尔自治区党委和政府 新疆生产建设兵团工作汇报时强调 牢牢把握新疆在国家全局中的战略定位 在中国式现代化进程中更好建设美丽新疆 [Заслушав отчет о работе партийного комитета СУАР и СПСК, Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо правильно оценивать стратегическое положение Синьцзяна в общенациональной обстановке и модернизировать прекрасный Синьцзян в китайском стиле] // 中國中央電視臺. 2023年. URL: <https://news.cctv.com/2023/08/26/ARTIO14QAfgGHwFrnX37EZK1230826.shtml> (дата обращения: 26.09.2024).

³¹ 习近平: 加强文化遗产保护传承 弘扬中华优秀传统文化 [Си Цзиньпин. Усилить защиту культурного наследия и продвигать великую традиционную культуру Китая] // 中华人民共和国国防. 2024年. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/gc/xjp/2024_246930/16301036.html (дата обращения: 28.09.2024).

С целью формирования в общественном мнении позитивного образа Синьцзяна правительство автономного района провело серию специальных мероприятий, включая конференции и публикацию материалов. Всего за последние 15 лет было организовано около 70 пресс-конференций по проблемам Синьцзяна, выпущено 12 официальных отчетов, в том числе «Борьба с терроризмом, искоренение экстремизма и защита прав человека в Синьцзяне» и «Некоторые исторические проблемы в Синьцзяне». Приглашение в СУАР получили более 150 групп из более чем 100 стран и регионов, в том числе дипломатические представители и должностные лица ООН, которых ознакомили с обстановкой в автономном районе. Помимо этого, была выпущена серия документальных фильмов («Исторический след Синьцзяна», «Религиозные верования в Синьцзяне» и др.), которые знакомят зрителей с этнокультурной обстановкой в провинции³².

* * *

С момента распада СССР лидеры КНР, анализируя уроки прошлого, вырабатывали собственную стратегию. Сегодня Пекин пытается держать свои периферийные территории, в том числе и Синьцзян, под строгим контролем. Китайское правительство исходит из того, что без жестких мер по подавлению национализма этнических меньшинств будут развиваться сепаратизм и центробежные тенденции. За данными политическими установками стоит стремление избежать ошибок, которые привели к распаду СССР.

В последние годы наблюдается усиление личной власти председателя КНР, государственная пропаганда ставит Си Цзиньпина на один уровень с Мао Цзэдуном³³. В то же время, как отмечают китайские исследователи, «подход Си к государственному управлению больше напоминает взгляды Лю Шаоци, который избирательно адаптировал конфуцианские идеи для построения китаизированного партийного государства». По мнению профессора С. Цанга, Си Цзиньпин не стремится к внедрению либеральных ценностей³⁴. И это, безусловно, оправдано в целях предупреждения варианта «цветной революции» в Синьцзяне.

Одним из ключевых лозунгов политики Си Цзиньпина является «китайская мечта». Суть этой стратегии в том, чтобы не просто укрепить Китай, а поднять представление о нем до уровня имперского могущества. В этой концепции есть место и Синьцзяну³⁵. Синьцзян-Уйгурский автономный район рассматривается руководством КНР как торговые ворота со странами Центральной Азии, важнейший хаб в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», регион с богатыми природно-сырьевыми ресурсами, от которых зависит экономическое развитие Китая. Стратегия достижения «китайской мечты» также сопряжена с целями национальной политики. Еще в марте 2013 г. на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва Си Цзиньпин указал, что для достижения «китайской мечты» необходимо «идти по китайскому пути», «возвышать китайский дух» и «объединять силы нации»³⁶. Эти условия нашли свое воплощение и в национальной политике, нацеленной на китаизацию и усиление национального единства этнических групп СУАР.

³² Guixiang X. The 69th Press Conference on Xinjiang-related Issues by Xinjiang Uyghur Autonomous Region (28th in Beijing) // *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America*. March 2, 2022. URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt_120777/dmxj/xjfabuhui/28thpressconference/202203/t20220329_10656900.htm (дата обращения: 28.09.2024).

³³ Михеев В.В., Луконин С.А. «Китайские горки» — 2: на рубеже 2023–2024 гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 7. С. 74. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-68-78

³⁴ Tsang S. What is Xi Jinping Thought? // *Society & Culture*. February 11, 2019. URL: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/what-is-xi-jinping-thought> (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵ Tsang S., Cheung O. The Political Thought of Xi Jinping. Oxford University Press, 2023. 294 p.

³⁶ Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 53–54.

После более чем трех десятилетий прагматичной, ориентированной на экономическое развитие политики Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао вектор китайской политики при Си Цзиньпине смещается в сторону национальной безопасности. После террористических атак, совершенных уйгурскими террористами в Пекине в 2013 г., в Куньмине и Урумчи в 2014 г., наряду с экономическим развитием повышенное внимание стало уделяться обеспечению безопасности. Подобная политика помогла добиться положительных изменений, жесткий стиль руководства в отношении терроризма, экстремизма и регионального сепаратизма погасил волну насилия. Наглядным показателем успеха этого курса служит отсутствие подобных терактов в КНР после 2014 г. Некоторым исключением является террористическая атака в декабре 2016 г. в СУАР, в ходе которой четверо террористов были ликвидированы³⁷. Это событие не получило широкого резонанса и не принижает успехов антитеррористической деятельности в автономном районе. Стабилизация обстановки, достигнутая в том числе силовыми методами, во многом является заслугой генерального секретаря КПК и, как отмечает А.В. Виноградов, «поражение нынешнего руководства будет означать вхождение Китая в фазу политической нестабильности, следствием которой станет обострение национальных и религиозных проблем, усиление регионализма, прежде всего в Синьцзяне, других национальных образованиях»³⁸.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе осуществляются массовые мероприятия по укреплению «этнического единства» и «деэкстремизации», направленные, в частности, на китаизацию ислама, а также усиления контроля за религиозными институтами и радикально настроенными представителями мусульманского духовенства, религиозных общин, этнических меньшинств.

В целом политика Си Цзиньпина в Синьцзян-Уйгурском автономном районе оказалась результативной, способствовала социально-экономическому развитию и стабилизации обстановки в провинции. В то же время сохраняется комплекс проблем: этнокультурные и экономические противоречия между ханьским населением и национальными меньшинствами, среди которых преобладают уйгуры, сохранение сепаратистских настроений и проявлений религиозного экстремизма, а также экономическое отставание Синьцзяна от развитых приморских провинций Китая.

Литература

- Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути. М.: МБА, 2016. 276 с.
- Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XX века // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 3. С. 131–145. DOI: 10.18611/2221–3279–2017–8–3–131–145
- Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 2024. 320 с.
- Ломанов А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // *Международная аналитика*. 2021. № 12 (4). С. 88–105. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–4–88–105
- Михеев В.В., Луконин С.А. «Китайские горки» — 2: на рубеже 2023–2024 гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 7. С. 68–78. DOI: 10.20542/0131–2227–2024–68–7–68–78
- Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. 630 с.

³⁷ Guixiang X. The 60th Press Conference of Xinjiang Uygur Autonomous Region on Xinjiang-related Issues in Beijing // *Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Belgium*. November 17, 2021. URL: https://be.china-embassy.gov.cn/eng/zt/xinjiangE№1/202112/t20211220_10471909.htm (дата обращения: 29.09.2024).

³⁸ Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XX века // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 3. С. 142. DOI: 10.18611/2221–3279–2017–8–3–131–145

- Фу Л., Лбова Л.В. Современная политика правительства КНР в урегулировании этно-конфессиональных конфликтов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Россия в глобальном мире*. 2022. № 23 (46). С. 53–68. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4
- Buyarov D. Some Aspects of China's National Policy in Xinjiang in XXI Century // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2022. Vol. 126. Pp. 192–203. DOI: 10.15405/epsbs.2022.06.22
- Chang K. «New Wine in Old Bottles»: Sinicization and State Regulation of Religion in China // *China Perspectives*. 2018. No. 1–2. Pp. 37–44.
- Guixiang X. The 60th Press Conference of Xinjiang Uygur Autonomous Region on Xinjiang-related Issues in Beijing // *Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Belgium*. November 17, 2021. URL: https://be.china-embassy.gov.cn/eng/zt/xinjiangEN%1/202112/t20211220_10471909.htm (дата обращения: 29.09.2024).
- Guixiang X. The 69th Press Conference on Xinjiang-related Issues by Xinjiang Uygur Autonomous Region (28th in Beijing) // *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America*. March 2, 2022. URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt_120777/dmxj/xjfabuhui/28thpressconference/202203/t20220329_10656900.htm (дата обращения: 28.09.2024).
- Mao W., Cui J. New Xinjiang Regulation Aims to Prevent Extremism // *China Daily*. March 31, 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-03/31/content_28747922.htm (дата обращения: 28.09.2024).
- Millward J.A. (Identity) Politics in Command: Xi Jinping's July Visit to Xinjiang // *The China Story*. August 16, 2022. URL: <https://www.thechinastory.org/identity-politics-in-command-xi-jinpings-july-visit-to-xinjiang/> (дата обращения: 27.09.2024).
- Tsang S. What is Xi Jinping Thought? // *Society & Culture*. February 11, 2019. URL: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/what-is-xi-jinping-thought> (дата обращения: 29.09.2024).
- Tsang S., Cheung O. The Political Thought of Xi Jinping. Oxford University Press, 2023. 294 p.
- Xi Focus: Xi Stresses Building Xinjiang Featuring Socialism with Chinese Characteristics in New Era // *XinhuaNet*. October 16, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/26/c_139399524.htm (дата обращения: 28.09.2024).
- Zhang B. An Analysis of China's Muslim-Related Policies from the Perspectives of Ethnic Heterogeneity, Sinicization and «Anxiety Management» // *Islamophobia Studies Journal*. 2022. Vol. 7 (1). Pp. 45–55. DOI: 10.13169/islastudj.7.1.0045
- 中国人口普查年鉴 [Ежегодник переписи населения Китая] // 国家统计局. 2020年. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcs/rkpc/7rp/zk/indexch.htm> (дата обращения: 25.09.2024).
- 习近平: 坚持依法治疆团结稳疆长期建疆 团结各族人民建设社会主义新疆 [Си Цзиньпин. Придерживаться верховенства закона в Синьцзяне, объединить и стабилизировать Синьцзян в долгосрочной перспективе и объединить людей всех этнических групп для построения социалистического Синьцзяна] // 人民网. 2014年. URL: <https://cpc.people.com.cn/n/2014/0530/c64094-25083518.html> (дата обращения: 27.09.2024).
- 习近平: 在中共中央民族工作会议上的讲话 [Си Цзиньпин. Доклад на совещании ЦК КПК по национальной работе] // 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014年. URL: https://www.jlzx.gov.cn/zxxx/syxs/202211/t20221114_1085906.html (дата обращения: 27.09.2024).
- 习近平: 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] // 党史学习教育. 2017年. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (дата обращения: 27.09.2024).
- 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Держите высоко великое знамя социализма с китайской спецификой и вместе работайте над всесторонним строительством современной социалистической страны — Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] // 中华人民共和国中央人民政府. 2022年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 28.09.2024).
- 习近平: 努力成长为对党和人民忠诚可靠、堪当时代重任的栋梁之才 [Си Цзиньпин. Стремиться вырасти в талантливого человека, преданного и надежного по отношению к партии и народу и дос-

- тойного выполнения важных обязанностей времени] // 求是网. 2023年.
URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (дата обращения: 25.09.2024).
- 习近平: 加强文化遗产保护传承 弘扬中华优秀传统文化 [Си Цзиньпин. Усилить защиту культурного наследия и продвигать великую традиционную культуру Китая] // 中华人民共和国国防. 2024年. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/gc/xjp/2024_246930/16301036.html (дата обращения: 28.09.2024).
- 习近平在第三次中央新疆工作座谈会上发表重要讲话 [Си Цзиньпин выступил с важной речью на Третьей Центральной рабочей конференции в Синьцзяне] // 中华人民共和国中央人民政府. 2020年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-09/26/content_5547383.htm (дата обращения: 28.09.2024).
- 习近平在听取新疆维吾尔自治区党委和政府 新疆生产建设兵团工作汇报时强调 牢牢把握新疆在国家全局中的战略定位 在中国式现代化进程中更好建设美丽新疆 [Заслушав отчет о работе партийного комитета СУАР и СПСК, Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо правильно оценивать стратегическое положение Синьцзяна в общенациональной обстановке и модернизировать прекрасный Синьцзян в китайском стиле] // 中國中央電視臺. 2023年. URL: <https://news.cctv.com/2023/08/26/ARTIO14QAfgGHwFrnX37EZK1230826.shtml> (дата обращения: 26.09.2024).
- 努尔白克力发表电视讲话 [Нур Бекри выступил с телеобращением] // 中国共产党新闻. 2013年. URL: <https://web.archive.org/web/20221021154513/http://cpc.people.com.cn/n/2013/0701/c64396-22030310.html> (дата обращения: 27.09.2024).
- 新疆维吾尔自治区去极端化条例 [Положение о деструктивизации Синьцзян-Уйгурского автономного района] // 新疆维吾尔自治区人民政府. 2017年. URL: <https://web.archive.org/web/20180518073906/https://www.xinjiang.gov.cn/2017/03/30/128831.html> (дата обращения: 28.09.2024).
- 自治区党委办公厅, 自治区人民政府办公厅印发了
«关于进一步依法治理非法宗教活动遏制宗教极端思想渗透工作的若干指导意见» [Главное управление партийного комитета и Главное управление народного правительства автономной области опубликовали «Несколько руководящих заключений по дальнейшему контролю за незаконной религиозной деятельностью в соответствии с законом и пресечению проникновения религиозных экстремистских идей»] // 且末党建网. 2014年. URL: <https://web.archive.org/web/20170626033236/http://qmx.xjkunlun.cn:80/tzgz/zcfg/2014/515095.htm> (дата обращения: 25.09.2024).
- 张春贤: 要早出手出重手把暴恐分子气焰打下去 [Чжан Чуньсянь. Мы должны оперативно действовать и предпринять серьезные меры, чтобы победить терроризм] // 人民网. 2013年. URL: <https://politics.people.com.cn/n/2013/0630/c1001-22020361.html> (дата обращения: 27.09.2024).
- 陈宏: 学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵 [Чэнь Хун. Научитесь понимать содержание и значение стратегии Генерального секретаря Си Цзиньпина по управлению Синьцзяном] // 湖南省人民政府门户网站. 2017年. URL: https://mzw.hunan.gov.cn/mzw/tslm_71320/llt/mzyj/201710/t20171009_4592051.html (дата обращения: 25.09.2024).
- 陈芳: 新疆去极端化调查 [Чэнь Фан. Исследование по дерадикализации в Синьцзяне] // 凤凰新媒体. 2024年. URL: <https://web.archive.org/web/20230916014913/https://news.ifeng.com/mainland/special/xjqjd/> (дата обращения: 25.09.2024).

Implementation of National Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region under President of China Xi Jinping (2012–2024)

Dmitry V. Buyarov

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of General History, Philosophy and Cultural Studies of the Blagoveshchensk State Pedagogical University (address: 104, Lenin Street, Blagoveshchensk, 675002). ORCID: 0000-0002-8337-6817. E-mail: buyarov_d@mail.ru

Received 10.10.2024.

Abstract:

The national question has traditionally been an urgent problem in China, as a multinational state that includes, among other things, national autonomous regions. In the context of the need to preserve the integrity of the country, the national policy of the central government is one of the most important directions of the development of the People's Republic of China. The article analyzes the policy of the President of the People's Republic of China Xi Jinping in relation to the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the period from 2012 to 2024. After coming to power, Xi Jinping proclaimed the course of realizing the «Chinese dream» aimed at reviving the Chinese nation. As part of the implementation of this concept, the national policy of the Communist Party in Xinjiang has also undergone changes. The efforts of the central and regional Governments focused not only on the economic development of the autonomous region, but also on ethnic cohesion and stabilization of the situation in the troubled region. The Xinjiang Uygur Autonomous Region is of great importance to the PRC in terms of its resource base, foreign trade, and geopolitical position, and at the same time it is a region with a high degree of extremist threat. In order to stabilize the situation in the autonomous region, the Chinese Government has implemented a set of measures to develop the legislative framework, strengthen national ideology, curb manifestations of religious extremism, and combat radical representatives of national minorities. The Chinese Government assumes that without harsh measures to suppress the nationalism of ethnic minorities, separatism and centrifugal tendencies will intensify. In general, Xi Jinping's course in Xinjiang turned out to be successful, many of the previously set tasks were solved, and the national policy was further continued.

Key words:

China, Xinjiang Uygur Autonomous Region, national policy, Xi Jinping, national minorities, ethnic unity, de-extremism

For citation:

Buyarov D.V. Implementation of National Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region under President of China Xi Jinping (2012–2024) // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 142–155. DOI: 10.31857/S0131281224050104.

References

- Bazhenova E.S., Ostrovskij A.V. Sin'czyan — gorizonty novogo Shelkovogo puti [Xinjiang — Horizons of the New Silk Road]. Moscow: «Izdatel'stvo MBA», 2016. 276 s. (In Russ.)
- Buyarov D. Some Aspects of China's National Policy in Xinjiang in XXI Century. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2022. Vol. 126. Pp. 192–203. DOI: 10.15405/epsbs.2022.06.22
- Chang K. «New Wine in Old Bottles»: Sinicization and State Regulation of Religion in China. *China Perspectives*. 2018. No. 1–2. Pp. 37–44.
- Fu L., Lbova L.V. Sovremennaya politika pravitel'stva KNR v uregulirovanii etno-konfessional'nyh konfliktov v Sin'czyan-Ujgurskom avtonomnom rajone [The Current Policy of the Government of the People's Republic of China in the Settlement of Ethnic and Religious Conflicts in the Xinjiang Uygur Autonomous Region]. *Rossiya v global'nom mire*. 2022. No. 23 (46). S. 53–68. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4 (In Russ.)
- Guixiang X. The 60th Press Conference of Xinjiang Uygur Autonomous Region on Xinjiang-related Issues in Beijing. *Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Belgium*. November 17, 2021. URL: https://be.china-embassy.gov.cn/eng/zt/xinjiangE№1/202112/t20211220_10471909.htm (accessed: 29.09.2024).
- Guixiang X. The 69th Press Conference on Xinjiang-related Issues by Xinjiang Uygur Autonomous Region (28th in Beijing). *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America*. March 2, 2022. URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt_120777/dmxj/xjfabuhui/28thpressconference/202203/t20220329_10656900.htm (accessed: 28.09.2024).
- Lomanov A.V. Adaptaciya i kitaizaciya: sovremennaya religioznaya politika rukovodstva KPK. [Adaptation and Sinification: Contemporary Religious Policy of the CPC Leadership]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2021. No. 12 (4). S. 88–105. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–4–88–105. (In Russ.)
- Mao W., Cui J. New Xinjiang Regulation Aims to Prevent Extremism. *China Daily*. March 31, 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-03/31/content_28747922.htm (accessed: 28.09.2024).

- Miheev V.V., Lukonin S.A. «Kitajskie gorki» — 2: na rubezhe 2023–2024 gg. [«Chinese Slides» — 2: at the Turn of 2023–2024]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2024. Vol. 68. No. 7. S. 68–78. DOI: 10.20542/0131–2227–2024–68–7–68–78. (In Russ.)
- Millward J.A. (Identity) Politics in Command: Xi Jinping's July Visit to Xinjiang. *The China Story*. August 16, 2022. URL: <https://www.thechinastory.org/identity-politics-in-command-xi-jinpings-july-visit-to-xinjiang/> (accessed: 27.09.2024).
- Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii [About Public Administration]. Peking: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykah. 2014. 630 s. (In Russ.)
- Tsang S. What is Xi Jinping Thought? *Society & Culture*. February 11, 2019. URL: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/what-is-xi-jinping-thought> (accessed: 29.09.2024).
- Tsang S., Cheung O. The Political Thought of Xi Jinping. Oxford University Press, 2023. 294 p.
- Vinogradov A.V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitayu v nachale XX veka [Political Challenges for China at the Beginning of the XX century]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 3. S. 131–145. DOI: 10.18611/2221–3279–2017–8–3–131–145. (In Russ.)
- Xi Focus: Xi Stresses Building Xinjiang Featuring Socialism with Chinese Characteristics in New Era. *XinhuaNet*. October 16, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020–09/26/c_139399524.htm (accessed: 28.09.2024).
- Zhang B. An Analysis of China's Muslim-Related Policies from the Perspectives of Ethnic Heterogeneity, Sinicization and «Anxiety Management». *Islamophobia Studies Journal*. 2022. Vol. 7 (1). Pp. 45–55. DOI: 10.13169/islastudj.7.1.0045
- Zuenko I.Yu. Kitaj v epohu Si Czin'pina [China in the Era of Xi Jinping]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2024. 320 s. (In Russ.)
- 中国人口普查年鉴 [China Census Yearbook]. 国家统计局. 2020年. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexch.htm> (accessed: 25.09.2024). (In Chin.)
- 习近平: 坚持依法治疆团结稳疆长期建疆 团结各族人民建设社会主义新疆 [Xi Jinping. Adhere to the Rule of Xinjiang in Accordance with the Law, Unite and Stabilize Xinjiang, Build Xinjiang for a Long Time, Unite the People of All Ethnic Groups, and Build a Socialist Xinjiang]. 人民网. 2014年. URL: <https://cpc.people.com.cn/n/2014/0530/c64094–25083518.html> (accessed: 27.09.2024). (In Chin.)
- 习近平: 在中共中央民族工作会议上的讲话 [Xi Jinping. Report at the Meeting of the Central Committee of the Communist Party on National Work.]. 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014年. URL: https://www.jlszx.gov.cn/zxxx/syxs/202211/t20221114_1085906.html (accessed: 27.09.2024). (In Chin.)
- 习近平: 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Xi Jinping. Report at the XIX National Congress of the Communist Party of China]. 党史学习教育. 2017年. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023–06/30/c_1129723161.htm (accessed: 27.09.2024). (In Chin.)
- 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Xi Jinping. Holding High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Striving for Unity and Struggle to Build a Modern Socialist Country in an All-round Way — Report at the XX National Congress of the Communist Party of China]. 中华人民共和国中央人民政府. 2022年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022–10/25/content_5721685.htm (accessed: 28.09.2024). (In Chin.)
- 习近平: 努力成长为对党和人民忠诚可靠、堪当时代重任的栋梁之才 [Xi Jinping. Strive to Grow into a Talent who is Loyal and Reliable to the Party and the People and Worthy of the Responsibilities of the Times]. 求是网. 2023年. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023–06/30/c_1129723161.htm (accessed: 25.09.2024). (In Chin.)
- 习近平: 加强文化遗产保护传承 弘扬中华优秀传统文化 [Xi Jinping. Strengthen the Protection of Cultural Heritage and Promote China's Excellent Traditional Culture]. 中华人民共和国国防. 2024年. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/gc/xjp/2024_246930/16301036.html (accessed: 28.09.2024). (In Chin.)
- 习近平在第三次中央新疆工作座谈会上发表重要讲话 [Xi Jinping Delivered an Important Speech at the Third Central Xinjiang Work Symposium]. 中华人民共和国中央人民政府. 2020年. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020–09/26/content_5547383.htm (accessed: 28.09.2024).
- 习近平在听取新疆维吾尔自治区党委和政府 新疆生产建设兵团工作汇报时强调 牢牢把握新疆在国家全局中的战略定位 在中国式现代化进程中更好建设美丽新疆 [When Xi Jinping Listened to the Work Report of the Party Committee of the Xinjiang and the Xinjiang Production and Construction Corps of the Government, he Emphasized that he Firmly Grasped Xinjiang's

- Strategic Positioning in the overall National Situation and Better Built a Beautiful Xinjiang in the Process of Chinese-style Modernization]. 中國中央電視臺. 2023年.
URL: <https://news.cctv.com/2023/08/26/ARTIO14QAfgGHwFrnX37EZK1230826.shtml> (accessed: 26.09.2024). (In Chin.)
- 努尔白克力发表电视讲话 [Nur Bekri Delivered a Television Speech]. 中国共产党新闻. 2013年.
URL: <https://web.archive.org/web/20221021154513/http://cpc.people.com.cn/n/2013/0701/c64396-22030310.html> (accessed: 27.09.2024). (In Chin.)
- 张春贤: 要早出手出重手把暴恐分子气焰打下去 [Zhang Chunxian. We Must Act Quickly and Take Serious Measures to Defeat Terrorism]. 人民网. 2013年. URL: <https://politics.people.com.cn/n/2013/0630/c1001-22020361.html> (accessed: 27.09.2024). (In Chin.)
- 新疆维吾尔自治区去极端化条例 [The Provision on De-extremization]. 新疆维吾尔自治区人民政. 2017年. URL: <https://web.archive.org/web/20180518073906/https://www.xinjiang.gov.cn/2017/03/30/128831.html> (accessed: 28.09.2024). (In Chin.)
- 自治区党委办公厅、自治区人民政府办公厅印发了《关于进一步依法治理非法宗教活动遏制宗教极端思想渗透工作的若干指导意见（试行）》（新党办发〔2013〕11）[The General Office of the Party Committee of the Autonomous Region and the General Office of the People's Government of the Autonomous Region issued the «Several Guiding Opinions on Further Controlling Illegal Religious Activities in Accordance with the Law and Curbing the Infiltration of Religious Extremist Ideas]. 且末党建网. 2014年. URL: <https://web.archive.org/web/20170626033236/http://qmx.xjkunlun.cn:80/tzgz/zcfg/2014/515095.htm> (accessed: 25.09.2024). (In Chin.)
- 陈宏: 学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵 [Chen Hong. Study and understand the essence and meaning of Secretary General Xi Jinping's strategy for managing Xinjiang]. 湖南省人民政府门户网站. 2017年.
URL: https://mzw.hunan.gov.cn/mzw/tslm_71320/lltt/mzyj/201710/t20171009_4592051.html (accessed: 25.09.2024). (In Chin.)
- 陈芳: 新疆去极端化调查 [Chen Fan. A Study on Deradicalization in Xinjiang]. 凤凰新媒体. 2024年.
URL: <https://web.archive.org/web/20230916014913/https://news.ifeng.com/mainland/special/xjqjdh/> (accessed: 25.09.2024). (In Chin.)

ИСТОРИЯ / HISTORY

Коммерческое агентство Уссурийской железной дороги в Шанхае и создание прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией (1923–1926 гг.)

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050113

Сунь Ичжи

Лаборант-исследователь, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5). ORCID: 0000-0002-2656-2859. E-mail: yizhisun961203@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.05.2024.

Аннотация:

Статья посвящена истории коммерческого агентства Уссурийской железной дороги в Шанхае и его роли в создании прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией. После окончания Гражданской войны и занятия красными Владивостока в конце 1922 г. советская власть начала восстанавливать экономику и торговлю на Дальнем Востоке. В противовес Японии планировалось создание «восточного направления» прямого сообщения между Шанхаем и Маньчжурией. В «восточном направлении» пересадочным пунктом между Шанхаем и Маньчжурией должен был стать Владивосток. Товары, прибывшие водным путем из Шанхая во Владивосток, планировалось посредством Уссурийской железной дороги довести до границы с Китаем и далее по Китайско-Восточной железной дороге доставить до Харбина. Уссурийская железная дорога была главным инициатором создания «восточного направления». Для полноценной работы в конце 1923–1924 гг. было создано сначала отделение, а потом и Коммерческое агентство Уссурийской железной дороги в Шанхае. Однако план создания прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией через Владивосток не был полностью реализован, поскольку не был решен вопрос о выдаче прямых транспортных документов. Главной причиной провала «восточного направления» стал межведомственный конфликт. Присутий представителям руководства обеих сторон – Шанхая (Шанхайское коммерческое агентство Уссурийской железной дороги и Доброфлот) и Москвы (Наркомпуть и Наркомвнешторг) – «ведомственный патриотизм» за три года так и не позволил ни на одном из уровней решить вопрос, от которого напрямую зависела реализация советских торговых интересов в Шанхае.

Ключевые слова:

Шанхай, Китай, Владивосток, СССР, торговая связь, Уссурийская железная дорога, Китайско-Восточная железная дорога.

Источники финансирования:

Исследование выполнено в рамках совместного проекта «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия» при поддержке Российского научного фонда (№ 23–48–00004, URL: <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>) и Государственного фонда естественных наук КНР (№ Т. 22611139560).

Для цитирования:

Сунь Ичжи. Коммерческое агентство Уссурийской железной дороги в Шанхае и создание прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией (1923–1926 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 156–170.
DOI: 10.31857/S0131281224050113.

Любые политические изменения являются источником нестабильности для экономики и торговли. Великая российская революция 1917 г. была одной из главных прогрессивных движущих сил в истории человечества XX в., вместе с тем именно она и последовавшая за ней Гражданская война сильно пошатнули экономическое развитие России и ее торговые связи с внешним миром.

В отличие от западной части России, где после 1920 г. политическая ситуация стабилизировалась, на русском Дальнем Востоке Гражданская война длилась вплоть до 1922 г. и нанесла существенный вред внешним экономическим связям России с Восточной Азией. Из-за постоянных военных конфликтов и разрухи на железных дорогах, в особенности на Уссурийской железной дороге (УссЖД) как главном связующем звене между Владивостоком и Маньчжурией, русский Дальний Восток практически выбыл из торговой сети восточноазиатского региона. В сложившихся условиях силы начали концентрироваться на так называемом южном направлении торговли линии, подконтрольном Японии. «Южное направление» — прямое железнодорожно-водное сообщение между главным портом Восточной Азии — Шанхаем и центром Маньчжурии — Харбином посредством регулярных пароходных линий между Шанхаем и Далянем и наземного сообщения Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) между Далянем и Харбином. Товары из бассейна р. Янцзы и всего мира, отправленные в Шанхай, через «южное направление» могли беспрепятственно дойти до Харбина, в обратном направлении маньчжурские товары также могли дойти до Шанхая и в дальнейшем распространяться по всему миру.

После окончания Гражданской войны и взятия красными Владивостока в конце 1922 г. советская власть начала восстанавливать экономику и торговлю на Дальнем Востоке. В противовес японскому «южному направлению» планировалось создание «восточного направления» прямого сообщения между Шанхаем и Маньчжурией. Главное отличие направлений — пересадочный пункт: на «восточном направлении» им должен был стать Владивосток, а не Далянь. Товары, прибывшие водным путем из Шанхая во Владивосток, планировалось посредством УссЖД довести до границы с Китаем и далее по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) доставить до Харбина. Таким образом, «восточное направление» рассматривалось советской властью как конкурент японского «южного направления» и средство восстановления торговых связей русского Дальнего Востока с внешним миром.

УссЖД была главным инициатором создания «восточного направления», поскольку транзитные перевозки (экспорт и импорт грузов) между портами Японии и Китая через Владивосток давали до 70 % от ее общего дохода¹. В конце 1923–1924 гг. было создано сначала отделение, а потом и Коммерческое агентство УссЖД в Шанхае (ШКА УссЖД), занимавшееся вопросами «восточного направления».

До недавнего времени история создания «восточного направления» и, в частности, история ШКА УссЖД были изучены недостаточно. В классических трудах эмигрантоведов в основном была проанализирована деятельность белых общественных организаций в Шанхае². В свою очередь, советские общественные и торговые организации практически не упоминались ни в русской, ни в китайской историографии.

¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 26. Л. 15–16.

² 汪之成: 上海俄侨史. Шанхай эцзяо ши: [Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае]. 上海: 三联书店, 1993年; 汪之成: 近代上海俄国侨民生活. Цзиндай Шанхай эго цзяоминь шэнхо: [Ван Чжичэн. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени]. 上海: 上海辞书出版社, 2008年; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Ч. 1. Русские в Китае. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000; Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., СПб: Университетская книга, 2015.

В настоящий момент, благодаря сотрудничеству российских и китайских ученых, в центре внимания научного сообщества оказалась история так называемых соединительных ветвей КВЖД – Кайдаловской линии Забайкальской железной дороги и УссЖД³. Особую актуальность в связи с этим приобрело детальное исследование истории восстановления торговых отношений на русском Дальнем Востоке после 1922 г., в том числе роли УссЖД и ее шанхайского отделения.

Возникновение идеи создания «восточного направления» и учреждение Шанхайского коммерческого агентства

Вопрос о создании «восточного направления» был поднят в середине 1923 г., когда агентство УссЖД в Шанхае еще не было учреждено. Согласно ныне доступным данным, инициатива по созданию такого направления исходила от Харбинского коммерческого агентства УссЖД (ХКА УссЖД). В середине 1923 г. между ХКА УссЖД с одной стороны, товариществом «Борис Абрамович Топаз и Ананий Абрамович Навтанович» и фирмой «Сергей Самуилович Гейман и Ко.» с другой стороны были проведены устные переговоры об открытии регулярного пароходного сообщения между Шанхаем и Владивостоком⁴. Товарищество «Б. Топаз и А. Навтанович», а также фирма С. Геймана являлись виднейшими русскими компаниями в Харбине и Шанхае, учрежденными еще до революции. Прежде всего это свидетельствует о том, что у местного руководства ранних советских организаций на Дальнем Востоке отсутствовало чрезмерно политизированное мышление. Также стоит отметить следующее: если речь шла о конкретных торговых делах, то советская власть беспрепятственно сотрудничала с белоэмигрантскими организациями в Китае.

Первым из ныне доступных документальных свидетельств создания «восточного направления» является письмо от 30 августа 1923 г., в котором товарищество «Б. Топаз и А. Навтанович» и фирма С. Геймана выразили свое согласие на сотрудничество с УссЖД, подчеркнув важность поддержки сообщения между Шанхаем и Владивостоком в борьбе против Японии и ее «южного направления»⁵.

После ряда переговоров между ХКА УссЖД и названными организациями управляющий ХКА УссЖД Г.Н. Дикий 10 ноября 1923 г. направил начальнику УссЖД письмо о работе по созданию «восточного направления». В нем сообщалось, что товарищество «Б. Топаз и А. Навтанович» и фирма С. Геймана одновременно вели переговоры с КВЖД. Последняя была намерена предоставить организациям право именоваться контр-агентством КВЖД в Шанхае. Товарищество «Б. Топаз и А. Навтанович» и фирма С. Геймана, в свою очередь, просили у УссЖД такие же права. Г.Н. Дикий выразил согласие с выдвинутыми условиями сотрудничества. Также им было предложено в качестве меры дальнейшего развития «восточного направления» отправить в Шанхай агента УссЖД⁶.

³ Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX—XX веков // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22. № 8. С. 100–111. DOI: 10.25205/1818–7919–2023–22–8–100–111; Дмитриева Н.В. На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13. № 4. С. 861–874. DOI: 10.21638/srbu24.2023.410; Дмитриева Н. Между двух империй: железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в позднимперский период // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 1. С. 254–264. DOI: 10.15826/qr.2024.1.877

⁴ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 11–12.

⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 11–12.

⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 4–4об.

27 ноября 1923 г. между помощником начальника УссЖД В.К. Вейзером, начальником Коммерческой службы И.М. Кальниным, заведующим ХКА Г.Н. Диким было проведено совещание «по вопросу об установлении пароходной связи Владивостока с Шанхаем и о привлечении грузов в этом направлении». Было решено удовлетворить просьбу товарищества «Б. Топаз и А. Навтанович» и фирмы С. Геймана стать контрагентством УссЖД в Шанхае по привлечению грузов⁷.

На данном совещании был поднят вопрос, ставший впоследствии главным камнем преткновения проекта, – вопрос о выдаче единых прямых транспортных квитанций УссЖД из Шанхая до места назначения в Маньчжурии и из Маньчжурии до Шанхая.

На южном Дайренском направлении такая практика существовала давно и ее преимущества были очевидны. Сдавая в Шанхае свои грузы с назначением в Северную Маньчжурию или Харбин, коммерсант не знал никаких хлопот: все платежи могли быть переведены на станцию назначения или уплачены при отправлении, все транспортные обрядности, вплоть до доставки груза на дом, выполнялись Южно-Маньчжурской железной дорогой⁸. Введение подобной практики на «восточном направлении» существенно подняло бы его конкурентоспособность. На совещании от 27 ноября 1923 г. данный вопрос не был решен, однако было отмечено: «Что же касается вопроса о выдаче прямых документов Уссурийской железной дороги, которые выписывались бы в подлежащих случаях Харбинским Коммерческим Агентством Уссурийской железной дороги и его СубАгентством в Шанхае, то вопрос этот признается заслуживающим самого серьезного внимания, но требующим детального обсуждения в Харбине по месту нахождения пароходства»⁹.

Помимо вопроса о выдаче прямых транспортных квитанций на повестке данного совещания стоял другой, не менее важный вопрос – об открытии Коммерческого агентства УссЖД в Шанхае. Было принято решение послать в Шанхай агента УссЖД, назначение получил тогдашний даляньский агент ХКА П. Серый-Сирок¹⁰.

Кадровый состав Шанхайского коммерческого агентства

Первое официальное название Шанхайского агентства УссЖД звучало как «Шанхайское отделение Харбинского коммерческого агентства Уссурийской железной дороги». Подчинялось агентство непосредственно ХКА УссЖД¹¹. В ноябре 1923 г., как уже было сказано, руководство УссЖД приняло решение отправить П. Серого-Сирока в Шанхай в качестве агента дороги. В действительности же было создано целое Шанхайское отделение. 25 декабря 1923 г. была утверждена его смета. Так, оклад заведующего отделением составлял 300 золотых рублей в месяц, а оклад машинистки-делопроизводителя — 100. С учетом затрат на помещение, телефон, почтовую и телеграфную связь, а также непредвиденные расходы ежемесячная смета Шанхайского отделения составляла 670 золотых рублей¹².

Шанхайское отделение ХКА УссЖД располагалось по адресу: Ezra Rd., № 3¹³. Заведующим отделением был назначен П. Серый-Сирок. До службы в УссЖД он жил в Японии и не был связан ни с одной из партий. В свое время он заведовал русским отде-

⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 5.

⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 5.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 5.

¹¹ Однако на английском языке уже с самого начала Шанхайское отделение ХКА было именовано как Ussuri Railway Traffic Office, Shanghai Agency. См.: ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 8.

¹² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 65.

¹³ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 8.

лом журнала «Голос Японии = 日露實業新報»¹⁴ — органа японо-русского политико-экономического сближения. Журнал издавался Японо-русским клубом и фактически был подконтролен японской власти. Титулы и звания почетных советников клуба недвусмысленно свидетельствуют о статусе издания: в совет входили японские графы, генералы-лейтенанты, бароны, члены Верхней палаты, директор Корейского банка и т.д.¹⁵

Справедливости ради стоит отметить, что П. Серый-Сирык скорее всего был человеком «неполитическим», в противном случае вряд ли бы ему удалось столь радикально сменить место службы. Он занимал должность заведующего Шанхайским отделением ХКА УссЖД с декабря 1923 г. по июль 1924 г. Несмотря на то, что в утвержденной смете значилась машинистка-делопроизводитель, до марта — апреля 1924 г. фактически работал только руководитель. Большой объем работы вынудил его в начале марта просить у заведующего ХКА УссЖД Г.Н. Дикого об отправке в Шанхай помощника¹⁶. В ответном письме от 11 марта 1924 г. заведующий ХКА сообщал, что он уже просил Управление дороги командировать помощника¹⁷. В итоге в Шанхай был откомандирован Семен Григорьевич Пинигин, знавший английский язык. Он занимал должность помощника заведующего вплоть до 1925 г.

Деятельность П. Серого-Сирыка в Шанхае в конце 1923 — начале 1924 г. не удовлетворила ХКА УссЖД. Судя по всему, долго прожив в Японии, он не мог полностью привыкнуть к советскому стилю работы. 11 марта 1924 г. Г.Н. Дикий направил ему грозное письмо, обвинив в следующем: «Я с большим интересом слежу за В<ашими> письмами, равно как и управление <в Хабаровске>. Они свидетельствуют о Вашей энергии и стараниях, и с этой стороны Вы, конечно, будете оценены. Однако крайнее сожаление вызывает то обстоятельство, что Вы плохо знаете меру вещам. Точность — это неизвестное Вам понятие (подчеркнуто автором письма. — С.И.). [...] Целый ряд Ваших вопросов нам носит такой же характер: на них нельзя ответить, настолько они неопределенны. В письмах Ваших нет системы: не выделенных, номерованных, четко поставленных вопросов. [...] Ваше первое выступление в газетах — о ввозе во Владивосток грузов без лицензий — было настолько неточно и опрометчиво, что потребовало со стороны тов. Карахана особых указаний мне. Поэтому я вынужден самым серьезным образом рекомендовать Вам точность, систему, дисциплину. Сделайте меньше, но сделайте хорошо (подчеркнуто автором письма. — С.И.)»¹⁸. И несмотря на ободряющую финальную оговорку: «На мои замечания Вы не обижайтесь: они абсолютно необходимы для Вашей же пользы», уже через четыре дня, 15 марта, Г.Н. Дикий направил в Управление УссЖД письмо с предложением снять П. Серого-Сирыка с поста заведующего Шанхайским отделением¹⁹.

В этом же письме Г.Н. Дикий предлагал расширить штат Шанхайского отделения ХКА за счет привлечения: (а) лица, опытного в организации транспортных обрядностей б) хорошего таксировщика, знакомого с тарифами Уссжит сообщения и бланками строгой отчетности, в) английского корреспондента, желательного со знанием китайского языка»²⁰. Он также рекомендовал себя на должность заведующего либо в Шанхае, либо в Кобе²¹.

¹⁴ Хисамутдинов А. К истории русской диаспоры в Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 2. С. 99–106.

¹⁵ 日露實業新報 [Голос Японии]. 1919. № 12. С. 3.

¹⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 12.

¹⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 14.

¹⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 14.

¹⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 7–7об.

²⁰ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 7–7об.

²¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 7–7об.

Руководство УссЖД приняло решение расширить штат Шанхайского отделения ХКА. В апреле 1924 г. в Шанхай был отправлен Яков Леонтьевич Судак, представитель уполномоченного Наркомпути УссЖД в Шанхае²². С момента прибытия к месту службы именно Я.Л. Судак, а не П. Серый-Сирык, контролировал дела УссЖД в Шанхае²³. Тогда же Шанхайское отделение ХКА было преобразовано в Шанхайское коммерческое агентство, попавшее под прямое подчинение Управления УссЖД. В июле 1924 г. заведующим ШКА УссЖД был назначен Иван Кузьмич Кривенко, бывший заместитель уполномоченного Наркомпути УссЖД²⁴. Назначение столь высокопоставленного чиновника на должность заведующего ШКА УссЖД свидетельствует о важной роли ШКА в деле создания «восточного направления».

И.К. Кривенко был профессиональным железнодорожником, с 1910 г. начал работать на ЗабЖД сторожем и уже в 1914 г. стал помощником начальника станции. С 1917 по 1921 г. был начальником станции III класса Владикавказской железной дороги²⁵. В отличие от П. Серого-Сирыка И.К. Кривенко имел революционное прошлое: был левым эсером с февраля 1917 по 1919 г., а в 1919 г. вступил в РКП(б)²⁶. Среди его рекомендатель были такие известные большевистские деятели Дальнего Востока, как Ф.И. Гапон, член Дальневосточного секретариата ИККИ²⁷.

Хотя назначение И.К. Кривенко заведующим ШКА произошло в июле, в Шанхай он прибыл лишь в конце сентября 1924 г.²⁸, именно с этого времени организация начала функционировать полноценно.

Полная информация о сотрудниках ШКА отсутствует. Кроме заведующего И.К. Кривенко и помощника заведующего С.Г. Пинигина нам известно еще о некоем В.В. Волкове – переводчике-информаторе, с 1 августа 1925 г. он был снят с должности²⁹.

Известен также последний состав кадров ШКА перед ликвидацией в 1926 г.: И.К. Кривенко, Г.Ф. Семеновский, С.Г. Вазиян, И.П. Милашич, китаец – некий Чжарбина, бой-прислуга и его помощник.

Сложные взаимоотношения сотрудников ШКА – прямое отражение тогдашней политической ситуации на Дальнем Востоке, в особенности среди русских в Китае: красные и белые жили буквально бок о бок. Так, сомнения, которые испытывал новый заведующий ШКА И.К. Кривенко по поводу своего предшественника П. Серого-Сирыка, отсутствие доверия – показательный пример отношения так называемых новых революционных работников к «бывшим» белым, примкнувшим к советской власти только после Гражданской войны. После прибытия в Шанхай И.К. Кривенко обнаружил, что часть копий секретных переписок Шанхайского отделения была увезена П. Серым-Сирыком в Харбин. Помощник заведующего С.Г. Пинигин в письме И.К. Кривенко объяснил, что П. Серый-Сирык упоминал о своем намерении взять некоторые документы, в том числе секретную переписку, «для доклада Уполнаркомпути тов. Иванову»³⁰. Тем не менее И.К. Кривенко, с недоверием относившийся к работавшим во время Гражданской войны

²² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 136.

²³ Стоит отметить, что согласно разведывательной информации полиции Международного сообщества от 19 сентября 1924 г., Я.Л. Судак тогда был связан с Центросоюзом и являлся представителем «Роста». См.: *SMPP*. Ю 5821. Р. 3.

²⁴ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 32. Д. 64. Л. 30.

²⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 32. Д. 64. Л. 34–35.

²⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 32. Д. 64. Л. 48–50.

²⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 32. Д. 64. Л. 48–50.

²⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 32. Д. 64. Л. 31.

²⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 55.

³⁰ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 115.

на стороне противников большевизма, считал необходимым сообщить в Управление УссЖД об этом факте и подозревал П. Серого-Сырыка в шпионаже в пользу Японии³¹.

Хотя сам И.К. Кривенко признал, что своего мнения высказать о П. Сером-Сырыке он не может, тем не менее он просил, чтобы Управление предприняло меры «административного воздействия» в отношении П. Серого-Сырыка и отзывало его – «как вредного элемента» – из-за рубежа в СССР³².

С большой долей вероятности можно утверждать, что П. Серый-Сырык не был японским шпионом. Даже после доноса И.К. Кривенко его не сняли со службы и в дальнейшем он стал заведующим статистико-экономическим отделом ХКА УссЖД³³. Узнав о назначении П. Серого-Сырыка на новую должность в Харбине, прямо свидетельствовавшим о доверии к нему высшего руководства УссЖД, И.К. Кривенко тем не менее продолжил добиваться его перевода в СССР: «Переводом гр. Серый-Сырыка³⁴ в Управление дороги [в Хабаровск] будут покончены все разговоры о его японофильстве»³⁵.

Деятельность Шанхайского коммерческого агентства по созданию прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией

На совещании между высшими руководителями УссЖД от 27 ноября 1923 г., как уже отмечалось, было решено предоставить товариществу «Б. Топаз и А. Навганович» и фирме С. Геймана право стать контрагентством УссЖД в Шанхае. 14 декабря 1923 г. организации направили ХКА УссЖД макет договора о сотрудничестве. Сам заведующий ХКА в письме начальнику УссЖД от 15 декабря 1923 г. сообщал, что заключение данного договора представляется желательным и рекомендовал подписать его «в срочном порядке»³⁶. Тем не менее, судя по дальнейшему ходу дела, широкое сотрудничество между названными организациями и УссЖД не было успешным. Договор так и не был заключен. Уже в феврале 1924 г. в докладе П. Серого-Сырыка ХКА УссЖД значилось, что С. Гейман весьма заинтересован «в работе на Владивосток», но его беспокоит и формальная сторона вопроса, а именно заключение соглашения³⁷. Такое положение дел было связано, возможно, с возрождением уже советского Доброфлота: пароходство Геймана в связи с тем, что Доброфлот открыл рейсы, стало более уступчивым в смысле фрахтовых ставок³⁸.

В сохранившихся материалах ШКА УссЖД есть два доклада П. Серого-Сырыка заведующему ХКА от 7 февраля и 1 марта 1924 г., в которых отражена основная деятельность Шанхайского отделения ХКА на начальном этапе. Главным образом его работа велась в двух направлениях: привлечение во Владивосток грузов из Шанхая и других частей Китая и улучшение системы перевозок на «восточном направлении».

Вопрос о выдаче единых квитанций и установлении прямого сообщения между Шанхаем и Маньчжурией через Владивосток во время руководства П. Серого-Сырыка был далек от решения. Тем не менее в Шанхае были коммерсанты, заинтересованные в отправке грузов через «восточное направление». В первом докладе от 7 февраля он писал, что из предварительных переговоров с местными фирмами выносятся определенное

³¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 118–118 об.

³² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 118–118 об.

³³ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

³⁴ Сохранена орфография оригинала.

³⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

³⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 124. Л. 1.

³⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 145–145 об.

³⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 145–145 об.

заклучение: фирмы намерены работать через Владивосток, но желают знать определенные фрахтовые ставки, коими не убивались бы преимущества Восточного направления³⁹.

П. Серый-Сирык вел активные переговоры с иностранными и китайскими фирмами в Шанхае по привлечению грузов во Владивосток и был введен в круг китайских коммерсантов по экспорту чая. Также он пытался вести переговоры с китайскими агентами, которые работали в направлении Фудзяня⁴⁰.

Параллельно с ведением переговоров с китайскими коммерсантами П. Серый-Сирык изучал иностранный рынок. Так, обнаружив в начале февраля, что в Шанхае накопилось около 60 000 кг дубильных веществ для отправки в адрес харбинского Еврейского банка, он инициировал переговоры о направлении этих грузов через Владивосток⁴¹.

В докладе от 1 марта 1924 г. П. Серый-Сирык перечислил результаты своей энергичной работы по привлечению грузов на «восточное направление». Были произведены пробные отправки грузов китайских и иностранных фирм через Владивосток. Известная «Британско-Американская табачная компания» (British American Tobacco), которая раньше всегда отправляла грузы через Далянь, 29 февраля погрузила на пароход Доброфлота 37,08 т сигарет с назначением в Харбин. Фирма «Сименс» к этому времени уже произвела две пробные отправки через «восточное направление»⁴².

Тогда же китайские чайные гиганты, такие как фирма «Тон Па Кий» и «Азиатик трейдинг Ко.», произвели пробную отпарку 396 ящиков чая. Как было отражено в докладе, китайцы обещали П. Серому-Сирыку, что если только у этого маршрута обнаружится «действительное малейшее преимущество», то они, чаевики, все перейдут на «восточное направление»⁴³.

По словам П. Серого-Сирыка, многие другие крупные шанхайские компании были намерены сделать пробные отправки через Владивосток. Однако эта инициатива столкнулась с серьезным препятствием – отсутствием возможности выдачи прямых квитанций из Шанхая в Маньчжурию, что вполне резонно приводило к отказу некоторых фирм отправлять грузы во Владивосток без документа с назначением в Харбин⁴⁴. П. Серый-Сирык решил предложить свой план улучшения системы перевозок. Как и руководство УссЖД, он сразу после прибытия в Шанхай точно определил самое слабое место в организации прямого сообщения. Уже в начале февраля 1924 г. П. Серый-Сирык был намерен начать по этому поводу переговоры не только с Доброфлотом, но и с другими пароходствами⁴⁵.

В докладе от 1 марта П. Серый-Сирык предложил ХКА УссЖД свой вариант решения вопроса прямого сообщения. Среди всех пунктов его предложения самыми важными являются:

«Создать совещания представителей УссЖД и Доброфлота и выработать основы прямых железнодорожно-водных сообщений Шанхай – Владивосток – Маньчжурия и обратно;

Установить строго фиксированные и выгодные фрахтовые ставки между Шанхаем и Владивостоком, близкие к таковым между Шанхаем и Далянем;

Ввести в Шанхае выполнение транспортных обрядностей УссЖД;

³⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 145–145 об.

⁴⁰ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 145–145 об.

⁴¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 145–145 об.

⁴² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 8–9.

⁴³ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 8–9.

⁴⁴ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 8–9.

⁴⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 145–145 об.

Предоставить возможность грузоюзьявам производить оплаты железнодорожных и морских фрахтов на ст. назначения груза»⁴⁶.

Выполнение этих пунктов означало создание прямого железнодорожно-водного сообщения и его подконтрольность УссЖД (т.к. выполнением транспортных обрядностей должно было заниматься УссЖД, а не Доброфлот).

К сожалению, ХКА УссЖД критично отнеслось к представленному плану. 10 марта 1924 г. заместитель заведующего ХКА Сулим высказал в письме Г.Н. Дикому свое мнение по поводу этих пунктов. По самому важному – первому – пункту Сулим справедливо заметил, что созыв представителей от учреждений, упомянутых в письме П. Серого-Сырыка, без участия КВЖД «немыслим, ибо последняя равноправна с остальными участниками в прямом железнодорожно-водном сообщении, и без ее участия никакое прямое сообщение на и с этой дороги состояться не может». Одновременно Сулим отметил, что созыв совещания по этому вопросу с участием КВЖД – вопрос очень сложный, который потребует много времени, всестороннего и детального обсуждения и обработки⁴⁷.

По пятому пункту Сулим отметил, что пожелание возможно лишь при установленном прямом железнодорожно-водном сообщении.

Что касается четвертого пункта, то Сулим был против открытия в Шанхайском отделении ХКА комиссионно-транспортных обрядностей, считая это преждевременным, чреватым разрастанием аппарата и увеличением расходов.

В целом, как мы уже говорили, ХКА было недовольно работой заведующего Шанхайским отделением. Резкой критике ее подверг и Г.Н. Дикий в письме от 11 марта 1924 г., адресованном П. Серому-Сырыку. Однако в своем докладе от 15 марта Управлению УссЖД Г.Н. Дикий почти полностью повторил тезисы из предложений П. Серого-Сырыка, в частности, в отличие от Сулима, Г.Н. Дикий был за введение в Шанхае транспортных обрядностей УссЖД⁴⁸. Тем не менее, как уже было сказано, в том же докладе Г.Н. Дикий предложил снять П. Серого-Сырыка с поста и выдвинул свою кандидатуру на должность заведующего Шанхайским отделением.

Своеобразным промежуточным результатом деятельности Шанхайского отделения ХКА УссЖД в период руководства П. Серого-Сырыка можно считать тот факт, что именно после его докладов УссЖД начала реальные переговоры с различными организациями по поводу создания прямого сообщения. Было достигнуто первичное соглашение с КВЖД. После обсуждения этих докладов ХКА УссЖД обратилось в Управление КВЖД с предложением включить в прямое сообщение с КВЖД Шанхайское отделение УссЖД. Это предложение со стороны КВЖД не встретило принципиальных возражений и представлялось вполне осуществимым, путем соглашения о выдаче прямых документов от и до Шанхая за ответственностью обеих дорог⁴⁹.

После прибытия в Шанхай представителя уполномоченного Наркомпути УссЖД Я.Л. Судака Шанхайское отделение продолжило вести переговоры с различными фирмами на предмет привлечения грузов на «восточное направление»⁵⁰. После создания ШКА УссЖД под прямым подчинением Управлению дорогой и с прибытием в Шанхай И.К. Кривенко начался новый этап в развитии «восточного направления».

Согласно цифрам, приведенным в докладе И.К. Кривенко от 26 февраля 1926 г., в период с конца 1924 г. до начала 1926 г. ШКА УссЖД было переработано 35 890 тонн грузов (включая грузы, прибывшие в Шанхай, и грузы, отправленные из Шанхая). В их

⁴⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 8–9.

⁴⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 11–11об.

⁴⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 7–7об.

⁴⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 2–2об.

⁵⁰ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 134–135.

числе были ткани, табак, сахар, бумага, шелк, шерсть овечья, бобы, масло бобовое, жмыхи, сало, чай и др.⁵¹ Для сравнения можно привести следующие цифры: за 1923 г. из Шанхая в Далинь отправлено 86 578 т грузов, за 1924 г. — 76 997 т.⁵²

Стоит отметить, что в течение 1924–1926 гг. «восточное направление» все-таки достигло крупных масштабов, однако его грузооборот, даже если полностью полагаться на цифры, озвученные И.К. Кривенко, не достиг уровня «южного направления». Главная причина низкой конкурентоспособности «восточного направления» была неизменна: вплоть до 1926 г. ШКА не могло выдавать прямые транспортные квитанции из Шанхая в Маньчжурию, так называемое прямое железнодорожно-водное сообщение не было до конца организовано в связи с рядом межведомственных конфликтов внутри советских организаций.

Сразу после прибытия И.К. Кривенко в Шанхай был разработан план реконструкции ШКА и создания прямого сообщения на «восточном направлении». В основном его идея заключалась в создании объединенного коммерческого агентства с КВЖД и передаче пароходов Доброфлота в эксплуатацию ШКА УссЖД.

И.К. Кривенко был сторонником тесного сотрудничества с КВЖД, вплоть до создания объединенного коммерческого агентства двух дорог в Шанхае. В ГАХК сохранилось письмо неизвестного от 20 октября 1924 г., адресованное И.К. Кривенко, по вопросу сотрудничества КВЖД и УссЖД. Судя по содержанию письма, отправитель был из высшего руководства КВЖД и имел возможность докладывать непосредственно тогдашнему управляющему Б.В. Остроумову. В письме сообщалось, что И.К. Кривенко был намерен ознакомиться со взглядами отправителя по поводу объединенной деятельности УссЖД и КВЖД в Шанхае. Это значит, что с момента своего прибытия в Шанхай И.К. Кривенко начал интересоваться данным объединением и вплоть до 1926 г. был его неизменным сторонником.

Главная причина, по которой И.К. Кривенко был заинтересован в объединении, — наличие у КВЖД своей пристани в Шанхае⁵³, которая могла бы существенно облегчить деятельность объединенного агентства двух дорог. Наличие пристани и складов дает возможность агентству собирать все грузы для упомянутого направления, позволяя тем самым клиентам сокращать расходы по перевалке грузов в Шанхае, использовать строго определенные рейсы между Владивостоком и Шанхаем⁵⁴.

Уже 28 октября 1924 г. И.К. Кривенко в письме начальнику УссЖД предложил свой план объединенной деятельности УссЖД и КВЖД⁵⁵. В плане И.К. Кривенко можно выделить следующие важные пункты: 1) эксплуатация пристани КВЖД в Шанхае должна перейти в ведение объединенной службы двух дорог; 2) выдача прямых квитанций от имени обеих дорог или объединенного агентства до места назначения груза; 3) Исполнение всех транспортных обязанностей по Шанхаю; 4) максимальное развитие пристани и т.д.⁵⁶

Для полноценного функционирования «восточного направления» сотрудничества КВЖД и УссЖД было недостаточно, необходимо было также привлечь к объединенной работе пароходства, прежде всего Доброфлот. В частности, сотрудники КВЖД предлагали учредить совместно с УссЖД и Доброфлотом особое транспортное предприятие с проведением работ на пристани КВЖД в Шанхае⁵⁷.

⁵¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 80б.

⁵² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 9.

⁵³ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 68–75.

⁵⁴ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

⁵⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

⁵⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

⁵⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 68–75.

Стоит отметить, что П. Серый-Сирык уже имел напряженные отношения с местным агентством Доброфлота⁵⁸. Предложенный им план развития деятельности УссЖД в Шанхае частично шел вразрез с интересами Доброфлота. И.К. Кривенко также был настроен враждебно. Переговоры с Доброфлотом по поводу сотрудничества в Шанхае были начаты И.К. Кривенко одновременно с переговорами с КВЖД. Однако в письме от 28 октября 1924 г. в Управление УссЖД он сообщал, что «местные работники Доброфлота в Шанхае далеко не заинтересованы в сотрудничестве. Они помешались над одним вопросом и все считали, что за ними должно быть первенство, и сотрудники УссЖД в процессе работы должны высматривать у них изо рта, тащится на поводу»⁵⁹.

Сам Доброфлот в это время подвергся расколу на условно «красный» и «белый». Уже во время Гражданской войны в 1920–1922 гг. в Шанхае существовали два представителя Доброфлота – агентства Владивостокского («красного») и Константинопольского («белого») правлений. После окончания Гражданской войны в Шанхае в Смешанном суде Международного селтльмента продолжали рассматриваться иски иностранных компаний о взыскании долгов с Доброфлота. Судебные тяжбы были настолько изматывающими, что 3 марта 1925 г. советский торгпред в Шанхае Т.М. Пономаренко предложил торгпреду СССР в Китае Н.К. Клышко и Л.М. Карахану решить судебные вопросы путем ликвидации агентства Доброфлота в Шанхае: «Чтобы пресечь бесконечную волюнку и начать работать — необходимо ликвидировать Агентство Доброфлота. Работа только тогда войдет в нормальное русло, когда пароходы будут нести другой флаг — не Доброфлота, а например, Госторгфлота»⁶¹.

Т.М. Пономаренко представлялись возможными два варианта развития событий после ликвидации: учреждение агентства Госторгфлота в Шанхае либо передача «агентуры Госторгфлота иностранной фирме с введением русских служащих»⁶².

Ликвидация агентства Доброфлота в Шанхае, по мысли И.К. Кривенко, позволила бы одновременно уладить конфликт УссЖД с Доброфлотом и решить вопрос о создании объединенного коммерческого агентства по развитию «восточного направления». Уже на следующий день после получения информации, 4 марта 1925 г., не успев доложить управлению УссЖД, Т.М. Пономаренко высказывал свои соображения по поводу ликвидации Доброфлота в Шанхае. В своем письме И.К. Кривенко он прямо указал, что «организация... нового учреждения под флагом “ГОСТОРГФЛОТА”... нас не избавит от тех перипетий, кои здесь в судебных учреждениях Селтльмента имел Доброфлот, а будет одно и то же», ибо «из местной и харбинской прессы кому надо то уже хорошо известно, что произошедшая в центре реорганизация Советского коммерческого флота в “СОВТОРГФЛОТ” и что в эту организацию составной частью вошло все имущества Доброфлота, как основной капитал, а посему от такой перемены вывески пользы не будет никакой»⁶³.

И.К. Кривенко, в свою очередь, предлагал передать агентство Доброфлота ШКА УссЖД. Тогда бы на грузы, отправляемые во Владивосток пароходами Совторгфлота, ШКА УссЖД смогло бы выдавать транспортные документы на фирменных бланках⁶⁴.

Письмо начальнику УссЖД Кузовлеву со своими соображениями относительно слияния агентства Доброфлота с ШКА УссЖД И.К. Кривенко отправил только 7 марта

⁵⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 170. Л. 14.

⁵⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 97–111.

⁶⁰ Когда Владивосток находился под управлением социалистического Временного правительства Дальнего Востока, после Меркуловского переворота ДВР взяла фактический контроль над Владивостокским правлением Доброфлота.

⁶¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 26. Л. 7–11.

⁶² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 26. Л. 7–11.

⁶³ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 26. Л. 5–6.

⁶⁴ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 26. Л. 5–6.

1925 г. В этом письме он более подробно представил свой план: УссЖД необходимо открыть свои независимые пароходные рейсы, фрахтуя для этой цели сначала немецкие и китайские суда, а затем – и пароходы СССР. Согласно плану для полноценного функционирования «восточного направления» УссЖД необходимо, как и ЮМЖД, иметь свое независимое пароходство⁶⁵.

Зная, как дальше развивались события, сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что И.К. Кривенко предлагал самый быстрый и эффективный способ решения вопроса о создании прямого железнодорожно-водного сообщения. Однако из-за канцелярских недочетов, допущенных самим же И.К. Кривенко, данный план не был реализован. Дело в том, что он отправлял письма не только в Управление УссЖД, но и в другие советские организации, в том числе в торгпредство СССР в Шанхае Т.В. Пономаренко. Начальник УссЖД Кузовлев в своем письме от 27 марта 1925 г. резко критиковал И.К. Кривенко за чрезмерную активность: «вопрос [об упразднении конторы Доброфлота в Шанхае и передаче его функций ШКА] благодаря тому что Вы кроме высылки своего доклада мне, послали его и другим организациям — заранее был предрешен в отрицательном смысле, несмотря на то, что взгляд Ваш в данном случае был правильным и я его поддерживаю, но теперь он, по всей вероятности, не получит должного оформления в интересах дороги»⁶⁶.

Таким образом, после неудачной попытки в марте 1925 г. создать собственное пароходство УссЖД инициатива И.К. Кривенко по развитию «восточного направления» сошла на нет. Хотя дальнейший ход событий доказал, что именно его предложение было самым выгодным для советской внешней торговли. В июле 1925 г. в Москве шли долгие прения между УссЖД и Наркомпутем с одной стороны, Совторгфлотом и Наркомвнешторгом с другой стороны по поводу создания прямого сообщения между Шанхаем и Маньчжурией через Владивосток. Стороны долго не могли договориться, но после многочисленных совещаний все-таки пришли к соглашению, по которому Совторгфлот получал достаточно большую самостоятельность, а его агентство в Шанхае было сохранено. Вопрос о выдаче прямых документов не был разрешен вплоть до 1926 г.⁶⁷

В ходе дальнейших совместных работ УссЖД и Совторгфлота в Шанхае проявилась негативная сторона этого соглашения: без собственного пароходства УссЖД при каждой отправке грузов из Шанхая во Владивосток была зависима от Совторгфлота. И хотя в соглашении был пункт, который закреплял право УссЖД передавать грузы советским пароходным компаниям в случае отказа Совторгфлота, на деле решение таких вопросов было крайне сложным и в каждом отдельном случае нужно было запрашивать разрешение генконсульства СССР в Шанхае⁶⁸. Отношения между ШКА УссЖД и агентством Совторгфлота в Шанхае остались напряженными. Как писал И.К. Кривенко в докладе 26 февраля 1926 г.: «Взаимоотношения Агентства [УссЖД] между всеми Соворганизациями за исключением Совторгфлота — самые лучшие»⁶⁹.

Ликвидация Шанхайского коммерческого агентства УссЖД

После неудавшейся попытки получить контроль над агентством Доброфлота и создать собственное пароходство УссЖД И.К. Кривенко и в целом ШКА больше не проявляли активности в решении принципиальных вопросов развития «восточного направления». Вплоть до 1926 г. ШКА УссЖД в основном занималось рутинной деятельностью по привлечению грузов, его значение как главного двигателя в создании прямого желез-

⁶⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 26. Л. 2–4.

⁶⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 95–95об.

⁶⁷ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 7. Д. 22 с. Л. 21–35.

⁶⁸ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 38–50.

⁶⁹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 8.

нодорожно-водного сообщения постепенно сошло на нет. Во избежание в дальнейшем конфликтов между УссЖД и Доброфлотом в развитии советских хозорганизаций в Шанхае, прежний план создания объединенного агентства УссЖД и КВЖД в Шанхае был вновь поднят в 1926 г. Однако на сей раз речь шла уже о ликвидации ШКА УссЖД и его вливании в Коммерческое агентство КВЖД в Шанхае (ШКА КВЖД).

В своем докладе от 26 февраля 1926 г. И.К. Кривенко поднял вопрос о «нелегальном существовании агентства» в Шанхае⁷⁰. Из протокола совещания не ясно, что конкретно И.К. Кривенко имеет в виду под «нелегальным существованием» ШКА УссЖД, т.к. в делопроизводстве периода 1924–1926 гг. документов, фиксирующих обсуждение данного вопроса, не зарегистрировано. Тем не менее он предложил Управлению УссЖД оформить «официальное существование» агентства в Шанхае, а за неимением такой возможности – «влиять его в одну из существующих однотонных советских организаций»⁷¹. Совещание же со своей стороны постановило: «если оформление существования Агентства не будет утверждено центром, то нужно влить существующий аппарат в настоящее время в агентство КВЖД». Совещание также поручило тов. Вейзеру провести подготовительные переговоры с Управлением КВЖД⁷².

Судя по всему, процесс вливания ШКА УссЖД в ШКА КВЖД начался уже в марте 1926 г.⁷³, его основной причиной была названа «концентрация сил и средств... по привлечению как импортных, так и экспортных грузов на Владивосток»⁷⁴. Окончательное соглашение между УссЖД и КВЖД о слиянии ШКА было заключено 11 августа 1926 г. Согласно документу УссЖД сохранила достаточное влияние в структуре ШКА КВЖД: Правление УссЖД могло рекомендовать кандидатуру на должность помощника заведующего ШКА КВЖД, а также УссЖД и КВЖД участвовали в равных долях в распределении прибыли и убытков по чартеру и аренде пароходов⁷⁵.

1 сентября 1926 г. ШКА УссЖД официально закрылось. И.К. Кривенко после закрытия ШКА был переведен во Владивосток на должность заведующего Владивостокским агентством УссЖД⁷⁶.

* * *

План создания прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией через Владивосток не был полностью реализован, поскольку не был решен важнейший вопрос – о выдаче прямых транспортных квитанций. ШКА УссЖД под управлением П. Серого-Сирыка и И.К. Кривенко приняло самое активное участие в развитии «восточного направления», однако из всех предложений заведующих ШКА реализовано было только одно – предложение о слиянии ШКА УссЖД и КВЖД.

Главными причинами неудачи в развитии «восточного направления» являются внутренние неурядицы в ШКА УссЖД и межведомственный конфликт ШКА УссЖД с представителями Доброфлота и Совторгфлота в Шанхае, а также УссЖД с Доброфлотом и Совторгфлотом в целом.

Между первым и вторым управляющими ШКА УссЖД имели место конфликты на политической почве (недоверие к «бывшим»). Судя по всему, внутри ШКА УссЖД не было установленного стандарта работы, а вопрос о подчиненности агентства даже для самого заведующего был не до конца понятен: оно подчинялось Управлению УссЖД, при этом, судя по делопроизводственным материалам, советское торгпредство в Шанхае

⁷⁰ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 8.

⁷¹ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 11.

⁷² ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 9. Д. 187. Л. 11об.

⁷³ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 48. Л. 36.

⁷⁴ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 48. Л. 1–8.

⁷⁵ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 5. Д. 48. Л. 18–19.

⁷⁶ ГАХК. Ф. Р. 730. Оп. 32. Д. 64. Л. 127.

также выдавало агентству свои распоряжения. В итоге такое положение дел напрямую отразилось на возможности вливания агентства Доброфлота в Шанхае в ШКА УссЖД.

Межведомственный конфликт был важнейшей причиной провала идеи создания «восточного направления». Уже с самого начала было ясно, что единственным шансом для «восточного направления» опередить ЮМЖД и ее «южное направление» является совместная деятельность УссЖД, КВЖД и Доброфлота. Однако все три стороны хотели, чтобы именно их организация стала ведущей. Присущий представителям руководства обеих сторон – Шанхая (Шанхайское коммерческое агентство Уссурийской железной дороги и Доброфлот) и Москвы (Наркомпуте и Наркомвнешторг) – «ведомственный патриотизм» за три года так и не позволил ни на одном из уровней решить вопрос о выдаче прямых транспортных документов, от которого напрямую зависела реализация советских торговых интересов в Шанхае.

Литература

- Весь Харбин на 1926 год: адресная и справочная книга / Ред.-изд. С.Т. Тернавский. Харбин: тип. КВЖД, 1926. 808 с.
- Дмитриева Н. Между двух империй: железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в позд-неимперский период // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 1. С. 254–264. DOI: 10.15826/qr.2024.1.877
- Дмитриева Н.В. На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13. № 4. С. 861–874. DOI: 10.21638/spbu24.2023.410
- Документы Государственного архива Хабаровского края (ГАКХ).
- Документы Shanghai Municipal Police Files.
- Хисамутдинов А.А. К истории русской диаспоры в Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 2. С. 99–106.
- Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Ч. 1. Русские в Китае. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. 360 с.
- Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22. № 8. С. 100–111. DOI: 10.25205/1818–7919–2023–22–8–100–111.
- Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб: Университетская книга, 2015. 510 с.
- 汪之成: 近代上海俄国侨民生活. Цзиндай Шанхай эго цзяоминь шэнхо: [Ван Чжичэн. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени]. 上海: 上海辞书出版社, 2008年. 569 页.
- 汪之成: 上海俄侨史. Шанхай эцзяо ши: [Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае]. 上海: 三联书店, 1993年. 832 页.

The Shanghai Agency of Ussuri Railway and Establishment of Direct Mixed Railway-Water Communication between Shanghai and Manchuria (1923–1926)

Sun Yizhi

Assistant Researcher, Institute of History, Saint Petersburg State University (address: 5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–2656–2859. E-mail: yizhisun961203@gmail.com

Received 20.05.2024.

Abstract:

The article is devoted to the history of the Shanghai agency of Ussuri Railway and its role in the establishment of direct railway-water communication between Shanghai and Manchuria. After the end of the Civil War and the occupation of Vladivostok by the Red Army in late 1922, Soviet authorities began to rebuild the economy and trade in the Far East. As a counterbalance to Japan, it was planned to create an “eastern direction” of direct communication between Shanghai and Manchuria. In the “eastern direction” the transfer point between Shanghai and Manchuria was to be Vladivostok. It was planned to transport the goods arriving by water from Shanghai to Vladivostok by means of the

Ussuri Railway to the border with China and further by the China Eastern Railway to Harbin. The Ussuri Railway was the main initiator of the creation of the “eastern direction”. For full-fledged work at the end of 1923–1924, first a branch and then the Commercial Agency of the Ussuri Railway in Shanghai was established, which became the main in the creation of the “eastern direction”. However, the plan to create a direct railway-water communication between Shanghai and Manchuria via Vladivostok, in the end, was not fully realized — the most important issue of issuing direct transportation receipts was not solved. Interdepartmental conflict was the most important reason for the failure of the “eastern direction”. “Departmental patriotism” was inherent in all levels of the soviet authorities from Shanghai to Moscow and ultimately caused the fact that for almost three years neither at the Shanghai nor at the Moscow level could solve the burning issue for Soviet trade interests in Shanghai of issuing direct transportation documents.

Key words:

Shanghai, China, Vladivostok, USSR, trade system, Ussuri Railway, China Eastern Railway.

Funding sources:

This research was supported by a joint grant from the Russian Science Foundation No. 23–48–00004, URL: <https://rscf.ru/project/23-48-00004/> and the National Natural Science Foundation of China (国家自然科学基金) No. T2261139560 “Chinese Eastern Railway as a transborder socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection”.

For citation:

Sun Yizhi. The Shanghai Agency of Ussuri Railway and Establishment of Direct Mixed Railway-Water Communication between Shanghai and Manchuria (1923–1926) // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 156–170. DOI: 10.31857/S0131281224050113.

References

- Dmitrieva N.* Mezhdru dvuh imperij: zheleznodorozhnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke v pozdneimperijskij period [Between Two Empires: Railway Construction in the Far East in the Late Imperial Period]. *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12. No. 1. Pp. 254–264. (In Russ.)
- Dmitrieva N.V.* Na puti k KVZHD: finansovaya sostavlyayushchaya istorii stroitel'stva Kajdalovskoj zheleznodorozhnoj vetvi [On the Way to the Chinese Eastern Railway: Financial Aspects of the History of Kaidalovo Line Construction]. *Modern History of Russia*. 2023. Vol. 13. No. 4. S. 861–874. (In Russ.)
- Documents of Shanghai Municipal Police Files.
- Documents of The State Archive of the Khabarovsk Krai (*GAKH*). (In Russ.)
- Hisamutdinov A.* K istorii russkoj diaspory v Yaponii [Toward a History of the Russian Diaspora in Japan]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. No. 2. S. 99–106. (In Russ.)
- Hisamutdinov A.A.* Po stranam rasseyaniya. Ch. 1. Russkie v Kitae [On the countries of dispersion. Vol. 1. Russians in China]. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2000. 360 s. (In Russ.)
- Khodyakov M.V., Zhao Zhiqin.* Stroitel'stvo cerkvej v Zabajkal'e i Kitajsko-Vostochnaya zheleznyaya doroga: Kajdalovskaya vet' na rubezhe XIX—XX vekov [Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kaydalovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th — 20th Centuries]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22. No. 8. Pp. 100–111. (In Russ.)
- SHaronova V.G.* Istoriya russkoj emigracii v Vostochnom Kitae v pervoj polovine XX veka [The History of Russian Emigration in Eastern China in the First Half of the 20 century]. M., SPb: Universitetskaya kniga, 2015. 510 s. (In Russ.)
- Ves' Harbin na 1926 god, adresnaya i spravochnaya kniga [Harbin in 1926, Address and Reference Book] / Pod red. S.T. Ternavskij. Harbin: tipografiya KVZHD, 1926. 808 p. (In Russ.)
- 汪之成: 近代上海俄国侨民生活 [*Wang Zhicheng*. The Life of Russians in Modern Shanghai]. 上海: 上海辞书出版社, 2008年. 569页. (In Chin.)
- 汪之成: 上海俄侨史 [*Wang Zhicheng*. The Russian Emigration in Shanghai]. 上海: 三联书店, 1993年. 832 页. (In Chin.)

Молодежная политика и патриотическое воспитание в период Юсин (1972–1979 гг.)

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050126

Старшинов Александр Сергеевич

Аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, Россия, Моховая улица, 11, стр. 1). ORCID: 0000-0001-9169-1414.

E-mail: alex.starshinov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.10.2024.

Аннотация:

Статья посвящена анализу особенностей южнокорейского патриотического дискурса и молодежной политики 1970-х гг., рассматриваемых автором через призму доминирующей идеологии системы Юсин — «всеобщей гармонии» (*чхонхва*). Завершение формирования системы школьного образования позволило стандартизировать учебные материалы, в которых подчеркивался приоритет нации над индивидом, способствовало распространению патриотических практик и ценностей военной защиты Родины.

Государственная молодежная политика была нацелена на формирование нового образа молодежи, который позволил бы нивелировать классовые и статусные различия внутри данной возрастной группы. Кроме того, через распространение разных форм сыновней почтительности власти планировали нейтрализовать связанные с молодежью конфликты, обострившиеся в южнокорейском обществе в 1970-е гг., — поколенческие, социально-экономические и политические.

Практическим воплощением ценностей «всеобщей гармонии» стало Движение за новую деревню, которое было спаяно с системой образования и распространялось на всю страну. Обладая обширной инфраструктурой по пропаганде «духовного» образования и «практического» патриотизма, оно монополизировало и волонтерскую деятельность. В «образовании *Сэмаиль*» идеология периода Юсин подчеркивала дискурс равенства и эгалитаризма и предлагала молодежи несколько ролевых моделей: лояльные властям обучающиеся, волонтеры и молодежные лидеры, участвующие в модернизации страны.

Ключевые слова:

Республика Корея, молодежная политика, патриотизм, Пак Чон Хи, идеология.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00788 (URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00788/>).

Для цитирования:

Старшинов А.С. Молодежная политика и патриотическое воспитание в период Юсин (1972–1979 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 171–186.

DOI: 10.31857/S0131281224050126.

Период Юсин, официально начавшийся с введением новой конституции в октябре 1972 г., ознаменовал собой не только переформатирование политической структуры южнокорейского государства — переход к персоналистской диктатуре с минимальной ролью политических партий, но и трансформацию идеологическую, которая была сопряжена с интенсификацией модернизации в стране. Анализируя положение американской молодежи в послевоенное время, Т. Парсонс писал, что «быстрые [социально-экономические] изменения, как правило, являются источником беспокойства и замешательства, особенно усиливающегося, если они не направляются набором четко определенных основных символов, которые точно говорят, в чем суть таких изменений»¹. В случае Рес-

¹ Parsons T. Youth in the Context of American Society // *Daedalus*. 1962. Vol. 91. No. 1. P. 100.

публики Корея проблема «набора четко определенных основных символов» стояла гораздо острее, чем в развитых странах, и именно создание государственной идеологии можно рассматривать в качестве попытки установить такой набор символов как в политическом, так и социальном смыслах. В свою очередь, как показывает Ш. Эйзенштадт, период быстрых социальных изменений и индустриализация всегда порождают не только большое количество новых молодежных групп и организаций, в том числе контролируемых государством, но и обостряет общее осознание «молодежи как проблемы»².

Родившаяся после Корейской войны (1950–1953) когорта бэби-бумеров («поколение *хангыля*») была первым поколением, выросшим в совершенно другом социально-экономическом контексте: «фактическая динамика изменений в южнокорейском обществе, начавшихся в 1960-е гг., формировалась вместе с их жизненным путем»³. Еще в начале 1970-х гг. Ким Гён Вон, акцентируя внимание на противоречивом характере процесса социализации южнокорейской молодежи, писал, что она была «введена в систему ценностей, отмеченную растущим индивидуализмом, рационализмом [...] и цинизмом по отношению к символам власти, что резко контрастировало с общепринятыми взглядами и исторически сложившейся конфуцианской этикой»⁴.

Целью исследования является определение функциональных особенностей молодежной политики корейского государства и патриотического дискурса 1970-х гг. в рамках доминирующей идеологии того времени. Внимание к проблеме молодежи в период правления Пак Чон Хи уже отмечалось рядом исследователей. К примеру, М.Н. Пак писал о роли молодого поколения в свержении режима Ли Сын Мана, а также желании властей поставить его «энергию на службу военно-бюрократическому режиму»⁵. С нашей точки зрения, внимание к молодежным проблемам было связано также с желанием нейтрализовать потенциально опасные противоречия общественного развития страны, обострившиеся в ходе модернизации.

Чхонхва в контексте противоречий периода Юсин

Двумя идеологическими символами, наиболее важными для периода Юсин, были Устав народного образования 1968 г. и начавшееся в 1970 г. Движение за новую деревню (*Сэмабиль ундон*). Устав народного образования, который уделял первостепенное внимание патриотическому «делу возрождения нации», являлся одновременно «основной идеологией образования [во имя] национального возрождения и практическим кодексом [системы] Юсин» и при этом, по словам самого Пак Чон Хи, касался *всех граждан вообще*, которым надлежало прилагать усилия ради «включения идеологии Устава в свою повседневную жизнь»⁶. Движение за новую деревню было «жизненной философией, воплощающей в себе ценности системы Юсин» и «инструментом ее воплощения в жизнь» (более того, Пак Чон Хи фактически отождествлял их: «Движение за новую деревню —

² Eisenstadt S. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956. Pp. 159–185.

³ 박길성. 1960년대 인구사회학적 변화와 도시화 [Пак Киль Сон. Социально-демографические изменения и урбанизация в 1960-е гг.] // 1960년대의 사회변화연구 (1963–1970). 백산서당, 1999. 23 쪽.

⁴ Kim K. Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist // *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. No. 2. P. 159.

⁵ Пак М.Н. Очерки по историографии Кореи. К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков. М.: Наука, 1987. С. 26.

⁶ 국민교육헌장선포 제5주년 기념식 치사 [Поздравительная речь на церемонии в честь 5-летия провозглашения Устава народного образования] // 대통령기록관. 05.12.1973. URL: <https://bit.ly/4gLBjtk> (дата обращения: 26.09.2024).

это Юсин, а система Юсин — это Движение за новую деревню»⁷. Как можно видеть, отдельные идеологические элементы часто обладают изрядной долей тавтологичности, поэтому важно рассматривать не только их содержание, но то, какую функцию выполняла та или иная идеология. Так, обсуждая функциональные качества патриотизма и национализма, Р. Брубейкер приходит к выводу о том, что они могут являться инструментом продвижения гражданской активности населения, а также снижать накал общественных противоречий, обеспечивая «солидарность между различными классами общества»⁸. С нашей точки зрения, такие функции были наиболее заметны в идеологии периода Юсин.

Ряд южнокорейских исследователей называют *чхонхва* (총화, 總和 — «всеобщая гармония», «всеобщее единство»); часто встречается также *чхонхва тангэль* (총화 단결)) «господствующей идеологией»⁹ или «лозунгом»¹⁰ периода Юсин, однако в большинстве работ содержится лишь краткое упоминание о ней. Тем не менее *чхонхва тангэль* отличалась от других идеологий тем, что она (в отличие от, например, антикоммунизма, начавшего формироваться ещё с 1940-х гг., или «национального субъективизма» (*чучхесон*), акцент на котором делался с начала 1960-х гг.) была связана именно с периодом Юсин. Первое упоминание понятия относится к августу 1971 г.¹¹, а после смерти Пак Чонхи в 1979 г. следы его использования практически полностью исчезают. Более того, слово непосредственно входит в одну из вариаций самоназвания системы Юсин — *чхонхва Юсин*, «[система] Юсин, [где царит] всеобщая гармония» — фраза, которая часто встречалась в школьных учебниках, президентских речах и официальных документах того времени.

Что же понималось под этой «всеобщей гармонией»? Сам Пак Чон Хи так описывал дух «гармонии» или «слаженности» (조화, 調和), который, по его мысли, является «сутью уникального образа жизни» корейцев: «Его характеристикой является рассмотрение человеческих или социальных отношений не на основе конфликта и борьбы, а на основе гармонии (융화, 融和) и сотрудничества. Это вера в то, что, хотя конфликты и конфронтации часто отделяют человека от человека, человека от государства или страну от страны, всегда существует общая основа, где можно достичь гармонии, и, помогая и дополняя друг друга на этом общем основании, мы можем способствовать взаимному развитию»¹². Таким образом, в ее рамках происходила нейтрализация конфликтов и делался акцент на сотрудничестве и взаимопомощи — важнейших понятиях периода Юсин¹³.

Пак Чон Хи писал также: «... идея о том, что каждый может достичь гармонии (인화, 人和), преодолевая различия личностей и мнений, отражает веру в то, что люди по

⁷ 전국 새마을 지도자 대회 유시 [Речь на Национальной конференции лидеров Сэмаиль] // 대통령기록관. 22.11.1973. URL: <https://bit.ly/4djGOWE> (дата обращения: 26.09.2024).

⁸ Брубейкер Р. Именем нации: Размышления о национализме и патриотизме // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 72–73.

⁹ 최광승. 유신체제기 박정희 정권의 애국적 국민 생산 프로젝트: 화랑도와 화랑교육원을 중심으로 [*Чхве Гван Син*. Проект по производству «патриотических граждан» в период Юсин: на примере «Хварандо» и Образовательного центра «Хваран»] // *한국학연구*. 2014. 제33집. 270 쪽.

¹⁰ 은정태. 박정희시대 성역화사업의 추이와 성격 [*Ын Чжон Тхэ*. Деятельность по созданию «священных мест» в эпоху Пак Чонхи и её характеристики] // *역사문제연구*. 2005. 제15권. 268 쪽.

¹¹ 제26주년 광복절 경축사 [Речь на праздновании 26-й годовщины Дня освобождения] // 대통령기록관. 15.08.1971. URL: <https://bit.ly/3zBpnDb> (дата обращения: 26.09.2024).

¹² 박정희. 민족중흥의 길 [*Пак Чон Хи*. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 65 쪽.

¹³ «Цель [системы] Юсин состоит в том, чтобы гармонизировать личность и целое, а также обеспечить всем гражданам чувство общности, взаимопомощи и гармоничного сотрудничества всех (총화 협동). [...] Именно [на основе] этих ценностей мы защищаем страну, чтобы [и дальше] жить [в ней], стремимся к развитию страны, чтобы увеличить нашу свободу. С этой целью мы стремимся к всеобщей гармонии граждан (국민 총화) и координации государственной мощи посредством взаимной помощи и сотрудничества». 자유 수호의 길 [Путь защиты свободы]. 문교부, 1976. 25–26 쪽.

своей природе одинаковы и фундаментально равны. В отличие от узкого индивидуализма, где люди думают только о своих интересах, это исходит от настоящего, искреннего сердца, которое любит других так же, как себя, и относится к боли других людей так, как к своей собственной. Можно сказать, что из этого духа в конечном итоге выросла традиция сотрудничества, помощи друг другу, когда другие попадают в беду или возникают трудные ситуации»¹⁴. Таким образом, «всеобщая гармония» была, с одной стороны, связана со своеобразным дискурсом эгалитаризма (заметим, социальная однородность была одной из ее предпосылок)¹⁵, то есть с дискурсом номинального равенства в рамках такой гармонии, с другой стороны — была призвана помогать уязвимым слоям населения.

«Всеобщая гармония» имела несколько уровней. Пак Чон Хи говорил о гармонии в малом масштабе, проявляющейся в «единстве (단결) рабочего места, организации или региона», и о более высоком уровне, на котором возможны «взаимопонимание и солидарность между людьми с разными позициями»¹⁶. Помимо уровней, *чхонхва* сама по себе представлялась в различных формах: например, идеологемы *чхун* (충, 忠) и *хё* (효, 孝), как и другие формы сыновней почтительности¹⁷, которые начинают активно распространяться с конца 1960-х гг., были такими элементами «всеобщей гармонии»¹⁸. В политическом смысле наличие гармонии рассматривалось как неотъемлемое условие легитимности власти¹⁹.

Необходимость «всеобщей гармонии» была связана и с образом внешнего врага — Северной Кореи. Так, историческая политика периода Юсин подчеркивала события, приведшие к солидаризации внутри нации, а современным гражданам надлежало следовать «духу защиты Отечества (호국 정신) предков», которые, столкнувшись с национальным кризисом, «решительно преодолели различия в социальном статусе и конфессиях и справились с ним, объединившись только ради великого дела нации (민족의 대의)». В основе этих настроений лежало не только «сильное чувство независимости» (자주 의식), но и осознание «всеобщей гармонии народа» (국민의 총화 단결)²⁰. Анализируя памятники, установленные в период Юсин, Ён Чжон Тхэ упоминает еще одну важную функцию *чхонхва* — подчеркнуть «единство военных, правительства и гражданского населения»²¹.

¹⁴ 박정희. 민족중흥의 길 [Пак Чон Хи. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 67 쪽.

¹⁵ «Прочное национальное единство (국민적 일체) невозможно представить без предпосылки социальной однородности (동질성)». 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 156 쪽.

¹⁶ 제26주년 광복절 경축사 [Речь на праздновании 26-й годовщины Дня освобождения] // 대통령기록관. 15.08.1971. URL: <https://bit.ly/3zBpnDb> (дата обращения: 26.09.2024).

¹⁷ О значении категории сыновней почтительности в корейской истории см.: Курбанов С.О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 280 с.

¹⁸ 박정희. 민족중흥의 길 [Пак Чон Хи. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 68–71 쪽.

¹⁹ «Лидерство, не обладающее гармонией (인화, 人和) и мандатом Неба (천명, 天命), не может достичь всеобщей гармонии народа (국민 총화), а политика, не имеющая базы [в] общественной поддержке, не может выполнить [стоящую перед] современным государством задачу по превращения народа в [независимый] субъект [исторического процесса] (국민 주체화)». 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 155 쪽.

²⁰ 1973년도 국방대학원 졸업식 및 제20기 합동 참모대학 졸업식 유시 [Речь на церемонии вручения дипломов Национального университета обороны и 20-го выпуска колледжа Объединенного штаба в 1973 г.] // 대통령기록관. 20.07.1973. URL: <https://bit.ly/3XKNQhf> (дата обращения: 26.09.2024).

²¹ 은정태. 박정희시대 성역화사업의 추이와 성격 [Ён Чжон Тхэ. Деятельность по созданию «священных мест» в эпоху Пак Чонхи и ее характеристики] // 역사문제연구. 2005. 제15권. 253 쪽.

В рамках этой картины мира одной из угроз, разрушающих гармонию, были классовые различия и противоречия. Критикуя северокорейский общественный строй, авторы учебника для старшей школы «Путь защиты свободы» (1976) отмечали, что власти КНДР, «делая классовую борьбу своим основным лозунгом, разрушают национальное единство (민족의 단합) и даже нашу традиционную мораль», а потому «существует угроза того, что национальная однородность (민족의 동질성) будет [окончательно] разрушена, а нация — разделена»²². Аналогичные пассажи, но уже касающиеся внутренней ситуации в южнокорейском обществе, могут быть найдены, например, в книге «Идеи системы Юсин» (1973)²³.

Правящий режим видел истоки нарушения такой гармонии и во влиянии на послевоенную Республику Корея западных ценностей, в частности индивидуализма, которому противопоставлялась «гармонизация личности и целого». В глазах власти «ошибочное принятие западной культуры и образа жизни, основанного на индивидуалистическом либерализме»²⁴, было пороком, распространенным по всему обществу. Однако ключевым носителем таких ценностей было именно молодое поколение, что предопределило, например, упор на осуждение таких трендов в школьных учебниках и официальной риторике властей при обращении к проблемам молодежи.

Введение идеологии *чхонхва* в политический дискурс можно рассматривать в контексте общего «поворота к прошлому», начавшегося уже в конце 1960-х гг.²⁵, однако, на наш взгляд, она была одним из ответов на обострившиеся в ходе модернизации противоречия и конфликты.

Во-первых, поколенческие конфликты. Послевоенная молодежь, выросшая в социально-экономических условиях ускоренной модернизации и частичной вестернизации, была гораздо менее чувствительна как к традиционным формам коллективизма, так и к идеям сыновней почтительности²⁶. Поколенческий аспект имела и сама проблема выработки новой идеологии: если для старшего поколения «патриотизм», понимаемый в антияпонском духе, и «антикоммунизм», укорененный в личном опыте Корейской войны, были ценностями естественными, то для молодежи, обладавшей другим историческим опытом, они таковыми не являлись²⁷.

Во-вторых, усиление неравенства в южнокорейском обществе. Быстрый и неравномерный экономический рост привел к увеличению социального расслоения, что в том числе выразилось в желании тех, у кого выросли доходы, отделить себя от других через потребление, что вызывало недовольство людей, чья заработная плата этого не позволяла. С этой же целью на протяжении 1970-х гг. власти проводили кампании по борьбе с

²² 자유 수호의 길 [Путь защиты свободы]. 문교부, 1976. 214 쪽.

²³ «Мы не должны ни на минуту забывать, что вокруг нас существуют антигосударственные силы, которые пытаются разделить правительство и народ и использовать конфликты между социальными классами для раскола общества идеологией классовой борьбы». См.: 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 156 쪽.

²⁴ 자유 수호의 길 [Путь защиты свободы]. 문교부, 1976. 224 쪽.

²⁵ Курмызов А.А. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2023. № 4. С. 374–392.

²⁶ Например, в серии статей «[К проблеме] “пересоздания” молодого поколения», вышедших в январе 1977 г. в газете «*Кёнхян синмун*», анализировались различные исследования изменившихся ценностей молодого поколения. Об отношении поколения хангыля к идеям «сыновней почтительности» см.: 靑少年, 젊은 世代의 再創造 (1) 意識白書 기존 道德 퇴색 [К проблеме «пересоздания» молодого поколения (1) «Белая книга», посвященная ценностям молодежи, показывает кризис существующей морали] // 경향신문. 04.01.1977. 4면.

²⁷ Kim K. Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist // *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. No. 2. P. 159.

«излишним потреблением», стараясь сгладить такие конфликты. Примечательно, что потребление предметов роскоши напрямую маркировалось как «нарушающее гармонию»²⁸. Это особенно касалось чиновников и других руководящих слоев²⁹. Такое неравенство также существовало внутри молодежи, например между студентами и молодыми рабочими или сельской и городской молодежью.

В-третьих, «всеобщая гармония» выполняла функцию смягчения рабочих конфликтов, причинами которых являлись переработки и низкая заработная плата. Одной из целей движения *Сэмаиль* на заводах, к примеру, было продвижение «всеобщей гармонии [отношений] между руководством предприятий и работниками»³⁰. Большая часть рабочих была молодыми людьми, а потому для решения и предотвращения таких конфликтов часто использовался язык традиционных семейных ценностей, вытекавших из восприятия сотрудников как большой семьи во главе с начальником-патриархом³¹.

В-четвертых, разного рода политические конфликты: в условиях усиления авторитарных тенденций *чхонхва* выполняла функцию поддержания легитимности власти и нейтрализации политической оппозиции. Одной из сил, наиболее активно противостоявшей системе Юсин, были молодые студенты, а потому вопрос о контроле над студенческим движением был один из наиболее насущных для властей. С другой стороны, как полагает Ким Гён Вон, поколенческий аспект имел и проблему «отсутствия институциональных механизмов для осуществления преемственности политической власти», что могло привести к серьезным сбоям в политическом процессе³².

Необходимо рассмотреть, как происходило ее «материальное существование»³³, то есть в рамках каких институтов происходили ее распространение и практическая имплементация. Использование разного рода массовых молодежных организаций (как политических, так и неполитических) и связанных с ним мобилизационных мероприятий было характерно еще для самого раннего периода правления Пак Чон Хи, что, по мнению некоторых исследователей, повлияло на результаты выборов в 1963 г.³⁴ Главным отличием периода Юсин, однако, являлась неразрывная связь этих массовых организаций с системой массового образования и сам масштаб этих организаций. Главный символ периода Юсин, *Сэмаиль ундон*, начавшись с сельской местности, спустя короткое время охватил практически все сферы жизни южнокорейского общества — городское пространство, школы, университеты, заводы и даже армию, и тем самым крайне быстро стал, цитируя В. Брандта, «широкомасштабной идеологической кампанией, направлен-

²⁸ Подробнее см.: 이상록. 고도성장기 서민의 체감경제 [Ли Сан Нок. Экономика переживаний обычных людей в период быстрого экономического роста] // 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트. 서울: 창비, 2016. 145–170 쪽.

²⁹ «Если руководящие слои нравственно развращены и преследуют только свои интересы, если возникает феномен “привилегий”, то социальная однородность (동질성) общества будет неизбежно нарушена». 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 155 쪽.

³⁰ 商工部 工場 새마을 운동 추진 [Министерство торговли и промышленности продвигает движение *Сэмаиль* на заводах] // 매일경제. 31.10.1973. 1면.

³¹ 김원. 여공 1970, 그녀들의 反역사 [Kim Won. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория]. 서울: 이매진, 2005. 379–398 쪽. Также см. описание идеала рабочих отношений у самого Пак Чон Хи: 박정희. 민족중흥의 길 [Пак Чонхи. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 171–174 쪽.

³² Kim K. Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist // *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. No. 2. P. 160.

³³ См.: Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3 (77). С. 159–175.

³⁴ Kim J. Divided Korea: The Politics of Development, 1945–1972. Cambridge, Mass.: East Asian Research Center, Harvard University, 1975. P. 254.

ной на психологическую мобилизацию всей страны в поддержку “национального строительства”³⁵. И именно молодежь была ключевым участником этого движения.

«Образование с национальной спецификой» и массовые организации системы Юсин

Масштабное расширение сферы образования было одним из наиболее важных результатов правления Пак Чон Хи, и, как показывает М. Сет, в отличие от многих других сфер общественной жизни, такая политика была результатом компромисса между общественным спросом на образование и интересами властей, и государственная образовательная политика сдерживалась и корректировалась давлением со стороны общества³⁶. В результате к концу 1970-х гг. школьное образование начало охватывать абсолютное большинство молодежи. Согласно данным, приведённым Хван Бён Чжу, в 1979 г. процент продолживших обучение составил более 90 % в случае средней школы и более 80 % в случае старшей³⁷.

Получение образования было одним из наиболее эффективных способов социальной мобильности, а потому родители прикладывали все усилия для того, чтобы дать его своим детям. Для южнокорейского общества 1970-х гг. был крайне важен дискурс эгалитаризма, и власти воплотили его в системе образования в политике по «уравниванию школ»: например, через зачисление в школы по жребию и отмене экзаменов сначала в среднюю, а затем и в старшую школу³⁸. Кроме того, к 1970-м гг. произошла диверсификация видов разного рода профессионально-технических училищ, «заочных школ» и «заочных университетов», а также разных форм производственного обучения для работающей молодежи. Расширилось и университетское образование: хотя университеты еще продолжали быть недоступны большинству молодежи, количество студентов быстро росло (за 1970-е гг. их количество утроилось). Если в 1960-е гг. власти пытались вести политику по ограничению количества выпускников высших учебных заведений (например, через систему квот)³⁹, то, как замечает Ли Гён Сук, количество таких квот резко увеличилось в конце 1970-х гг.⁴⁰ Заметим, что такое увеличение произошло лишь после того, как над университетами был установлен полный контроль со стороны властей.

Власть была заинтересована в развитии сферы образования по нескольким причинам. С одной стороны, упор на школьное и техническое образование объяснялся необходимостью подготовки квалифицированных специалистов ради продолжения экономического развития. С другой стороны, параллельно с расширением сферы образования проводилась его идеологизация и, следовательно, закреплялся контроль за молодежью.

С идеологической точки зрения основой южнокорейского образования на протяжении длительного времени был антикоммунизм, начавший внедряться в школы еще в начале 1950-х гг. Несмотря на то, что сразу же после прихода военных к власти было вве-

³⁵ Brandt V. The New Community Movement. Planned and Unplanned Change in Rural Korea // *Journal of Asian and African Studies*. 1978. Vol. 13. No. 3–4. P. 199.

³⁶ Seth M. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. Pp. 118–119.

³⁷ 황병주. 고교 평준화, 불평등을 위한 평등한 경쟁 [Хван Бён Чжу. Политика по уравниванию школьного образования: равная конкуренция ради неравенства] // 1970, 박정희 모더니즘. 서울: 천년의상상, 2015. 211 쪽.

³⁸ Seth M. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. Pp. 148–158.

³⁹ Seth M. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. Pp. 131–139.

⁴⁰ 이경숙. 유신과 대학 [Ли Гён Сук. Система Юсин и высшие учебные заведения]. 서울: 역락, 2018. 87–89 쪽.

дено несколько мер по укреплению антикоммунистического образования (издание руководств для учителей, введение новых учебников и предметов в школе), как отмечает Хан Ман Гиль, вплоть до конца 1960-х гг. этим предметам не уделялось достаточного внимания, а время, посвященное такому «антикоммунистическому просвещению», было лишь формальностью⁴¹. На протяжении долгого времени антикоммунизм соединялся с патриотизмом и этикой и в этом смысле был прежде всего проектом пропагандистским и эмоционально окрашенным. Однако к 1970-м гг. антикоммунистическое образование не только усилилось, был сделан упор на идеологическую критику коммунизма и КНДР как воплощение такого проекта.

Сразу после введения конституции Юсин была проведена масштабная ревизия учебных программ: были пересмотрены учебники по таким дисциплинам, как история, общество, этика; в школах была создана «кафедра морали»; список антикоммунистических «просветительских мероприятий» был значительно расширен⁴². Новая стандартизация учебных материалов, начавшаяся вслед за «уравниванием» школ, отражала и курс равенства, под которым власти прежде всего подразумевали гомогенизацию⁴³.

Изменения в содержании образовательного процесса можно выделить две тенденции. Во-первых, учебники стали больше нацелены на подчеркивание важности национальной истории, традиционных ценностей сыновней почтительности, коллективизма и превалирование интересов нации над личностью⁴⁴. Не менее важным было введение в школьное образование обязательных коллективных практик, которые связывались с проявлениями патриотизма. Наиболее ярким пример — так называемые патриотические утренние собрания (애국 조회), которые заменили обычные утренние собрания⁴⁵. Приведем описание Пэ Сон Ина:

«Патриотические утренние собрания сочетали в себе [все черты] школьного образования в эпоху Юсин. Каждое утро понедельника все ученики собирались на спортплощадке и около часа проводили такое собрание. Когда в 8 утра трижды громко звенел школьный звонок, все дружно выбегали на спортплощадку, кроме дежурного по классу. Учеников, которые хоть немного опаздывали, высекал классный руководитель. На спортплощадке ученики ждали директора, выполняя разные строевые команды. Как только директор поднимался на сцену, и все учителя выстраивались в ряд, собрание начиналось.

Студенты отдавали честь государственному флагу, давали ему присягу, затем пели государственный гимн. После минуты молчания в память патриотических мучеников (순국선열) студенты зачитывали Устав народного образования, затем пели гимн учебного заведения. [...] Кульминацией патриотического собрания была речь директора школы, которая была наполнена подчеркиванием «патриотической преданности своей стране и своему народу» (애국애족), «основ страны» и «преданности (충성) нации»⁴⁶.

⁴¹ 한만길. 유신체제 반공교육의 실상과 영향 [Хан Ман Гиль. Реалии антикоммунистического образования системы Юсин и его последствия] // 역사비평. 1997. 통권 38호. 335–336 쪽.

⁴² 한만길. 유신체제 반공교육의 실상과 영향 [Хан Ман Гиль. Реалии антикоммунистического образования системы Юсин и его последствия] // 역사비평. 1997. 통권 38호. 341 쪽.

⁴³ 황병주. 고교 평준화, 불평등을 위한 평등한 경쟁 [Хван Бён Чжу. Политика по уравниванию школьного образования: равная конкуренция ради неравенства] // 1970, 박정희 모더니즘. 서울: 천년의상상, 2015. 208–209 쪽.

⁴⁴ Подробнее см.: 구경남. 1970년대 국정 <국사> 교과서에 나타난 애국심 교육과 국가주의 [Ку Гён Нам. Воспитание патриотизма и национализм в государственных учебниках по истории 1970-х гг.] // 역사교육연구. 2014. 제19호. 347–383 쪽.

⁴⁵ Ранее такие собрания называли «утренними собраниями» (아침조회), «собраниями на спортплощадке» (운동장 조회) или просто «понедельничными собраниями» (월요조회).

⁴⁶ 배성인. 유신체제의 지배이데올로기와 대중 통제 [Пэ Сон Ин. Доминирующая идеология системы Юсин и контроль за общественными массами] // 유신을 말하다. 서울: 나람북스, 2013. 236–237 쪽.

Другим важным направлением политики властей была милитаризация школьного и университетского образования, главной целью которой было укрепление связи между идеей «защиты Отечества» (호국) и «любвью к Отечеству» (애국), что нашло свое отражение в изменившемся содержании школьных учебников⁴⁷. Внедрение милитаристских практик в большей степени касалось старшей школы и университетов (где, например, произошло существенное увеличение количества занятий по начальной военной подготовке (교련), которая касалась и юношей, и девушек), хотя следы такой милитаризации можно найти и в младшей и средней школах⁴⁸. Наивысшей точкой такого процесса было воссоздание в 1975 г. существовавших в период правления Ли Сын Мана (1948–1960) «отрядов учащихся по защите Отечества» во всех старших школах и университетах страны ради «обновления атмосферы учебных заведений» и «развития духовной стойкости [обучающихся]» (п. 1), а также «привития учащимся духа защиты Отечества (호국정신) и реализации его на практике» (п. 15)⁴⁹. Примечательно, что одной из функций таких отрядов было не только военное образование, местная оборона и поддержание порядка во время гипотетической войны, но и продвижение участия в разного рода волонтерской деятельности, в частности в Движении за новую деревню (п. 12)⁵⁰.

Движение за новую деревню имеет фундаментальное значение для всех сфер жизни в период Юсин. Безусловно, первоначально его основной целью было уменьшение экономического диспаритета между городом и деревней, однако крайне быстро оно начинает, с одной стороны, позиционироваться как движение духовное, с другой — касаться не только сельской местности, но и всей страны, связываясь с системой государственного образования. Так, уже с 1972 г. Движение за новую деревню распространялось на среднюю и старшую школы, где организовывались «группы любви к родине» (애향단)⁵¹. Параллельно с этим движение вытеснило местные (и относительно автономные) волонтерские группы в университетах, централизовав волонтерскую деятельность. Многочисленные зарубежные организации (Корпус мира, 4Н, скаутское движение), активно развернувшие свою деятельность в послевоенной Республике Корея, также были инкорпорированы в Движение, а некоторые из них даже подверглись переименованию⁵².

Государственное Движение за новую деревню фактически монополизировало волонтерскую деятельность, и любое волонтерское движение в период Юсин так или иначе было связано с ним. *Сэмаиль ундон* отчетливо носило признаки воспитательного движения, сутью которого был именно *практический патриотизм*⁵³. Здесь важным был и

⁴⁷ 김현선. 애국주의의 내용과 변화: 1960–90년대 교과서 분석을 중심으로 [Kim Hyun Seon. Сущность и изменения идеологии патриотизма: на примере анализа учебников 1960–90-х гг.] // 정신문화연구. 2002. 제25권. 제2호. 196 쪽.

⁴⁸ Подробнее см.: 허은. 유신시대 학교와 학생의 일상사 [Ho Bin. Школы в период Юсин и повседневная жизнь учащихся] // 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트. 서울: 창비, 2016. 35–59 쪽.

⁴⁹ 학도호국단설치령 [Приказ о создании отрядов, учащихся по защите Отечества] // 법제처, 1975. URL: <https://bit.ly/3TNERuK> (дата обращения: 26.09.2024).

⁵⁰ 학도호국단설치령 [Приказ о создании отрядов, учащихся по защите Отечества] // 법제처, 1975. URL: <https://bit.ly/3TNERuK> (дата обращения: 26.09.2024).

⁵¹ 中高生 愛鄉團 조직 [Организация «групп любви к родине» для учащихся средней и старшей школы] // 경향신문. 04.04.1972. 7면.

⁵² 4Н클럽 全面 개편 「새마을 靑少年會」로 變更 [Общественные клубы 4Н полностью реорганизованы и переименованы в «Молодежные общества Сэмаиль»] // 경향신문. 18.11.1978. 3면.

⁵³ «Юсин — это деятельность по развитию практического патриотизма (실천적인 애국심), а не патриотизма только на словах или патриотизм, который ставит на первое место только эмоции. Поэтому необходимо развивать реформаторское движение, ориентированное на практику, которое будет сопровождаться научной теорией модернизации, а не смутным патриотическим чувством обеспокоенности за свою страну (막연한 우국충성). В то же время необходимо стремиться к

отход от «просвещенческого» (и несколько одностороннего) характера предыдущих студенческих волонтерских движений и переход к «чистому волонтерству». Подчеркивалось, что в ходе волонтерской деятельности учащиеся должны были проникнуться *духом Сэмаыль*, тем самым духовно обогатив себя новыми ценностями.

Обсуждая значение Движения за новую деревню, М.Н. Пак отмечал, что «поощрение различных форм кооперации в деревне [...] могло несколько притупить классовые противоречия и облегчить сеульским правителям их социальное маневрирование»⁵⁴. Поколенческие конфликты были более сильны в городе, но имели место и в сельской местности⁵⁵, и Движение за новую деревню можно рассматривать как один из способов их разрешения. Значительная часть мелких чиновников и лидеров *Сэмаыль* были молодыми людьми в возрасте 20–30 лет, и именно молодежь, «более чувствительная к современному порядку и ценностям», была «основной движущей силой этого движения как процесса реализации таких ценностей»⁵⁶.

Руководство молодежью и молодежное лидерство в 1970-е гг.

Ключевыми образами молодежи настоящего, продвигаемыми государством в период Юсин, были учащиеся и волонтеры что приводило как к упадку альтернативных образов, так и исчезновению значения молодости самой по себе⁵⁷. Такие образы были связаны с проблемой руководства молодежью, чей «динамичный дух [...] должен быть интегрирован и смягчен давно обученной, зрелой осторожностью старшего поколения»⁵⁸. Хотя молодежь не была «героем сегодняшнего дня», а являлась «протагонистом будущего»⁵⁹, ее участие в государственном проекте модернизации было крайне желательно, для чего продвигалась дискурс «молодежного лидерства».

Так движение *Сэмаыль ундон* не сводилось к «поощрению различных форм кооперации в деревне» и волонтерской деятельности, оно также включало в себя сильную образовательную составляющую. Помимо пропаганды ценностей движения в школах существовала обширная инфраструктура для получения более продвинутых форм идеологического образования по типу «образования *Сэмаыль*» или «духовного образования *хваранов*»: Институт лидеров *Сэмаыль*, образовательный центр «Хваран», ориентированный на подростков, образовательный центр Син Саимдан для женщин и т.д. Все они были

тому, чтобы патриотизм был *производителен* (애국심의 생산화) — что может быть достигнуто посредством модернизации, дополненной [готовностью] руководства подавать пример для подражания». 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 26 쪽. Также см. аналогичные пассажи в: 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 30 쪽; 128 쪽; 138 쪽; 166 쪽.

⁵⁴ Пак М.Н. Очерки по историографии Кореи. К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков. М.: Наука, 1987. С. 30.

⁵⁵ Brandt V. The New Community Movement. Planned and Unplanned Change in Rural Korea // *Journal of Asian and African Studies*. 1978. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 201, 205.

⁵⁶ 황병주, 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [Хван Бён Чжу. Доминирующий дискурс режима Пак Чон Хи и превращение общественных масс в «граждан»] // 대중독재: 강제와 동의 사이에서 / 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004. 497–498 쪽.

⁵⁷ По оценке Пэ Сон Ина, такое «исчезновение» начинается уже с введения Устава народного образования, с помощью чего подростки «прежде всего определялись как лишь ученики, которым надлежало заучить его». 배성인. 유신체제의 지배이데올로기와 대중 통제 [Пэ Сон Ин. Доминирующая идеология системы Юсин и контроль за общественными массами] // 유신을 말한다. 서울: 나람북스, 2013. 233 쪽.

⁵⁸ Kim D. Renovation of Ethical Views in Korea // *Korea Journal*. 1973. Vol. 13. No. 2. P. 6.

⁵⁹ 1974년 연두 기자회견 [Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1974 г.] // 대통령기록관. 18.01.1974. URL: <https://bit.ly/3zUYA4N> (дата обращения: 26.09.2024).

подчеркнуто эгалитарными, то есть потенциально открытыми для большого количества людей, причем особое внимание уделялось участию женщин. Кроме того, правительство уделяло внимание образованию неимущей молодежи, чем, например, занималась Школа нового духа (*Сэмаым хаккё*)⁶⁰.

«Образование *Сэмаыль*» и аналогичные проекты позиционировались как общедоступные: в таких учебных заведениях проводились стажировки не только для учащихся, но и для преподавателей школ и даже директоров, оно было обязательным и для чиновников⁶¹. За период Юсин общее количество людей, прошедших через «образование *Сэмаыль*» в соответствующих центрах, составило практически 700 тыс. человек⁶². По мнению Хван Бён Чжу, такое образование, ориентированное на «революцию сознания», следует понимать как попытку сформировать массы в качестве нового субъекта модернизации, который был бы «эгалитарно интегрирован» в доминирующую идеологию⁶³. Вне зависимости от возраста полученное «образование *Сэмаыль*» должно было помочь продвинуть государственные ценности в отношении молодежи⁶⁴ — и, прямо или косвенно, такое образование способствовало гомогенизации молодежи как одновременно субъекта модернизации и объекта воспитательной политики.

У «руководства молодежью» и «молодежного лидерства» был свой символ — дочь президента Пак Чон Хи, Пак Кын Хе, которая де-факто стала первой леди Республики Корея после убийства ее матери Юк Ён Су. Пак Кын Хе, сама принадлежащая к поколению *хангыля*, была лицом Движения за новый дух, и ее публичный образ «почтительной дочери» служил физическим воплощением ценностей, которые продвигал режим. В своих выступлениях она постоянно говорила о важности разных форм сыновней почтительности и других традиционных корейских ценностей для молодежи, например соблюдение правил приличия — *е* (예, 禮), а ее деятельность была связана с наиболее важными для молодежной политики сферами — образованием и волонтерской деятельностью.

В определенном смысле именно 1970-е гг. можно считать началом современной молодежной политики в Республике Корея. Именно в этот период была подготовлена ее институциональная база: принято несколько мер для улучшения условий труда молодых рабочих; в 1977 г. реорганизован Комитет по молодежной политике (его председателем

⁶⁰ 不遇청소년 가르치는 새마음학교 [Школа нового духа, где обучают молодежь из малообеспеченных семей] // 조선일보. 29.10.1978. 7면.

⁶¹ 金總理 지시: 長次官級 등 21日부터 새마을 敎育 [Распоряжение премьер-министра Ким Чжон Пхилиа: с 21 числа главы министерств, их заместители и другие чиновники пройдут курсы по образованию *Сэмаыль*] // 동아일보. 12.07.1974. 1면.

⁶² 황병주. 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [Хван Бён Чжу. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение общественных масс в «граждан»] // 대중독재: 강제와 동의 사이에서 / 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004. 500–501 쪽.

⁶³ 황병주. 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [Хван Бён Чжу. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение общественных масс в «граждан»] // 대중독재: 강제와 동의 사이에서 / 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004. 485 쪽.

⁶⁴ Например, на ранних этапах большинство обучающихся в Институте подготовки лидеров *Сэмаыль* были в возрасте около 40 лет, и, как пишет Пак Чин У, «режим Пак Чон Хи рассматривал лидеров *Сэмаыль* такого возраста как наиболее подходящую возрастную группу, [которая сможет] объединить и пожилых и молодых людей». 박진우. 박정희정권과 새마을지도자연수원의 지도자 양성 [Пак Чин У. Режим Пак Чон Хи и воспитание лидеров в Институте подготовки лидеров *Сэмаыль*] // 한국민족운동사연구. 2010. 제65호. 295–296 쪽. О содержании образования в центре «Хваран», предназначенном для учащихся средней и старшей школы, см.: 최광승. 유신체제기 박정희 정권의 애국적 국민 생산 프로젝트: 화랑도와 화랑교육원을 중심으로 [Чхве Гван Сын. Проект по производству «патриотических граждан» в период Юсин: на примере «Хварандо» и Образовательного центра «Хваран»] // 한국학연구. 2014. 제33집. 237–275 쪽.

был тогдашний премьер-министр Чхве Гю Ха); подготовлен Закон о социальном образовании; началось создание рекреационных зон для молодежи⁶⁵.

Молодежь, которая по тем или иным причинам выпадала или не вписывалась в систему молодежной политики (например, *чэсусэны*⁶⁶ или неработающая молодежь) рассматривались как угроза для общественного порядка⁶⁷. «Декадентное» поведение, распространение которого среди молодежи особенно сильно волновало власти, понималось максимально широко, туда включались как криминальные проступки (мелкое воровство, драки), так и чрезмерное увлечение современной поп-культурой, длинные волосы, «вызывающий» стиль одежды, «дурное увлечение противоположным полом» и т.д.⁶⁸ У такого поведения могли быть разные объяснения («дегуманизирующие тенденции» в современном образовании⁶⁹, недостаток «здоровой культуры отдыха»⁷⁰, социальная или семейная среда⁷¹), но противостоять ему призвана была усиленная пропаганда традиционных ценностей *чхун, хё и е*, которые рассматривались властями, в частности Комитетом по молодежной политике, как практически универсальный способ решения всех проблем молодежи⁷². Следование таким ценностям должно было гармонизировать не только отношение молодежи с обществом, но и с государством, что позволило бы бесконфликтно вписать молодежь в проект модернизации.

* * *

Добиваясь включения молодежи в систему «всеобщей гармонии» и пытаясь привить ей патриотические ценности, молодежная политика периода Юсин рассматривала всю молодежь в качестве объекта мобилизации и тем самым гомогенизировала ее. Дис-

⁶⁵ 政府의「靑少年종합대책」기본방향: 청소년 善導 범국민적 氣風 조성 [Основное направление «Комплексной молодежной политики» правительства — создать национальную атмосферу, в которой молодежь сможет лидировать] // 경향신문. 05.12.1978. 6면.

⁶⁶ *Чэсусэны* («занимающиеся учебой для повторной сдачи вступительных экзаменов») — молодые люди, которые, провалив вступительный экзамен в университет, тратили по несколько лет на обучение в *хагвонах* (частных школах дополнительного образования) для того, чтобы его пересдать. На протяжении 1970-х гг. власти негативно относились к *хагвонам*, вводя различные ограничения в отношении них.

⁶⁷ Например, см. серию статей «*Чэсусэны*», вышедшую в январе—феврале 1976 г. в газете «Чосон Ильбо». О поведении *чэсусэнов* см.: 再修身 ⑥ 集結地와 脫線 [*Чэсусэны* ⑥: Точки сбора и отклоняющееся поведение] // 조선일보. 04.02.1976. 1면.

⁶⁸ 再修身 ⑥ 集結地와 脫線 [*Чэсусэны* ⑥: Точки сбора и отклоняющееся поведение] // 조선일보. 04.02.1976. 1면.

⁶⁹ “오늘의 敎育課程 改編되어야 한다” [«Необходимо реформировать сегодняшний образовательный процесс»] // 조선일보. 23.08.1978. 5 면.

⁷⁰ 金命祚. 餘暇善用과 靑少年善導策. Recreation 問題의 提起 [Ким Мён Чжо. К постановке проблемы отдыха: правильное использование свободного времени и воспитательная политика в отношении молодежи] // 한국체육학회. 1975. 11 권. 147–157 쪽.

⁷¹ «Независимо от того, насколько хорошо школьное образование, если семейная среда не способствует развитию [молодежи], если оно не может идти в ногу со временем, то и школьное образование не будет успешным. Также, как бы хорошо школа и семья ни обеспечивали образование, если социальная среда такова, что в обществе процветают различные так называемые “иррациональные явления”, негативно влияющие на образование молодежи, или нездоровые тенденции, то очень впечатлительные молодые люди могут легко заразиться ими, что нанесет большой ущерб их образованию». 1977년 연두 기자회견 [Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1977 г.] // 대통령기록관. 12.01.1977. URL: <https://bit.ly/3ZLN9XC> (дата обращения: 26.09.2024).

⁷² Например, см.: 崔總理 주재, 對策委: 靑少年 선도 汎國民 氣風 조성 [Комитет по молодежной политике под председательством премьер-министра Чхве Гю Ха: создание национальной атмосферы, в которой молодежь сможет лидировать] // 경향신문. 31.03.1978. 1면.

курс равенства и гармонии в рамках доминирующей идеологии того времени, однако, предусматривал строгую политическую и социальную иерархию в соответствии с идеями сыновней почтительности. Целью молодежной политики 1970-х гг. было не только недопущение конфликтов, связанных с молодежью, но и включение молодежи в массовую политику того времени, в проект модернизации, ориентированный на участие масс.

В этом смысле любое неподконтрольное государству массовое явление, популярное среди молодежи, воспринималось властями как потенциально опасное. Одним из наиболее ярких примеров этого была борьба властей с популярной культурой, которая считалась «подрывающей единство», воспринималась как «декадентская» и подвергалась различного рода регулированию. Тем не менее сама структура культурной политики Пак Чон Хи, которая допускала существование частных инициатив, и зачаточный характер молодежной политики оставляли множество лакун вне подконтрольных государству сфер, вследствие чего государство никогда не обладало полным контролем над обществом и культурой.

Литература

- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3 (77). С. 159–175.
- Брубейкер Р. Именем нации: Размышления о национализме и патриотизме // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 59–79.
- Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 280 с.
- Курмызов А. А. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2023. № 4. С. 374–392.
- Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. К критике буржуазно-националистических идей южно-корейских историков. М.: Наука, 1987. 147 с.
- Brandt V. The New Community Movement. Planned and Unplanned Change in Rural Korea // *Journal of Asian and African Studies*. 1978. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 196–211.
- Eisenstadt S. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956. 357 p.
- Kim C. Divided Korea: The Politics of Development, 1945–1972. Cambridge, Mass.: East Asian Research Center, 1975. 471 p.
- Kim D. Renovation of Ethical Views in Korea // *Korea Journal*. 1973. Vol. 13. No. 2. Pp. 4–9.
- Kim K. Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist // *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. No. 2. Pp. 153–163.
- Parsons T. Youth in the Context of American Society // *Daedalus*. 1962. Vol. 91. No. 1. Pp. 97–123.
- Seth M. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. 305 p.
- 1973년도 국방대학원 졸업식 및 제20기 합동 참모대학 졸업식 유시 [Речь на церемонии вручения дипломов Национального университета обороны и 20-го выпуска колледжа Объединенного штаба в 1973 г.] // *대통령기록관*. 20.07.1973. URL: <https://bit.ly/3XKNQhf> (дата обращения: 26.09.2024).
- 1974년 연두 기자회견 [Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1974 г.] // *대통령기록관*. 18.01.1974. URL: <https://bit.ly/3zUYA4N> (дата обращения: 26.09.2024).
- 1977년 연두 기자회견 [Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1977 г.] // *대통령기록관*. 12.01.1977. URL: <https://bit.ly/3ZLN9XC> (дата обращения: 26.09.2024).
- 구경남. 1970년대 국정 <국사> 교과서에 나타난 애국심 교육과 국가주의 [Кю Гён Нам. Воспитание патриотизма и национализм в учебниках по истории 1970-х гг.] // *역사교육연구*. 2014. 제19호. 347–383 쪽.
- 국민교육헌장선포 제5주년 기념식 치사 [Поздравительная речь на церемонии в честь 5-летия провозглашения Устава народного образования] // *대통령기록관*. 05.12.1973. URL: <https://bit.ly/4gLBJtk> (дата обращения: 26.09.2024).
- 金命祚. 餘暇善用과 靑少年善導策. Recreation 問題의提起 [Ким Мён Чжо. К постановке проблемы отдыха: правильное использование свободного времени и воспитательная политика в отношении молодежи] // *한국체육학회*. 1975. 11권. 147–157 쪽.
- 김원. 여공 1970, 그녀들의 역사사 [Ким Вон. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория]. 서울: 이매진, 2005. 860 쪽.

- 김현선. 애국주의의 내용과 변화: 1960–90년대 교과서 분석을 중심으로 [Kim Hyeon Seon. Сущность и изменения идеологии патриотизма: на примере анализа учебников 1960–90-х гг.] // 정신문화연구. 2002. 제25권. 제2호. 177–205 쪽.
- 박길성. 1960년대 인구사회학적 변화와 도시화 [Пак Киль Сон. Социально-демографические изменения и урбанизация в 1960-е гг.] // 1960년대의 사회변화연구 (1963–1970). 백산서당, 1999. 11–54 쪽.
- 박정희. 민족중흥의 길 [Пак Чон Хи. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 228 쪽.
- 박진우. 박정희정권과 새마을지도자연수원의 지도자 양성 [Пак Чин У. Режим Пак Чон Хи и воспитание лидеров в Институте подготовки лидеров Сэмаьль] // 한국민족운동사연구. 2010. 제65호. 279–317 쪽.
- 배성인. 유신체제의 지배이데올로기와 대중 통제 [Пэ Сон Ин. Доминирующая идеология системы Юсин и контроль за общественными массами] // 유신을 말한다. 서울: 나람북스, 2013. 205–252 쪽.
- 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 185 쪽.
- 은정태. 박정희시대 성역화사업의 추이와 성격 [Ын Чжон Тхэ. Деятельность по созданию «священных мест» в эпоху Пак Чон Хи и ее характеристики] // 역사문제연구. 2005. 제15권. 241–277 쪽.
- 이경숙. 유신과 대학 [Ли Гён Сук. Система Юсин и высшие учебные заведения]. 서울: 역락, 2018. 196 쪽.
- 이상록. 고도성장기 서민의 체감경제 [Ли Сан Нок. Экономика переживаний обычных людей в период быстрого экономического роста] // 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트. 서울: 창비, 2016. 145–170 쪽.
- 자유 수호의 길 [Путь защиты свободы]. 문교부, 1976. 236 쪽.
- 전국 새마을 지도자 대회 유시 [Речь на Национальной конференции лидеров движения Сэмаьль] // 대통령기록관. 22.11.1973. URL: <https://bit.ly/4djGOWE> (дата обращения: 26.09.2024).
- 제26주년 광복절 경축사 [Речь на праздновании 26-й годовщины Дня освобождения] // 대통령기록관. URL: <https://bit.ly/3zBpnDb> (дата обращения: 26.09.2024).
- 최광승. 유신체제가 박정희 정권의 애국적 국민 생산 프로젝트: 화랑도와 화랑교육원을 중심으로 [Чхве Гван Сын. Проект по производству «патриотических граждан» в период Юсин: на примере «Хварандо» и Образовательного центра «Хваран»] // 한국학연구. 2014. 제33집. 237–275 쪽.
- 학도호국단설치령 [Приказ о создании отрядов учащихся по защите Отечества] // 법제처, 1975. URL: <https://bit.ly/3TNERuK> (дата обращения: 26.09.2024).
- 한만길. 유신체제 반공교육의 실상과 영향 [Хан Ман Гиль. Реалии антикоммунистического образования системы Юсин и его последствия] // 역사비평. 1997. 통권 38호. 333–347 쪽.
- 허은. 유신시대 학교와 학생의 일상사 [Хо Ын. Школы в период Юсин и повседневная жизнь учащихся] // 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트. 서울: 창비, 2016. 35–59 쪽.
- 황병주. 고교 평준화, 불평등을 위한 평등한 경쟁 [Хван Бён Чжу. Политика по уравниванию школьного образования: равная конкуренция ради неравенства] // 1970, 박정희 모더니즘. 서울: 천년의상상, 2015. 202–215 쪽.
- 황병주. 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [Хван Бён Чжу. Доминирующий дискурс режима Пак Чон Хи и превращение общественных масс в «граждан»] // 대중독재: 강제와 동의 사이에서 / 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004. 475–516 쪽.

Youth Policy and Patriotic Education during the Yusin Period (1972–1979)

Alexander S. Starshinov

Ph.D. student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9169-1414. E-mail: alex.starshinov@gmail.com

Received 03.10.2024.

Abstract:

The article examines the features of South Korean patriotic discourse and youth policy in the 1970s through the prism of “total harmony” (*cheonghwa*), which was the dominant ideology of the Yusin system. The establishment of a mass school system served as the foundation for implementing patriotic education during this period, enabling the standardization of educational materials that emphasized the primacy of the nation over the individual. This system also facilitated the dissemination of patriotic practices and values associated with the defense of the Fatherland.

During this period, youth policy aimed to construct a new image of young people by, on the one hand, mitigating class and status differences within this demographic, and on the other hand, ad-

dressings intensified generational, socio-economic, and political conflicts in 1970s South Korean society through the promotion of universal category of filial piety.

The New Village Movement, integrated into the education system and disseminated nationwide, served as the practical embodiment of the values of “total harmony”. With a well-developed infrastructure for promoting spiritual education and “practical” patriotism, the movement also dominated volunteer activities. Through *Saemaoul* education, the ideology of the Yusin period emphasized themes of equality and egalitarianism, presenting young people with role models such as loyal students and volunteers contributing to the country's modernization.

Key words:

Republic of Korea, youth policy, patriotism, Park Chung-hee, ideology.

Funding sources:

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant № 24–28–00788 (URL: <https://rscf.ru/en/project/24–28–00788/>).

For citation:

Starshinov A.S. Youth Policy and Patriotic Education during the Yusin Period (1972–1979) // *Far Eastern Studies*. 2024. No. 5. Pp. 171–186. DOI: 10.31857/S0131281224050126.

References

- Althusser L.* Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes Towards an Investigation)]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2011. No. 3 (77). S. 159–175. (In Russ.)
- Brubaker R.* Imenem nacji: Razmyshleniya o nacionalizme i patriotizme [In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism]. *Ab Imperio*. 2006. No. 2. S. 59–79. (In Russ.)
- Kurbanov S.O.* Konfucianskij klassicheskij «Kanon synovnej pochtitel'nosti» v korejskoj traktovke. Korejskoe vospriyatie universal'noj kategorii «pochtitel'nosti k roditelyam» [The Classic of Filial Piety in Korean Interpretation. Korean Perception of the Universal Category of “Filial Piety”]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 280 s. (In Russ.)
- Kurmyzov A.A.* Vozrozhdenie «slavnogo proshlogo» v Respublike Koreya v period pravleniya Park Chung Hee [The Revival of the “Glorious Past” in the Republic of Korea under Park Chung Hee]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 2023. No. 4. S. 374–392. (In Russ.)
- Pak M.N.* Ocherki po istoriografii Korei. K kritike burzhuažno-nacionalisticheskij idej yuzhnokorejskij istorikov [Essays on Korean Historiography. Toward Criticism of the Bourgeois-Nationalist Ideas of South Korean Historians]. M.: Nauka, 1987. 147 s. (In Russ.)
- Brandt V.* The New Community Movement. Planned and Unplanned Change in Rural Korea. *Journal of Asian and African Studies*. 1978. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 196–211.
- Eisenstadt S.* From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956. 357 p.
- Kim C.* Divided Korea: The Politics of Development, 1945–1972. Cambridge, Mass.: East Asian Research Center, 1975.
- Kim D.* Renovation of Ethical Views in Korea. *Korea Journal*. 1973. Vol. 13. No. 2. Pp. 4–9.
- Kim K.* Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist. *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. No. 2. Pp. 153–163.
- Parsons T.* Youth in the Context of American Society. *Daedalus*. 1962. Vol. 91. No. 1. Pp. 97–123.
- Seth M.* Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. 305 p.
- 1973년도 국방대학원 졸업식 및 제20기 합동 참모대학 졸업식 유시 [1973 National Defense Graduate School Commencement Ceremony and 20th Joint Command and Staff College Graduation Ceremony Speech]. 대통령기록관. 20.07.1973. URL: <https://bit.ly/3XKNQhf> (accessed: 26.09.2024). (In Kor.)
- 1974년 연두 기자회견 [1974 New Year's Press Conference]. 대통령기록관. 18.01.1974. URL: <https://bit.ly/3zUYA4N> (accessed: 26.09.2024). (In Kor.)
- 1977년 연두 기자회견 [1977 New Year's Press Conference]. 대통령기록관. 12.01.1977. URL: <https://bit.ly/3ZLN9XC> (accessed: 26.09.2024). (In Kor.)
- 구경남. 1970년대 국정 <국사> 교과서에 나타난 애국심 교육과 국가주의 [Ku Kyeong-nam. Patriotism Education and Nationalism in Government Designated Korean History Textbook in the 1970s]. 역사교육연구. 2014. 제19호. 347–383 쪽. (In Kor.)

- 국민교육헌장선포 제5주년 기념식 치사 [Congratulatory Speech at the Ceremony in Honor of the 5th Anniversary of the Proclamation of the Charter of Public Education]. 대통령기록관. 05.12.1973. URL: <https://bit.ly/4gLBJtk> (accessed: 26.09.2024). (In Kor.)
- 金命祚. 餘暇善用과 靑少年善導策. Recreation 問題의 提起 [Kim Myung-jo. Towards the Formulation of the Problem of Leisure: The Sound Use of Free Time and Youth Guidance]. 한국체육학회. 1975. 11권. 147–157 쪽. (In Kor.)
- 김원. 여공 1970, 그녀들의 역사 [Kim Won. Women Workers in the 1970s: Their Counter-history]. 서울: 이매진, 2005. 860 쪽. (In Kor.)
- 김현선. 애국주의의 내용과 변화: 1960–90년대 교과서 분석을 중심으로 [Kim Hyeon-seon. The Content and Change of Patriotism in Korea: Focusing on Textbooks during the 1960s–1990s]. 정신문화연구. 2002. 제25권. 제2호. 177–205 쪽. (In Kor.)
- 박길성. 1960년대 인구사회학적 변화와 도시화 [Pak Kilson. Socio-demographic changes and urbanization in the 1960s.]. 1960년대의 사회변화연구 (1963–1970). 백산서당, 1999. 11–54 쪽. (In Kor.)
- 박정희. 민족중흥의 길 [Park Chung-hee. The Path of National Revival]. 서울: 기파랑, 2017. 228 쪽. (In Kor.)
- 박진우. 박정희정권과 새마을지도자연수원의 지도자 양성 [Park Jin-woo. The Park Chung-Hee Regime and Leadership Education in the Saemaoul Leadership Training Institute]. 한국민족운동사연구. 2010. 제65호. 279–317 쪽. (In Kor.)
- 배성인. 유신체제의 지배이데올로기와 대중 통제 [Bae Seong-in. The Dominant Ideology of the Yushin System and Control of the Public]. 유신을 말한다. 서울: 나람북스, 2013. 205–252 쪽. (In Kor.)
- 維新의 理念 [Ideas of the Yushin system]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 185쪽.
- 은정태. 박정희시대 성역화사업의 주지와 성격 [Eun Jeong-tae. Creation of “Sacred Places” during Park Chung-hee’s Era and Its Characteristics]. 역사문제연구. 2005. 제15권. 241–277 쪽. (In Kor.)
- 이경숙. 유신과 대학 [Lee Kyung-suk. Yushin System and Higher Education Institutions]. 서울: 역락, 2018. 196쪽. (In Kor.)
- 이상록. 고도성장기 서민의 체감경제 [Lee Sang-rok. The Economics of Ordinary People’s Experiences during a Period of Rapid Economic Growth]. 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트. 서울: 창비, 2016. 145–170 쪽. (In Kor.)
- 자유 수호의 길 [The Path of Defending Freedom]. 문교부, 1976. 236 쪽. (In Kor.)
- 전국 새마을 지도자 대회 유시 [Speech Given at the Saemaoul National Leadership Conference]. 대통령기록관. 22.11.1973. URL: <https://bit.ly/4djGOWE> (accessed: 26.09.2024). (In Kor.)
- 제26주년 광복절 경축사 [Speech at the Celebration of the 26th Anniversary of Liberation Day]. 대통령기록관. URL: <https://bit.ly/3zBpnDb> (дата обращения: 26.09.2024). (In Kor.)
- 최광승. 유신체제가 박정희 정권의 애국적 국민 생산 프로젝트: 화랑도와 화랑교육원을 중심으로 [Choi Kwang-seung. Project for Making Patriotic People during Yushin Period of Park Chung Hee Regime: Based on the Case of Hwarangdo and Hwarang Educational Institute]. 한국학연구. 2014. 제33집. 237–275 쪽. (In Kor.)
- 학도호국단설치령 [Decree on the Establishment of the Korean National Defense Student Corps]. 법제처, 1975. URL: <https://bit.ly/3TNERuK> (accessed: 26.09.2024). (In Kor.)
- 한만길. 유신체제 반공교육의 실상과 영향 [Han Man-gil. The Reality and Impact of Anticommunist Education in the Yushin System]. 역사비평. 1997. 통권 38호. 333–347 쪽. (In Kor.)
- 허은. 유신시대 학교와 학생의 일상사 [Heo Eun. Schools during the Yushin Period and Students’ Daily Lives]. 한국현대 생활문화사 1970년대: 새마을운동과 미니스커트. 서울: 창비, 2016. 35–59 쪽. (In Kor.)
- 황병주. 고교 평준화, 불평등을 위한 평등한 경쟁 [Hwang Byung-ju. School Equalization Policy: Equal Competition for the Sake of Inequality]. 1970, 박정희 모더니즘. 서울: 천년의상상, 2015. 202–215 쪽. (In Kor.)
- 황병주. 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [Hwang Byung-ju. The Dominant Discourse of the Park Chung-hee Regime and the Transformation of the Public into “Citizens”]. 대중독재: 강제와 동의 사이에서. 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004, 475–516 쪽. (In Kor.)

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

Рецензия на монографию: *Янгутов Л.Е. Философия и сотериология китайского буддизма / Л.Е. Янгутов; отв. ред. С.П. Нестеркин, И.С. Урбанаева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. 344 с.*

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050138

В издательстве Бурятского научного центра опубликована монография доктора философских наук профессора Леонида Евграфовича Янгутова «Философия и сотериология китайского буддизма» (Улан-Удэ, 2023 г.).

Л.Е. Янгутов является известным специалистом в области исследований китайского буддизма, а также общественно-политической и философской мысли стран Восточной и Центральной Азии, автором более 200 научных работ, в том числе 12 монографий. Кроме того, Л.Е. Янгутов — руководитель нескольких крупных научных проектов, направленных на исследование исторических, культурных, социально-политических, религиозных и философских аспектов буддизма, а также проблем его развития в России и странах Центральной и Восточной Азии. Эти научные проекты выполнялись на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и заслужили высокую оценку специалистов.

Стремительное развитие Китая в последние десятилетия не только в экономическом, но и культурном плане демонстрирует мощный духовный потенциал его древней цивилизации, который становится актуальным объектом исследования различных специалистов всего мира, в том числе гуманитариев. В своей работе Л.Е. Янгутов охватывает широкий круг проблем истории, философии и сотериологии китайского буддизма, являющегося, наряду с конфуцианством и даосизмом, составной частью китайского духовного синкретизма.

Осуществленный автором монографии анализ истории проникновения, распространения и китаизации буддизма показывает, что длительный процесс приспособления учения к новым культурным условиям привел к изменению его первоначальных форм, но не повлиял на сущностное содержание. Это обусловило появление новых аспектов философии и сотериологии, определивших собственное лицо буддийского учения в Восточной Азии.

Монография Л.Е. Янгутова посвящена обоснованию данного положения, которое во многом противостоит концепции «критического буддизма», выдвинутой в 1980-х гг. японскими исследователями Хакама Ясунари и Мацумото Сиро. Согласно «критическому буддизму» дальневосточный буддизм представляет собой качественно новое теоретическое учение, в основе которого лежит концепция Татхагата-гарбхи — сознания-хранилища. Данная концепция стала фундаментом развития китайских буддийских школ хуаянь (华严), тяньтай (天台) и чань (禅) и определила собственное содержание китайского буддизма, потерявшего, таким образом, преемственную связь с первоначальным индийским буддизмом. Учение о Татхагата-гарбхе обусловило появление новых философских концепций и сотериологических принципов как китайского, так и всего восточноазиатского буддизма. При этом тибетский буддизм, согласно этой концепции, сохранил свою преемственность и наиболее близок учению Будды.

Со временем концепция «критического буддизма» стала весьма популярна и в самой Японии, и в Китае, а также в других странах. Л.Е. Янгутов, в свою очередь, обосновывает противоположную позицию. Признавая, что китайский буддизм подвергся гораздо большей теоретической трансформации, чем тибетский, автор монографии тем не менее ставит следующие вопросы: «Стоит ли считать это искажением учения Будды? Почему буддизм в Китае получил столь радикальную трансформацию и насколько закономерной она была на китайской социокультурной почве? Считать ли ее еретическим отходом от первоначальных основ индийского буддизма или это не что иное, как логическое и закономерное развитие первоначальных положений индийского буддизма?» (с. 4–5)

Автор утверждает, что ключ к пониманию данных вопросов кроется «в особенностях процесса вхождения философско-мировоззренче-

ских и религиозных установок буддизма в цивилизационное пространство Китая, в особенностях восприятия китайского менталитета буддийских ценностей, а также в особенностях философских и религиозных традиций Китая и буддизма в их сравнительном контексте» (с. 5).

По мнению ученого, на рубеже нашей эры встретились две великие цивилизации — древнекитайская и индобуддийская, до этого не знавшие равных себе по богатству и уровню развития. До встречи друг с другом они поглощали менее развитые культуры, навязывая им свои ценности. Эта встреча оказалась судьбоносной для них обеих. Обладая совершенно разными религиозными представлениями и сотериологическими установками, но схожими философско-мировоззренческими принципами, они оказали огромное влияние друг на друга. В результате такого взаимовлияния учение буддизма подверглось значительной трансформации, что и обусловило появление феномена китайского буддизма, что, впрочем, не говорит о его сущностных отличиях от индийского буддизма.

Л.Е. Янгутов предлагает развести понятия «буддизм в Китае» и «китайский буддизм», поскольку первое имеет более широкое содержание, включая все буддийские школы как хинаяны, так и махаяны на территории Китая. В свою очередь, понятие «китайский буддизм» означает собственно китайские буддийские школы, которые оформились именно в Китае и вобрали в себя содержание китайской философской традиции. Согласно этому принципу китайский буддизм включает в себя школы тяньтай, чань, хуаянь, цзинту (淨土), а их философско-сотериологическое учение представляет собой теорию китайского буддизма.

Подробно исследовав ранние, добуддийские, религиозные верования китайцев, Л.Е. Янгутов отмечает, что характерной особенностью мировоззрения древних китайцев была прагматичность. Она заключалась в отсутствии абстрактной идеи спасения, не привязанной к конкретным практическим задачам, а также институализированной официальной религии. Китай до буддизма не знал строгой монашеской организации. Кроме того, китайцы традиционно придерживались мысли, что всякая цель может быть достигнута именно в настоящей жизни, а не в каком-то далеком будущем перерождении. Религиозный менталитет китайцев был совершенно иным, чем предлагает буддийское учение.

Главными в пантеоне древних китайцев были божества, имевшие отношение к практической, хозяйственной деятельности, а не связанные с природными явлениями и участвовав-

шие в сотворении мира. И, как считает автор монографии, с началом формирования государственности в Китае, социальная и прагматическая направленность верований и культов все более углублялась и приобрела «административно-политический» окрас.

В монографии подробно анализируется история первоначального знакомства китайцев с проникающим в их страну учением, которое проповедовали первые буддийские миссионеры на рубеже нашей эры. Они открывали для жителей Древнего Китая совершенно иные религиозные установки, связанные с абстрактной идеей спасения в таинственной нирване, причем не в настоящей жизни, а в далеком будущем перерождении.

Рассматривая вхождение буддизма в социокультурную среду Китая, Л.Е. Янгутов утверждает, что психологизм буддизма вступил в противоречие с натурфилософскими установками древнекитайской философии. Более того, в социальном плане буддизм, имевший у себя на родине независимый статус, встретился в Китае с мощной политической культурой, ориентированной на сильную государственную власть, имевшую сакральный статус и подчинявшую своим интересам местные религиозно-философские учения.

Автор показывает, что вхождение буддизма в новое культурное и социально-политическое пространство началось с попыток приспособления к местным религиозно-философским ценностям и традиционным социально-политическим нормам, что и обусловило начало процесса его китаизации. В результате вхождения буддизма в цивилизационное пространство Китая были установлены сотериологические принципы широкого пути спасения махаяны, более созвучные китайскому менталитету, а взаимодействие китайских натурфилософских традиций и психологизм индобуддийской философии обусловил онтологизацию философии китайского буддизма, которая была тесно привязана к сотериологии.

Таким образом, считает автор, китайский буддизм оформился в результате взаимодействия двух цивилизаций — китайской и индобуддийской. Став органической частью китайской социокультурной традиции, он продолжил развиваться в русле первоначальных мировоззренческих принципов индийского буддизма.

В результате анализа учений школ китайского буддизма автор приходит к выводу, что философские и сотериологические принципы школ китайского буддизма являются собой продолжение развития содержания канонических текстов махаяны с позиций китайского мента-

литета без искажения концептуальной основы этих текстов. Базовыми текстами стали тексты Праджняпарамиты, «Саддхармапундарики-сутры», «Нирвана-сутры» и «Аватамсака-сутры».

Л.Е. Янгутов отмечает, что особое внимание китайцев привлек онтологический аспект учения о Татхагата-гарбхе. Данное понятие было представлено в «Нирвана-сутре» и обусловило появление новой идеи о наличии природы Будды во всем сущем. На основе этого положения китайский мыслитель Дао Шэн выдвинул идею о возможности мгновенного просветления, что во многом было созвучно традиционным китайским даосским принципам познания Дао. Данная идея определила появление новой сотериологической концепции мгновенного просветления, которая, по мнению автора монографии, несколько не противоречит учению первоначального буддизма, но является его дополнением. Она получила соответствующее обоснование в рамках методологических принципов буддийского учения в опоре на постулаты традиционной китайской философии. Таким образом, новые идеи не опровергали первоначальный буддизм, а органически развивали его теорию. Именно в этом Л.Е. Янгутов расходится с авторами концепции «критического буддизма», критически относившихся к учению о Татхагата-гарбхе. Это напоминает ситуацию с Дао Шэном, идеи которого были не приняты многими буддистами, но впоследствии он сумел доказать и показать их истоки в индийских буддийских текстах.

Л.Е. Янгутов утверждает, что окончательное оформление китайских буддийских школ тяньтай, чань, хуаянь и цзинту, формирование их собственной философской и сотериологической методологии, а также полное подчинение буддийской сангхи политической власти в лице императоров завершило длительный процесс адаптации буддизма в Китае и обусловило появление феномена китайского буддизма.

Автор монографии показывает, что понятийно-категориальный аппарат китайского буддизма, подвергшийся несомненному влиянию традиционной китайской философии и прежде всего даосизма, сложился, тем не менее, на базе праджняпарамитских идей. В этой сложной понятийной системе существуют как традиционные китайские философские понятия и категории, которые получили новое буддийское содержание, так и собственно буддийские понятия в форме транскрипции санскритских слов.

Особое внимание в монографии уделяется проблемам перевода на китайский язык буддийской литературы. Проблема адекватного перевода представляют собой важный аспект ки-

таизации буддийского учения в китайской культурной среде. Лишь спустя несколько веков, в течение которых было испробовано множество техник переводов, китайские буддийские тексты стали адекватно передавать смысл теории, отличающейся крайней сложностью. В своей работе автор выделяет и интерпретирует базовые категории китайского буддизма, к которым он относит понятия пустоты, таковости, истины, сознания и истинно сущего.

Понятие пустоты рассматривается как центральное понятие Праджняпарамиты, и представляет собой квинтэссенцию всего учения махаяны. С ним связана логика, а также вся система аргументации и экспликации махаянской философии и сотериологии. Именно это понятие в большей степени и характеризует учение о праджня как интуитивной мудрости (с. 194–219).

Понятие таковости, в свою очередь, выражает онтологический статус пустоты в состоянии просветления, характеризует истинный вид дхармы. Таковость — это то, что существует в своем истинном виде, это истинное существование, истинно сущее (с. 219–245).

Проблема сознания в буддизме имеет настолько большое значение, что все это учение можно назвать учением о сознании. Так главный тезис о тождестве нирваны и сансары подчеркивает условность психического состояния, где существует только омраченное или просветленное состояние. В просветленном состоянии сознание выступает как единое сознание с его видением собственной природы в ее истинной таковости (с. 245–270).

Автор подчеркивает, что проблема истины имеет в буддизме столь выдающееся значение, что без решения этой проблемы невозможно понять ни сотериологию, ни философию буддизма. Согласно Л.Е. Янгуту, главной философской проблемой китайского буддизма стала проблема истинно сущего (онтологический аспект истины), включающая в себя весь комплекс философских и сотериологических проблем китайского буддизма — пустоты, таковости, истины, сознания, отношения истинного бытия и феноменального, онтологического и гносеологического подходов, единства, тождества и гармонии. Весь этот комплекс философско-сотериологических проблем в конечном итоге и был направлен на раскрытие содержания истинно сущего.

В этом контексте философия и сотериология буддийского учения представляют два неразрывных центральных элемента буддийского мировоззрения. Именно они, согласно Л.Е. Янгуту, представляют собой мировоззренческое и

теоретическое ядро, которое обеспечивает единство и взаимосвязь всех его прочих компонентов — религиозных, социально-политических и культурных — на каждом конкретном этапе исторического развития и в каждом конкретном регионе. Исследование философского и сотериологического содержания учения китайского буддизма в контексте теории раннего буддизма и текстов махаянских сутр дало возможность Л.Е. Янгутову утверждать, что китайский буддизм является закономерным результатом развития идей первоначального буддизма в китайской социально-культурной среде.

Монография Л.Е. Янгутова, несомненно, имеет большую научную значимость для современной буддологии и синологии. В ней содержится глубокий анализ философского и сотериологического содержания китайского буддиз-

ма, дана широкая экспозиция истории его распространения, формирования школ, представлен социальный и политический контекст вхождения буддизма в Китай. Выводы автора основаны исключительно на материале оригинальных текстов китайского буддизма. Им проанализированы сутры и шастры буддизма махаяны в переводе с китайского языка, а также сочинений патриархов школ махаянского буддизма Китая и авторов, являющихся непосредственными свидетелями проникновения и становления буддизма в Китае.

Монография Л.Е. Янгутова «Философия и сотериология китайского буддизма» может быть полезной не только специалистам в области буддологии и китаеведения, но и широкому кругу читателей, интересующихся общими проблемами религиозной философии.

Чебунин Александр Васильевич

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и искусствоведения, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (адрес: 670031, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1). ORCID: 0000-0002-0613-0960. E-mail: alishanda2@sina.com

**Book Review: *Yangutov L.E. Philosophy and Soteriology of Chinese Buddhism* /
Ed. *S.P. Nesterkin, I.S. Urbanaeva*. Ulan-Ude: Publishing House
of the BSC SB RAS, 2023. 344 p.**

Alexander V. Chebunin

Dc.Sc. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Art History, East Siberian State Institute of Culture (address: 1, Tereshkova Str., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0613-0960. E-mail: alishanda2@sina.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC EVENTS

Международная научная конференция «Строительство экономического коридора Китай — Монголия — Россия»

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224050141

Тимофеев Олег Анатольевич

Кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 9). ORCID: 0000-0002-6658-0007. E-mail: timooa@mail.ru

За более чем десять лет реализации инициатива «Один пояс, один путь» стала одним из важнейших направлений глобализации с китайской спецификой. Фундаментальными структурными элементами данной инициативы стали так называемые «экономические коридоры», наполняющие ее практическим содержанием, прежде всего в сфере развития транспорта и инфраструктуры. В последние годы в нашей стране заметен рост интереса к развитию экономического коридора Россия — Монголия — Китай, представляющего собой один из наиболее оптимальных транспортных и логистических маршрутов, ведущих из центральных и западносибирских регионов России в восточные провинции КНР.

Начало данному проекту было положено 11 сентября 2014 г. на саммите ШОС в Душанбе, в ходе которого президент России В. Путин, председатель КНР Си Цзиньпин и президент Монголии Ц. Элбэгдорж провели отдельную встречу в трехстороннем формате. Участники саммита пришли к выводу о том, что стратегии развития трех стран в большой степени совпадают. Предложенная китайской стороной инициатива создания «Экономического пояса Шелкового пути» получила активный отклик со стороны России и Монголии. Было принято решение о сопряжении инициативы «Экономического пояса Шелкового пути», российского проекта Транс-евразийской железнодорожной магистрали и монгольской инициативы «Степной путь» в целях строительства экономического коридора Россия—Монголия—Китай, для этого предполагалось усилить транспортно-коммуникационное строительство, упростить процедуру таможенного декларирования и транспортировки, продвигать сотрудничество в области трансграничных перевозок, а также изучить возможность строительства трехсторонней трансграничной электрической сети.

На саммите ШОС в Уфе в июле 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании о разработке «Программы создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия» и развитии сотрудничества в создании транспортной инфраструктуры, совершенствовании таможенного контроля, финансах, инвестициях, энергетике, сельском хозяйстве, туризме, гуманитарных обменах и охране окружающей среды (всего более тридцати проектов). В июне 2016 г. на заседании Совета глав государств ШОС «Программа» была утверждена.

12 октября 2024 г. в г. Хух-Хото состоялась приуроченная к десятилетнему юбилею трехсторонней инициативы международная научная конференция «Строительство экономического коридора Китай—Монголия—Россия», организованная Финансово-экономическим университетом Внутренней Монголии, Институтом пограничных регионов Китая, Исследовательским центром «Один пояс, один путь» и Центром исследований ШОС Китайской академии общественных наук (КАОН).

В работе конференции приняли участие несколько десятков ученых из России, КНР и Монголии, представляющие РУДН им. П. Лумумбы, институты и научные центры

Сибирского отделения РАН, институты КАОН, университеты Пекина, пров. Сычуань, Шэньси, Ляонин, Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), Синьцзян-Уйгурского автономного района, университеты и научные центры Улан-Батора.

На церемонии открытия директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА) КАОН **Сунь Чжуанчжи** отметил, что за последние десять лет строительство экономического коридора Китай — Монголия — Россия показало внушительные результаты и придало новый импульс экономическому развитию трех стран. Он призвал ученых и экспертов продолжить фундаментальные и прикладные исследования в целях оказания интеллектуальной поддержки развитию экономического коридора.

Основной блок проблем, обсуждаемых на конференции, касался оптимизации транспортной и логистической инфраструктуры.

Руководитель Отдела многостороннего и регионального сотрудничества ИРВЕЦА **Ли Юнхуэй** в докладе «Предложения и пути ускоренного продвижения точек развития экономического коридора «Китай — Монголия — Россия» в новых условиях на основе исследования восточных пограничных пунктов Внутренней Монголии» отметила, что превращение Автономного района Внутренняя Монголия в важный плацдарм (重要桥头堡) для открытости Китая на север является одной из стратегических задач, поставленных перед регионом генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином. Докладчица отметила, что уже сейчас на пограничные пункты АРВМ приходится почти половина грузооборота контейнерных железнодорожных составов по маршруту «Китай—Европа», 14 % импорта угля, 11 % — минеральных удобрений, 6 % — медного конденсата. В новых условиях ускорения темпов регионального взаимодействия основными методологическими подходами в формулировании стратегии развития экономического коридора должны стать открытость, трансграничное субрегиональное экономическое сотрудничество, экономическая взаимодополняемость и сбалансированное развитие центральных и приграничных регионов трех стран. По мнению докладчика, в настоящее время экономический коридор Китай — Россия — Монголия развивается по модели т.н. «слабой институционализации» (弱机制化), характерными чертами которой являются низкий уровень централизации, широкий спектр сфер и гибкие механизмы сотрудничества. Одним из основных объективных препятствий развития экономического коридора **Ли Юнхуэй** назвала низкое качество автодорожной сети приграничных регионов России¹. Наиболее перспективными для реализации проекта с точки зрения докладчика являются пилотные зоны ускоренного таможенного оформления Маньчжоули и Эрлянь, а также пограничные пункты Хэйшаньтоу и Шивэй.

Декан школы бизнеса Монгольского государственного университета **Б. Намсрай** в докладе «Транспортный коридор и таможенная модернизация в Монголии» продемонстрировал с использованием DGE-модели низкую степень готовности Центрального железнодорожного коридора (Улан-Удэ — Наушки — Улан-Батор — Эрлянь — Уланчаб — Пекин — Тяньцзинь) к скачкообразному росту грузопотока через территорию Монголии, что значительно увеличит сроки транспортировки транзитных грузов и приведет к существенному повышению транспортных издержек. По прогнозам докладчика, к 2035 г. объем транзитных грузов, ежегодно перевозимых по данному маршруту, превысит 12 млн т, что в совокупности с 4–5 млн т внутреннего грузопотока уже сейчас требует осуществления срочных мер для оптимизации грузопотока. **Б. Намсрай** отметил, что таможенная служба Монголии по сравнению со своими китайскими коллегами тратит в 8,9 раз больше времени на оформление импортной и в 18,5 раз — экспортной документации. В целях ускорения прохождения таможенного контроля и снижения логистических расходов докладчик предложил уже сейчас инвестировать значительные финансовые средства в

¹ В ходе последующей дискуссии на полях конференции Ли Юнхуэй согласилась с аргументами автора о том, что опыт строительства федеральных трасс в России также может быть востребован в ходе реализации проекта Экономического коридора «Россия — Монголия — Китай».

развитие железнодорожного транспорта. Другой важной инициативой стала идея упрощения таможенных и транспортных процедур. **Б. Намсрай** отметил, что электронный обмен таможенными документами со странами-партнерами, создание общей информационной сети и общей базы данных между органами пограничного контроля, внедрение системы управления рисками, основанной на использовании big data и искусственного интеллекта, а впоследствии и полный перевод процесса оформления товаров и услуг на технологию блокчейн станут основным направлением цифровизации торговли. Указанные задачи предполагают получение электронных транспортных накладных и других цифровых документов сразу после отправки экспортируемых товаров и определение канала таможенного контроля товаров до их прибытия на границу. Подобная модальность позволит таможенным органам заблаговременно получать информацию о товаре и определять канал проверки, в результате полный таможенный контроль при пересечении границы будут проходить лишь 5–10 % товаров, представляющих наибольший риск с точки зрения нарушения таможенного законодательства.

Заместитель заведующего отделом экономики России Института России, Восточной Европы и Центральной Азии **КАОН Гао Цзисян** в докладе «Китайско-российское региональное сотрудничество в условиях сопряжения национальных стратегий открытости на север и поворота на восток» высказала ряд предложений, касающихся модальности развития российского Дальнего Востока, а также его места и роли в процессе дальнейшей оптимизации российско-китайских отношений. Докладчица высказала предположение, что в настоящее время происходит трансформация Дальнего Востока из периферийного региона России в центральный регион стратегии «поворота на восток», благодаря чему он становится мощной экономической опорой для развития европейской части России. В условиях реализации китайской стратегии открытости к северу российский Дальний Восток становится опорным регионом для строительства транспортной инфраструктуры всей Северо-Восточной Азии, в т.ч. ускорения экономического сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией. Все регионы северо-восточного Китая стремятся заявить о своей новой роли в реализации стратегии открытости на север и укреплении сотрудничества с российским Дальним Востоком. Помимо уже упомянутой задачи превращения АРВМ в важный плацдарм для открытости Китая на север, власти провинции Хэйлунцзян также выдвинули стратегию «создания новой высокоуровневой площадки для открытости на север» (向北开放新高地), руководство провинции Цзилинь — «строительства высокоуровневой площадки открытости и сотрудничества в Северо-Восточной Азии» (东北亚地区开放合作高地), а Ляонина — «хаба открытости и сотрудничества в Северо-Восточной Азии» (东北亚开放合作枢纽地). По мнению докладчика, наиболее перспективными сферами трансграничного субрегионального сотрудничества станут транспортная логистика, сельское и лесное хозяйство, туризм, разведка и добыча полезных ископаемых, производство оборудования, новая энергетика и научно-техническое сотрудничество².

Профессор исторического факультета Пекинского университета **Фэн Юйцзюнь** в докладе «Структурные изменения в международной энергетической системе и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества» высказал противоположную точку зрения, заявив о том, что политика внешней открытости Китая — это прежде всего открытость в сторону США.

Говоря о перспективах российско-китайского энергетического сотрудничества, докладчик призвал учитывать ограниченные инфраструктурные возможности, препятствующие значительному росту объема поставок трубного газа из России в Китай в краткосрочной перспективе, долгосрочные вызовы, связанные с реализацией проекта «Сила

² Следует отметить, что подобный подход в значительной степени оптимизирует положения Программы сотрудничества приграничных регионов РФ и КНР на 2009–2018 гг., которая в основном закрепляла за российским Дальним Востоком роль сырьевого придатка китайской экономики.

Сибири—2» (объективные трудности в разработке месторождений и строительстве газопровода, ограниченность газового рынка Китая, риск санкций и неопределенность российской позиции после окончания российско-украинского конфликта). В создавшихся условиях, по мнению **Фэн Юйцзюня**, Китаю следует поддерживать оптимальный уровень торговли энергоносителями, максимально использовать возможности ценовых ограничителей (限价时机), поставлять в Россию оборудование для нефтегазовой промышленности, не нарушая санкций, а также придерживаться осторожного подхода при инвестировании в новые энергетические проекты России.

Исполнительный директор Инновационного центра исследований Экономического коридора Китай — Монголия — Россия Финансово-экономического университета Внутренней Монголии **Хоу Шуся** в докладе «Китайско-монгольское сотрудничество в сфере сельского хозяйства в рамках инициативы “Один пояс, один путь”» подвела итоги длительного исследовательского проекта, выполненного китайскими экономистами. С точки зрения докладчицы, к традиционным проблемам китайско-монгольского сельскохозяйственного сотрудничества (незначительный объем торговли, узкий ассортимент товаров, низкий уровень привлечения инвестиций и технической оснащенности) в последние годы добавились новые вызовы: негативное влияние российско-украинского конфликта, недостаточная степень модернизации таможенной службы Монголии и низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, отсутствие стабильного правового регулирования рынка сельхозпродукции со стороны правительства Монголии, недобросовестность ряда монгольских экономических контрагентов, особенно с учетом того, что основной объем китайских инвестиций приходится на средние и малые сельхозпредприятия. Сотрудниками центра были сформулированы практические рекомендации для китайских предпринимателей, намеревающихся инвестировать в сельскохозяйственное производство на территории Монголии. В частности, были определены границы т.н. «золотого региона» для развития пастбищного животноводства на территории аймаков Говь-Алтай, Завхан и Баян-Улгий между 42° и 47° с.ш. Докладчица также сформулировала и другие предложения: повышение уровня системного проектирования, активизация процессов внедрения инноваций, совершенствование рыночной системы китайско-монгольского сельскохозяйственного сотрудничества, обновление модели циркуляции сельскохозяйственной продукции в сторону более масштабных проектов, создание универсальной системы оценки, предотвращения и контроля рисков.

Теоретической основой доклада директора Центра монголоведения Пекинского университета **Ван Хао** стали работы директора НИИ региональных проблем Пекинского университета Цянь Чэнданя, предложившего оригинальную концепцию реглобализации как нового этапа формирования региональных интеграционных объединений (区块化)³. Говоря о модели применения данной концепции в отношении экономического коридора Россия—Монголия—Китай, докладчица отметила объективные и институциональные трудности реализации проекта. К первым она отнесла разные стратегии развития сопредельных регионов. Так, например, для Монголии основным стратегическим направлением является создание и оптимизация международных транспортных маршрутов, а для АРВМ — развитие «чистой энергетики». К противоречиям институционального характера может отнести и то обстоятельство, что в России курирование проекта осуществляет Министерство экономического развития, в Китае — Государственный комитет по делам развития и реформы, а в Монголии — Министерство иностранных дел. По мнению **Ван Хао**, повышению уровня международной интеграции будет способствовать, с одной стороны, объединение зон свободной торговли Монголии и АРВМ, а с другой — реализация так называемых «малых и прекрасных проектов» (小而美项目), например, в сфере чистой энергетики.

³ Подробнее см.: 钱乘旦: 全球化, 反全球化和“区块化” [Цянь Чэндань. Глобализация, деглобализация и региональная фрагментация] // 当代中国与世界. 2021年. 第01期. 第8–11页.

К значительному расширению географических рамок проекта призвал в докладе «Китайско-российское “Совместное заявление” 2024 г. и стратегические возможности Монголии» директор НИИ экономического пояса Северо-Восточной Азии Ляонинского университета **Би Дэли**. Он, в частности, предложил проект объединения восточного железнодорожного маршрута Экономического коридора Россия—Монголия—Китай (Борзя — Соловьевск — Чойбалсан — Хуут — Бичигт — Зуун-Хатавч — Чифэн — Чаоян — Цзиньчжоу) с Северным морским путем, Транссибом, Паназиатским автомобильным маршрутом, а также возрожденной инициативой «Большого Туманганского проекта». Впрочем, выступившие позднее руководитель Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН **З.Б.-Д. Дондоков** и **О.А. Тимофеев**, проанализировав недавний кризис российской транспортной логистики, не справившейся с резким ростом объема торговли с Китаем, подвергли сомнению перспективы значительного увеличения товарооборота через Транссиб и порты Дальнего Востока. **О.А. Тимофеев** в качестве более перспективного указал на западный трансмонгольский железнодорожный маршрут (Курагино — Кызыл — Цаган-Толгой — Кобдо — Такешкен — Урумчи), который в перспективе может привести к объединению экономических коридоров Россия — Монголия — Китай и Китай—Пакистан и предоставить Монголии и сибирским регионам России выход к портам Индийского океана.

Другие прозвучавшие на конференции доклады касались реализации проекта «Цифровой Шелковой путь» (**И.В. Бычков**, директор Института динамики систем и теории управления Сибирского управления РАН), развития сотрудничества между Россией, Китаем и Монголией в сфере медицины и фармакологии (**Чжан Фэй**, заместитель директора Института иностранных инвестиций Академии международного торгово-экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР), обеспечения экологической безопасности и модели «зеленого развития» в приграничных регионах Китая и Монголии (**Ли Вэньлун**, профессор Финансово-экономического университета Внутренней Монголии).

Выступления докладчиков раскрыли основные направления реализации проекта Экономического коридора «Россия — Монголия — Китай», как заложенные в основополагающих межправительственных документах, принятых в 2014–2016 гг., так и предложенные в последние годы представителями бизнеса, общественности и научных кругов трех стран. Особый интерес участников конференции вызвало обсуждение перспектив развития трансграничных транспортных коридоров и повышение уровня эффективности таможенного оформления товаров, в том числе с использованием цифровых инструментов. Вероятно, единственным направлением сотрудничества, не затронутым в выступлениях, стали перспективы развития сферы туризма, что, впрочем, вполне объяснимо медленными темпами восстановления отрасли после пандемии COVID-19 и перехода к упрощению визового режима. В ходе заключительного заседания конференции участники сошлись во мнении о необходимости продолжения научных дискуссий по проблемам, связанным с развитием экономического коридора «Россия — Монголия — Китай».

International Conference on China — Mongolia — Russia Economic Corridor Construction

Oleg A. Timofeev

Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Foreign Languages at the RUDN-University (address: Russian Federation, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya St, 9). ORCID: 0000-0002-6658-0007. E-mail: timooa@mail.ru.

ISSN 0131 – 2812
2712 – 9098

Проблемы Дальнего Востока, 2024, № 5

Индекс 38827